

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 3 том - «Анжелика и король»

Перевод: с фр. П. П. Агапов

Издательство: Рига: Соваминко. Филиал, 1990г.

- Часть первая.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- Часть вторая.

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- Часть третья.

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- Часть четвертая.

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
-

Часть первая.
КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР

Глава 1

В эту ночь Анжелика никак не могла уснуть. Трепетные события волнующих видений грядущего дня виделись ей. У нее было состояние ребенка в канун рождества.

Дважды она вскакивала и зажигала свечу, испытывая желание рассмотреть оба костюма, лежавшие на стульях возле кровати, — один для предстоящей завтра королевской охоты, другой для торжества, последующего за ней. Наряд для охоты явно нравился ей. Она дала точные указания портному, чтобы придать жемчужно-серому бархатному жакету мужской покроей, облегающий нежные округлости ее юной фигуры. Огромная шляпа из белого фетра с каскадом страусовых перьев была подобна снежной лавине. Но что вызывало ее особое восхищение — это шарф, самой последней модели, должен был привлекать внимание, и она рассчитывала возбудить любопытство и зависть дам высшего света.

Накинутые кольцами вокруг шеи ярды крахмаленной материи были скреплены в большой бант. Концы шарфа, замысловато отделанные жемчужным бисером, смотрелись, как крылья бабочки. Мысль придать шарфу такую форму возникла у Анжелики прошлой ночью.

В течение часа она позировала перед зеркалом, примерив по крайней мере с десятков прекраснейших шарфов, которые продавец магазина тканей принес ей, прежде чем она окончательно решила повязать один из них, наиболее эффектный, такой, как носят шевалье.

Она знала, что строгие очертания воротничка костюма амазонки не делают лицо женщины привлекательнее. Но вздымающиеся белые воланы кружев под подбородком придадут всей ее фигуре ощущение женственности.

Анжелика беспокойно металась в кровати и думала только о чашке чая с вербеной, которая поможет ей уснуть. Ведь после нескольких часов сна ей предстоит напряженное утро.

Встреча охотников назначена на раннее утро в лесу Фосе-Репо. Как и всем гостям короля, которые придут из Парижа, Анжелике необходимо будет встать очень рано, чтобы в назначенное время встретить всю компанию из Версаля на дороге в Ле-Беф.

Здесь, в самом центре леса, были расположены конюшни, в которых охотники-аристократы оставляли своих оседланных лошадей на долгое время в расчете на то, что скакуны хорошо отдохнут для продолжительной

погони за быстроногими оленями.

Днем раньше Анжелика наблюдала, как два конюха отводили туда ее любимую Цереру. В свое время она заплатила тысячу пистолей за эту чистокровную испанскую кобылицу.

Еще раз она встала с постели и зажгла свечу. Не было сомнений в том, что ее бальное платье из огненно-красного атласа было удачным, с накидкой более ослепительной, чем облака при восходе солнца, и корсажем, отделанным мелкими цветочками из розового перламутра. Из драгоценностей она выбрала розовый жемчуг. Он будет гроздьями свисать с ее ушей, а три великолепные нитки обовьют ее шею и плечи. Тиара в виде полумесяца украсит ее волосы.

Все эти драгоценности она приобрела у ювелира, увлекшего ее своими рассказами о жемчужинах, омытых водами теплых морей, о долгом пути, который они проделали, зашитые в шелковый кокон, от торгового араба к греку, затем к венецианцу, и о запутанных сделках, в результате которых он в конце концов завладел ими.

Ювелир сумел пятикратно завысить стоимость драгоценностей в ее глазах своим искусством представить чуть не каждую жемчужину, как сказочно редкую, выкраденную чуть ли не из райских садов.

Анжелика считала, что ей очень повезло с жемчугом этим. Ей и в голову не приходила ни одна из тех подспудных мыслей, которые обычно появляются при совершении такого рода тщеславных и очень экстравагантных сделок. Анжелика как безумная смотрела на драгоценности, лежащие в бархатном футляре на ночном столике.

Ненасытное желание обладать всевозможными изысканными и дорогими вещами преследовало ее всю жизнь. Это было вознаграждение за годы лишений, выпавшие на ее долю. Хвала небесам, эти годы остались позади, и у нее много времени впереди, чтобы окружить свою юную красоту небывалыми драгоценностями, роскошными одеждами, прекрасной мебелью и богатыми гобеленами, созданными руками лучших художников.

Ее обстановка производила впечатление роскоши и подлинно художественного вкуса без тени вульгарности.

Анжелика не потеряла интереса к жизни. Это обстоятельство удивляло ее, и очень. Она втайне благодарила бога за то, что перенесенные испытания не сломили ее дух. У нее сохранился поистине юный задор.

Она производила более жизнерадостное впечатление, чем большинство молодых женщин ее возраста, но вместе с тем иллюзий у нее осталось меньше, чем у кого бы то ни было. И, как дитя, она приходила в

восторг при виде какой-нибудь безделушки.

Тот, кто никогда не был голодным, может ли знать цену кусочку свежего, еще теплого хлеба? А той, что недавно босиком ходила по булыжным мостовым Парижа, можно ли сомневаться в том, что она счастливейшая женщина в мире.

Вновь задула она свечу и, скользнув под одеяло, вытянулась во весь рост и подумала про себя:

«Какое счастье быть богатой, красивой и молодой!»

Но не добавила: и такой желанной. Эта мысль напомнила ей о Филиппе. Темная туча набежала на безоблачное небо ее счастья и вырвала тяжкий стон из глубины ее души.

«Филипп!..»

Как она презирала его! Она восстановила в памяти те два месяца, которые прошли со времени ее второго замужества — с Филиппом, маркизом дю Плесси де Белльер. Этим замужеством Анжелика обрекла себя на унижительный для ее достоинства образ жизни.

На следующий день после того, как Анжелика была принята в Версале, королевский двор возвратился в Сен-Жермен. Ей пришлось вернуться в Париж. И совершенно естественно она считала, что имеет право жить в доме мужа на Фобур Сен-Антуан.

Но как только она приняла окончательное решение о переезде, перед ней просто захлопнули двери. На ее протесты мажордом заявил, что хозяин дома последовал за королевским двором и на ее счет не дал никаких указаний.

Анжелике пришлось отправиться обратно в отель дю Боттэй, которым она владела еще до замужества. С тех пор она так и жила здесь, ожидая нового королевского приглашения, которое позволит ей занять подобающее место при дворе.

Но приглашения не приходило, и она стала всерьез беспокоиться, думая, что ею уже пренебрегают.

И вот однажды мадам де Монтеспан, с которой Анжелика встречалась у Нинон де Ланкло, сказала ей:

— Что с вами, моя дорогая? Вы просто потеряли голову! Вы не ответили уже на три приглашения короля! Может быть, у вас лихорадка или расстройство желудка? Или прыщ на носу так испортил вашу красу, что вы не решаетесь появиться на людях? Должна вам сказать, что королю не нравятся такого рода отговорки. И потом он испытывает отвращение к людям, которые вечно болеют. Вы рискуете вызвать недовольство Его Величества.

Так Анжелика обнаружила, что ее муж, которому король поручал пригласить ее на приемы, не только не удосужился передать ей эти приглашения, но и выставил ее перед королем в самом неприглядном свете.

— Во всяком случае, предупреждаю вас, — подвела итог мадам де Монтеспан, — я собственными ушами слышала, как Его Величество говорил маркизу дю Плесси, что хотел бы видеть вас в среду на охоте.

«Смею надеяться, — сказал он гримасничая, — что здоровье мадам дю Плесси де Белльер не заставит ее отказать нам. В противном случае мне придется письменно уведомить ее, что ей необходимо будет вернуться обратно в провинцию».

Иными словами, вы на краю гибели или его немилости.

Анжелика была взбешена. Ну что ж, ей потребуется совсем немного времени, чтобы разорвать эту паутину обмана. Она отправится на охоту и поставит Филиппа перед совершившимся фактом. И если король будет ее расспрашивать, она расскажет всю правду. А почему бы и нет? Ведь в присутствии короля Филиппу придется признаться во всем.

В обстановке величайшей секретности она приобрела свой новый наряд, заранее отправила на отдых свою лошадь и приготовилась к отъезду в собственном экипаже на рассвете. Вот уже скоро и рассвет, а она еще не сомкнула глаз.

Она принудила себя закрыть глаза, выбросить из головы все мысли и медленно погрузилась в дремоту.

Внезапно ее небольшой грифон (лягавая), по кличке Арей, который, свернувшись, лежал под покрывалом, вскочил на ноги и хрипло зарычал. Анжелика схватила его и втащила к себе под одеяло:

— Ш-ш, Арей, спокойно!

Крошечное животное дрожало и продолжало рычать. На секунду он затих. Затем снова вскочил и пронзительно затыкал.

— В чем дело, Арей? — Анжелика была обеспокоена. — Что произошло? Наверное, мышь.

Она закрыла ему пасть рукою, пытаясь сама услышать то, что обеспокоило ее любимца. Да, вот и она уловила какой-то шум, настолько слабый, что невозможно было понять, откуда он исходит. Было похоже, что какой-то тяжелый предмет двигают по гладкой полированной поверхности. Арей продолжал глухо ворчать.

— Спокойно, Арей, спокойно!

Ох, лучше бы она совсем не засыпала!

И тут перед ее глазами промелькнуло видение, как будто из старых

воспоминаний: грязные, огрубевшие руки обитателей парижского дна, которые в темноте ночей прижимаются к оконным стеклам и бесшумно проскальзывают наружу с ворованными драгоценностями.

Она подскочила в кровати. Да, так и есть. Звук шел от окна, расположенного в нише. Грабители!

Сердце ее забило так сильно, что она уже ничего не слышала, кроме этих глухих ударов. Арей выскочил из ее рук и затыкал снова. Анжелика схватила собаку и закрыла ее, стараясь заглушить лай. Когда она снова прислушалась, у нее возникло ощущение, что в комнате кто-то есть. Окно хлопнуло.

— Кто здесь? — воскликнула она, полумертвая от страха. Никто не отозвался. Из алькова послышался звук приближающихся шагов.

«Мой жемчуг!» — мелькнуло у нее в голове.

Она протянула руку и схватила с ночного столика горсть драгоценностей, и тут же удушливая тяжесть толстого одеяла окутала ее. Сильные руки обхватили ее, лишив возможности двигаться. Она завопила под одеялом, извиваясь, как угорь, пока не ухитрилась высвободиться.

Набрав полные легкие воздуха, она снова закричала:

— Помогите! По... мо...

Большие пальцы сдавили ей горло. Ярко-алый свет блеснул у нее перед глазами. Неистовый лай собаки сделался глуше, отдалился и, наконец, совсем затих.

«Я умираю, — подумала она, заглушенная взломщиком. — Это безумие! Филипп! Филипп!»

И все погрузилось во тьму.

Когда сознание вернулось к ней, Анжелика почувствовала, как что-то выскользнуло из ее пальцев и с легким стуком упало на плитку пола.

«Мой жемчуг!»

Все еще онемевшая, она наклонилась с края тюфяка, на котором лежала, и увидела нитку розового жемчуга. Видимо, она была крепко зажата в ее руке все то время, пока ее тащили в это странное место, где она теперь находится.

Анжелика окинула взглядом комнату. Та была похожа на камеру, в которую слабый свет рассвета проникал сквозь небольшое зарешеченное окно, выдержанное в готическом стиле. В нише под окном желтым светом мерцал светильник. Меблировка комнаты состояла из грубо отесанного стола, колченогого стула и скверного деревянного настила, на котором лежал волосяной тюфяк.

«Где я? В чьи руки попала? Что они хотят от меня?»

Они не украли ее жемчуга. И хотя здесь не было ее нарядов, грубое одеяло лежало поверх ее розовой ночной сорочки. Анжелика протянула руку и подняла ожерелье. Она механически приложила его к шее, затем, мгновенно переменив решение, сунула его под жесткий валик в изголовье.

Снаружи зазвенел серебряный колокольчик. Ему ответил другой. Глаза Анжелики остановились на маленьком деревянном распятии, висевшем на стене. За него была заложена веточка самшита.

«Монастырь! Я в монастыре!»

Она услышала отдаленную мелодию органа и голоса, распевующие псалмы.

«Что все это значит? Боже, как болит горло!»

Минуту она пролежала в изнеможении, мысли ее путались. Она втайне надеялась, что все это только дурной сон и что все ночные кошмары развеются, как только она проснется.

Зловещие звуки шагов в коридоре заставили ее подняться и сесть на тюфяке. Шаги мужчины. Быть может, это ее похититель. Ага! Она не выпустит его отсюда, пока не получит объяснения. Она достаточно насмотрелась на бандитов и разбойников и не боится их. Если понадобится, она напомним, что Деревянный Зад — король преступного мира — был одним из ее друзей.

Шаги замерли перед ее дверями. Ключ повернулся в замочной скважине — и дверь распахнулась. При виде человека, стоявшего перед ней, Анжелика на мгновение остоленела.

— Филипп!

Меньше всего она ожидала увидеть здесь мужа. Ибо в течение двух месяцев, которые она провела в Париже, Филипп не только ни разу не посетил ее, но и не предпринял никаких шагов, чтобы показать, что у него есть жена.

— Филипп, — повторила она. — О Филипп, какая радость! Вы пришли, чтобы спасти меня?

Его безразличный, отсутствующий взгляд мигом охладил ее. Он как вкопанный стоял у двери, потрясающе красивый, в высоких белых кожаных сапогах и сизо-сером костюме из замши с серебряными галунами, локоны тщательно подогнанного парика струились по воротничку из венецианских кружев. Плюмаж из белых перьев развевался над шляпой из серого бархата.

— Как ваше здоровье, сударыня? — спросил он. — Вы довольны?

Как будто он приветствовал ее в гостинной.

— Я не могу понять, как все случилось, Филипп... — она заикалась. —

Кто-то напал на меня в спальне. Меня вытащили из постели и приволокли сюда. Кто мог это проделать?

— Рад сообщить вам, что это сделал Ла-Виолет, мой слуга. Анжелика от удивления не могла вымолвить ни слова.

— И по моему приказанию, — добавил он любезно.

Теперь Анжелике все стало ясно. Она спрыгнула на пол. Прямо в ночной сорочке она побежала босиком по холодному полу к окну и схватилась за железную решетку.

Восход солнца предвещал наступление чудесного летнего утра. Король и его двор будут охотиться на оленей в лесу Фосе-Репо, но мадам дю Плесси де Белльер не будет среди присутствующих.

Дрожа от ярости, она обернулась к Филиппу.

— Вы сделали это, чтобы не пустить меня на королевскую охоту!

— Как быстро вы догадались!

— А вы разве не знаете, что Его Величество никогда не простит мне этого? Он сошлет меня в провинцию!

— Я только на это и рассчитываю.

— Вы дьявол!

— Вы так считаете? Это уже не первый раз, когда женщина награждает меня этим прозвищем.

Филипп рассмеялся. Казалось, ярость жены доставляла ему удовольствие.

— Не такой уж я дьявол, — продолжал он. — Я собираюсь заключить вас в этот монастырь для того, чтобы с помощью уединения и молитв вы смогли начать новую жизнь, полную смирения и раскаяния. Сам господь бог не сможет найти ничего дурного в моем поступке.

— И как долго я буду в положении кающейся грешницы?

— Посмотрим... По крайней мере, еще несколько дней.

— Филипп, я... я в самом деле ненавижу вас!

Он рассмеялся еще громче обычного, губы его растянулись в жестокой улыбке, обнажив прекрасные белые зубы.

— Ваш ответ просто превосходен. Мне пришлось потратить кучу времени, чтобы изменить ваши планы.

— Изменить ваши планы? Вот как вы это называете?! Ворваться в мой дом, похитить меня! И подумать только, в то время, как это чудовище душит меня, я призываю вас на помощь!

Смех Филиппа оборвался, он сердито нахмурился. Подойдя поближе, он стал внимательно рассматривать кровоподтеки на ее шее.

— Проклятие! Негодяй зашел слишком далеко. Он, похоже, решил

отличиться. Он из тех парней, которые должны выполнять только то, что я приказываю. А я наказывал ему быть осторожнее, насколько это возможно, чтобы не привлечь внимание ваших слуг. Не беспокойтесь, я прикажу ему, чтобы он не был слишком груб с вами в следующий раз.

— Вы считаете, что будет еще следующий раз?

— Так будет продолжаться до тех пор, пока я не приручу вас, так-то. Так будет продолжаться до тех пор, пока вы будете гордо вскидывать свою головку, дерзко отвечать мне и выражать своим видом свое неповиновение. Недаром я — главный ловчий — распорядитель королевской охоты. Мне доверено приручать самых свирепых сук. И в конце концов они всегда лижут мне руки.

— Я скорее умру! — взорвалась Анжелика. — Или вы сами убьете меня!

— Нет, я предпочту превратить вас в рабыню.

Он вперил в нее взгляд своих жестоких голубых глаз столь свирепо, что она вынуждена была отвернуться. Дуэль складывалась не в ее пользу. Но ей не раз уже приходилось бывать в таких переделках, и она снова вызывающе повернулась к нему.

— Не слишком ли много вы ожидаете? И какими приемами вы собираетесь воспользоваться?

— О, их у меня достаточно, — раздраженно сказал он. — Запру вас здесь, к примеру. Как вам понравится, если ваше присутствие продлится здесь неопределенное время? А... вот еще, я могу разлучить вас с сыновьями.

— Вы не посмеете!

— Почему? А еще я могу ограничить вас в пище до такой степени, что вы будете умолять меня о кусочке хлеба, лишь бы остаться в живых.

— Как вы глупы! Я сама распоряжаюсь своей судьбой.

— Ха! Вы — моя жена. Мужу дана абсолютная власть. Я не так глуп, чтобы не найти способа заполучить ваши деньги.

— Я буду защищать свои права.

— Кто прислушается к вам? С такими просьбами лучше всего обращаться прямо к королю, но после того, как и сегодня, вы не появитесь на охоте, боюсь, вам уже не придется рассчитывать на его помощь. И теперь, после этого замечания, я удаляюсь и оставляю вас предаваться размышлениям. Я больше не могу задерживаться, ибо мне надо вовремя спустить с цепи свору гончих. Вы больше ничего не хотите сказать мне?

— Да, хочу. Я ненавижу вас всем сердцем.

— Все это пустяки перед тем, что вам еще предстоит. Настанет день,

когда вы будете призывать к себе смерть, чтобы избавиться от моей власти.

— Что призывает вас к этим поступкам?

— Удовольствие отмищения. Вы столь глубоко унизили меня, принудив жениться на вас, что мне доставит огромное удовольствие увидеть вас рыдающей, молящей о снисхождении и превратившейся в полубезумное, несчастное существо.

— Прелестная картинка! А почему тогда не камера пыток? Подошвы ног прижигают каленым железом, дыбы, тиски для дробления пальцев...

— Ну нет, так далеко я не зайду. Возможно, я получу еще некоторое удовольствие от вашего тела.

— В самом деле? Кто бы мог подумать. Во всяком случае вы не подаете даже виду, что вам этого хочется.

Филипп дошел почти до самой двери. Он круто обернулся, глаза его были полузакрыты.

— И вы жалеете об этом, да? Какой приятный сюрприз! Я разочаровал вас? Разве недостаточно жертв я принес на алтарь красоты вашей? Разве вам мало тех любовников, что боготворили вас, вам еще и поклонение мужа подавай? У меня осталось отчетливое впечатление, что вы испытывали большое отвращение при исполнении обязанностей брачной ночи. Но, может быть, я ошибаюсь?

— Подите прочь, Филипп, оставьте меня одну.

Анжелика с ужасом увидела, что Филипп направляется к ней. Она ощущала себя голой и совершенно незащищенной.

— Чем больше я смотрю на вас, тем меньше мне хочется вас покидать, — сказал он.

Он обхватил ее и крепко прижал к себе. Анжелика задрожала, у нее перехватило горло так, что она не могла разразиться рыданиями, которые душили ее.

— Пустите меня, пустите... Я прошу вас...

— Мне нравится слышать ваши просьбы.

Он легко приподнял ее, как куклу, и кинул на волосяной тюфяк, служивший постелью какой-то монахини.

— Филипп, вы забываетесь, ведь мы в монастыре!

— Да? Вы хотите сказать, что двух часов, проведенных вами в этом святом месте, хватило вам на то, чтобы дать обет целомудрия? Но вам не придется долго хранить верность этому обету, мне всегда доставляло большое удовольствие лишать чести монахинь.

— Вы самое презренное существо из всех, кого я когда-либо знала.

— Ваши любовные разговоры не из самых приятных, которые мне

приходилось слышать, — проговорил он, срывая свою перевязь. — Вам следовало бы проводить больше времени в салоне у прелестной Нинон. Хватит жеманничать, мадам. Вы, к счастью, напомнили мне о моем долге, и я намереваюсь выполнить его.

Анжелика закрыла глаза. Она перестала сопротивляться, зная по опыту, чего ей это будет стоить. Безразлично вынесла она унижительное совокупление, к которому он принудил ее, причиняя ей страдания и боль.

Она подумала о несчастных в браке женщинах — имя им легион, которые исполняют свои супружеские обязанности, думая о любовниках или перебирая четки, страдая в объятиях какого-нибудь пузатого старикашки, с которым их связала горькая судьба.

Иное дело было с Филиппом. Он не был ни пузатым, ни пожилым, и Анжелика сама хотела выйти за него замуж. Да, теперь она раскаивается в этом, но было уже поздно. Вернее, ей нужно было бы научиться обходиться благосклонно со своим повелителем, которого она сама себе выбрала.

Но что он за чудовище! Женщина для него — всего лишь вещь для удовлетворения своих низменных страстей. Но, несмотря на все это, он был мужественным и стройным чудовищем, и в его объятиях ей трудно было направить свои мысли на душеспасительный лад и шептать молитвы.

Филипп, по приказу своей прихоти, ринулся в атаку, как закаленный воин. Трепетная дрожь сражения и жажда обладания этим телом не оставили ему места даже для малейшего проявления нежности.

Тем не менее, оставив ее, он прикоснулся руками к ее шее в том самом месте, где грубые пальцы его слуги оставили свой след, и слегка провел пальцами, как будто хотел выразить этим свою пренебрежительную ласку.

Затем, выпрямившись, он оглядел ее с гадкой усмешкой: — Ну, моя радость, похоже, что вы поумнели. Я предупреждал вас, что так и будет. Скоро вы будете моей покорной рабыней. А пока что я желаю вам приятного времяпровождения за этими толстыми стенами. Вы можете плакать, стенать и ругать меня столько, сколько вам заблагорассудится. Никто не услышит вас. Монахиням приказано кормить вас, но запрещено выпускать хоть на шаг из этой кельи, а у них превосходная репутация тюремщиков. Для них вы не представляете никакого интереса, а просто кажетесь им нежелательной нахлебницей в их монастыре.

Развлекайте сами себя, сударыня. Быть может, сегодня вечером вы услышите звуки охотничьего рога, когда королевская охота будет проезжать мимо. Я прикажу дуть в рога в вашу честь.

Он разразился громким смехом и вышел. Как ненавистен был ей этот

смех. В нем не было ничего, кроме злобной радости мести.

Анжелика осталась недвижимой под грубым тяжелым одеялом, сохранившим запах мужского пота. Она была уставшей и безразличной ко всему. Напряжение прошлой ночи, раздражение от ссоры и удовлетворение желаний мужа истощили всю ее энергию.

Силы оставили ее. Тело ее словно погрузилось в глубины блаженного расслабления. Неожиданно она почувствовала в животе боль. Появился неприятный привкус желчи во рту, на лбу выступили капельки пота. Она старалась справиться с приступом неожиданной болезни, но затем вновь распростерлась на постели, еще более опустошенная, чем раньше.

Это были те же симптомы, которые месяц тому назад она старалась не замечать. Теперь же надо было взглянуть правде в глаза. Мрачная свадебная ночь, которую она не могла вспомнить без чувства стыда, принесла свои плоды.

Анжелика была беременна. Она понесла ребенка от Филиппа, ребенка от того человека, который ненавидел ее и клялся мучить ее до тех пор, пока не доведет до безумия.

На мгновение Анжелика почувствовала себя беззащитной, что поддавалась искушению уступить в борьбе и умереть. Если бы только она могла заснуть! Сон восстановил бы ее силы и придал ей мужество.

Но время сна прошло, наступило утро. Недовольство короля возрастет, и ей придется навсегда покинуть Версаль, а, может быть, и Париж.

Она вскочила, подбежала к двери и барабанила по ней кулаками до тех пор, пока на суставах пальцев не выступила кровь.

— Откройте дверь! — кричала она. — Выпустите меня отсюда.

Вот уже и солнце проникло в келью. В это самое время приглашенные на королевскую охоту должны были собраться в Кур-де-Опер. Экипажи с гостями проследуют колонной через ворота Сен-Оноре на пути из Парижа, чтобы присоединиться к охоте. Только Анжелика не будет присутствовать на этом празднике.

— Я должна быть там! Я должна быть там! Если король отвернется от меня, я погибла. Только король может удержать Филиппа. Я должна попасть на королевскую охоту во что бы то ни стало!

Ведь Филипп упомянул, что я смогу услышать звуки охотничьего рога из этого окна. Значит, монастырь расположен поблизости от Версаля. О, ей надо выбраться отсюда! Она должна это сделать!

Но сколько она ни ходила по келье, она не смогла найти выхода.

Внезапно она услышала гулкое эхо от стука деревянных башмаков по

коридору. Она в напряжении застыла, исполненная внезапной надеждой. Затем она бросилась к тюфяку и распростерлась на нем самым беззаботным существом в мире.

Ключ снова повернулся в замке, и вошла женщина. Очевидно, это была прислужница, а не монахиня. На ней был одет плотный чепец и плисовое платье, в руках у нее был поднос.

Вошедшая угрюмо пробурчала:

— С добрым утром...

И стала выставлять содержимое подноса на стол. Еда была скудной — кувшин с водой, чашка, от которой несло слабым запахом бобов и свиного жира, маленькая булочка хлеба.

Анжелика внимательно наблюдала за служанкой. Быть может, эта женщина будет единственным существом, с помощью которого она сможет общаться с внешним миром и в течение всего дня. Надо попытаться извлечь какую-нибудь пользу от этой встречи.

Женщина не походила на тот тип полных, неуклюжих крестьянок, которые обычно обслуживают монастыри. Она была еще молода и довольно привлекательна. В ее больших черных глазах затаилась свирепая злоба, а ее крутые бедра, подчеркнутые плисовой юбкой, достаточно красноречиво говорили о ее прошлых занятиях.

Наметанный глаз Анжелики не мог ошибиться в том, кем была эта служанка, особенно после того, как услышала ругательство, слетевшее с ее губ, когда глиняная ложка соскользнула с подноса на пол. У Анжелики не осталось и тени сомнения, что перед ней одна из поддатливых подчиненных великого Кёзра — короля отверженных.

— Эй, сестра, — шепнула Анжелика.

Женщина обернулась. Глаза ее округлились, когда она увидела, как Анжелика сделала жест взаимопонимания, принятый у нищих Парижа.

— Господи боже! — воскликнула она, как только пришла в себя от изумления, — господи боже! Могла ли я подумать... А они мне говорили, что вы настоящая маркиза. Бедняжка, и тебя схватили эти подонки из банды Святого Причастия? Не повезло тебе, да? А кто же может ужиться с этими стервятниками?

Она присела на край тюфяка.

— Шесть месяцев я торчу в этой дыре. И не сердись, что я так глупо хихикаю, мне приятно видеть тебя, как будто я только что сытно поужинала. У меня все заботы сразу из башки вылетели. В каком районе ты работала?

Анжелика неопределенно махнула рукой:

— И там, и тут... везде. У Деревянного Зада.

— О, у великого Кёзра! О тебе, наверное, хорошо заботились. Для новенькой ты довольно быстро забралась на самую верхушку. Ты ведь новенькая? Никогда не видела тебя раньше. А как тебя зовут?

— Милый Ангел.

— А меня — Воскресенье. Мне дали это имя за мою специальность. Я работаю по выходным. Я не хочу быть такой, как все. Я прогуливаюсь перед церквями. Боже, какие все эти мужики чопорные и набожные, когда входят в церковь, у них там много времени, чтобы подумать кое о чем во время молитвы.

Хорошенькая девочка после мессы, почему бы и нет? Так что к окончанию мессы у меня уже куча клиентов. Но что за шум поднимают их старые женушки! Они чуть там друг друга не поубивали, стараясь арестовать меня. Собирались судить меня и отправить в тюрьму. Немало, наверное, пришлось кой-кому выложить денег. Но так или иначе, процесс они выиграла. Вот почему я здесь, в этом проклятом монастыре. И теперь я должна служить вечерню. А с тобой что? Что у тебя-то произошло?

— Один сводник хотел, чтобы я сошлась с ним. Я было согласилась, да он стал заставлять меня перевести на него все мои сбережения. Черта ему! Он не смог меня заставить. Тогда он, чтобы отомстить мне, законопатил меня в монастырь, пока я не перемену своего решения.

— Ад земной! — вздохнула Воскресенье, подняв глаза к небу. — Он, должно быть, настоящий старый скопидом. Я слышала, как он спорил с настоятельницей о цене. Он не дал больше 20 экю. Это как раз та цена, что платят за мое заключение эти сволочи из банды Святого Причастия. А жрать-то дают только горох и бобы...

— Негодяй! — воскликнула Анжелика, задетая за живое этим последним сообщением. Едва ли найдется еще хоть один такой мерзкий тип, как Филипп! Еще и скупердяй в придачу! Платить за нее не больше, чем за простую проститутку!

Она схватила девушку за руку.

— Послушай, помоги мне выбраться отсюда. У меня есть идея. Одолжи мне свою одежду и покажи калитку, которая выведет меня отсюда.

Девушка вспыхнула.

— Как я помогу, когда сама не могу выбраться отсюда.

— Ты — совсем другое дело. Монахини тебя знают. Они тут же схватят. А меня, кроме настоятельницы, никто не видел. Даже если они меня схватят в коридоре, я им наплету с три короба.

— Пожалуй, ты права, — согласилась Воскресенье. — Тебя доставили

сюда скрученную, как сосиску. Да еще среди ночи. Они принесли тебя прямо сюда.

— Вот видишь. Значит, шанс у меня есть. Давай юбку.

— Не торопись, «маркиза», — проворчала девушка. — «Все для меня и ничего другим» — таков твой девиз. А что останется бедняжке Воскресенью, забытой всеми в этих стенах? Может быть, темница еще похуже этой, а?

— А что скажешь об этом? — Анжелика сунула руку под тюфяк и вытащила нитку розового жемчуга. Она поднесла ее к свету.

Мерцающий блеск окрашенных светом восходящего солнца жемчужин поразил Воскресенье. Она присвистнула.

— Наверное, подделка, сестра, — прошептала она.

— Нет. Взвесь на ладони. На, бери. Она твоя, если сможешь мне.

— Ты шутишь?..

— Даю слово. С помощью этой штуки ты оденешься, как принцесса, когда выберешься отсюда.

Воскресенье играла ниткой, перекатывая ее с руки на руку.

— Ну, решайся!

— Хорошо. Но у меня есть идея получше твоей. погоди, я сейчас вернусь. — Она сунула ожерелье за пазуху и исчезла.

Анжелике показалось, что та канула в вечность. Наконец девушка появилась, держа в руке кучу одежды. В другой у нее была небольшая бадейка.

— Эта старая отравка, матушка Ивонна, задержала меня. Уф! Я б убила ее. А теперь поторапливайся, время молочниц уже заканчивается, они приходят за молоком на монастырский двор. Одевай эти наряды, бери бадейку и спускайся вниз по лестнице с этой голубятни. Я покажу, куда. Там, во дворе, смешайся с толпой других и направляйся с ними к выходу. Только постарайся хорошенько держать бадейку на голове.

План Воскресенья оказался удачным. И меньше чем через пятнадцать минут маркиза дю Плесси де Белльер уже шагала по пыльной дороге, намереваясь достичь Парижа, который был виден сквозь легкую дымку в долине.

На Анжелике была одета короткая юбка в красную и белую полоску. Низ отделан черным. В одной руке она несла башмаки, которые ей были велики, другой поддерживала бадью с молоком, которое опасно плескалось у нее над головой.

Она добралась до внутреннего дворика в тот момент, когда те, кто доил коров, разливали молоко женщинам, которые понесут его в Париж и

предместья. Старая монахиня, проверявшая список, спросила, откуда пришла вновь прибывшая. Анжелика самым простым языком ответила на ее вопросы на диалекте Пуату. А после того, как она отдала несколько су, которые любезно дала ей Воскресенье, ей беспрепятственно разрешили удалиться.

Теперь ей нужно было спешить. Она находилась на полпути между Версалем и Парижем. Подумав, она решила, что направляться прямо в Версаль было бы глупо. Как могла она появиться перед Его Величеством и королевским двором в полосатой крестьянской юбке? Лучше направиться в Париж, одеть свои наряды, вызвать экипаж и поспешить на охоту.

Анжелика торопилась, но расстояние как будто не убывало. Острые камешки причиняли боль ее босым ногам, но когда она одела ботинки, то те только мешали ей. Молоко расплескивалось, а бадейка все время съезжала. Тут с ней поравнялась повозка, направляющаяся в Париж. Анжелика попросила возницу остановиться:

— Возьми меня с собой, дружок?

— Пожалуйста, радость моя. Подари мне поцелуй, и я отвезу тебя прямо в Нотр-Дам.

— Не рассчитывай на это. Я уже обещана мальчику, и храню свои поцелуи для него. Но я дам кувшин молока для твоих детишек.

— Ладно, ладно. Хотя это и надувательство, но ладно, забирайся, милашка. Ты так чувствительна, как и очаровательна.

Лошадка зацокала по камням. И в 10 часов утра они уже были в Париже. Возница высадил ее на набережной. Она примчалась в отель, где ее привратник чуть не упал без чувств, увидев свою хозяйку в костюме деревенской крестьянки.

С самого утра, как она выяснила, слуги были поражены таинственными событиями в доме. К их испугу, вызванному неожиданным исчезновением хозяйки, добавилось еще удивление, когда слуга маркиза дю Плесси де Белльер, настоящий гигант, появившись рано утром, потребовал все экипажи и всех лошадей из конюшен Ботрей.

— Все мои лошади! Все экипажи? — эхом повторила Анжелика.

— Да, мадам.

Анжелика понемногу приходила в себя.

— Ничего. Друзья помогут мне. Жавотта! Тереза! Быстрее! Готовьте ванну. Приготовьте платье для верховой езды. Достаньте дорожную корзинку для пикника и туда положите бутылку хорошего вина.

Часы отсчитали полдень. Анжелика подскочила на месте.

— Бог знает, как объяснит Филипп королю мое отсутствие. Расскажет,

что я лежу в постели с приступом рвоты. Это на этого зверя похоже! А теперь без лошадей, без экипажа я не доберусь туда и до захода солнца. Проклятый Филипп!

Глава 2

— Проклятый Филипп! — повторила Анжелика, выглядывая из кареты и разглядывая изрезанную глубокими колеями дорогу, по которой тащилась ее убогая повозка. Они все дальше углублялись в лес. Корни огромных дубов выглядывали из грязи, как клубки толстых зеленых змей, прямо посреди дороги, если это только можно было назвать дорогой. Ее всю размесили колеса экипажей и копыта лошадей, проехавших здесь.

— Мы никогда не доберемся туда, — простонала она, повернувшись к Фелониде де Паражонк, сидевшей рядом с ней.

Старая дева небрежно подняла веер и поправила свой парик, съехавший набок от постоянных толчков.

— Не спорь с судьбой, дорогая, — сказала она весело, — даже самому длинному путешествию приходит конец.

— Это зависит от того, как вы путешествуете, куда вы направляетесь и когда хотите туда попасть, — сказала Анжелика несколько вызывающе.

— Если вы хотите попасть на королевскую охоту, на которой вам следовало быть шесть часов назад, то у вас есть причины для недовольства.

— Я бы отправилась туда пешком даже, если бы надеялась попасть вовремя. Если король заметит мое отсутствие, он не простит мне этого последнего оскорбления, — ответила Анжелика помолчав.

Новый толчок экипажа бросил их друг на друга.

— Чума на эту повозку! — воскликнула Анжелика. — Она похожа на старую бочку из-под селедки. Только и годна, что на костер.

Мадемуазель де Паражонк ответила сдержанно:

— Я допускаю, что моей маленькой карете недостает великолепия ваших экипажей, но мне кажется, что вы счастливы, что она находится в вашем распоряжении, особенно с тех пор, как ваш милый муж придумал забаву, поместив всех ваших лошадей в некоем таинственном месте, известном ему одному.

Анжелика только вздохнула.

Где теперь ее хлысты с золотыми рукоятками и кисточками алого цвета? А она была так обрадована при мысли, что наконец-то получила приглашение на королевскую охоту в лесах вокруг Версаля.

Она рисовала себе, как появится среди почетных гостей в упряжке, запряженной черными конями, с тремя лакеями в ливреях голубого и бледно-желтого цвета, с кучером и фореитором в красных кожаных

сапогах и шляпах с перьями. Она могла бы услышать завистливые вопросы:

— Чей это экипаж? О, это маркизы дю Плесси де Белльер. Это та женщина, которая... Ее редко видно, потому что муж прячет ее от нас. Он ревнив, как тигр. Похоже, сам король пригласил ее.

Анжелика так готовилась к этому дню, полагая, что ничто уже не сможет помешать ей. Только бы просунуть один пальчик в двери королевского дворца, а там она встанет на обе ноги так крепко, что Филипп, как ни старайся, ничего не сможет сделать.

Глаза всех присутствующих были бы очарованы ее красотой, ее несравненным очарованием. Она бы боролась, проталкивалась, затесалась бы, как клин, в этот мир ее грез, впрочем, как и все остальные паразиты, которые сейчас находятся там. К черту сдержанность и скромность!

Мадемуазель де Паражонк зло хихикнула, прикрывшись веером:

— Не нужно много ума, чтобы догадаться, о чем вы думаете. Я вижу в ваших глазах блеск предстоящего сражения. На кого вы хотите только совершить нападение — на короля или на мужа?

Анжелика содрогнулась.

— Король? Но он хорошо занят и хорошо защищен. У него есть жена законная — королева, есть любовница — мадемуазель де ла Вальер и еще куча других. А что касается моего мужа, то зачем мне пытаться пленить его, он уже и так принадлежит мне. Логично ли, пользуясь вашими же словами, чтобы двое женатых интересовались друг другом, когда узел уже затянулся? Оставим это буржуа.

— Не могу себе представить даже, как этот ваш очаровательный маркиз интересуется вами. — Она со смехом провела язычком по тонким губам. — Расскажите мне еще раз обо всем, милочка. Это одна из самых восхитительных историй, которые мне доводилось слышать.

В самом деле, из ваших конюшен исчезли все лошади, и как раз в тот самый момент, когда вы собирались отправиться в Версаль? И половина ваших слуг исчезла, да? Должно быть, месье дю Плесси хорошо заплатил им за это. И подумать только, у вас и подозрений на этот счет никаких не было! Он оказался похитрее вас, моя радость.

Их еще раз тряхнуло. Жавотту, маленькую горничную, сидевшую напротив на узеньком откидном сиденье, подбросило так, что она свалилась на Анжелику и вконец помяла ее наряды. Ничуть не расстроившись, Анжелика подхватила девушку и помогла ей усесться на место.

Анжелика едва удержалась от искушения крепко приложить свою

ладонь к огрубевшим, отвислым щекам Фелониды де Паражонк, которая, насколько она могла заметить, с нескрываемым удовольствием смотрела на помятое платье Анжелики.

Все же этот «синий чулок» была единственной особой, к кому Анжелика могла обратиться за помощью. К тому же Фелонида была хорошей соседкой и достаточно близкой подругой.

Мадам де Севинье была в провинции. Нинон де Ланкло могла бы ей помочь, но ее репутация куртизанки сделала ее «персоной нон грата» при дворе, а ее экипаж легко бы узнали...

Другие подруги Анжелики были или сами на охоте, или ненадежны. Мадемуазель де Паражонк была единственной, на кого можно было положиться в данном случае.

И даже тогда, когда Анжелика сгорала от нетерпения, ей пришлось долго ждать, пока старая дева с необычным волнением примеряла свои старомодные наряды. Потом горничная с раздражающей медлительностью расчесывала лучший парик Фелониды, потом возница счищал грязь со своей ливреи и наводил глянец на эту разбитую колымагу. И вот наконец-то они скачут по дороге. Но что это за дорога!

— Это... это тропинка какая-то, а не дорога! — простонала Анжелика.

Она вновь стала вглядываться в глубину туннеля, образованного стволами и ветвями деревьев, надеясь увидеть просвет впереди.

— Вы простудитесь, — произнесла мадемуазель де Паражонк тоном старой няньки. — А это, несомненно, испортит ваш внешний вид. А какую же дорогу вы ожидали? Вам следовало бы осуждать только короля за то, что выдумал эту утомительную прогулку по грязи. Когда-то по этой дороге гоняли только скот на рынки из Нормандии. Эта дорога сейчас так и называется — Бычий путь. Наш прежний суверен Луи XIII порой охотился здесь, но никогда не помышлял о том, чтобы таскать за собой свой придворный цветник по этим камням. Людовик Целомудренный был тактичным королем, простым, но благоразумным.

Ее прервал еще более страшный толчок и оглушительный треск экипажа. Повозка сильно накренилась, заскребла по булыжнику и колесо отлетело, бросив пассажиров друг на друга.

Анжелика оказалась на самом низу, так как сидела со стороны отломившегося колеса. Первая ее мысль была о состоянии костюма, придавленного теперь тяжестью двух тел — мадемуазель де Паражонк и Жавотты.

Анжелика боялась даже пошевелиться, а не то что выбраться, потому что окно кареты лопнуло и ей нужно было освободиться от осколков

стекла и не порезаться.

Открылась дверца и Флино, молодой лакей, сунул внутрь свою лисью физиономию.

— Ничего страшного, маркиза, — выпалил он.

Анжелика была не в состоянии даже отчитать его за неуважительный тон.

— Эта старая темница не развалилась на куски?

— Нет, конечно, — радостно отозвалась Фелонида. Ей, видимо, пришлось по душе это милое развлечение. — Дерзкий мальчуган, дайте-ка мне руку и помогите выбраться отсюда.

С помощью Флино и кучера, который прежде всего освободил и распряг лошадей, обе женщины и служанка вскоре уже стояли в грязи на самой середине дороги. Обошлось без увечий, но положение их было более безрадостным, чем прежде.

Анжелика едва удержалась, чтобы не разразиться проклятиями. Но гневом делу не поможешь. Это был конец! Теперь-то ей точно не попасть на королевскую охоту и никогда-никогда она не будет принята при дворе.

Едва можно надеяться, что король простит ей этот отказ от его приглашения. Разве попробовать написать ему или броситься к ногам его, или просить замолвить за нее словечко мадам де Монтеспан или герцогиню де Лозен? Но что она сможет сказать в свое оправдание? Сказать правду, что поломался экипаж? Но это покажется явной отговоркой. Так всегда говорят те, кто опаздывает.

Совершенно подавленная своими мрачными мыслями, она уселась на пень и не заметила небольшого отряда всадников, приближающихся к ним.

— Ого, вон кто-то едет, — шепнул Флино.

В тишине леса раздавался приближающийся цокот копыт.

— Милостивый боже, — пробормотала мадемуазель де Паражонк. — Разбойники! Мы пропали!

Анжелика подняла глаза. Густая тень леса скрывала наружность всадников. Можно было только различить, что это были высокие, худые и смуглые люди. По их темным глазам, черным усам и бородам можно было предположить, что им не приходилось проводить время в Иль-де-Франс.

Галуны на голубой форме потускнели и свободно болтались. Перья на шляпах уныло свисали. Одежда была рваной. Но каждый был при шпаге. Во главе кавалькады ехали два приятной наружности молодых человека, везущих богато разукрашенные знамена, в которых тем не менее наблюдалось большое количество дыр. Все это свидетельствовало о недавних сражениях.

Часть отряда шла пешком, они были вооружены мушкетами и пиками. Первый из всадников, который казался предводителем, остановился около женщин, окруженных слугами, весь остальной отряд прошел мимо опрокинутой повозки, не достаивая их взглядом.

— Клянусь, друзья мои, что Меркурий — бог путников — покинул вас самым бесстыдным образом.

Непохожий на своих товарищей, он казался упитанным, но свисающие края его одежды говорили красноречиво о том, что он тоже немало потерял в весе. Когда он приподнял шляпу, лицо его казалось веселым. Его певучий акцент выдавал в нем гасконца. Анжелика улыбнулась ему в ответ и, собрав все свое очарование, произнесла:

— Вы, должно быть, гасконец, сударь?

— От вашего взгляда ничто не ускользает, милейшая из лесных нимф. Чем могу служить?

— Сударь! — живо ответила она. — Вы можете оказать нам большую услугу. Мы должны были попасть на королевскую охоту, но произошел этот неприятный инцидент. Не может быть и речи о том, чтобы исправить эту повозку, но если вы поможете мне и моей подруге добраться до дороги на Ле-Беф, мы будем чрезвычайно благодарны вам.

— Дорога на Ле-Беф? Мы и сами туда направляемся. Клянусь Юпитером, вам повезло!

И четверть часа спустя всадники, которые посадили женщин на лошадей позади себя, прибыли в назначенное место.

На вершине холма Фосе-Репо им открылась поляна, окруженная повозками и лошадьми. Кучера и лакеи играли в бабки, поджидая своих хозяев, или пили вино в ближайшем трактире, который никогда раньше не знал такого наплыва посетителей.

Анжелика увидела своего лакея. Она спрыгнула на землю.

— Жанику, приведи мне Цереру!

Юноша помчался к стойлу. И через несколько минут Анжелика уже была в седле. Она вонзила шпоры в бока лошади и помчалась к лесу. Анжелика свернула с тропинки и пустила лошадь вверх по склону холма. Сначала лошадь сбивалась на толстом ковре из опавших листьев, затем приновилась и помчалась наверх.

Верхушки деревьев закрывали все, и Анжелика ничего не видела впереди. Она приложила ладонь к уху. Где-то вдалеке послышался лай собак, затем звук одного рога, к которому присоединился другой. Она различила сигнал «вода» и улыбнулась.

— Охота еще не закончилась. Вперед Церера, кошка моя! Быть может,

мы еще спасем свою репутацию.

Она гнала лошадь по краю леса под низко склоненными ветвями, по покрытым мхом корням. Эта глухая, отдаленная часть леса годами никем не посещалась, кроме одиноких охотников и бродяг.

Луи XIII и Луи XIV в юности разбудили эти древние дубы от вековой спячки. Свежий ветер блестящего королевского двора разогнал густые туманы. Запахи духов важных дам перебили влажное дыхание гниющих листьев и грибов.

Лай собак все приближался. Олень, которого они травили, по-видимому собирался пересечь ручей. Гон приближался к Анжелике. Рога трубили во всю мочь.

Анжелика замедлила скачку, потом остановилась совсем. Цоканье подков слышалось совсем рядом. Она выехала из лесной чащи. Отлогий склон вел вниз в проросшую травой долину, на дне которой, под лучами солнца, блестела топь.

Вокруг нее на другой стороне поднималась темная стена леса, но теперь ей было видно небо с серыми дождевыми тучами, сквозь которые пробивалось заходящее солнце. Приближающиеся сумерки сгущали мглу летнего леса.

Неожиданно многоголосый лай собак пронесся рядом. Коричневая тень мелькнула на краю леса. Это был молодой олень-самец, с едва пробившимися выступами рогов. Камыш на берегу ручья качался, когда сквозь него помчался олень.

Свора собак понеслась за ним, подобно бурному разноцветному потоку. Затем из подлеска вынырнул всадник, одетый в алый костюм. И почти одновременно на это пространство со всех направлений выехали всадники и помчались вниз по травянистому склону.

На темном фоне леса сверкающие одежды кавалеров и дам блистали, как облака при заходе солнца, а догорающий закат расцвечивал их украшения, пряжки и плюмажи.

Последним усилием олень метнулся в брешь, которую образовали преследователи, и скрылся в спасительной чаще леса. Раздались крики разочарования и недовольства. Покрытые грязью собаки сбились в кучу и снова бросились в погоню.

Анжелика прищпорила Цереру и стала спускаться с холма. Ей показалось, что наступил момент, когда ей следует смешаться с толпой.

— Не стоит его преследовать, — раздался голос у нее за спиной. — Животное долго не протянет. Пересечь это болото — значит по уши вымазаться в грязи. Поверьте мне, милая незнакомка, вам лучше остаться

на этой стороне. Держу пари, что они вернутся на эту прогалину, чтобы собрать собак, а мы, отдохнувшие и посвежевшие, появимся перед королем.

Анжелика обернулась. Она не могла понять, кто скакал рядом с ней. Приятное лицо под напудренным париком улыбалось ей, костюм мужчины был элегантным. Поклонившись ей, он приподнял шляпу со снежно-белыми страусиными перьями.

— Черт меня возьми, если я имел удовольствие видеть вас раньше, сударыня. Ибо я никогда не забываю таких лиц, как ваше.

— А при дворе?

— При дворе? — задумался он. — Нет, вряд ли. Я там живу, сударыня. Вы не смогли бы пройти мимо меня незамеченной. Нет, сударыня, не пытайтесь дурачить меня. Вы никогда не были при дворе.

— Ах, нет, я была там, сударь, — и после короткой паузы добавила. — Однажды...

Он рассмеялся:

— Однажды! Как прелестно! — нахмутив светлые брови, он задумался. — Когда это было? На прошлом балу? Я вас там не помню. И все же... Невероятно, но готов держать пари, что вас не было сегодня утром в Фосе-Репо.

— Вы, похоже, помните каждого человека.

— Каждого? Это верно. Надо помнить людей, если хотите, чтобы они помнили вас. Этого принципа я придерживаюсь с юных лет. А память у меня превосходная.

— Тогда не согласились ли вы быть моим наставником в этом обществе, которое я знаю плохо? Назовите мне их имена. Например, кто эта охотница в красном, что была рядом с гончими? Она превосходно скачет, наверное, мужчина не мог бы мчаться быстрее.

— Вы правы! Это мадемуазель де ла Вальер.

— Фаворитка короля?

— О да, фаворитка, — ответил он уверенно.

— Я не знала, что она превосходная охотница.

— Она рождена для лошади. В детстве она скакала без седла на необъезженных лошадях.

— Похоже, вы хорошо знаете мадемуазель де ла Вальер.

— Неудивительно, ведь она моя сестра.

— Ах, — выдохнула Анжелика, — вы...

— Маркиз де ла Вальер к вашим услугам, прелестная незнакомка. — Он снял шляпу и комично раскланялся.

Чувствуя себя несколько смущенной, она двинулась вперед, прищпорив лошадь и направив ее вниз, в долину. Туман здесь был погуще и скрывал лужи с подгнившей водой. Маркиз следовал за ней.

— Погодите. Чем я оскорбил вас? Вы слышите? Они созывают собак. Маркиз дю Плесси де Белльер сейчас должен вытащить кинжал и всадить его в горло оленю. Вы когда-нибудь видели, как превосходно справляется со своими обязанностями главный ловчий? На это стоит посмотреть. Он так красив, так элегантен, так надушен, что просто невозможно себе представить, что он когда-либо может воспользоваться кинжалом. Но он пользуется им с ловкостью мясника на парижской бойне.

— Еще мальчиком Филипп славился тем, что охотился на волков с ножом в лесах Нейля, — с гордостью сказала Анжелика. — Местные жители прозвали его Гроза Волков.

— Наступает моя очередь удивляться. Кажется, вы хорошо знаете маркиза дю Плесси?

— Неудивительно, ведь он мой муж.

— Боже мой, это забавно!

Он разразился каким-то необыкновенным смехом, явно деланным и вместе с тем неподдельным. Так, должно быть, смеются хорошие актеры.

Затем он так же быстро умолк и озабоченно повторил:

— Ваш муж? Так вы — маркиза дю Плесси де Белльер? Я слышал о вас. Но разве вы... Святые угодники, разве вы не оскорбили короля?

Она с ужасом смотрела на него.

— Ах, вот и Его Величество, — воскликнул он и, бросив ее на произвол судьбы, поскакал к группе людей, появившихся на краю прогалины. Анжелика тут же узнала короля в сопровождении его свиты.

Скромный костюм короля контрастировал с роскошью остальных дворян. Луи XIV одевался небрежно, и, поговаривали, что он одевал парадные одежды лишь на официальные встречи и снимал их сразу, как только они заканчивались.

Когда он выезжал на охоту, то отказывался цеплять на себя кружева и меховые накидки. Сейчас он был одет в коричневый костюм для верховой езды, скромно отделанный золотыми нитями у петелек пуговиц и клапанов карманов.

Ноги короля были заключены в огромные сапоги, доходившие почти до самого паха. Он был похож на зажиточного крестьянина. Но если вы заглянете в его лицо, то тут вы его ни с кем не спутаете. Надменность его жестов, которые, тем не менее, были изящны, и спокойное выражение лица придавали ему подлинно королевскую манеру держаться, не обращая

внимания на окружающее.

В руке у него была тонкая тросточка с наконечником из копыта кабана, которая была ему торжественно вручена главным ловчим перед началом охоты и предназначена главным образом, чтобы отодвигать веточки, которые препятствовали бы Его Величеству при быстрой езде по лесу. В течение столетий эта тросточка служила особым символом и играла большую роль в церемониале королевской охоты.

Рядом с королем скакала его фаворитка в алом наряде. Возбуждение охотой раздвинуло ее тонкое лицо и скрыло его желтоватую бледность, в которой не было и следа красоты. Тем не менее Анжелика ощущала в ней некое скрытое очарование, которое возбудило в ней тайное сожаление.

Она не смогла бы объяснить это чувство, однако ей казалось, что мадемуазель де ла Вальер, несмотря на свое прочное положение, была не той фигурой, чтобы возвыситься при дворе.

Рядом с ней Анжелика увидела принца Конде, мадам Монтеспан, Лозена, Лувуа, Бриенна, Хумве, мадам де Рур, мадам Монтасье, принцессу д'Арманьяк. Чуть поодаль она увидела «Мадам» — ослепительную красавицу принцессу Генриетту и, конечно, «Месье» — брата короля, а рядом с ним его неразлучного фаворита шевалье де Лоррена. Она увидела много других, малознакомых лиц.

Король с нетерпением вглядывался в направлении маленькой лесной тропинки. Наконец оттуда показались двое всадников. Одним из них был Филипп дю Плесси де Белльер, который, подобно королю, носил тросточку с копытом оленя. Его одежда и парик были почти не испорчены быстрой погоней.

При виде его стройной фигуры сердце Анжелики наполнилось гневом и мрачными предчувствиями. Какова будет реакция Филиппа, когда он увидит здесь ту, которую несколько часов назад оставил дрожащей в монастыре.

Она достаточно хорошо знала Филиппа и понимала, что он не посмеет ничего предпринять в присутствии короля, но потом...

Филипп сдерживал свою белую лошадь, чтобы не обгонять своего неторопливого товарища, пожилого мужчину с загорелым лицом и остроконечной бородкой в стиле предыдущего века. Казалось, он подчеркивал медлительность его движений, которую он сохранял, несмотря на нетерпение короля, что делало его появление почти зловещим.

Это был Сальнов, бывший главный ловчий. Он в свое время преподавал нынешнему монарху основы этого искусства. И ему не нравилось смотреть на то, как нарушаются основы его принципов.

Для него было невыносимо видеть, что на охоту смотрят, как на королевскую забаву. Луи XIII не потерпел бы в лесу на охоте эту кучу юбок. И Сальнов никогда не упускал случая обратить внимание своего ученика на нарушение этого принципа.

Даже теперь он не мог до конца осознать тот факт, что Луи XIV уже не тот розовощекий малыш, которого он на первых порах усаживал в седло. Без особой любви, но в знак уважения к прошлым заслугам, король оставил его в прежнем звании. Но подлинным распорядителем королевской охоты, хотя и не по титулу, был Филипп.

Он отчетливо продемонстрировал это, когда лишь подъехал к королю и передал маркизу де Сальнов свой знак отличия — жезл с копытом оленя.

Сальнов принял его из рук Филиппа и, согласно церемонии, получил из рук короля жезл с копытом кабана, который был вручен королю в начале охоты.

Охота подошла к концу. Однако король спросил:

— Сальнов, а что собаки, устали?

Старый маркиз пыхтел от непосильной усталости. И все, кто принимал участие в охоте: придворные, доезжачие, слуги — все чувствовали себя утомленными.

— Собаки? — передернул плечами Сальнов. — Конечно. А как же им еще себя чувствовать?

— А как насчет лошадей?

— То же самое.

— И все из-за двух оленей, таких молодых, что у них и рогов-то нет, — сухо сказал король.

Он окинул взглядом свою свиту. Анжелика почувствовала, что несмотря на непроницаемое выражение его лица, он, тем не менее, заметил ее присутствие и узнал ее. Она несколько подалась назад.

— Очень хорошо, — сказал король. — Мы продолжим охоту в среду.

Его заявление вызвало удивленное и беспокойное молчание. Большинство женщин задавали себе один и тот же вопрос: как они смогут послезавтра усесться в седло.

Король повторил немного громче:

— Мы будем охотиться послезавтра, Сальнов. Ясно? И на сей раз загоним мы оленя с десятью отростками на рогах.

— Сир, я все понял, — ответил главный ловчий.

Он низко поклонился, но прежде чем удалиться, сказал громко, чтобы было слышно всем присутствующим.

— Я все понял, надо побеспокоиться о том, не устали ли собаки или

лошади, но совершенно не нужно думать о людях.

— Месье де Сальнов! — крикнул ему в спину Луи. И когда распорядитель охоты вновь подошел к нему, сказал:

— Поймите, что для меня настоящий охотник никогда не устает. Вот как я понимаю это.

Сальнов снова низко поклонился.

Король двинулся, возглавив свою разноцветную процессию придворных, выпрямивших спины и поднявших головы, ибо они уже возвращались домой.

Поравнявшись с Анжеликой, король сделал знак остановиться. Его взгляд, выражавший страстное желание, был устремлен на нее. И вместе с тем казалось, он не видел ее.

Анжелика сидела в седле с высоко поднятой головой, не подавая страха и признаков слабости. Она выдержала пристальный взгляд короля и улыбнулась ему в ответ. Король поморщился, как от комариного укуса. Щеки его порозовели.

— Так... вы мадам дю Плесси де Белльер, насколько я помню, — сказал он надменно.

— Ваше Величество, вы очень любезны, что вспомнили меня.

— А, по-моему, это вы проявили большую любезность, вспомнив о нас, — ответил Людовик. — Надеюсь, вы снова в добром здравии, сударыня.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Мое здоровье всегда было превосходным.

— В таком случае, как же случилось, что вы пренебрегли моим приглашением три раза подряд?

— Прошу прощения, сир, но я не получала ваших приглашений.

— Вы меня удивляете, сударыня. Я самолично передавал месье дю Плесси свое желание видеть вас при дворе. На него непохоже, чтобы он оказался таким забывчивым, что не предупредил вас.

— Сир, быть может, мой муж считает, что молодой женщине следовало бы оставаться дома за вышиванием и не отвлекаться от своих скромных дел ради великолепия вашего двора.

Как по команде, все шляпы, увенчанные плюмажем, вслед за королевской, обернулись в сторону Филиппа, который, окаменев от ярости, сидел, как статуя, на своей белой лошади.

Мгновенно оценив ситуацию, король, не найдя лучшего выхода, чтобы разрядить обстановку, разразился смехом:

— Ох, маркиз, неужели вы настолько ревнивы, что посмели скрыть от

наших глаз это милое сокровище, которым вы владеете. Сдается мне, что вы подвержены греху жадности. На этот раз я прощаю вам, но приказываю вам больше беспокоиться о счастье мадам дю Плесси. Что касается вас, сударыня, я не хочу поощрять ваше женское неповиновение, поздравляя вас за то, что вы отказались повиноваться приказам вашего властелина, которым является ваш муж; но ваше стремление к свободе мне нравится. Прошу вас, не отстраняйте себя от участия в том, что вы так милостиво назвали великолепием двора. Я гарантирую, что маркиз не упрекнет вас за этот проступок.

Филипп снял шляпу и, держа ее на всю вытянутую длину руки, сделал знак повиновения словам короля. Анжелика заметила затаенные улыбки на лицах придворных, которые лишь несколько мгновений назад готовы были разорвать ее на тысячу кусочков.

— Примите мои поздравления, — сказала ей мадам де Монтеспан. — Вы подлинный гений, вы ухитряетесь создавать запутанные ситуации, но можете и выкручиваться из них. Вы, как канатоходец с его головокружительными трюками. Вначале мне почудилось, что по одному взгляду короля вся свора кинется на вас. А в следующее мгновение вы уже походили на мужественную пленницу, которая сметает на своем пути все преграды, даже рушит тюремные стены, лишь бы попасть на приглашение короля, совершенно не задумываясь над тем, что ждет ее впоследствии.

— Если бы вы только знали, как вы правы!

— О! Расскажите мне все!

— Расскажу, только в другой раз.

— В самом деле, неужели Филипп так ужасен? Боже, а он так красив...

Анжелика прекратила разговор, пришпорив лошадь и пустив ее в галоп. Извилистой дорогой охотники и собаки спустились по склону Фосе-Репо на поляну, где кучей стояли их экипажи.

Все собравшиеся ринулись по своим каретам. Изнывающие от жажды призывали продавцов лимонада, которые всюду следовали за двором. Спускалась ночь и нужно было торопиться осушить бокал освежающего напитка, ибо король спешил в Версаль. Уже зажигались факелы и фонари. Какая-то карета чуть не зацепила Анжелику. Та обернулась.

— Что вы собираетесь делать? — окликнула ее мадам де Монтеспан через окошко кареты. — Где ваш экипаж?

— У меня его нет. Лежит в канаве по дороге сюда.

— Лезьте ко мне.

Немного погодя они подобрали мадемуазель де Паражонк, Жавотту, и мысли знатных дам, как впрочем и всех остальных, устремились в Версаль.

Глава 3

В те времена леса вплотную подходили к замкам. И, выехав из леса, вся охотничья компания оказалась на территории замка, в окнах которого мерцали факелы, переносимые из комнаты в комнату.

Все засуетились, ибо король объявил, что не собирается этим вечером в Сен-Жермен, как было объявлено ранее, а остается в Версале еще дня на три.

И теперь, вместо сборов, надо было устраивать помещение для короля, его домочадцев и приближенных. Нужно было накрыть стол, разместить лошадей в стойлах.

Внутренний двор был переполнен экипажами, солдатами и лакеями. Филипп выскочил через левую дверцу своей кареты. В то же время Анжелика вышла через правую дверь кареты мадам де Монтеспан. Маркиз широким шагом направился прямо в замок, не удостоивая вниманием женщин.

— Месье дю Плесси де Белльер, несомненно, поспешен в делах ссоры, — сказала мадемуазель де Паражонк, как если бы она знала о нем все. — Смотрите, будьте осторожны.

— А вы что собираетесь делать? — спросила Анжелика.

— Сидеть на этом столбе и ждать, пока я не увижу кого-нибудь, кто собирается в Париж отправиться. Ведь я не в числе гостей. А вы поспешите. И прошу вас лишь об одном: когда вы приедете ко мне, расскажите мне все о жизни двора Короля-Солнце.

Анжелика пообещала. Она поцеловала старую деву и покинула ее, закутанную в старомодный плащ, в розовом капоре с лентами на голове.

Анжелика пересекла невидимую черту и начала свое восхождение в общество избранных. «При дворе Короля-Солнце», — повторила она про себя, прокладывая себе путь среди этой кутерьмы к центру собравшихся.

Основные события должны были разворачиваться рядом с центральным зданием замка, во дворе, который назывался театральным. Несмотря на полнейший беспорядок, избранные личности были строго разграничены.

Анжелику остановил гвардеец с алебардой, и распорядитель церемонии вежливо спросил ее титул. Когда она назвала себя, он разрешил ей пройти и даже проводил ее. Он провел ее наверх по лестнице прямо к балкону на втором этаже, который выходил на театральный дворик.

Двор был освещен факелами. Красные кирпичные стены замка, по которым метались мохнатые тени, напоминали жаровню, резные балконы и карнизы с позолоченными листьями, позолота канделябров — все блестело, как многоцветная отделка на костюме из пурпурного бархата.

Рога протрубили большой сбор. Король вместе с королевой вышел на балкон. Его окружали принцы, принцессы и наиболее знатные из приближенных дворян.

Из глубины ночи послышался лай собак, приближавшихся к холму. Двое охотников отделились от тени железных ворот двора и вошли в ярко освещенный круг. Они несли какую-то бесформенную массу, с которой капала кровь.

Это была добыча, составленная из внутренностей двух убитых оленей, завернутых в свежесодранную шкуру одного из них. За этими двумя людьми появились другие в красных ливреях, охранявшие этот тюк от алчных собак, которых они разгоняли длинными хлыстами.

Филипп дю Плесси спустился по лестнице, чтобы встретить их. В его руке был жезл с копытом оленя. У него было время, чтобы переодеться в свежий охотничий костюм, тоже красного цвета, но отделанный золотыми пуговицами. На ногах у него были желтые кожаные сапоги со шпорами из позолоченного серебра.

— Ноги у него, как у короля, — заметил кто-то, стоящий рядом с Анжеликой.

— Но ходит он с меньшей грацией. Филипп дю Плесси де Белльер всегда ходит большими широкими шагами, как будто рвется в бой.

— Не забывайте, он ведь еще и маршал.

Король подал сигнал своим жезлом. Филипп передал свой знак отличия пажу, стоящему за ним. Затем он подошел к лакеям и взял их ношу в свои руки. Отделка его костюма тут же испачкалась в крови.

С полным пренебрежением к случившемуся он понес добычу к центру двора и положил ее прямо перед сворой собак, лай которых стал похож на вой нечистой силы. Доезжачие отгоняли их плетьюми, непрерывно крича. на них.

Наконец, по приказу короля, собак отпустили. Они кинулись на тюк, разинув пасти, их острые зубы блестели при свете факелов. Собаки, которых все время держали на привязи и кормили сырым мясом, были похожи сейчас на диких зверей.

Филипп стоял совсем рядом с этой хищной сворой, вооруженный лишь хлыстом. Время от времени он вмешивался в их ссоры, когда, казалось, собаки готовы были разорвать друг друга. Вскоре собак развели,

все еще воющих, но уже покорных. Безрассудная смелость главного ловчего, стоящего рядом в прекрасном, но запачканном кровью костюме, с гордо поднятой светлой головой, такого надменного, украшенного галунами и драгоценностями, резко контрастировала с этой картиной дикого варварства.

Разрываясь на части от отвращения и страстного возбуждения, Анжелика не могла отвести глаза от этого зрелища. И все, подобно ей, были загипнотизированы разыгравшимся спектаклем.

— Черт побери, — пробормотал чей-то мужской гортанный голос возле нее. — Глядя на него, не подумаешь, что у него хватит силы расколоть миндаль и оборвать лепестки у маргаритки. Могу только сказать, что ни разу в жизни не видел охотника, который посмел бы стоять так близко к трофею, не боясь быть разорванным.

На мостовой театрального двора были разбросаны кучки хорошо обглоданных костей. Последний доезжачий подцепил на вилы остатки требухи и позвал собак за собой. Рога протрубили конец охоты, люди стали уходить с балконов. У входа в ярко освещенные комнаты неудержимый де Лозен выступал в роли зазывалы на карнавале.

— Развлекайтесь, мадам и месье! Вы присутствуете на потрясающем спектакле, который когда-либо кто-нибудь видел: месье дю Плесси де Белльер в роли укротителя хищников. Вы дрожите, сударыня? Уж не чувствуете ли вы себя волчицей, которую укрощает такая кроткая рука? И вот уже хищник покорен. Боги до. вольны. Ничего не осталось от оленя, который еще сегодня утром так радостно мчался в глубине леса. Проходите, мадам и месье, будем танцевать!

На самом деле еще никто не танцевал, ибо королевский оркестр, состоящий из 24 скрипок, еще не прибыл из Сен-Жермен, а ярко одетые музыканты с напыщенным видом кружили по большой зале первого этажа и дули в трубы.

Эти военные фанфары должны были возбуждать аппетит. Лакеи стали подтаскивать из кухни серебряные подносы с цветами, лакомствами и фруктами. Четыре огромных стола, покрытых полотнами скатертей, были уставлены золотыми и серебряными тарелками, наполненными такими деликатесами, как заливные куропатки, фазаны с овощами и фруктами, жареные козлята, голубиные паштеты, рагу из риса и ветчины. В центре каждого стола была огромная ваза с фруктами, вокруг которой стояли вазочки поменьше с фигами и дынями.

Анжелика лакомилась отварным перепелом и салатом, которые принес ей маркиз де ла Вальер. Маленькими глотками она прихлебывала

малиновую настойку. Маркиз настойчиво предлагал ей напиток, который он называл «ликером для забияк». К окну алькова, где они сидели, болтая, подошел паж с двумя бокалами. Вся окружающая обстановка приводила Анжелику в экстаз.

Когда она насытилась и первые восторги улеглись, мысли ее обратились к мадам де Паражонк, одиноко сидящей в ночной мгле. Она могла бы что-нибудь сделать для своей старой подруги.

Спрятав под складками своего одеяния пирог с миндалем и две груши, она выскользнула из зала. Едва она вышла наружу, как ее окликнул Флино, державший ее шляпу и плащ, забытые ею в карете Фелониды.

— Ты уже здесь? Что, починили экипаж?

— Если бы! Когда стемнело, мы с кучером вышли на дорогу и забрались на винную повозку, направляющуюся в Версаль.

— Ты видел мадам де Паражонк?

— Она там, — он махнул рукой в направлении нижнего двора, где мелькали фонари. — Она разговаривает с какой-то знакомой девушкой из Парижа. Я слышал, что она собирается вернуться в наемном экипаже.

— Вот и хорошо! Бедная Фелонида! Наверное, я должна купить ей новый экипаж.

Убедив себя в этом, она позволила Флино повести себя мимо бесчисленных повозок и экипажей к тому месту, где он видел мадам Паражонк. Когда Анжелика увидела ее, то сразу узнала, что «знакомая девушка из Парижа» была мадам Скаррон, обнищавшая, но державшая себя с большим достоинством вдова, которая часто появляется при дворе как просительница в надежде получить какую-нибудь небольшую, но выгодную должность, чтобы избавиться от вечной нищеты.

Они обе уже садились в наемную карету, которая была переполнена второразрядной публикой, в большинстве своем такими же просительницами. Они уезжали так же, как прибыли сюда. Король объявил, что сегодня он не будет выслушивать жалобы — только завтра, после мессы.

Некоторые просители все же остались, устроившись на ночлег по углам двора или на конюшне в соседней деревушке. Остальные возвращались в Париж, где должны будут встать спозаранку, чтобы успеть на почтовую карету, идущую в Буа-де-Булонь, а затем проехать весь лес, чтобы появиться в прихожей короля, стараясь вручить просьбы прямо ему в руки.

Экипаж тронулся раньше, чем Анжелика успела добраться до него или хотя бы привлечь внимание подруг. Те были слишком возбуждены тем, что

провели день при дворе, где они знали всех, а их не знал никто. Они были похожи на пчел, роящихся вокруг матки. Они знали «двор» лучше, чем многие женщины, чья знатная родословная автоматически давала им доступ в высшие круги, но которым недоставало опыта и которые были незнакомы с хитросплетениями этикета двора, что мешало им использовать преимущества своего положения, добиваясь расположения короля и его сановников.

Анжелика накинула плащ на плечи и отдала вынесенный пирог и груши молодому слуге. Когда она возвращалась в залу, она не могла выбросить из головы мысли о Филиппе. Ведь в любую минуту они могли встретиться лицом к лицу.

Она не могла решить, как ей себя вести. Рассердиться? Казаться безразличной или покаяться?

У самого входа она остановилась, отыскивая его глазами, но его нигде не было видно. Увидев стол, за которым сидела мадам де Монтасье с несколькими женщинами — в одной из них она узнала мадам де Рур, — Анжелика направилась к ним. Мадам де Монтасье удивленно посмотрела на нее, потом, поднявшись, заявила, что она не может оставаться за столом, за которым присутствуют женщины, даже не имеющие права ехать в экипаже королевы и обедать с ней.

Анжелика извинилась. Она уже не посмела приблизиться к какому-нибудь другому столу из-за боязни быть прогнанной вновь и решила уйти, чтобы отыскать свою комнату.

Одетые в голубое квартирмейстеры, в обязанности которых входило распределение жилья, заканчивали подписывать таблички с именами владельцев комнат. Гости следовали за ними по пятам, сопровождая эту процедуру возгласами восхищения или разочарования.

Флино окликнул Анжелику:

— Сюда, мадам, — и с возмущением добавил: — Это совсем не похоже на вашу собственную спальню. И как только люди могут жить в этом королевском дворце? — Его представление о роскошной жизни дворянства было подорвано.

Появилась Жавотта с пылающими щеками. Она казалась расстроенной.

— Я положила все, что вам нужно, мадам. Кажется, я ничего не забыла.

Пройдя чуть дальше, Анжелика обнаружила, кто был причиной беспокойства Жавотты. Им оказался Ла-Виолет, слуга ее мужа. Открыв рот, он уставился на Анжелику так, как будто увидел привидение. Неужели

это та женщина, которую он лишь несколько часов тому назад доставил в монастырь, завернутую в одеяло?

— Да, это я, негодяй! — крикнула она ему в лицо. Гнев ее возрастал. — Прочь отсюда, подлец! Убийца! Ты понимаешь, что чуть было не задушил жену своего хозяина?

— Ма... ма... мадам... маркиза, — заикался Ла-Виолет, переходя на крестьянский выговор. — Это не моя вина. Мосье маркиз... он...

— Вон отсюда!

Размахивая кулаками, она обрушила на него поток оскорблений, почерпнутых из простонародного запаса ее детства. Это было чересчур для слуги, и он поспешил убраться раньше, чем она набросится на него. Вобрав голову в плечи, он ринулся мимо нее к двери. И тут же столкнулся с маркизом.

— Что здесь происходит?

Анжелика посмотрела ему прямо в глаза.

— А, Филипп, добрый вечер.

Он посмотрел на нее взглядом слепого. Внезапно черты его лица исказились, глаза широко раскрылись в изумлении, которое сменилось выражением страха и, наконец, полного отчаяния.

Она не удержалась от искушения обернуться, как будто некий демон подглядывал за ней. Но она увидела лишь качнувшуюся половинку двустворчатой двери, на которой один из квартирмейстеров мелом написал имя маркиза.

— Так это вам я обязан! — взорвался он, стукнув кулаком по двери. — Это публичное оскорбление! Немилость короля! Позор! Несчастье!

— Как это? — удивилась Анжелика. — Он, должно быть, помешался, — подумала она.

— Разве вы не видите, что написано на дверях?

— Конечно, вижу. Ваше имя.

— Да. Мое имя. Конечно, это мое имя. — Он ухмыльнулся. — И в этом все дело.

— А вы хотите, чтобы здесь появилось другое имя?

— Дело в том, что в течение ряда лет и во всех замках, куда я следовал за королем, я видел эту надпись, которую из-за вашей глупости и вашего идиотизма нанесли сюда и которую я хотел бы видеть немедленно стертой. Вот она: «Оставлено для...» Это самое «Оставлено для...».

— Ну и что в этом такого?

— Оставлено для... маркиза дю Плесси де Белльер, — процедил он сквозь зубы, побелев от гнева. — Эта фраза означает особое расположение

короля. Этим самым Его Величество оказывает вам свое расположение. Это все равно, как если бы он сам стоял на пороге и приветствовал бы вас.

Жест, с которым он обвел глазами эту маленькую узенькую комнатенку, вернул Анжелике чувство юмора.

— Мне кажется, что вас чересчур взбудоражила эта надпись? — произнесла она, едва сдерживаясь от смеха. — А вы не думаете, что кто-то из квартирмейстеров просто ошибся? Его Величество всегда был высокого мнения о вас. Разве не вам оказали честь принести королю светильник сегодня ночью?

— Нет, не мне, — ответил он. — И это тоже доказательство того, что король выражает свое неудовольствие.

Его повышенный тон привлек внимание соседей по коридору.

— Ваша жена права, маркиз, — вмешался герцог де Грамон. — Зря вы настроены так пессимистично. Его Величество просто не взял на себя труд объяснить вам, что если он и просил вас передать честь принести ему ночник ночью сегодня, то это лишь потому, что он хотел сделать кое-что и для герцога Будильона.

— Но это... «Оставлено для...»? — завопил Филипп, снова пнув дверь. — Эта сука виновата в том, что я впал в немилость.

— А при чем тут я? — крикнула Анжелика, тоже во власти гнева.

— Вы вызвали неудовольствие короля, отказавшись явиться по его приглашению. И ваш сегодняшний приезд...

У Анжелики слова застряли в горле.

— Как вы смеете осуждать меня за это, когда вы сами... вы... Все мои экипажи... Все мои лошади...

— Довольно! — резко произнес Филипп, подняв руку.

У Анжелики дико болела голова. Пламя свечей бешено металось по темным стенам. Она приложила руки к щекам.

— Хватит, хватит, маркиз, — снова вмешался герцог де Грамон. — Не будьте жестоким.

Никогда еще Анжелике не приходилось терпеть такого унижения. Оказаться вовлеченной в домашнюю склоку прямо на глазах слуг и придворных! Она просто сгорала от стыда! Она окликнула Жавотту и Флино, которые вылетели из комнаты пораженные — она с ее нижним бельем, а он с ее плащом.

— Так, — сказал Филипп, — можешь отправляться в постель с кем хочешь и когда хочешь.

— Маркиз! Маркиз! Не будьте так грубы! — еще раз вмешался герцог де Грамон.

— Боже мой, даже дровосек может распоряжаться в собственном доме, — ответил взбешенный Филипп, захлопнув дверь перед зрителями.

Анжелика прошла сквозь их строй и удалилась, преследуемая их ироническими усмешками. Чья-то рука высунулась из-за двери и потащила ее за собой.

— Мадам, — сказал маркиз де ла Вальер, — во всем Версале не найдется женщины, которая не позавидовала бы вам, имея такое разрешение мужа, какое получили вы. Поймайте его на слове и воспользуйтесь моим гостеприимством.

Она рванулась прочь, раздраженно бросив:

— Пустите, месье... !

Ей хотелось убраться отсюда поскорее. Спускаясь по мраморной лестнице, она почувствовала слезы на глазах.

«Глупец... ничтожество в образе дворянина... Глупец, глупец!»

И тем не менее она понимала, что он был опасный глупец и, надо признать, что она сама выковала цепи, связывающие их. Она сама представила ему права, которыми располагает муж по отношению к жене.

Решившись на месть, он не сменит ее на милость. Она могла представить себе то невыразимое удовлетворение, которое, он доставит себе, придумав способ, которым он сможет унижить ее и превратить в покорную рабыню.

Она видела только одно слабое место в его броне — его преданность королю, которого он не то что бы любил, не то что бы боялся, а был непоколебимо и прямодушно предан своему господину.

И она смогла бы сыграть на этих чувствах. Если бы только ей удалось сделать короля своим союзником, получить у него постоянную должность при дворе... Тогда мало-помалу Филипп встал бы перед дилеммой: или власть в немилость у короля, или прекратить провоцировать свою жену. Но какую бы радость она извлекла из этого?

Единственная радость, о которой она когда-то мечтала, — это радость первой брачной ночи в тишине Нельского леса, под белыми башенками замка в стиле Ренессанса. Какое горькое разочарование! Какая жалкая память! Эта несбыточная мечта обратилась в прах.

Она почувствовала неуверенность в своей красоте и чарах. Не быть любимой — для женщины это чувство крайней неудовлетворенности. Она сознавала свою и слабость — любить его и в то же время страстно желать причинить ему боль.

В своей настойчивости она уже ставила его перед дилеммой: жениться на ней или навлечь гнев короля на семью дю Плесси. Он выбрал женитьбу,

но не мог простить ей этого. По ее собственной вине тот источник, из которого они оба могли бы утолять жажду, оказался замутненным. И руки, которые могли бы ласкать его, теперь ввергали его в страх.

Анжелика рассматривала свои руки с чувством печали и сожаления.

— Что за темный уголок вы выбрали, моя прелестная леди Макбет? — раздался рядом с ней голос маркиза де Лозена.

Он склонился над ней.

— Где кровь ваших жертв? О, как холодны ваши лапки! Что вы делаете тут на этой гадкой лестнице?

— Не знаю.

— Вы покинуты? С такими прелестными глазками? Какое преступление! Пойдемте со мной.

К ним присоединилось еще несколько женщин, среди которых была мадам де Монтеспан.

— Месье де Лозен, мы вас всюду ищем. Пожалейте нас!

— Ах! Вам так легко разжалобить меня. Чем могу быть вам полезен?

— Возьмите нас с собой в отель. Король ведь разрешил вам построить собственный дом в этом замке. Здесь нам не разрешают даже ступать по плиткам, вымощенным в передней королевы.

— Разве вы не принадлежите к свите королевы, как мадам де Рур или мадам Арины?

— Да, но наши помещения испорчены художниками. Там везде Юпитеры и Меркурии. Боги преследуют нас.

— Поздравляю вас, я беру вас к себе в отель.

Они вышли в густой туман, пропитанный запахом леса. Де Лозен позвал лакея и повел женщин вниз по холму.

— Вот мы и пришли, — сказал он, остановившись перед кучей белых камней.

— Что это такое?

— Мой отель. Вы совершенно правы в том, что король разрешил мне построить отель, но еще не заложен даже первый камень.

— Вы не слишком остроумны, — прошипела Атенаис де Монтеспан, клопоча от ярости.

— Осторожней, не оступитесь, — предупредил ее де Лозен. — Здесь накопано много ям.

Мадам де Монтеспан пошла прочь, но, несколько раз споткнувшись, она оступилась и вывихнула лодыжку. Она тут же разразилась бранью, и всю дорогу обратно она через плечо честила маркиза, который сопровождал их.

Де Лозен рассмеялся еще раз, когда маркиз де ла Вальер, проходивший мимо, крикнул ему, что он опоздает к «ночной рубашке».

Король направился в свою спальню, и дворяне должны были присутствовать при том, как слуга передает ночную рубашку главному камердинеру, а тот понесет ее Его Величеству.

Маркиз де Лозен все же невежливо покинул дам, но прежде он снова предложил им свое гостеприимство, но уже в своей спальней комнате, которая была «совсем недалеко отсюда».

Четыре молодых женщины, в сопровождении Жавотты, вернулись в переполненную танцевальную залу, где, по словам мадам де Монтеспан, «пол трещал под их весом».

После долгих поисков они нашли маленькую низенькую дверь с надписью:

«Оставлено для маркиза Пегилена де Лозена».

— Счастливый Пегилен, — вздохнула мадам де Монтеспан, — не беда, что он величайший шут во всем мире, зато у короля он ходит в любимчиках. Но если отбросить это, то он самая посредственная личность.

— Но зато другие его качества компенсируют это, — сказала мадам де Рур. — Он очень остроумен, и в нем есть нечто такое, что заставляет женщин, которые хоть раз с ним были, не предпочитать его другим мужчинам.

Таково же было мнение юной мадам де Рокелер, которую они нашли в спальне почти раздетую. Ее служанка только что помогла ей надеть ночную рубашку из батиста, отделанную тесемками и предназначенную скорее для того, чтобы подчеркнуть пленительные формы ее владелицы.

После минутного замешательства она нашла в себе силы сказать, что если месье де Лозен пригласил сюда своих друзей, то она должна хорошо их встретить.

Мадам де Рур была в восхищении. Она уже давно подозревала, что мадам де Рокелер была любовницей Пегилена, а теперь представился случай самой удостовериться в этом.

Комната была лишь немного Шире окна, которое выходило в лес. Кровать с занавесями, только что приготовленная слугами, занимала комнату почти целиком. Когда они вошли в помещение, то свободного места почти не осталось.

В камине весело потрескивал огонь, и в комнате, благодаря ее маленьким размерам, было тепло.

— Ах, — сказала мадам де Монтеспан, снимая грязные туфли, — давайте избавляться от последствий этой проклятой шутки Пегилена.

Она стащила испачканные грязью чулки, и ее подруги последовали ее примеру. Все четверо сели прямо на пол и вытянули ноги к камину.

Вернулся Лозен, сопровождаемый одним из своих друзей. Лозен и мадам де Рокелер отправились в кровать. Занавески задернулись, и никто больше не обращал на них никакого внимания.

Мысли Анжелики вновь вернулись к Филиппу. Как ей избежать его мести и спасти свое будущее, которого она так усердно добивается?

Уже день прошел со времени гнусной выходки Филиппа, которую он начал с того, что забрал у нее все экипажи, а затем заключил ее в монастырь! А если его бесчеловечность дойдет до издевательств над Флоримоном и Кантором, то сможет ли она защитить их? По счастью, сейчас оба мальчика были в безопасности в Монтелу, где они росли крепкими и здоровыми, бегая вместе с крестьянскими детьми в предместьях Пуату.

Огонь разгорался. Анжелика попросила Жавотту передать ей пару каминных задвижек из искусно разукрашенного пергамента. Одну из них она сразу предложила мадам де Монтеспан, которая с восхищением рассматривала ее дорожную сумку из красной кожи, отделанную белой каймой и оправленную в золото.

Внутри, в разных отделениях, лежали ночник из слоновой кости, сумочка из черного бархата с десятью восковыми свечами, два маленьких круглых зеркала и одно большое, овальное, украшенное жемчугом, золотой ящичек с тремя гребнями и еще один для щеточек. Эти последние были подлинными произведениями искусства, сделанными из черепахового панциря с филигранью из позолоты.

— Они сделаны из панциря черепах, обитающих в тропических морях, — сказала Анжелика. — Терпеть не могу роговых.

— Да, — завистливо вздохнула мадам де Монтеспан, — чего я только не дала бы за эти прелестные вещицы. И у меня могли бы быть такие, если бы я не заложила свои драгоценности в оплату карточных долгов. Но не сделай я этого, я не смела бы сегодня появиться в Версале. Месье Вентаду, которому я должна тысячу пистолей, уже бы ожидал меня. Он — очаровательный мужчина.

— А разве вы не были назначены фрейлиной королевы? Это должно было давать вам дополнительные доходы.

— Фу, какие мелочи! Одна моя одежда стоит в два раза дороже. Я потратила две тысячи ливров на костюм для балета Люли «Орфей», который был поставлен в Сен-Жермен. Балет был самый обычный. Я была нимфой весны. Король, конечно, был Орфеем. Он открывал танцы в паре

со мной. Бенсерад упоминает это в дворцовой хронике. И Лорэ, поэт, тоже.

— Все говорили о том внимании, которое уделял вам король, — заметила Анжелика.

Неприязнь мадам де Монтеспан понемногу начала исчезать. Она завидовала обаянию Анжелики, хотя и ее красота выглядела впечатляюще. Они обе происходили из хороших семей в Пуату.

И вместе с тем Атенаис де Монтеспан считала, что Анжелика стоит ниже её. Анжелика, в свою очередь, чувствовала, как очарователен был разговор маркизы, о чем бы она ни говорила.

Ее красноречие, в котором природа и искусство были удачно скомбинированы так, что даже циничные темы вызывали восхищение присутствующих, а это был талант, присущий всей ее родне, — то, что называли «стилем Мортемаров».

Семья Мортемар де Рошешуа была выдающейся. Анжелика де Сансе, знавшая все родословные Пуату, была под впечатлением традиций, которыми славился этот дом. Давным-давно Эдуард Английский был женат на одной из дочерей Мортемар. А у нынешнего герцога де Вивонна король и королева-мать были крестными.

В глубоких голубых глазах мадам де Монтеспан отражался гордый и напыщенный девиз ее семьи:

«Прежде чем из моря вышла земля,
Появился род Рошешуа!»

Но никакие заслуги не избавили мадам де Монтеспан от появления в Париже бедной, как церковная мышь, в одном лишь старом экипаже. И до самого замужества ей приходилось пребывать в жестких тисках бедности.

Более гордая и чувствительная, чем это можно было себе представить, Атенаис часто искала утешения в слезах. Лучше, чем кому бы то ни было, Анжелике были известны все проблемы, с которыми сталкивалась мадам. Не один раз с тех пор, как она познакомилась с этой семьей, ей приходилось улаживать за них дела с кредиторами и даже ссужать небольшие суммы, которые, как она знала, ей никогда не получить обратно.

И никто из этого семейства даже не поблагодарил ее за это. Анжелика испытывала некоторое удовольствие от своих поступков в отношении семьи Монтеспан. Она часто спрашивала себя, зачем она поддерживает эту незнагагражденную дружбу.

С одной стороны, Атенаис была несомненно приятной личностью, а с другой — Анжелике следовало бы иметь здравый смысл и ничего больше не делать для нее. И все же кипучая энергия мадам Монтеспан

очаровывала ее. Анжелике всегда нравились люди, которые стремились к самой вершине успеха, а Атенаис была одной из них. Ее амбиции были безграничны, как море, о котором говорилось в их девизе. И лучше было быть с ней, на гребне ее волны, чем становиться ей поперек дороги.

Со своей стороны, Атенаис считала удобным иметь такую великодушную и обеспеченную подругу, тем более, что несмотря на свою красоту Анжелика все же не могла затмить Атенаис...

В ответ на упоминание своей подруги о королевской благосклонности лицо мадам де Монтеспан, которое весь вечер было хмурым, разгладилось.

— Королева беременна. И мадемуазель де ла Вальер тоже понесла. Сейчас самый подходящий момент, чтобы привлечь внимание короля, — сказала Атенаис с искрящейся усмешкой, в которой таился юмор и озорство. — Ах, Анжелика, о чем вы заставляете меня думать и говорить! Я бы сгорела со стыда, если бы король предложил мне стать его любовницей. Я никогда не посмела бы появиться перед королевой, а она такая хорошая женщина.

Анжелику не обманул этот протест добродетели. Некоторые черты характера Атенаис удивляли ее, причем, как способность лицемерить, так и быть искренней. Или ее благочестие: будучи достаточно фривольной во всем остальном, мадам де Монтеспан никогда не пропускала мессы или других торжественных богослужений, и королева не раз повторяла, что ей очень приятно иметь такую набожную придворную даму.

— Разве вы не помните, — смеясь сказала Анжелика, — тот визит, который мы нанесли вместе с мадам Скаррон той колдунье ля Вуазин? Вы еще хотели спросить ее, полюбит ли вас король?

— Ерунда! — сказала маркиза, сделав жест, как будто хотела стряхнуть с себя ту мимолетную прихоть. — К тому же, если бы меня определили не в свиту Ее Величества, я бы нашла какой-нибудь другой способ быть представленной ко двору. Мне кажется, что старуха лгала нам.

— Она сказала, что мы все трое станем любовницами короля.

— Даже Франсуаза?

— О, я забыла. Судьба Франсуазы была самой блистательной — она должна была стать женой короля.

Они обе рассмеялись: Франсуаза Скаррон — королева Франции!

— Ох, как я несчастна, — внезапно вздохнула Атенаис. — Можете вы поверить, что я должна каретнику 1800 ливров за седло и уздечку, которые он сделал мне к сегодняшней охоте. Надеюсь, вы заметили, из какой превосходной кожи они сделаны. А как прелестно отделаны золотыми листочками!

— 1800 ливров...

— Не такой уж большой долг, в конце концов. Плевала я на все жалобы мужа! Я сказала ему, чтобы он подождал со своими кредиторами, со всеми этими портными, мануфактурщиками, ювелирами. Но мой невыносимый муженек заказал пару таких алмазов, что сердце у меня оборвалось, и если он не оплатит их к завтрашнему дню, ювелир не отдаст их ему.

Вы когда-нибудь видели такого мужа, который вечно суется не в свои дела? Он сам не знает, как раздобыть деньги. Он играет, боже, как он играет! И совсем не слушает меня! Могу себе представить, что я закончу свои дни, как моя тетушка герцогиня де Беллегард. Помните? Она, правда, не из нашей семьи, и я этому рада.

Муж так зверски ее ревновал — ему было 75, а ей 55 лет, что запер ее в замке, отобрав все до ниточки, и ей пришлось делать платье из простыни. Вот и мне вознаграждение за то, что я вышла замуж.

Анжелика, щеки которой еще горели от оскорблений Филиппа, не находила этот разговор забавным. А мадам де Монтеспан, очевидно, нравилось дразнить Анжелику.

— Выбросьте из головы мрачные мысли. Вы держите своего Филиппа куда более крепкими узами, чем простые супружеские. Говорят, вы даже позволили ему провести обыск в ваших шкапулках с драгоценностями?

Напоминание о Филиппе заставило Анжелику вспомнить о том, что она хотела бы занять при дворе место, подобающее маркизе дю Плесси де Белльер.

— Ах, давайте не будем говорить об этом, а то я совсем замолчу, и вы сами об этом пожалеете. Если вы такая ловкая, то помогите мне найти место при дворе. Вы не знаете, есть ли свободная должность?

Атенаис вздела руки к небу.

— Бедное дитя, вот о чем вы думаете! Свободное место при дворе? С таким же успехом вы можете искать иголку в стоге сена. Тут все настороже: даже те, кто располагает огромными суммами для подкупа, не могут получить места. — Но вы же сами смогли стать фрейлиной королевы?

— Король сам назначил меня, я рассмешила его, когда он пришел к мадам де ла Вальер. Его Величество посчитал, что я смогу развлекать королеву. А король очень заботится о своей жене. Вам следует найти покровителя, и нет никого лучше для этой цели, чем сам король.

Подумайте сами, кто может заступиться за вас? А еще лучше подумайте, что вы можете сделать сами для себя, чтобы это дошло до Его

Величества. Если понадобится, ваше дело рассмотрит Совет. А если вы еще сможете представить веские доказательства в парламент, считайте, что дело сделано.

— Все это очень сложно и тяжело. А что вы подразумеваете под словами «сможете сделать сами для себя»?

— Да я и сама не знаю. Спросите свое воображение. Постоите, вот недавний пример. Съе де Лак, мажордом маркиза де ла Вальер, вошел в союз с Коленом, дворецким маркиза. Они попросили позволения собирать по 2 су с акра на всех свободных землях между Медоном, близ Сен-Клу, и замком Шаньи близ Версаля. И это была счастливая мысль, ибо теперь, когда король выбрал это место для своего дворца, все захотят приобрести здесь земельный участок.

Прошение подала сама мадемуазель де ла Вальер, и король немедленно его подписал. Он ни в чем не может ей отказать. Парламент, несомненно, утвердит и теперь у этих двух простолюдинов сундуки будут ломиться от золота.

К тому же де ла Вальер нравится играть роль благодетельницы Для своих слуг. Она им ни в чем не отказывает. А самый выдающийся попрошайка из всех — это маркиз, ее брат, у него просто дар клянчить.

Вам надо бы с ним проконсультироваться. Он даст вам хороший совет, ибо, как я заметила, он неравнодушен к вам. Я, в свою очередь, могу представить вас королеве. Вы сможете поговорить с ней и, может быть, привлечете ее внимание.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала Анжелика с воодушевлением. — А я обещаю вам найти что-нибудь в своих «шкатулках с драгоценностями», чтобы ублажить вашего каретника.

Маркиза де Монтеспан не скрывала своей радости.

— Согласна! Вы — ангел. Но вы не будете сверхангелом, если добудете мне попугая — одну из этих заграничных птиц, знаете, с красными или зелеными перьями? Я так мечтаю об этой птице!

Глава 4

Мадам де Монтеспан потянулась и зевнула. Время от времени она возобновляла разговор, сплетничая с Анжеликой, ибо ограниченные размеры помещения не позволяли им вытянуться во весь рост и отдохнуть.

Они услышали, как за пологом кровати заворочались два тела, послышалось позевывание и нежное бормотание.

— Мне кажется, что мне пора уже спуститься вниз, — сказала Атенаис. — Королева собиралась позвать своих придворных дам. Я хочу оказаться одной из первых и выразить желание пойти вместе с ней к мессе. Может быть, вы пойдете со мной?

— Может быть, это не совсем удобный случай быть представленной Ее Величеству?

— Да, пожалуй, вам будет лучше дождаться, пока мы вернемся из часовни. Вы будете стоять на проходе. Я покажу вам лучшее место, где будет лучше всего видно и короля и королеву и где вы можете быть ими замечены. Пойдемте со мной, я покажу вам небольшую комнату близ королевских апартаментов, которую придворные дамы используют для личных нужд и как место для встреч. Есть у вас что-нибудь, кроме этой амазонки?

— В сундуке. Но не так-то просто сейчас мне что-либо забрать из комнаты мужа. Пошлю слугу.

— Оденьте что-нибудь попроще в это утро. После мессы король принимает гостей и посетителей, а затем отправляется на совещание с министрами. Вечером, кажется, будут игры и балет. Тогда-то вы и сможете щегольнуть своими драгоценностями. А теперь пора идти.

Воздух снаружи был холоден и влажен. Мадам де Монтеспан спускалась по лестнице, поеживаясь от порывов свежего ветерка, обдувающего ее прелестные обнаженные плечи.

— Вы замерзли? — спросила Анжелика.

Маркиза молча пожалала плечами. Она давно уже обрела выносливость истинных придворных, которым часто приходится бывать и самых неблагоприятных условиях: в комнатах, открытых всем ветрам, и в комнатах, где жарко от огромного количества светильников.

Она привыкла к многочасовому стоянию на ногах, к бессонным ночам, к грузу парчовых одеяний, отягощенных драгоценностями, в общем ко всем превратностям дворцовой жизни.

Крепкое здоровье, беспрестанные волнения и отчасти бесконечные развлечения — это то, что сделало ее такой, какой мы ее знаем.

Но Анжелика даже во время своей жизни на парижском «дне» была очень чувствительна к холоду. Она не могла ходить без плаща. И теперь у нее скопилась целая коллекция богатых и красивых одеяний.

Тот, что был на ней сейчас, был сделан из перемежающихся полос бархата и атласа. Капюшон плаща был оторочен венецианскими кружевами, которыми она прикрывала лицо, когда не хотела быть узнаваемой.

Мадам де Монтеспан оставила ее одну перед входом в пиршественный зал, где в накрахмаленных бриджах неподвижно, как статуи, стояли охранники-швейцары. Казалось, что жизнь во дворце еще не пробудилась, хотя яркий утренний свет уже проник в глубину салонов. Балконы и галереи зияли, как огромные гроты.

— Я оставлю вас здесь, — шепнула Атенаис, как бы благоговей перед тишиной, стоящей в этих обычно шумных комнатах. — Вон там гардеробная, где вы сможете посидеть и подождать. Скоро появятся придворные, которые должны присутствовать при пробуждении короля. Его Величество обычно поднимается спозаранку. Я скоро вернусь.

Когда мадам де Монтеспан удалилась, Анжелика открыла дверь, на которую ей указала подруга. Дверь почти была скрыта гобеленом, который занимал всю стену, и потому казалась потайной.

— Ох, простите! — воскликнула Анжелика, и сразу плотно прикрыла дверь.

Она и представить себе не могла, что это укрытие, где не поместилась бы даже софа, можно использовать для такого рода романтических дел.

«Странно, — подумала Анжелика. — Я и не подозревала, что у мадам Субиз такая красивая грудь. Зачем она постоянно прячет такую соблазнительную приманку?»

Тем не менее Анжелика была уверена, что партнером мадам был вовсе не месье Субиз. В Версале не очень-то беспокоятся о сохранении верности, напротив, любое влечение мужа к жене и жены к мужу будет здесь воспринято как выражение плебейства и признак дурного вкуса.

Анжелике ничего не оставалось, кроме как бродить по огромным пустым комнатам. Первая комната, где она задержалась, была примечательна тем, что ее карнизы поддерживали 12 колонн.

Освещения хватало для того, чтобы Анжелика могла восхититься белыми колоннами, выступающими из сумерек и отделанных завитками, похожими на рябь на спокойной глади моря. Позолота потолка,

разделенная полосами тяжелых эбеновых балок, была еще плохо видна в неясном утреннем свете. Три огромных зеркала на стенах отражали рисунок окон, через которые проникали лучи восходящего солнца.

Прислонившись к мраморному подоконнику, она вглядывалась в парк, пробуждавшийся от ночной дремоты. Терраса, которая тянулась от дворца к непрямой траве обширной лужайки, была гладка, как омытая прибоем отмель.

Вдали, сквозь туман, проступали верхушки аккуратно подрезанных вязов. Их стволы казались башнями призрачного города. По мере того как солнце поднималось все выше, заблестели зеркально гладкие поверхности больших фонтанов, простиравшихся до самого горизонта. Фонтан Латоны, фонтан Аполлона, золотая лента канала...

— О чем вы задумались, маркиза? — прошептал чей-то невидимый голос. — Поведайте мне о своих мыслях.

Испуганной Анжелике показалось, что заговорила мраморная статуя.

— Кто... кто это?

— Это я, Аполлон, бог красоты, с которым вы милостиво согласились провести эти утренние часы.

Анжелика онемела.

— Прохладно, да? Но ведь на вас плащ, а я совсем раздет. Да и откуда взяться теплу у мраморного тела?

Анжелика уставилась на статую. Она ничего не могла разглядеть, кроме кучи разноцветного тряпья, лежащего у пьедестала. Она наклонилась и дотронулась до нее, и тут же из этой кучи выпрыгнуло, подобно резвому олененку, существо с крошечным личиком, похожее на гнома.

— Баркароль!

— К вашим услугам, маркиза ангелов!

Королевский карлик низко поклонился ей. Баркароль был не выше семилетнего ребенка, с неуклюже скроенным телом на кривых ножках. Двухцветный, плотно облегающий его фигуру камзол был сшит из алого и черного атласа. На обшлагах были красивые тесемки, а у пояса висел крошечный меч.

Давно уже Анжелика не видела его. Он приобрел манеры аристократа, и она сказала ему об этом.

— Да, это верно, — самодовольно подтвердил Баркароль. Если бы у меня была еще подходящая фигура, я ничем бы не уступал тем господам, которые расхаживают здесь с важным видом. Ах, если бы только наша милая добрая королева позволила мне обрезать погремушки с моего

колпака, как бы она меня этим осчастливила! Но она утверждает, что в Испании все шуты носят колокольчики и что если она не слышит звона, то испытывает тоску по дому. К счастью, два моих товарища и я нашли неожиданную поддержку у короля. Он нас просто не выносит. Когда он приходит к королеве, то никогда не упустит случая хорошенько отходить нас своей палкой.

Тогда мы показываем такие прыжки, что наши бубенчики все звонят как сумасшедшие. А когда он бывает занят интимным разговором, мы сами начинаем так трясти этими погремушками, что он сам себя не слышит, и это приводит его в дурное настроение.

В конце концов это понимает королева, вздыхает и говорит, что у кого-то не пришит бубенчик и нам нужно пойти и привести себя в порядок. Но ничего, скоро мы приобретем новые привилегии.

— Какие же?

— Парик, — ответил Баркароль, закатив глаза так, что были видны только белки.

Анжелика рассмеялась.

— И вы тут же заважничаете, месье Баркароль.

— Я хочу обрести вес в обществе, преуспевать, — серьезно заметил карлик. Но под маской серьезности Анжелика ясно различила скрытую иронию.

— Я рада видеть вас, Баркароль. Давайте поболтаем.

— А вы не боитесь за свою репутацию? Про вас будут распускать слухи, а ваш муж вызовет меня на дуэль.

— Но ведь ты вооружен. Такой славный меч.

— Ну, конечно. Нет ничего неожиданного и невозможного для человека с храбрым сердцем. Я пофлиртую с вами, мадам. Но давайте подойдем к окну. Любому, кто будет проходить мимо, покажется, что мы любимся садом, и ему и в голову не придет, что я изливаю вам свою любовь. — Он поковылял к окну и прижался носом к стеклу, как ребенок.

— Что вы думаете об этом местечке? Оно прелестно, не правда ли? Ах, маркиза ангелов, вы стали теперь настоящей придворной дамой, но все же не забыли своей дружбы со стариной Баркаролем.

Анжелика смотрела в сад, положив руку на плечо карлику.

— Воспоминания, которые нас связывают, не из тех, что легко забываются, Баркароль.

Солнце уже совсем разогнало туман. День обещал быть по-весеннему безоблачным, светлым и ясным. Зеленые листья вязов сверкали, как изумруды, в воде фонтанов отражалось глубокое голубое небо. Дюжина

садовников с граблями и тачками терялась на огромном пространстве сада.

Низким голосом Баркароль продолжал:

— Иногда королева волнуется, когда не видит меня целый день. А в это время ее любимый карлик уходит в Париж, чтобы засвидетельствовать свое почтение другому величеству, чьи подданные не смеют забывать его, — великому Кёзеру. У него не так много подданных, подобных нам, маркиза, с кошельками, распухшими до размеров дыни. Я думаю, что Жанин Деревянный Зад все еще любит меня.

— Он любит и меня, — сказала Анжелика. Она представила выразительное лицо себе Деревянного Зада.

— Ничего не бойтесь, маркиза ангелов, — пробормотал Барка-роль, — мы умеем хранить тайны. Помните, что вас не оставят в беде... даже здесь. — Он обернулся и сделал широкий жест рукой, обведя комнату. — Здесь, во дворце короля, где люди более одиноки и более подвержены опасностям, чем где бы то ни было.

Стали появляться первые придворные, пряча зевки в обшлага кафтанов, их деревянные каблуки стучали по мраморному полу. Слуги разносили дрова для огромных каминов.

— Скоро появится «старуха». Смотрите, вот и она. Анжелика увидела женщину неопределенного возраста, одетую в плащ с капюшоном. На голове у нее был чепчик из накрахмаленного атласа. Встречные дворяне, увидев ее, слегка сгибали колени, но она, казалось, не замечала их и продолжала свой путь с величественной безмятежностью.

— Куда она направляется?

— К королю. Это мадам Гамелин, его старая нянька. Она до сих пор имеет привилегию входить к королю утром, раньше всех. Она раздвигает занавеси, целует его и интересуется, как он спал и как его самочувствие. Обычно они еще немного болтают.

А в это время все беспокойно толпятся за закрытыми дверями. Она удаляется, и после этого ее целый день нигде не видно. Никто не знает, куда она исчезает. Это ночная птица.

И каждое утро министры, принцы, кардиналы — все скрежещут зубами при виде этой скромной, невзрачной личности откуда-то с задворок Парижа, которой достается первая утренняя улыбка монарха.

По пятам за нянькой следовали три доктора в черных одеяниях, белых париках и высоких шапках, которые подчеркивали их избранность. Один за другим они щупали королевский пульс, расспрашивали о его здоровье, обменивались несколькими латинскими фразами и удалялись.

Затем следовал выход принцев крови. Когда они склонялись перед

королем, он вставал. Главный камергер подавал ему одежду, которую держал наготове первый спальник.

Акт одевания королевской рубашки возглавлял первый дворянин королевства. Он гордо шел в королевскую опочивальню во главе целой своры высокородного и особо заслуженного дворянства. Когда король был уже в рубашке, первый дворянин опочивальни вручал ему первый манжет, а первый дворянин гардероба — левый.

Затем наступал третий выход — герцоги и пэры толкали один другого с низкими поклонами, разворачивая королевский парчовый жилет.

Четвертыми шли государственные секретари. Пятыми — дипломаты, шестыми — духовенство, в алых одеждах — кардиналы, епископы. Мало-помалу королевская опочивальня наполнялась людьми. Король оглядывал входивших, здоровался с каждым и брал на заметку отсутствующих. Он задавал несколько вопросов, касающихся последних сплетен, и бывал очень доволен, когда получал остроумный ответ. «Избранники рая», как называли их в Версале, гордились своей привилегией — находиться в спальне короля, в то время как остальные смертные были осуждены находиться за закрытыми дверями. Анжелика с интересом наблюдала за этими посвященными, входившими в святые святых.

— Мы — души в чистилище, — засмеялась одна из женщин, стоявшая рядом с ней.

Все присутствующие были одеты в свои лучшие наряды, и все стремились оказаться в первых рядах, когда король с королевой пойдут из часовни вдоль живого коридора.

Маркиз дю Плесси де Белльер был при втором выходе. Дождавшись, пока он скрылся за дверьми в спальню короля, Анжелика со всех ног бросилась к его комнате, боясь затеряться в лабиринте коридоров, которые окуривались фиалковым корнем и в которых была вечная толчея.

Ла-Виолет мурлыкал, начищая оружие хозяина. Он предложил мадам маркизе зашнуровать ее корсет, но Анжелика резко оборвала его. Не дождавшись Жавотту или какую-нибудь другую служанку, она оделась сама как смогла. Затем она заторопилась обратно и поспела вовремя, чтобы увидеть королевскую процессию вблизи.

У королевы был красный нос, несмотря на пудру, которую искусно нанесли на все лицо. Она проплакала всю ночь, ибо король, как она сообщила своим близким подругам, не заходил к ней даже на минутку.

Это было необычно, ибо король был очень пунктуален в этом вопросе и каждую ночь хоть «на минутку» проводил в постели жены. Иногда оставался у нее на всю ночь. Теперь же, наверное, ла Вальер в роли Дианы-

охотницы воспламенила его страсть.

Свита королевы слилась с окружением ла Вальер, и обе группы прибыли почти одновременно. Мария-Тереза высоко держала голову, хотя ее гамбургский подбородок дрожал от рыданий, которые она подавляла.

Фаворитка низко поклонилась. Когда же она выпрямилась, Анжелика увидела затаенный страх в ее глазах. Здесь, в залах Версаля, она была самой загнанной оленихой, а не охотницей.

Анжелика понимала, что так оно и есть на самом деле: королевская прихоть — дело непостоянное. Марии-Терезе нечего было бояться ее. Впереди ей грозили новые, более серьезные соперницы.

Король вернулся из часовни и прошел в сад. Ему доложили, что больные золотухой услышали о его пребывании здесь и собрались за воротами в надежде на исцеление от королевского прикосновения. Король никогда не отказывал в этой милости. Просителей было немного и церемония быстро закончилась. Его Величество направилось в залу Дианы, чтобы принять там прошения от желающих.

Молодой вельможа из свиты короля вышел из толпы и поклонился Анжелике:

— Его Величество желает напомнить мадам дю Плесси де Белльер, что он хочет видеть ее на завтрашней охоте с самого начала.

— Передайте мою благодарность Его Величеству, — ответила Анжелика. — И скажите ему, что только смерть сможет помешать мне.

— Его Величество не требует так много. Но если все же вы не явитесь на охоту, то он хотел бы знать причины вашего отсутствия.

— Можете уверить его, что он об этом будет знать, месье де Лувуа. Вас ведь так зовут?

— Да, мадам.

— Я бы хотела поговорить с вами. Это возможно?

Лувуа, казалось, удивился, но сказал, что если мадам дю Плесси задержится в коридоре, то он вскоре присоединится к ней, как только король закончит прием прошений.

— Я подожду. А вы, тем временем, заверьте Его Величество, что завтра я обязательно буду на охоте.

— Нет! Не будете! — произнес прямо у нее над ухом голос Филиппа. — Мадам, жена должна повиноваться своему мужу. А я никогда не давал вам позволения появляться при дворе. Вы идете против моей воли, и я приказываю вам немедленно вернуться в Париж!

— Филипп! Это же абсурд! — низким голосом сказала Анжелика. — Ведь я нахожусь при дворе для вашей же пользы. Какое вы имеете право

так мучить меня?

— Вы больше меня измучили!

— Оставьте меня, Филипп, вы ведете себя, как ребенок.

— Только в том случае, если вы немедленно уедете из Версаля.

— Нет!

— Вы не должны быть завтра на охоте!

— А я буду!

Лувуа уже удалился к королю и не слышал их спора, но стоящие рядом смотрели на них с усмешкой. Домашняя ссора семейства дю Плесси была привлекательной. Рядом с ними, как бы смотря в сторону, стоял маркиз де ла Вальер, профиль которого напоминал птичий.

Чтобы оградить себя от насмешек, Анжелика воскликнула:

— Ладно, Филипп, я уезжаю. Давайте не будем больше спорить. Она пошла по коридору и уединилась в одном из больших залов, где было совсем мало людей.

«Если я получу место при дворе, — сказала она себе, — то я буду зависеть от милости короля, а не этого дикаря».

А вот как завоевать благосклонность короля — это оставалось для нее загадкой. Об этом-то она и хотела поговорить с Лувуа. Ее прямо-таки мужская деловитость заставляла ее искать выход.

Она вспомнила, что еще в Париже ей говорили о Лувуа, как о ловком придворном и большом политике, который к тому же владел привилегией распорядиться почтовыми перевозками между Лионом и Греноблем.

Конечно, это был тот самый Лувуа. Она не сочла его чересчур молодым. Она помнила, что он сын Летеллье, государственного секретаря и королевского канцлера в Совете. Она искала поддержки как Лувуа, так и его отца.

Маркиз де ла Вальер переходил от одной группы к другой, отыскивая Анжелику. Вначале та хотела скрыться, но потом вдруг переменила тактику. Она слышала о маркизе немало лестного, он знал двор лучше, чем кто-либо другой. В этом плане она могла бы многому у него поучиться.

— Я думаю, что король не сильно рассердился на вас за вчерашнее опоздание, — сказал он, найдя ее.

«Поэтому-то вы и отваживаетесь завязать со мной небольшую интрижку», — подумала она.

Она разговаривала с ним, но когда коснулась вопроса о месте при дворе, он искренне рассмеялся:

— Бедная моя малышка, да вы с ума сошли. Да чтобы попасть на самую незначительную должность, вам придется устранить со своей

дороги не менее 10 человек. Разве вы не знаете, что должности в королевской спальне продаются помесечно?

— Что вы имеете в виду?

— Каждый исполняет свою должность в течение трех месяцев. После этого должности пускают с аукциона. Короля это очень раздражает, ибо ему все время приходится видеть новые лица и принимать услуги тех, кто еще крайне неопытен. Поэтому-то король и не расстается с Бонтамом — своим главным слугой, и вынужден не только покупать ему это место, но и оплачивать право выкупать его вновь. Это, конечно, раздражает остальных!

— Боже! Как все это сложно! Да неужели король не может вмешаться и положить конец этой неразберихе?

— Он должен стараться одарить счастьем всех, — ответил маркиз с уверенностью в незыблемость этого обычая, который сродни смене времен года.

— А как же вы поступаете сами? Мне много говорили о вашей предусмотрительности.

— Люди сильно преувеличивают. У меня должность лейтенанта короля, которая, как» и плата за нее, одна из самых мизерных... А теперь, дорогая маркиза, я должен покинуть вас, так как мне кажется, что король скоро вернется в сад.

Показался Лувуа. Проходя мимо нее, он слегка поклонился и шепнул, что, к большому сожалению его, он должен сопровождать короля во время второй аудиенции и что только после этого он сможет уделить ей немного времени.

И, уже собравшись уйти, Лувуа представил ее молодому человеку, настолько бедно одетому, казалось, что ему не место в столь пышном собрании. Напудренный парик и кружевное жабо только неприятно контрастировали с его одеждой и оттеняли его и без того темное лицо.

— Да, — заявил он, подтверждая представление Лувуа. — Я посланник с острова Мадагаскар.

Тяжелая рука опустилась на плечо Анжелики так, что она чуть не подскочила. Обернувшись, она увидела человека во всем темном, чье имя, как она не напрягала свою память, она не могла вспомнить. Низкий хриплый голос, убедительный и непререкаемый, звенел у нее в ушах.

— Сударыня! Уделите мне немного времени вашего, мы должны поговорить с вами о деле.

— О каком деле, сударь?

И тут Анжелика вспомнила его. Это был месье Кольбер, министр

финансов, член Совета.

Кольбер под руку повел Анжелику к углу балкона. По дороге он сделал знак одному из своих служащих, чтобы тот подал ему содержимое большого черного бархатного мешка, в котором лежало несколько гроссбухов. Он взял один из них с желтыми завязками.

— Сударыня, я думаю, вам известно, что я не придворный дворянин, а торгаш — торговец мануфактурой. Вы же, хотя и благородного происхождения, но чрезвычайно деловая женщина. Сказать по правде, как член гильдии купцов, я обращаюсь к вам за советом.

Он пытался придать своей речи оттенок доверительности, но не преуспел в этом, и Анжелика рассердилась. Когда только люди перестанут напоминать ей это шоколадное дело!

Она поджала губы, но, взглянув на Кольбера, увидела, что лоб его покрылся потом, несмотря на прохладное утро. Парик его сидел косо, похоже было, что утром он торопил своего парикмахера. Ее неприязнь стала таять.

— Конечно, я занималась делами, — сказала она, — но не такими серьезными, как вы. Чем могу быть полезна?

— Этого я еще пока не знаю, сударыня. Может быть, вы сами подскажете мне. Я нашел ваше имя в списке акционеров Ост-Индской компании и обратил свое внимание на ваше благородное происхождение. Следовательно, вы находитесь в привилегированном положении, и так как ваши дела процветают, я подумал, что вы можете осветить мне некоторые детали, которых мне не хватает, чтобы разобраться в делах компании.

— Господин министр, вы не хуже меня знаете, что эта компания, так же как и другая, подобная ей, в которой у меня тоже есть акции, торгует с Америкой. И сегодня эти акции не стоят ни гроша.

— Я говорю не о стоимости акций, которые теперь не котируются, а о тех выгодах, которые вы приобрели, когда все потеряли на этом деньги.

— Моя подлинная выгода заключается лишь в том, чему меня научила эта авантюра: что нельзя из ничего сделать что-то. И я дорого заплатила за этот урок. Эти грабители из Ост-Индской компании рассчитывали на огромные доходы, а сами ничего не хотели делать, тогда как любой результат в этих отдаленных землях можно получить лишь после тяжелой работы.

Усталое лицо Кольбера как бы разгладилось и подобие улыбки появилось скорее в глазах, чем на губах.

— То, что вы сказали, согласуется с моим девизом: ничего не достигнешь без труда.

— Чем больше затрачено усилий, тем интереснее задача, — процитировала Анжелика, подняв палец. — И трудолюбие играет главную роль.

Улыбка осветила холодное лицо министра.

— Вижу, что вам известны мои слова, сказанные по поводу вышеупомянутой компании, — сказал он. — Не думаю, что кто-нибудь из других держателей акций был знаком с ними.

— Мне хотелось знать мнение человека с таким большим опытом. Предприятие казалось таким солидным, перед ним открывались такие возможности...

— А как вы думаете, что нужно для того, чтобы это предприятие процветало? — быстро спросил Кольбер.

Затем, в своей обычной суховатой, монотонной манере, он принялся перечислять тайные и явные владения мадам дю Плесси де Белльер, она же мадам Марен:

«... полное владение кораблем «Сент-Джон Батист», вооруженным 12 пушками, для торговли и доставки какао, перца, специй и ценной Дровесины с Мартиники и Сан-Доминго...

— Правильно, — подтвердила Анжелика, — должна же я продолжать свое шоколадное дело.

— И вы отдаете командование кораблем пирату Гвинану?

— Конечно, отдам.

— А вы знали, когда брали его к себе на службу, что он раньше служил у Фуке и угодил в тюрьму? Вы думали о серьезных последствиях этой акции или же сам Фуке посоветовал вам это?

— Я никогда не разговаривала с Фуке, — сказала Анжелика. — Фуке был опасным человеком, огромное богатство давало ему власть. Он злоупотреблял им. Но надо отдать ему должное, он умел выбирать себе компаньона. Чистая случайность привела ко мне Гвинана. Он превосходный моряк и отличный торговец. Потом он был в бегах, потерял своего покровителя. И я подумала, что он единственный человек, кто способен спасти мои инвестиции после разорения Ост-Индской компании, в которую я вложила кучу денег. Тогда-то я и взяла его к себе на службу. Кроме того, я была вдохновлена примером свыше.

— Что вы имеете в виду.

— Король... Он наказывает тех, кого считает виновным, но никогда не оттолкнет человека, наделенного каким-нибудь талантом.

И я, в меру своих скромных возможностей, взяла на службу пирата, но готова отдать его королю, если он потребует его себе. Она говорила с

воодушевлением и закончила с обезоруживающей улыбкой. Но, тем не менее, она не была удовлетворена разговором. Кольбер был заклятым врагом Фуке, и у него был целый набор ловушек, в которые он ловил Фуке в свое время. Все, что делал прежний министр финансов, теперь выставлялось напоказ.

— А этот корабль, который вы послали с товарами в Америку, почему бы вам не послать его в Индию? — без обиняков спросил Кольбер.

— Я думала об этом. Но в одиночку французский корабль не смог бы совершить такое плавание, а запасных кораблей у меня нет.

— Да, ваш «Джон Батист» сходил в Америку без происшествий. А что вы скажете об английских и датских кораблях, ведь они ходят в Индию регулярно и удачно.

— Они идут целыми флотилиями — от 20 до 30 кораблей разного водоизмещения. Они выходят из Ливерпуля или Гааги, объединенные одной целью.

— А почему французы так не поступают?

— Сударь, если этого не знаете вы, то что же вы хотите от меня? Быть может, дело в темпераменте, а, может быть, в деньгах. Могу ли, например, я одна собрать целую флотилию?

— Франции необходимо иметь промежуточную базу на полпути для пополнения запасов продовольствия и воды.

— Мадагаскар, к примеру?

— При условии, что ни военные, ни гражданские власти не будут вмешиваться в торговлю.

— А кто же будет управлять островом?

— Ну, конечно, люди, которые научены хозяйничать на новых островах. Я имею в виду купцов.

До этой минуты Анжелика была совершенно серьезна, но тут расхохоталась.

— Сударыня, мы говорим о серьезных делах! — рассердился Кольбер.

— Простите, не могу отделаться от мысли, что какой-нибудь сверхблагородный дворянин, вроде маркиза де Вальер, будет управлять дикарями.

— Вы сомневаетесь в его храбрости, сударыня? Мне достоверно известно, что он достойно проявил себя на королевской службе.

— Дело не в храбрости, а в том, что бы он стал делать, высадившись на берег, если бы увидел толпу полуголых дикарей, осадивших его. Скорее всего, половину он бы перебил, а половину сделал рабами.

— Рабы — основной объект торговли. Они хорошо компенсируют все

вложения.

— Я не отрицаю этого, но это не тот путь, чтобы развивать промышленность в стране. Это как раз те самые методы, которыми пользуется Франция, стремясь задержать развитие прогресса.

Кольбер внимательно взглянул на нее.

— Черт побери... — он потер щетинистый подбородок.

— М-да... за эти десять минут я узнал больше, чем за те бесВечные ночи, которые я провел над этими проклятыми отчетами.

— Сударь, мой совет — это предостережение. Просто я прислушиваюсь к взаимным обвинениям моряков и купцов, но...

— Вы не могли не обратить внимания на их слова. Благодарю вас, сударыня. Вы оказали мне большую честь, если бы подождали меня с полчаса в вестибюле.

— Больше получаса мне не выдержать, — ответила она.

Она вернулась в вестибюль, где маркиз де ла Вальер со злорадством сообщил ей, что Лувуа искал ее и, не найдя, отправился завтракать.

Анжелика сдержала взглас разочарования, это была судьба.

Она так стремилась поговорить с молодым военным министром, расспросить его о положении дел при дворе, попросить его походатайствовать о ней, а теперь, благодаря неожиданной встрече с Кольбером, который лишь поговорил с ней о морской торговле, она упустила удобный случай. Ей нельзя было терять времени.

Кто знает, какая злодейская мысль может зародиться в голове Филиппа? Если она так открыто сопротивляется ему, он не остановится перед тем, чтобы снова запереть ее. Муж обладает абсолютной властью над своей женой. Надо ей постараться поскорее закрепиться здесь, при дворе, иначе будет поздно. Анжелика была рассержена и разочарована. Ее смятение усилилось, когда она услышала, как придворные сказали, что Его Величество отложил прием на следующий день и что всем можно расходиться.

Когда Анжелика была почти у выхода, к ней обратился один из служащих Кольбера:

— Сударыня, не будете ли вы так любезны пройти со мной. Они вас ждут.

Помещение, куда он ее проводил, было достаточно изящным, но не особенно просторным, как большинство других. На двух окнах висели темно-голубые шелковые гардины, отделанные золотыми серебряными лилиями, которые гармонировали с обивкой высоких кресел.

Подобно другим деревянным изделиям Версаля, кресла были

украшены позолоченными аппликациями, изображавшими гирлянды из фруктов и листьев винограда. Сочетание золотого и темно-голубого цветов создавало величественную, пышную атмосферу. Анжелика окинула взглядом комнату. Несомненно, эта комната принадлежала мужчине. В дальнем конце помещения, перед столом, состоявшим из мраморной плиты, поддерживаемым позолоченными ножками, спиной к ней стоял Кольбер. За противоположным концом стола сидел король. Анжелика приоткрыла рот от удивления.

— А, вот и моя собеседница, — сказал министр, оборачиваясь. — Подойдите сюда, сударыня, и расскажите Его Величеству о ваших познаниях в качестве представителя Ост-Индской компании. Они достаточно хорошо могут осветить некоторые аспекты сложившейся ситуации.

С обычной любезностью, которую он проявлял по отношению к женщинам, Людовик поднялся и поклонился ей. Анжелика, смутившись, поняла, что она даже не оказала ему должного почтения. Она тут же сделала глубокий реверанс, мысленно проклиная Кольбера.

— Я не замечал за вами склонности к шуткам, месье Кольбер, — сказал король, — и не ожидал, что ваш знаток морского и торгового дела явится в образе прелестнейшей дамы моего двора.

— Тем не менее, мадам дю Плесси де Белльер является одним из основных держателей акций этой компании. Она оснастила корабль орудиями и собралась вести торговлю с Индией, но, изучив состояние дел, обратилась все-таки к Америке. И она сама может изложить вам причины своих планов.

— Говоря откровенно, сир, — сказала Анжелика, — мне очень жаль, что вы придаете такое большое значение моему рассказу. Да, действительно, у меня есть некоторые вложения в морскую торговлю. Мой управляющий часто жалуется мне на трудности своей работы, но я понимаю во всем этом не больше, чем в сельском хозяйстве, хотя мои арендаторы плетут мне длинные жалостливые рассказы о скудных урожаях.

— Вы закончили свою маленькую комедию? — покрылся пятнами Кольбер. — Только что вы разговаривали со мной с полным знанием дела, и вдруг стали рядиться в шутовские одежды. Или вы боитесь короля?

Король снова сел. Он доверял своему министру и решил, что сможет получить кое-какую полезную информацию из этого необычайного интервью. Он смотрел на Анжелику ясным пронизательным взором. Она читала в его глазах понимание, и это качество казалось ей довольно

необычным для 27-летнего монарха.

Анжелика сама, подобно ему, сумела в удивительно короткое время пройти путь от юности к возмужанию. И она чувствовала, что между нею и королем установилась взаимопонимание.

— Я знаю, что Ваше Величество не жалуется различного рода чудачества. И если какая-либо женщина при вашем дворе будет вовлечена в коммерцию или кораблевладение... то я боюсь...

— Вам нечего опасаться моего неудовольствия. И не старайтесь доставить мне удовольствие, уклоняясь от истины, — сказал король довольно строгим голосом. — Если месье Кольбер полагает, что ваша информация может помочь нам, то не вам решать, как я к этому отнесусь, хорошо или плохо. Прошу вас учесть, сударыня, что ваш долг — служить нашим интересам!

Он не пригласил ее сесть, давая этим понять, что она ничем не лучше остальных придворных, которые не имели права сидеть в его присутствии, если только не получали на это особого разрешения.

— Итак, ваш корабль отказался от торговли с Индией, несмотря на ваше желание послать его туда и несмотря на те выгоды, которые вы надеялись извлечь из этого путешествия. Большинство капитанов, следует признать, сделали то же самое. Но каковы причины этого — до сих пор это остается для меня загадкой.

Анжелика рассказала, какому риску подвергаются корабли, плавающие близ Португалии и берегов Африки. Уже не одно столетие пираты промышляли грабежом судов, плывущих без конвоя.

— А не преувеличиваете ли вы опасность, сударыня? Мне приходилось слышать много рассказов о путешествиях к берегам Индии одиночных французских кораблей, да еще и вооруженных куда более слабо, чем ваш. И они со славой возвращались из этих одиссей, жалуясь лишь на штормы. Но к этому-то они были подготовлены. У меня есть точные данные о времени их отплытия и возвращения. Так почему же, если это доступно другим, ваш корабль не может достичь Индии?

— Потому что это купеческий корабль, сир. Сравните тоннаж кораблей, и вам все станет ясно. Большинство кораблей, о которых вам докладывали, — это военные суда, хотя они могут считаться и торговыми. Они превосходят по скорости пиратские суда. Они выходят из портов практически пустыми, да и возвращаются налегке. Все это не подходит для коммерческих целей.

Корабль большого тоннажа, да еще и нагруженный товарами под самый планшир, станет хорошей добычей для быстроходных алжирских

или марокканских галер. Лишь благодаря мужеству матросов мой корабль дважды избежал гибели. И в обоих случаях была кровавая схватка.

Один раз в Гасконском заливе, а другой — в Атлантике, у берегов Африки. Чуть не половина моих матросов были убиты и ранены. И я отказалась от этой опасной затеи...

На лице Кольбера светилось удовлетворение и восхищение. Редко когда суть дела была выражена так ясно.

Король задумался. Наконец он сказал:

— Так значит, все дело в конвое?

— Совершенно верно. Так поступают и датчане и англичане.

— Мне не нравятся эти нации, но было бы глупо не позаимствовать все хорошее из стратегии наших врагов. Слушайте, Кольбер. Отныне, когда наши большие купеческие корабли будут уходить в плавание, их должны сопровождать военные корабли... — Недоверчивый взгляд Анжелики прервал его. — Вы в чем-то сомневаетесь, сударыня? — в его голосе сквозила ирония. Людовик XIV не мог без усмешки выслушать советы хорошеньких женщин. Но Анжелика не собиралась сдаваться.

— Я думаю, что месье Кольбер не рассказал вам о всех трудностях этого предприятия. Французы привыкли плавать в одиночку, каждый идет своим путем. Одни уже готовы выйти в море, а другие еще ищут деньги для покупки оружия.

Только крупные владельцы имеют достаточно средств, и если бы они смогли договориться друг с другом, то плавание караванов стало бы безопасным.

Луи оперся рукой на стол.

— Теперь они будут делать это по приказу короля. Кольбер после минутного колебания сказал:

— Мадам, может быть, это и не вполне достоверная информация, но два года тому назад, когда экспедиция Монтевегю была послана на остров Мадагаскар, ваш корабль мог бы отправиться под ее защитой в Индию.

— Ваша информация верна, но мы не смогли достичь соглашения, да я и не сожалею об этом.

— Почему?

— Я не хотела оказаться втянутой в предприятие, которое было обречено на провал.

Король слегка покраснел, несмотря на свое самообладание.

— Разве вы не понимаете, что это по моему приказу была отправлена эта экспедиция в помощь Ост-Индской компании с целью создать порт на острове Мадагаскар?

— Это была превосходная мысль, сир, и этот порт необходим. Но корабли экспедиции были старыми, к тому же их выпустили без надлежащего ремонта. Капитаны кораблей мечтали о легких победах, а порт на острове полагали райским садом. Они не предполагали, что им придется пройти не менее 50 миль вглубь острова, прежде чем они встретят пресную воду, добавьте к тому же еще и враждебность местных племен.

Короче, эти люди были храбрыми, но совершенно непрактичными, не исключая и месье Монтевегю, их предводителя. Они пребывают теперь в ужасном положении.

Глаза короля сузились. Он хранил долгое молчание, пока говорила Анжелика. Она почувствовала страх, но все же довела свою речь до конца, как перед тем и приказал ей король.

— Как же это получилось, сударыня, что вы единственная знали о тех трудностях, которые подстерегали Монтевегю на острове Мадагаскар? Его второй помощник высадился в Бордо четыре дня тому назад. В Версале он был сегодня утром. Ему было дано строгое указание ни с кем не разговаривать по дороге, пока он не даст отчет мне. Я тоже отложил все дела, чтобы выслушать его. И он только что вышел отсюда.

— Сир, у мореплавателей нет секретов. На протяжении этих двух лет иностранные корабли не раз заходили на Мадагаскар и частенько из чувства сострадания брали на борт больных и раненых в схватке с туземцами моряков и отвозили их на родину.

Людовик устался на Кольбера.

— Так значит, месье Монтевегю понадобилось два года, прежде чем он смог отправить мне доклад о состоянии дел на острове, хотя он знал, с каким нетерпением я жду этого сообщения!

— Стала бы я ждать два года в неведении о судьбе своего корабля! — воскликнула Анжелика.

— Ха! — вырвалось у короля. — Вы хотите сказать, сударыня, что ваша система связи более совершенна, чем у короля Франции?

— В некотором смысле да, сир. Ваше Величество признает лишь прямую связь. Два года — это не такой уж долгий срок, чтобы корабль добрался до места назначения и вернулся, не считая того времени, которое нужно для ознакомления с островом. Я же заключила договор с датской компанией, и, когда любой из их кораблей встречается с моим, они обмениваются информацией.

— Снова датчане, — отшутился король. — А французские предприниматели заключают с ними сделку, не считаясь с тем, что это

может закончиться изменой государственным интересам.

— Измена — это слишком сурово, сир. Разве мы находимся в состоянии войны?

— Нет, конечно! Но в этом есть что-то, что очень раздражает меня, месье Кольбер. Неужели Франция, вы слышите Франция, должна уступить первенство на морях каким-то рыболовам! Во времена моего деда, Анри IV, у французского флота была громадная слава.

Его значимость была так велика, что англичане, датчане и даже венецианцы предпочитали плавать по Средиземному морю под французским флагом. Считалось, что это обеспечивает им защиту, из-за соглашения между Францией и Высокой Портой.

— Но тогда лишь в Средиземном море насчитывалось свыше 1000 кораблей, — сказал Кольбер.

— А теперь?

— 50 кораблей с числом орудий от 24 до 120 на борту. И все пять классов судов вооружены на один и тот же манер. Это позор, сир!

Король откинулся в кресле и стал размышлять, устремив взгляд на одну точку. Его густые каштановые волосы красиво выделялись на голубой обивке, на которой была вышита золотая корона в обрамлении золотых лилий.

— Я не собираюсь выяснять у вас причины, которые привели вас сюда, — сказал он после минутного молчания. — Они мне и так достаточно хорошо известны. Мы еще не закончили процесс исправления всех тех безобразий, которые в течение многих лет творились в нашем государстве. Я был еще совсем юным, когда впервые стал обращать внимание на то, что творится в разных частях страны, и оказалось, что мне во все надо вмешиваться. Повсюду царит беспорядок. Надо начинать с главного. Сейчас настало время заняться настоящим делом, Кольбер.

— Я полностью к вашим услугам, сир.

Король поднялся. Министр поклонился и попятился задом, через каждые три шага останавливаясь и вновь кланяясь.

Анжелика, которая внезапно почувствовала себя страшно усталой и проголодавшейся, пошла вслед за ним.

— Останьтесь, сударыня, — окликнул ее король. Он внимательно посмотрел на Анжелику.

— Вы собираетесь завтра быть на охоте?

— Конечно, сир.

— Я скажу маркизу, чтобы он помог вам быть в хорошем расположении духа.

У Анжелики вырвался вздох облегчения.

— О сир, при таких условиях я буду непременно.

В это время появился придворный из свиты короля — герцог Шаро.

— Ваше Величество будет присутствовать на банкете или вам накрыть отдельно?

— Давайте не будем разочаровывать тех, кто собрался на банкет, чтобы лицезреть короля. Пойдемте к столу.

Анжелика глубоко поклонилась и вновь направилась к выходу. Король снова остановил ее.

— Мне известно, что у вас есть сыновья. Они уже достаточно зрелые, чтобы их взять на службу?

— Сир, они еще очень молоды — шесть и восемь лет.

— Это возраст дофина, а ему уже пора выходить из-под женской опеки. Я бы хотел, чтобы у него появились товарищи для игр и разного рода соревнований.

Анжелика поклонилась в третий раз под завистливыми взглядами собравшихся придворных...

Глава 5

Целая армия слуг под командованием своих начальников накрывала на стол и готовила приборы, строго следуя дворцовому этикету. Еще раз проверив все, главный дворецкий пригласил тех представителей королевского двора, которым было дозволено присутствовать при трапезе Его Величества.

Все расселись на заранее определенные каждому места, а в это время в коридорах и проходах толпились те, кто мог только лицезреть короля, направляющегося к трапезе.

Король появился в дверном проеме, на секунду остановился, наклонив голову в ответ на глубокие реверансы придворных, затем последовал в зал и занял место за столом.

Тут же монсеньер, его брат, вскочил и, низко кланяясь, подал королю его салфетку.

Стража в прихожей разгоняла толпу, чтобы расчистить проход для парадной процессии, которая по торжественности скорей походила на церковную.

Высокий стражник сопровождал слуг, несущих на своих плечах огромный ковчег, покрытый накидкой, расшитой серебром. В ковчеге находилось блюдо для короля.

Мимо королевского стола медленно потянулась толпа, состоявшая из торговцев и их жен, приказчиков, мастеровых — и все старались запечатлеть в своей памяти мельчайшие подробности происходящего. И, казалось, их не столько поражало обилие хрусталя и золота, сколько лицезрение самого короля Франции.

Король говорил мало, но сам не пропускал ничего. Анжелика увидела, как он сделал легкий поклон в сторону одной из придворных дам, и тут же дворецкий подал ей скамеечку для ног.

Но подавляющее большинство женщин, сидящих и стоящих в зале, не получили ни одного взгляда короля, а следовательно, и скамеечки. Среди них была и Анжелика. Ее ноги затекли от усталости.

Мадам Шуази, стоявшая рядом с ней, прошептала: — Я слышала, что король расспрашивал вас о сыновьях. Какая вы счастливая, моя дорогая! Не упускайте удобный случай. Вашим сыновьям будет открыт широкий путь, если они попадут в избранный круг. Воспитание, которое они получают при дворе, пригодится им на всю жизнь последующую. Взгляните

на моего сына.

Я стала наставлять его на этот путь, когда он еще был крошкой. Сейчас ему нет еще и двадцати лет, а он уже научился сам пробивать себе дорогу и теперь скоро получит сан епископа.

Анжелику в настоящий момент меньше всего занимало будущее Флоримона и Кантора, а как бы утолить голод или хотя бы присесть. Она потихонечку вышла из банкетного зала и подошла к группе женщин, стоивших у карточного стола.

Лакеи проходили мимо них с блюдами, полными еды, и женщины, не отрываясь от карт, прямо пальцами хватили оттуда лакомые кусочки.

Высокая, полная женщина поднялась и расцеловала Анжелику в обе щеки. Это была Великая Мадемуазель — мадемуазель де Монпансье.

— Я всегда восхищалась вами, дорогая. Двор обошелся с вами несправедливо. Сколько раз за последнее время я пыталась узнать, где вы находитесь, но не осмеливалась спросить самого короля. Каждая наша встреча с ним плохо начинается, а кончается еще хуже. И хотя он мой кузен, мы плохо понимаем друг друга. Но наконец-то вы здесь. Похоже, вы пытаетесь кого-то отыскать?

— Простите, Ваше Высочество, но я просто хотела найти место, чтобы присесть и отдохнуть.

Благородная принцесса в страхе оглянулась.

— Да, вам действительно нельзя сидеть здесь. С нами находится мадам — Генриетта Английская.

— Мое положение не позволяет мне сидеть даже в вашем присутствии. Ваше Высочество.

— Вот тут-то вы ошибаетесь. Вы женщина благородного происхождения, а я всего лишь одна из правнучек короля Франции, Генриха четвертого. Так что в моем присутствии вы смогли бы Сидеть, и я была бы рада разрешить вам это. Но поскольку здесь присутствует мадам, которая замужем за монсеньером, это абсолютно невозможно.

— Понимаю, — вздохнула Анжелика.

— Но, — предложила Великая Мадемуазель, — включайтесь в нашу игру. Нам как раз требуется одна партнерша. Мадам Ариньи только что проиграла последнее су.

— Но как я смогу играть не присев?

— Но тогда вы сможете присесть, — сказала принцесса.

Она подвела ее к мадам, которая, рассеянно улыбнувшись, посмотрела на раскланивающуюся Анжелику. Она был слишком поглощена картами, раскрытыми в ее руке.

Не успела Анжелика присесть, как появилась мадам де Монтеспан и схватила ее за руку.

— Поторопитесь, я могу сейчас вас представить королеве. Анжелика пробормотала какое-то извинение и помчалась за подругой.

— Атенаис, — говорила она на ходу, — вы должны просветить меня относительно одного очень важного церемониала. Мне объяснили, но я не поняла. Когда, почему и при каких обстоятельствах и какого звания дамы при дворе могут сидеть?

— Почти что никогда. Ни в присутствии короля, ни в присутствии королевы. А, кроме того, имеется целая куча правил, а еще больше — исключений из этих правил. Вот почему иметь право сидеть — это мечта каждой дамы. Так повелось с незапамятных времен.

Вначале это касалось только мужчин, теперь же распространилось и на женщин. Банкетка или скамеечка для ног — это символ высокого ранга или высшей милости. Вы приобретаете его, только если входите в родню короля или королевы. Правда, есть еще и другие условия. " — Какие?

— Игра в карты, к примеру. Если вы играете, то можете сидеть даже в присутствии короля. То же самое при шитье — лишь бы пальцы ваших рук были заняты подобием работы. Некоторым разрешено сидеть даже тогда, когда они просто держат в руках ленты. Так что путей для этого много.

Королеву одевали и причесывали, готовя ее к вечернему приему. На столике перед ней лежали драгоценности, которые она примеряла поочередно.

Анжелика сделала реверанс и поцеловала королеву руку, затем отступила в сторону. Мысли ее вернулись к той инфанте, которую она видела в Сен-Жан-де Лув, во время свадьбы. Куда подевались ее шелковистые пепельные волосы, ее тяжелые испанские юбки, длинные, как ее родословная?

Королева была одета по последней французской моде, которая совсем не шла к ее полной фигуре. Заметив, что Анжелика рассматривает ее, королева сказала:

— Посмотрите сюда.

Алмазное ожерелье поблескивало у нее на шее. Баркароль, игравший с собачкой королевы в уголке, заговорщически подмигнул Анжелике.

Погода была превосходной, и все вышли погулять по саду. Затем, когда стемнело и зажглись фонари, все вернулись переодеться в вечерние туалеты.

Анжелика одевалась в комнате, отведенной для гувернантки королевы. Мадам де Монтеспан обратила ее внимание на то, что ее

украшения слишком скромны для двора. Но у Анжелики уже не было времени вернуться в отель дю Ботрей в Париже, и пришлось обратиться к помощи двух ювелиров из Ломбардии, которые всегда сопровождали двор.

За умеренную плату они согласились ссудить ей прекрасные драгоценности. Анжелика вздохнула и вручила им «умеренную» плату, которая составила 200 ливров. На эти деньги она могла бы приобрести, по крайней мере, пару браслетов.

Затем она спустилась вниз, в большой зал, где ставили представление.

Король уже занял свое место. Согласно точно расписанному этикету в зале не было свободных мест, и Анжелике пришлось стоять в глубине зала, а шум аплодисментов из первых рядов не давал возможность ей услышать то, что происходило на сцене.

— Как вы находите пьесу Мольера? — раздался голос над самым ее ухом. — Она очень поучительна, не правда ли?

Голос был таким приятным, что Анжелике показалось, что она слышит его во сне, но, обернувшись, она увидела Филиппа, стоявшего рядом с ней.

Он был в розовом атласном костюме, отороченным серебряными галунами. Филипп улыбался.

Анжелика заставила себя ответить спокойно:

— Да, это одна из лучших вещей Мольера, но отсюда очень плохо видно сцену.

— Как жаль. Позвольте мне подобрать вам место получше. Он обнял ее за талию и повел за собой. Они легко продвигались сквозь толпу. Люди уступали дорогу главному распорядителю, тем не менее это мало радовало Анжелику. Они нашли место справа от сцены. И хотя им пришлось стоять, но видно и слышно было превосходно.

— Это хорошее место, — сказал Филипп. — Мы можем видеть сцену, а король может видеть нас. Что может быть лучше.

Он не снимал руки с талии Анжелики. Вдобавок наклонился к ней так низко, что его локоны касались щеки Анжелики.

Чуть поразмыслив, она пришла к выводу, что поведение мужа подозрительно.

— Вам что, так необходимо прижиматься ко мне? — прошептала она.

— Да, необходимо. Ваше вызывающее поведение насторожило короля. А я не хочу, чтобы король сомневался в моей верности ему. Любое его желание — приказ для меня!

— Так вот в чем дело!..

— Да, именно в этом. Смотрите мне прямо в глаза. Ни у кого не

должно быть сомнения в том, что месье и мадам дю Плесси де Белльер помирились.

— Это так важно?

— Так пожелал король.

— Ох, что вы...

— Спокойно...

Его рука сжала ее, как стальным обручем, но голос был тихим.

— Мне больно. Не будьте таким жестоким.

— Как бы я хотел быть им. Подождите, может, я и стану таким. Но сейчас не время и не место... Посмотрите, Арпулвер заставляет Агню читать 11 правил поведения для женатых. Слушайте внимательно, мадам.

Но Анжелике было не до пьесы. Ее беспокоило присутствие Филиппа рядом с ней.

«Если бы я только могла поверить, — подумала она, — что он обнимает меня безо всякой ненависти, без всяких воспоминаний о нашей ссоре...»

Она уже готова была повернуться к нему и сказать:

«Филипп, давайте перестанем вести себя, как неразумные дети. Нас многое связывает, и я верю, что мы можем быть вместе. Вы для меня все тот же мой старший кузен, которого я боготворила, когда была девочкой».

Она украдкой глянула на него. Перед ней стоял сам бог войны Марс, мужественный, неумолимый и холодный, как будто изваянный из мрамора.

Он носил свои пороки, как одежду, со знанием дела; и даже с оттенком какой-то скуки. И вместе с тем он производил впечатление человека, лишенного каких бы то ни было общечеловеческих чувств. Анжелике казалось, что она представляет для него интерес не больше, чем деревянная статуэтка.

В «Школе для женщин» Мольер описал мужчин, от торгашей до дворян, буянящих, когда их обманывают, и готовых тут же оказаться в смешном положении из-за пары блестящих глазок смазливой девчонки.

Но великий драматург ни разу не описал в своих пьесах человека, даже отдаленно похожего на Филиппа дю Плесси. И Анжелика не могла даже проникнуть в мысли этого человека.

— Мольер очень доступен, — сказал Филипп, когда пьеса закончилась, и они вернулись в танцевальную залу. — Он никогда не забывает, что пишет для короля и его двора, и описывает простолюдинов. Но он так хорошо знает человеческую природу, что каждый из нас без труда узнает себя в этих персонажах. Впрочем, обижаться не на что.

«А Филипп не так уж глуп», — подумала Анжелика. Он взял ее за

руку. Она вся внутренне сжалась от дурного предчувствия.

— Вы ведете себя так, будто я обжег вас, — сказал Филипп. — больше не буду обнимать вас при людях. Давайте поговорим о наших делах. Вы выиграли первый круг, женив меня на себе. Второй выиграл я, наказав вас, но, кажется, меньше, чем вы заслуживаете. Потом снова выиграли вы, прибыв в Версаль, несмотря на мой запрет. Началось новое состязание. Сначала я победил — я украл вас, но вы сбежали. Я даже не знаю, как это вам удалось. Чья же очередь теперь?

— Это решит судьба.

— И то оружие, которым владеет каждый из нас. Может быть, опять ваш черед выигрывать. У вас хорошие возможности. Но я хочу предостеречь вас: окончательная победа останется за мной. У меня репутация человека упорного и умеющего пользоваться своим оружием. Готов поспорить, что благодаря мне вы, в конце концов, окажетесь в монастыре, без всякой надежды выбраться оттуда.

— А я готова поспорить, что вскоре вы потеряете голову от любви ко мне.

Филипп помрачнел. У него перехватило дыхание, он как бы захлебнулся от гнева, услышав такое предположение.

— Ладно, давайте спорить, — сказала Анжелика. — Поскольку вы первый предложили это. Если выиграете вы, то я передам вам все свои деньги, все предприятия и корабли. Какая мне будет от них польза, если я окажусь запертой в монастыре, полуголодная и доведенная до помешательства вашими издевательствами?

— Вы смеетесь надо мной! — воскликнул он угрожающе, глядя на нее. — Ладно, смейтесь, смейтесь, — добавил он угрожающе.

— А что же мне остается делать? Не могу же я все время плакать! — и тут же слезы брызнули из ее глаз. Но она гордо вскинула голову и под драгоценным ожерельем на ее шее он увидел следы синяков, в которых был виноват сам.

— Но если выиграю я, Филипп. — сказала она, — вы отдадите мне золотую цепь — вашу семейную реликвию, которую по наследству старший сын вашего рода одевает на шею своей нареченной. Я не могу точно вспомнить историю, связанную с этой реликвией, Но говорят, она обладает волшебной властью и придает женщинам из рода дю Плесси де Белльер мужество и добродетель.

— Вам она совершенно ни к чему, — быстро отпарировал Филипп и широким шагом пошел прочь.

Так много мыслей теснилось в голове Анжелики, что обратный путь

из Версаля в Париж показался ей коротким. Ей даже не верилось, что три дня промчались, как один миг.

Относительная тишина в отеле дю Ботрей успокоила ее. Она легко поужинала и отправилась спать. Проснувшись утром, она тут же Уселась за письмо к своему отцу в Пуату, приглашая его незамедлительно приехать в Париж со своими слугами и обоими сыновьями — Флоримоном и Кантором, которые находились на его попечении уже в течение нескольких месяцев. Но когда она позвонила, чтобы вызвать своего личного почтальона, слуга напомнил ей, что тот еще несколько дней назад скрылся вместе с лошадьми, так что и ее конюшнях не осталось ни экипажей, ни лошадей, ни слуг.

Анжелика едва сдержала свой гнев в присутствии слуги. Она приказала отказать от места любому из этих предателей, если кто-нибудь из них вернется обратно, а также не выплачивать им последнее жалованье.

Слуга, по имени Роджер, заметил на это, слишком мало шансом на то, что они вернутся, ибо их уже взял на службу маркиз дю Плесси де Белльер. Да и все лошади и экипажи переместились и конюшни маркиза.

— Здесь распоряжаюсь я! — воскликнула Анжелика.

Она тут же приказала Роджеру немедленно отправиться на Гревскую площадь и нанять новых лакеев, а затем на ярмарку в Сен-Дени за четверкой новых лошадей, да прикупить еще парочку пол седло.

Затем ему нужно будет пойти в мастерскую по изготовлению экипажей и заказать там эмблему золотого колеса, такую же какая была на прежних ее экипажах.

Но это были деньги, выброшенные на ветер. Филипп совершил воровство, не более, не менее. Так почему бы ей не обратиться в суд? Нет, это означало бы показать ему свою слабость. А этою ей хотелось меньше всего.

— А как же быть с тем письмом, которое вы хотели отправив, в Пуату? — спросил Роджер.

— Отправьте его ближайшей почтой.

— Но почты не будет до среды.

— Ничего. Письмо может подождать.

Немного успокоившись, Анжелика села в портшез и приказала отнести себя на набережную Меджесери, где была ее лавка с экзотическими птицами. Она выбрала там красочного попугая, который ругался не хуже пирата. И хотя подарок предназначался Атенаис, она остановила свой выбор именно на нем.

К этому подарку она добавила еще и негритенка, одетого не менее

пестро, чем попугай. Его кожаные ботинки блестели, как его физиономия: Он походил на один из деревянных венецианских светильников, которые сейчас входили в моду.

Анжелика знала, что мадам де Монтеспан будет тронута ос щедростью. Но игра стоила свеч. Атенаис, пожалуй, единственный человек из королевского двора, который направит ее на правильным путь.

На следующий день Анжелика решила, что она не может обойтись без королевского двора, и тут же отправилась в Сен-Жермен, который Людовик XIV уже в течение трех лет считал своей излюбленной резиденцией.

Глава 6

Как только выпал первый снег, а в этом году это случилось рано, весь двор направился в Фонтенбло.

Серые тучи низко нависли над вереницей повозок, экипажей, пеших и конных, двигавшихся по полям, укрытым чистым белым покрывалом снега.

Казалось, весь город был на марше. Когда спустились сумерки, зажгли факелы, и вскоре вся процессия подошла к воротам.

Анжелика повсюду искала Филиппа: то ли она хотела увидеть его, то ли боялась встретиться с ним — она и сама не могла решить. Она отчетливо понимала, что добра от их встречи ждать не приходится. Он не дарил ей ничего, кроме грубых слов и мрачных взглядов.

Сам он, казалось, забыл о ее существовании, а, может быть, это была только дарованная ей передышка. Она знала, что ей надо быть начеку, ибо, повстречавшись с Филиппом, она была не в состоянии сдерживать свои чувства: втайне она мечтала, что ее детские мечты сбудутся. Перед ним она была той же маленькой девочкой, благоговевшей перед своим великолепным кузеном.

«Как долго, — думала она, — длятся детские мечты!» В первый день пребывания в Фонтенбло она не встретила Филиппа. Он был целиком занят приготовлениями к охоте. Придворные передавали друг другу истории о волках, которые прямо терроризировали местных крестьян.

Овец волки таскали десятками, даже рассказывали о десятилетнем мальчишке, на которого они напали и загрызли. Местные жители рассказывали о вожаке стаи, который размером с «хорошего теленка». Он разгуливал прямо по окраинам деревушек, и ничто не могло напугать его.

По ночам люди слышали его рычание и вой прямо под дверями своих домов. Дети в испуге жались к матерям и рыдали от страха. Никто не отваживался ходить по деревне с наступлением темноты. Охота неожиданно приобрела черты освободительной компании, ибо все горели желанием избавиться от чудовища. Десятки крестьян вышли на охоту, вооруженные пиками и вилами. Никто не хотел оставаться в стороне.

Рассказы о таких страшилищах были известны всем с детства. Едва ли нашелся хотя бы один придворный кавалер или дама, у кого в детстве не стыла бы кровь в жилах от подобных страшных рассказов.

Звук охотничьего рога разбудил эхо в поросших лесом ущельях

Фонтенбло. Бодрые звуки всколыхнули память Анжелики, ей припомнились старые, давно забытые образы. Она опустила поводья и прислушалась.

Ах, лес! Сколько же времени прошло с тех пор, как она была во власти его очарования! Сырой пронзительный ветер, наполненный запахом гниющих деревьев и листьев, смыл с души весь смрад и зловоние Парижа и отнес ее вспять, к дням ее детства.

Она вновь карабкалась по ветвям, усеянным красными яблоками, снова слышала шорох снега, осыпающегося с верхушек деревьев. Она вдруг воочию увидела ярко-красные бусинки вечнозеленого падуба, выглядывающие из зарослей.

И тут она вспомнила, как она собирала их полными горстями накануне рождества. Как давно это было! Неужели одной маленькой веточки достаточно, чтобы перекинуть мост через ту пропасть, которая лежала между Анжеликой де Сансе и Анжеликой дю Плесси де Белльер? Ее охватило чувство непередаваемой радости.

Спрыгнув с лошади, она привязала Цереру к кусту орешника и побежала к падубу. Из кучи безделушек, подвешенных к ее поясу, она выбрала небольшой ножичек с искусно отделанной жемчугом ручкой, которым она пользовалась для разрезания фруктов. Она не обратила внимания, что звуки рога и крики охотников удаляются. Она не заметила, как насторожилась Церера, пока вдруг кобыла не рванула поводья, которыми она была привязана к кусту, и не помчалась прочь как бешеная.

— Церера, — закричала Анжелика, — Церера!

И только тут она сообразила, что заставило ее лошадь умчаться. Сквозь густые заросли кустарника показались еще неясные очертания животного.

— Волк!

— Инстинктивно отступая под защиту кустов, она осознала, что это и была гроза всей округи. Спина волка была высоко выгнута дугой, он оцетинился. Не двигаясь и не мигая, он смотрел прямо в лицо Анжелике, глаза его горели дьявольским огнем. Он был просто чудовищных размеров, и его серая окраска сливалась с фоном густых зарослей.

Анжелика пронзительно завизжала. Зверь подпрыгнул и немного отступил назад, потом стал медленно приближаться к Анжелике, пасть его раскрылась, обнажив огромные клыки. В любое мгновение он мог прыгнуть прямо на Анжелику.

Через плечо Анжелика увидела высокий каменный выступ, который нависал над ней.

«Я должна взобраться на него, — сказала она себе, — и как можно выше».

Собрав все свое мужество и ловкость, она ухитрилась вспрыгнуть на нижний край выступа. Но дальше ноги ее скользили по отвесному краю. Ей не за что было уцепиться.

Волк тоже прыгнул, но ухватил только подол ее платья. Затем, припав к земле, он улегся и принялся терпеливо ждать, когда она сорвется со скалы. Его желтые глаза неотрывно следили за ней.

Она вновь закричала изо всех сил. Сердце ее стучало так сильно, что она ничего не слышала, кроме его барабанного стука. Она торопливо пыталась вспомнить слова молитвы:

— Боже милостивый, боже, не дай мне умереть такой смертью... «Сделай что-нибудь, о боже, сделай что-нибудь»...

Неожиданно рядом с ней раздался топот лошади и так же неожиданно затих, подняв кучу снежной пыли. Всадник вспрыгнул наземь.

Как во сне, Анжелика узнала в этом высоком человеке своего мужа, Филиппа дю Плесси де Белльер. Он в одну секунду оценил ситуацию.

Волк обернулся навстречу новому противнику. Медленно и бесстрашно Филипп пошел ему навстречу. В его руке блестел длинный охотничий нож. Когда между ними оставалось не более двух ярдов, зверь прыгнул, обнажив острые, как ножи, клыки.

Быстрым, как молния, движением Филипп выбросил вперед левую руку, зажав, как тисками, горло зверя. Правой он полоснул ножом брюхо волка. Кровь фонтаном брызнула на снег, зверь скорчился в последних муках. Филипп рывком сбросил труп на землю, и на снег вывалились внутренности животного.

Отовсюду стали появляться всадники. Лакеи хлыстами отгоняли беснующуюся свору собак от трупа волка.

— Отличная работа! — похвалил Филиппа король.

В общей суматохе на Анжелику почти не обратили внимания. Она спрыгнула с уступа, стряхнула платье и поправила свою шляпу. Один из доезжачих подвел к ней лошадь. Это был один из тех старых слуг, которые выросли на королевской охоте. Он прискакал за Филиппом одним из первых и успел застать последнюю сцену охоты.

— Вы хорошо поохотились, мадам, не так ли? — сказал он. — Мы знали, что волк где-то поблизости, и когда увидели вашу лошадь без наездницы и услышали крики ваши... Клянусь честью, мадам, впервые в жизни я увидел, как побледнел наш главный ловчий, смертельно побледнел...

Анжелика увидела Филиппа лишь на празднике, который был устроен в честь удачной охоты. Она боялась подойти к нему, так как помнила его окровавленный камзол и тот свирепый взгляд, которым он наградил ее, когда она садилась на лошадь.

Несомненно, он испытывал огромное желание вздуть ее как следует. И тем не менее она почувствовала, что благодарная жена за спасение ее жизни собственным мужем должна, по крайней мере словесно, суметь поблагодарить его.

— Филипп, — обратилась она к нему, обратив его внимание на ; себя между переменами блюд. — Я очень признательна вам. Страшно подумать, что было бы со мной, если бы не вы.

На какое-то мгновение он замешкался, ставя пустой бокал из-под вина на поднос лакея, проходившего мимо, затем резко повернулся к ней и схватил ее за талию с такой силой, будто хотел переломить ее пополам.

— Если вы не знаете, как вести себя на охоте, — прошипел он сердито, — вам следовало бы сидеть дома за шитьем. Вечно вы ухитряетесь поставить меня в затруднительное положение. Вы просто неграмотная лавочница. Я все равно найду способ удалить вас от королевского двора и избавиться от вас.

— Тогда почему же вы не позволили волку сделать свое дело, а ведь он к этому так стремился.

— Я должен был убить волка. И то, что произошло с вами, вовсе не заботило меня.

Перестаньте смеяться, у вас настоящая истерика. Вы, как и все женщины, считаете себя неотразимой и воображаете, что любой мужчина с радостью отдаст за вас свою жизнь. Я же человек иного склада. И когда-нибудь вы поймете, если это только уже не дошло до вас, что и сам я — волк.

— Я этому не верю, Филипп.

— Я смогу доказать вам это, произнес он с жестокой усмешкой, которая говорила о том, что скоро наступят еще худшие времена.

Затем он нежно взял ее руку и поднес к своим губам.

— Тот барьер, сударыня, который вы воздвигли между нами в день нашей свадьбы, никогда не может быть разрушен. Запомните это на всю жизнь.

С этими словами он яростно укусил ее за руку, которая в этот момент находилась прямо у его рта.

Анжелика призвала на помощь все свое самообладание, чтобы не

вскрикнуть от боли. Отпрянув от Филиппа, она толкнула принцессу, поднимавшуюся из-за стола. Та вскрикнула.

Анжелика побледнела и в смущении пробормотала:

— Простите меня, ваше высочество...

— Как вы неуклюжи, моя дорогая! А стоящий рядом Филипп добавил:

— Нам следует следить за собой, сударыня. Вина вам было многовато.

Его глаза злорадно блестели. Он сделал глубокий поклон принцессе, затем покинул женщин и присоединился к королю, который шествовал мимо.

Анжелика перевязала платком отметину, оставшуюся от зубов Филиппа. От боли она чувствовала себя ослабевшей. Вся дрожа, она вышла в вестибюль, где воздух был прохладнее, и присела на софу. Осторожно сняла повязку.

Рука ее посинела, а на месте укуса запеклись темные капельки крови. Нет, какой все-таки негодяй! Теперь сплетня о том, что мадам дю Плесси напилась до того, что толкнула принцессу, разойдется по всему дворцу. Да, у нее еще очень мало опыта пребывания при дворе. Ее заметил проходивший мимо маркиз де Лозен.

— Я в самом деле очень хочу отругать вас, — сказал он. — Опять одна! Всегда одна! Да это еще при дворе, да еще в такой прекрасный день! Да еще спрятались в этом углу, который называется здесь приютом Венеры. Вы пренебрегаете основными законами, принятыми в хорошем обществе, да к тому же идете против законов природы. Он подсел к ней и принялся распекать ее, как отец непослушное дитя.

— Что вас беспокоит, дорогая? Что за демон меланхолии вселился в вас, что вы решились отвергать все наши комплименты и ухаживания, которые мы вам так галантно предлагаем? Или вы забыли о том, что небеса одарили вас чрезвычайной привлекательностью? Ладно, Анжелика, не принимайте мои слова всерьез.

Он поставил свой палец к ней под подбородок и повернул к себе ее лицо.

— Вы плачете? Из-за мужчины?

Рыдания сдавили ей горло, и она смогла лишь кивнуть головой.

— Ну-ну, — сказал Лозен, — это настоящее преступление. Вы должны заставлять плакать других, а не наоборот. Моя крошка, на земле нет такого мужчины, который был бы достоин слезинки в ваших глазах. Даже я, хотя...

Анжелика попыталась улыбнуться. Она вновь обрела голос.

— Ах, все не так уж плохо. Я просто изнервничалась, И чувствую себя

нездоровой.

— Что у вас болит? Она показала свою руку.

— Какое чудовище посмело это сделать? — с возмущением воскликнул Лозен. — Назовите мне его имя, и я тут же потребую у него удовлетворения!

— Не принимайте это близко к сердцу, Пегилен. К сожалению, он имеет на меня все права.

— Вы имеете в виду вашего мужа, красавца маркиза? Анжелика в ответ залилась слезами.

— Что еще можно ожидать от мужа, — с негодованием сказал Пегилен. — Что вас заставило выбрать именно его? И почему вы так настойчиво ищете с ним встреч?

Анжелика зарыдала еще сильнее.

— Ну, хватит, хватит, — ласково продолжал Пегилен, — не надо. Из-за мужчины, да еще из-за мужа. Золото мое, это совсем не в вашем стиле. Уже давно я хотел поговорить с вами о вашей доле. Но сначала осушите свои глазки.

Он вынул батистовый платочек и осторожно промокнул им ее Щеки и глаза. Она вздохнула и с благодарностью посмотрела на него. Он улыбнулся ей в ответ.

— Вам лучше?

— Немножко.

— Мы все уладим, — сказал он.

В течение нескольких секунд он молча смотрел на нее. Альков, в котором они находились, был несколько в стороне от дороги, по которой ходили придворные и сновали вездесущие лакеи.

Почти всю ее площадь занимала софа. К тому же альков закрывали занавеси, скрывавшие их от любопытных взглядов. Лучи заходящего солнца светили в окне, но ранние сумерки зимнего вечера быстро надвигались. Мраморные урны на террасе и замерзшие лужи у фонтанов блестели в вечерней дымке.

— Так это и есть приют Венеры? — спросила Анжелика голосом, еще не окрепшим от пережитых волнений.

— Да, здесь, мы укрыты настолько, насколько вообще при дворе можно укрыться от любопытных глаз. Всем известно, что слишком нетерпеливые любовники часто приходят сюда принести свои жертвы на алтарь любимого божества. Анжелика, неужели вы думаете, что вы правы, игнорируя эту богиню?

— Игнорировать богиню любви? Я скорее намерена осуждать ее за то,

что она отреклась от меня.

— Я совсем не уверен в этом, — мечтательно произнес он.

— Что вы имеете в виду?

Он тряхнул головой, а потом положил подбородок на пальцы так, как будто глубоко задумался.

— Проклятый Филипп, — вздохнул он, — кто может знать, что скрывается под шкурой негодяя? Уж не воспользовались ли вы каким-то порошком, растворенным в его стакане с вином, чтобы специально отвратить его от себя? Говорят, что колдунья с улицы Фобур Сен-Оноре может готовить снадобья, чтобы умерить пыл горячих любовников, а также и для тех, кто слишком холоден, чтобы приносить жертвы на алтарь Венеры. Я слышал об одном таком препарате, который называется польвий.

— Я не сомневаюсь в их существовании, но не прибегаю к ним. К тому же у меня нет никакой возможности заполнить стакан с вином для Филиппа.

Глаза Пегилена округлились.

— Вы хотите сказать, что ваш муж настолько безразличен к вашим чарам, что никогда не навещает вас?

— Да, — вздохнула Анжелика, — так оно и есть..

— Но... о чем же думает так называемый ваш муж?

— Этого я не знаю.

— Вот так-так! Но тогда... ваши... любовники? Анжелика не ответила.

— Вы хотите сказать, что у вас нет никого?

— Нет, конечно, Пегилен. Это правда.

— Не-пос-ти-жи-мо! Пегилен был поражен так, как будто ему сообщили новость о какой-то катастрофе. — Анжелика, вас следовало бы высечь за это.

— Почему? — запротестовала она. — Это не моя вина.

— Это целиком и полностью ваша вина. С вашей фигурой, вашими глазками только вас и можно винить в этом упущении. Вы совершенно ненормальное создание, злое и страшное. — Он положил палец к ее лбу. — Что творится в этой прелестной головке? Ничего, кроме расчетов, политики, деловых контактов, которые могут поколебать даже самого Кольбера? Делец-старикан может привлечь ваше внимание, а юноша, ослепленный вашей красотой, не удостоится его, если это только не будет связано с его деньгами. И ко всему этому лицо ангела, глаза, в бездонной глубине которых может утонуть не один мужчина, губы, влекущие к поцелую! Ваша жестокость — это изощренная пытка! Вы похожи на

богиню, которую можно видеть лишь в мечтах. И для кого все это? Скажите мне!

Анжелика была смущена его неистовой речью.

— С меня уже достаточно, — сказала она.

— Это происки дьявола. Что еще может женщина делать лучше, чем заниматься любовью? А вы, эгоистка, запрятали сами себя в неприступную башню.

Его настойчивость удивляла Анжелику.

— Это верно лишь отчасти, Лозен. — Кто знает, кем я являюсь на самом деле. Вы ведь никогда не были в аду.

Внезапно она почувствовала страшную усталость. Она откинула голову назад и закрыла глаза. Еще несколько минут тому назад она пылала, а теперь чувствовала, что кровь стынет в ее жилах. Такое бывает лишь в старости. Ей хотелось выплакаться Пегилену и просить о помощи, но подсознательно она чувствовала, что это сможет вовлечь ее в еще большую опасность. И тут же она решила перейти на более спокойную тему.

Выпрямившись, она игриво спросила:

— Кстати, Пегилен, вы не сказали мне, получили ли вы новое назначение?

— Нет, — сказал он без всякого выражения.

— А почему?

— Вы пытаетесь отвлечь меня, но на сей раз я не поддамся. Ваша уловка не удастся вам. Сказать правду, мое назначение меня вовсе не волнует. А вот как вы можете строить свою жизнь, руководствуясь головой, а не этим?

И он положил ей руку на грудь.

— Пегилен! — она вскочила.

Он подхватил ее правой рукой, левой подбил под колено, так что она потеряла равновесие и упала прямо на софу, и наклонился над ней.

— Спокойно, — приказал он. — Расслабьтесь. Дайте доктору поставить диагноз. Да, это серьезно, но не безнадежно. А ну-ка, назовите мне имена тех дворян, которые толкались днем возле вас, а ночью ворочаются с боку на бок, вздыхая о вас?

— Вы думаете, что их так много?

— Я запрещаю вам притворяться удивленной.

— Но, Пегилен, я не понимаю, на что вы намекаете.

— Вы хотите сказать, что маркиз де ла Вальер порхает, словно взбесившаяся бабочка, когда вы появляетесь? А Вивонн, брат Атенаис, который ведет себя, как школьник в вашем присутствии? А комплименты

Бриена? А Сен-Эпан и даже храбрый Лувуа бледнеет, когда заговаривает с вами.

Она хихикнула от удовольствия.

— Я запрещаю вам смеяться, — прервал ее Пегилен. — Если вы сами не замечаете всего этого, то значит вы еще более коварны, чем я о вас думал. Неужели вы не чувствуете жар того пламени, которое сама же и разжигаете? Черт побери, не иначе, как вы сама саламандра. — Он коснулся ее шеи.

— Вы не упомянули себя среди перечисленных мужчин, месье Лозен.

— Только не я, — быстро ответил он. — Я бы никогда не посмел. Я слишком напуган.

— Мной?

Его веки дрогнули.

— Да, вами... И всем, что окружает вас. Вашим прошлым, вашим будущим, вашими тайнами.

Анжелика на мгновение впилась в него взглядом, а затем с рыданием уткнулась головой в его грудь.

— Пегилен...

Это был ее старый добрый друг, неразрывными узами связанный с ее прошлым. Во всех ее прошлых невзгодах он всегда ухитрялся появляться вовремя, как Петрушка в кукольном театре. И вот теперь, как всегда, он снова был здесь.

— Нет, нет, нет, — ответил он. — Такой риск не по мне. Уколы сердечной боли страшат меня. Не ждите, что я приму участие в ваших любовных играх.

— А что вы делаете сейчас? — Успокаиваю вас. А это не одно и то же.

Он водил пальцем по ее шее на уровне жемчужного ожерелья, блестящего на ее молочно-белой коже.

— С вами так плохо обращались. Боже мой, что хотят с вами сделать — закалить вас в несчастьях, как лезвие меча в пламени? Так, чтобы ни одна человеческая рука не могла притронуться к вам? Ах, как бы я хотел преподать вам один урок.

Он склонился над ней. Она попыталась выскользнуть, но он крепко держал ее. По его глазам было видно, что он терял благоразумие.

— Хватит дразниться, моя крошка. Час мести пробил. И хотя я стремлюсь утешить вас, но понимаю, что вы едва ли нуждаетесь в моем утешении. — Он принялся целовать ее веки, потом виски. Потом его горячие губы коснулись уголка ее рта.

Она задрожала, и внезапный прилив животной страсти пронзил ее.

Искреннее любопытство подстрекало ее воспользоваться случаем и испытать таланты этого Дон Жуана двора.

Пегилен был прав. Филипп ничего не значил для нее. Она понимала, что теперь она не сможет жить уже никогда как прежде, одна, в уединении, вне блистательной дворцовой жизни, в окружении своих роскошных нарядов и драгоценностей. Она станет похожа на других, будет жить, как все — в водовороте интриг и измен. И пусть это отравленный напиток, но он сладок, и она выпьет его до дна или умрет.

У нее вырвался вздох облегчения. Ласковые прикосновения Лозена преодолели ее сопротивление. По мере того, как губы Лозена вновь и вновь касались ее рта, она мало-помалу приоткрыла свои губы и вот уже сама стала поддаваться страсти и отвечать на его поцелуи.

Вспышки факелов, которые идущие по проходу слуги закрепляли на стенах, на мгновение разделили их. Анжелика даже не обратила внимания, что они сидели в полной тьме. Слуга поставил шестирожковый канделябр на столике близ алькова, — Эй, парень, — прошептал Пегилен, перегнувшись через софу. — убери-ка подальше светильник.

— Не могу, месье. Меня лишат места.

— Тогда погаси хотя бы три факела из шести, — с этими словами Пегилен сунул слуге золотой и заключил Анжелику в свои объятия.

— Как вы восхитительны! Как сладостно быть рядом с вами! Предвкушение наслаждения сводило его с ума. Анжелика стонала и покусывала шелковый эплет на его голубом плаще. Пегилен ласково смеялся. — Полегче, моя маленькая самочка. Ты получишь все, что хочешь.

Она отдалась ему. Ее пылкое, неистовое тело сгорало от желания, она уже не отдавала себе отчета, где она находится, кто ее партнер и чьи прикосновения бросали ее в дрожь.

— Дитя мое, вы очень греховны, но то, что вы делаете, можно рассматривать как раскаяние, и то усердие, которое вы сейчас показали, вынуждает меня ходатайствовать за вас перед этим маленьким божком, Эротом, о вашем прощении. Во искупление грехов вы должны...

— Вы ужасны, — хихикнула она, все еще оставаясь в его объятиях.

Пегилен поднес к губам локон ее светлых волос. Он удивлялся сам себе. Он совсем не испытывал того облегчения, которое обычно наступает вслед за удовлетворением. В чем же дело? Он и сам не знал. Что она за женщина?

— Анжелика, ангел мой, боюсь, что я забыл все свои добрые пожелания. Я сгораю от желания узнать вас еще больше. Вы не придете ко

мне сегодня ночью, после ухода короля? Я прошу вас.

— А как же быть с мадам де Рокелер?

— К черту ее!

Анжелика приподнялась с его плеча и перебросила шнурок корсажа через грудь. Пегилен не понял, принимает ли она его предложение или нет.

Буквально в нескольких шагах, выделяясь на фоне освещенного коридора, неподвижно застыла мужская фигура. Им не пришлось долго гадать, кто это мог быть. Это был Филипп. Пегилену уже неоднократно приходилось бывать в такого рода положениях. Он быстро привел себя в порядок, поднялся и низко поклонился Филиппу.

— Месье, ваши условия? Я к вашим услугам.

— А моя жена к услугам любого, — медленно произнес Филипп. — Пожалуйста, не беспокойтесь, маркиз. — Он так же медленно поклонился Пегилену и молча удалился.

Маркиз де Лозен застыл, как соляной столб.

— Дьявол! — выругался он. — Я никогда не встречал таких мужей. — И схватившись за шпагу, он кинулся догонять главного ловчего.

На полном ходу он ворвался в залу Дианы, куда как раз входил король, сопровождаемый членами своего семейства.

— Сударь, — воскликнул Пегилен звенящим голосом, ваше поведение оскорбительно. Я требую удовлетворения. Пусть ваша шпага ответит мне.

Филипп ледяным взглядом смерил своего горячего соперника.

— Моя шпага принадлежит королю, сударь. Я никогда не обнажал ее за честь шлюхи.

В возбуждении Лозен перешел на свое родное наречие:

— Я наставил вам рога, сударь, — закричал он. — И я требую от вас удовлетворения!

Глава 7

При свете туманно-пепельного утра Анжелика уселась на краю кровати. В голове у нее шумело, во рту ощущался привкус чего-то кислого. Она провела пальцами по своим спутанным волосам. Болела голова.

Она попыталась взять со столика зеркало, но почувствовала боль. Рука у нее вспухла. Взглянув на рану, она тут же вспомнила Филиппа. Она прыгнула с кровати. Ей нужно немедленно узнать последние новости о Филиппе и Лозене. Удержал ли их король от дуэли? А если они все же дрались, то что ожидает оставшегося в живых? Арест, тюрьма, немилость?

Дело совсем не в том, как она сама относится к случившемуся, но она оказалась в ужасном положении. Скандал, грандиозный скандал! Она сгорала от стыда при одной мысли о том, что произошло в Фонтенбло. В ее мозгу пронеслась мысль о случившемся вчера, когда Филипп и Лозен с криками: «Защищайтесь, сударь!» — бросились друг на друга прямо на глазах у короля. Де Жесвре, де Креки и де Монтасье растащили их, и де Монтасье держал за руки разъяренного гасконца, выкрикивающего: — Я наставил вам рога, сударь!

В это время глаза всего двора были устремлены на нее, стоящую в стороне, алую от смущения.

Она и сама не могла вспомнить, каким чудом она приблизилась к Королю, будто хотела поговорить с ним, сделала глубокий реверанс и удалилась, прямая и стройная, сквозь две шеренги придворных, хихикающих, перешептывающихся и замолкавших, когда она проходила мимо.

Она сохраняла достоинство и шла степенно, не торопясь. И лишь дойдя до скудно освещенной, пустынной лестницы, она, помертвев, без сил опустилась на скамейку.

Здесь к ней, немного погодя, присоединилась мадам де Шуази. Торопливо глотая слова, эта благородная дама сообщила маркизе дю Плесси де Белльер, что король лично отчитал маркиза де Лозена, что принц взял под свою опеку обманутого мужа и что все надеются, что скоро ссора закончится. Конечно, мадам дю Плесси понимает, что ее дальнейшее пребывание при дворе нежелательно. И что мадам Шуази прислана самим королем, который настоятельно рекомендует маркизе дю Плесси покинуть Фонтенбло.

Анжелика выслушала этот приговор с каким-то облегчением. Она

немедленно поспешила в свою карету и приказала гнать прочь отсюда, несмотря на ворчание кучера и лакеев, боявшихся ехать ночью через лес из-за опасности встречи с разбойниками.

«Такая уж у меня судьба, — подумала Анжелика, — каждый день и каждую ночь бесчисленные придворные дамы обманывают своих мужей, а как только я один раз попыталась сделать то же самое, разразился гром. Как мне не везет!

Чуть не плача, она позвонила. Тут же появились Жавотта и Тереза, позевывая и протирая глаза. Она приказала им помочь ей одеться, затем послала за Флино и приказала ему отправиться в отель маркиза дю Плесси, разузнать там все как следует и тут же торопиться назад.

Она уже заканчивала свой туалет, когда шум въехавшего во двор экипажа заставил ее похолодеть. Сердце ее громко застучало. Кому понадобилось пожаловать к ней в шесть часов утра? Кто это? Она выбежала в зал, спустилась на несколько ступенек и перегнулась через перила. Это был Филипп, шествующий в сопровождении Ла-Виолета, который держал в руках две шпаги. Филипп поднял голову.

— Я только что убил месье де Лозена, — сказал он. Анжелика вцепилась в перила, чтобы не упасть. Сердце ее застучало еще сильнее. Филипп жив!

Она сбегала вниз по ступенькам. Когда она подошла ближе к мужу, то увидела, что его костюм забрызган кровью. Лево́й рукой Филипп поддерживал правую.

— Вы ранены? — спросила она слабым голосом. — Это серьезно? Ох, Филипп, по́йдемте, я перевяжу вас.

И, почти поддерживая его, она повела мужа в свою комнату. Он, видимо, сильно устал, ибо шел за ней, не говоря ни слова, а войдя в комнату, тяжело повалился в кресло и закрыл глаза. Лицо его было бледным, как полотно.

Трясуцими́ся руками Анжелика взяла ножницы и принялась разрезать края окровавленной одежды. Тем временем она крикнула, чтобы слуги принесли горячей воды, мазь и целебный бальзам.

— Выпейте, — сказала она, когда Филипп пришел в себя. Казалось, рана была неглубокой. Шпага соскользнула по левому плечу и правой стороне груди, но вошла неглубоко, лишь разрезав кожу. Анжелика промыла рану и наложила пластырь.

Филипп терпеливо перенес эту операцию, у него не дрогнул ни единый мускул. Он, казалось, был в глубоком раздумье.

— Интересно, как же будет соблюден этикет? — вымолвил он

наконец.

— Какой этикет?

— Моего ареста. Согласно правилам, лишь капитан королевской охраны имеет право арестовать дуэлянтов. Но маркиз де Лозен и есть тот самый капитан. Не может же он арестовать самого себя.

— Конечно. Ведь он мертв, — сказала Анжелика с нервным смешком.

— У него нет даже царапины.

— Но разве вы не сказали только что мне,..

— Я хотел увидеть, как вы упадете в обморок.

— Я не собиралась падать в обморок из-за Пегилена де Лозена. Если мне и стало дурно, то это из-за вас. Ведь ранены-то именно вы, Филипп.

— Мне пришлось сделать все, что в моих силах, чтобы прекратить эту глупость. Я не собирался терять двадцатилетнюю дружбу с Пегиленом из-за такого пустяка.

Она побледнела, глаза ее стал заволакивать туман, ей становилось по-настоящему дурно.

— Как это назвал король? Куколка?

— Филипп, — прошептала она, — какая несуразица! И подумать только, что вы спасли мне жизнь. Почему так все получается? Ведь я могла бы так любить вас...

Маркиз повелительно поднял руку, как бы призывая ее к молчанию.

— Кажется, они уже здесь.

Со стороны мраморной лестницы донесся звон шпор и бряцание оружия. Затем дверь медленно отворилась и первым вошел граф де Кавуа.

— Кавуа, — спросил Филипп, — вы пришли арестовать меня? Граф слегка кивнул.

— Ну что ж, это достойный выбор. Вы являетесь полковником мушкетеров и по чину следуете за капитаном королевской охраны. А что с Пегиленом?

— Он уже в Бастилии. Филипп страдал от боли.

— Я к вашим услугам. Сударыня, прошу вас, накиньте мне плащ на плечи.

Одно упоминание о Бастилии повергло Анжелику в ужас. Еще одного мужа оторвут от нее и отправят в Бастилию. Губы ее побледнели, она шептала молитву.

— Месье Кавуа, только не в Бастилию, умоляю вас!..

— Простите, сударыня, но таков приказ короля. Вы же знаете, что месье дю Плебеи нарушил эдикт короля, запрещающий дуэли.

Но не беспокойтесь, в тюрьме ему будет неплохо, и его слуга будет

рядом с ним.

Он предложил Филиппу руку, и тот оперся на нее.

Анжелика застонала, как раненый зверь.

— Только не в Бастилию... Заприте его куда угодно, но только не в Бастилию!

Оба дворянина были уже у дверей. Филипп обернулся.

— А куда бы вы хотели запереть меня? Может быть, в Шателе, вместе со всяким сбродом?

Да, все началось сызнова. Бесконечное ожидание, отсутствие вестей, бездействие. Вновь и вновь проходили перед ней видения недавнего прошлого, все казалось ночным кошмаром. Порой ей казалось, что она сходит с ума.

Ее служанки, подавленные видом своей хозяйки, которую они привыкли видеть более решительной, пытались помочь ей найти выход.

— Вам надо повидаться с мадемуазель де Ланкло, мадам.

Они почти насильно усадили ее в карету.

Это был отличный совет. Нинон де Ланкло, наделенная богатым житейским опытом, была единственной женщиной, которая могла выслушать жалобы бедной Анжелики, не боясь быть замешанной в этот скандал.

Она обняла Анжелику, ласково назвала ее «сердце мое», и пока мадам дю Плесси потихоньку приходила в себя, рассказала ей о множестве случаев, когда мужа дрались на дуэлях, спасая свою честь.

— Но Бастилия! — это название огненными буквами горело перед глазами Анжелики.

— Люди выходят и оттуда, дорогая моя.

— Только для того, чтобы попасть па виселицу.

Нинон легонько постучала ее по лбу.

— Что это пришло вам па ум? Видимо, в прошлом вам пришлось испытать нечто такое, что лишает вас самообладания и мужества сейчас. Но для короля Бастилия в некотором роде, как темный чулан. Изредка благородные дворяне проводят там некоторое время, расплачиваясь за свои дерзкие поступки.

К примеру, для де Лозена это уж в третий раз. А, может быть, и в четвертый. Его пример показывает, что, даже выйдя из Бастилии, можно занять при дворе такое же видное положение, как и раньше.

Пусть себе король наказывает непослушных школяров. Через некоторое время он сам первый будет рад увидеть своего гадкого де Лозена

и непослушного ловчего.

Эти слова успокоили Анжелику. Она подумала, что ее опасения были беспочвенны и глупы. Нинон также посоветовала ей ничего не предпринимать, пока этот скандал не забудется и его не заменят новые сплетни и интриги.

— Один скандал следует за другим, двор полон ими. Терпение! Готова спорить, что не далее, как через неделю, на устах сплетниц уже будет новая молва.

По ее совету Анжелика решила на время скрыться в монастыре кармелиток, где настоятельницей была ее младшая сестра Мари-Агнесса. Это было наилучшим решением вопроса.

Зеленоглазая, молодая, с таинственной улыбкой на устах, Мари-Агнесса походила на ангелочка с портала собора. Ей только что исполнился 21 год. Жизнь, проводимая в молитвах и уединении, казалось, мало подходила ей по ее темпераменту.

Уже в 12 лет у нее была репутация чертовки, а ее короткий жизненный путь и опыт в качестве королевской фрейлины научили ее многому. Анжелика подозревала, что в книге любви Мари-Агнесса прочитала больше страниц, чем она сама. И после исповеди Анжелики, к ее удивлению, молодая монахиня со вздохом всепрощения произнесла:

— Как ты еще молода! Стоило ли из-за таких обыденных вещей поднимать столько шума?

— Обыденных, Мари-Агнесса? Ведь я только что рассказала тебе, как я обманула своего мужа.

— Нет ничего более обыденного, чем этот грех. Лишь добродетель необычна и достойна удивления. Настолько необычна в наши дни, что ее можно считать уникальным явлением.

— Как так? Не понимаю... я не хочу...

— Послушай меня, — сказала Мари-Агнесса тем резким голосом, который был их семейной чертой. — Или ты сама этого хочешь, или нет. И если нет, то зачем ты стремишься жить при дворе?

Может это и объясняло уход самой Мари-Агнессы от светской жизни.

Анжелика готовилась к покаянию в уединенной тишине этой святой обители вдали от суеты мирской жизни. Но визит мадам Монтеспан разрушил все ее благие намерения и помыслы и вернул с небес на землю.

— Не знаю, будет ли благоразумен мой совет, — сказала прекрасная Атенаис, — но я считаю своим долгом предупредить вас, Солиньяк вмешался в это дело с дуэлью. И дела вашего мужа обстоят очень плохо.

— И что же делает маркиз де Солиньяк?

— Старая история — он встал на защиту бога и права. Он вбил себе в голову, что дуэли ведут к ереси и атеизму. И он настаивает, чтобы король жестоко наказал де Лозена и вашего мужа для острастки других. А это может довести до аутодафе. Увидев, как побледнела Анжелика, маркиза принялась обмахивать ее веером:

— Я пошутила. Но будь осторожна. Этот фанатик может обеспечить им долгое заключение и немилость короля. Наш монарх может и послушать Солиньяка, так как он припомнит, что де Лозен частенько доставлял ему неприятности. Ему также может не понравиться, что эти два дворянина наплевательски относились к его эдикту о дуэлях. Будь я на вашем месте, я попыталась бы вмешаться, пока еще не поздно и пока король не принял еще окончательного решения.

Анжелика отбросила молитвенник и немедленно покинула монастырь. Но когда она встретилась с Нинон де Ланкло, та посоветовала не принимать дело так близко к сердцу, ведь речь шла всего лишь об обманутом муже.

— Когда страной овладевает эпидемия, докторам не следует заниматься частными случаями.

Когда Луи XIV узнал про эти слова, он улыбнулся. А это уже хорошее предзнаменование.

Нинон же поморщилась, когда Анжелика рассказала ей о замыслах Солиньяка. Она припомнила то время, когда Ришилье сносил головы дворянам тоже «для примера», принуждая благо-родное сословие отказаться от привычки решать вопросы чести на дуэлях.

— Если месье Солиньяк считает, что шпага вашего мужа — это исполнение божьей воли, то можно быть уверенной, что он прожужжит королю все уши.

— Вы считаете, что король позволит кому-либо вмешиваться в свои распоряжения?

— Речь идет не о слабости и нерешительности короля. Даже если король решит, что Солиньяк просто надоедливый и докучливый человек, все же его рассуждения будут иметь кое-какой смысл. Ведь и церковь, и закон на его стороне. А если найдется человек, который будет настойчиво защищать того или другого дуэлянта, то и он сможет повлиять на ход дела. Сейчас, как никогда, вам нужны благоразумие и настойчивость.

Анжелика, задумавшись, опустила голову. Теперь все зависело от нее, и ей нельзя было терять время попусту. — А что если я сама повидеюсь с Солиньяком? — Попробуйте.

Несмотря на проливной дождь, Анжелика на некоторое время

задержалась у ворот Сен-Жермен. Ей только что сообщили, что двор отправился в Версаль. В отчаянии она готова была бросить задуманное, но, стиснув зубы, она вернула себе решимость.

Забравшись в карету, она крикнула вознице:

— В Версаль!

За залитыми дождевыми потоками стеклами кареты из мглистого тумана проступали неясные очертания стволов деревьев. Наступившая зима не принесла ничего, кроме дождей, холода и грязи. Все ожидали рождества, которое, как полагали, принесет с собой чистый, белый снег.

Анжелика не замечала, как стыли от холода ее ноги. Время от времени она кривила в усмешке рот, а в глазах загорался огонек, который мадемуазель де Паражонк называла «сигналом к бою». Анжелика обдумывала предстоящий разговор с маркизом де Солиньяком, который состоится по ее просьбе, но не у него и не у нее в доме, а в монастыре Святой Целесты. Маркиз хотел сохранить эту встречу в тайне.

— Вы мните, сударыня, что вы все еще одна из тех свечей при дворе, вокруг которых, порхая, носятся мотыльки, и что я один из них?

Не могу пока что догадаться, почему вы настояли на этой встрече, но, понимая то безвыходное положение, в которое вас ввергла ваша беззаботность, я прошу вас сбросить маску притворной меланхолии, которой вы пытаетесь завлечь меня.

Она все больше и больше удивлялась, глядя на него. Полуприкрыв веки, он устремил на нее взгляд, который, казалось, пронзал ее насквозь.

Казалось, этот взгляд задает ей один за другим следующие вопросы:

Постится ли она по пятницам, раздает ли милостыню неимущим, смотрела ли она «Тартюфа» и если да, то сколько раз.

«Тартюф» Мольера затрагивал много высокопоставленных особ. Но Анжелики не было при дворе, когда там ставили эту комедию, и поэтому она ее не видела.

Анжелика, пожалуй, переоценила силу Братства Святого Причастия, Она сердилась и на маркиза, и на себя. Спор разгорался.

— Проклятие тому... или той, кто послужил причиной скандала! — такими словами завершил их встречу раздраженный маркиз.

Анжелика чувствовала себя разбитой. На смену храбрости пришел гнев. И все же после недолгих раздумий Анжелика решила обратиться к самому королю.

Она выехала в час ночи и остановилась в гостинице близ Версаля. Как только открылась зала для посетителей, она смешалась с толпой, состоявшей из отставных солдат, домогающихся пенсии, обедневших вдов,

разорившихся дворян, праведников и грешников.

Не добившись успеха у бога, она решила обратиться к всемогущему монарху. Рядом с ней оказалась мадам Скаррон, вечная просительница, одетая в старый, поношенный плащ.

Анжелика не захотела быть узнанной и поторопилась опустить на лицо капюшон своего плаща. Когда король проходил мимо нее, она упала на колени и, склонив голову, протянула свое прошение, которым умоляла Его Величество разрешить мадам дю Плесси де Белльер поговорить с ним.

Надежда ее возросла, когда она увидела, что король, пробежав глазами ее прошение, не отдал его месье де Жесвре, как он поступал с другими, а оставил его у себя.

Когда толпа рассеялась, сам месье де Жесвре подошел к Анжелике и спокойным тоном предложил ей следовать за ним.

Она удивилась еще больше, обнаружив, что дверь комнаты, в которой король давал аудиенции, открылась прямо перед ней.

Анжелика не ожидала, что ответ на ее прошение будет таким быстрым. Сердце ее стучало все сильнее, она прошла несколько шагов и упала на колени. В это время дверь комнаты захлопнулась.

— Встаньте, сударыня, — раздался умиротворяющий голос короля, — и подойдите поближе.

Лишь подойдя к самому столу, она откинула свой капюшон.

В комнате было сумрачно. Дождь стучал по плитам террасы за окном. Ей показалось, что на губах Луи XIV застыла легкая улыбка.

— Мне очень жаль, — высокомерно сказал он, — что одна из дам моего двора вынуждена просить о тайной встрече со мной.

А вы могли бы действовать совершенно открыто. В конце концов, вы жена маршала.

— Сир, я смущена...

— Мне известна причина вашего смущения. Но вы прощены.

И все же вам было бы лучше не уезжать так поспешно из Фонтенбло в тот вечер. Ваше поспешное бегство не согласуется с тем Самообладанием, которое вы проявили во время этого прискорбного инцидента.

Анжелика была готова напомнить королю, что именно по нашему приказанию, переданному через мадам де Шуази, она была вынуждена столь поспешно уехать. Но король опередил ее:

— Забудем обо всем. Какова цель вашего визита?

— Сир, Бастилия... — само звучание этого слова вынудило ее мгновенно замолчать.

Плохое начало! В беспокойстве она всплеснула руками.

— Так, — осторожно сказал король. — И за кого же вы ходатайствуете, за месье Лозена или месье дю Плесси?

— Сир, — оживилась Анжелика. — Меня беспокоит только судьба мужа.

— Если бы это было так всегда. Но из того, что мне известно, вовсе не следует, что судьба и честь вашего мужа занимают главное место в ваших мыслях.

— Это верно, сир.

— Вы раскаиваетесь?

— До глубины души, сир.

Его пронизательный взгляд показал ей, насколько сильно заинтересовался монарх личной жизнью своих подданных. Анжелика перевела глаза с бледного, почти прозрачного, но серьезного лица короля на его руки, лежавшие на столе в спокойной неподвижности, что особенно подчеркивало всю полноту власти Его Величества.

— Что за погода! — сказал он, отодвигая кресло и вставая. — Еще только полдень, а уже нужны свечи. Мне плохо видно ваше лицо. Подойдем к окну, чтобы я мог лучше разглядеть вас.

Она послушно подошла к окну, по которому струились потоки дождя.

— Никак не могу поверить в то, что месье дю Плесси может оставаться равнодушным к чарам своей жены. Должно быть, в этом ваша вина, сударыня. Почему вы не живете в доме вашего мужа?

— Месье дю Плесси никогда не приглашал меня туда.

— Забавно. Знаете что, куколка, расскажите-ка мне, что же случилось в Фонтенбло?

— Я понимаю, что мое поведение непростительно, но мой муж причинил мне сильную боль, да еще и публично.

Она невольно посмотрела на свою руку, где еще виднелись следы укуса. Король тоже посмотрел на ее руку, но ничего не сказал.

— Мне было очень больно и хотелось побыть одной. Но рядом оказался месье де Лозен... и она рассказала, как Лозен начал ее утешать сначала словами, а потом и более конкретными действиями. — Трудно устоять перед натиском месье де Лозена, сир.

— Ага, так вот как все произошло!

— Месье де Лозен ловок очень, к тому же несколько безответственен, но у него сердце самого доброго и великодушного человека в мире. Я уверена, что Вашему Величеству это известно не хуже, чем мне.

— Гм-м-м, — хитро сказал король, — все зависит от того, кто и как на это посмотрит. Как вы очаровательны, сударыня, особенно сейчас, когда

вы покраснели. Кажется, вся вы сотканы из противоречий: робки, но храбры, веселы, но серьезны.

Однажды, когда я был в оранжерее, я заметил среди тубероз цветок необычайной красоты и расцветки. Садовник хотел его вырвать с корнем, утверждая, что это какой-то дичок. И я всегда вспоминаю этот цветок, когда вижу вас среди придворных дам. Теперь я уже склонен думать, что во всем виноват месье дю Плесси.

Король нахмурился.

— Мне никогда не доставляла удовольствия его репутация жестокого человека. Мне не нравится, что при моем дворе есть люди, из-за которых иностранцы могут причислить французов к диким, я бы сказал, к варварским племенам.

Я считаю, что учтивость по отношению к женщине должна быть неотъемлемой чертой мужчин, это принесет добрую славу нашей стране. Так значит ваш муж ударил вас публично?

— Нет, — упрямо сказала Анжелика.

— Ладно, я все равно считаю, что Филиппу следует немного поразмыслить, сидя в стенах Бастилии.

— Сир, я пришла просить вас освободить его. Умоляю вас, выпустите его из Бастилии!

— Так вы любите его? А мне казалось, что в вашей памяти осталось больше горестных воспоминаний, чем светлых. Я слышал, иго по-настоящему его не знаете ни вы и никто другой.

— Может быть. Но мы знаем друг друга очень давно. Он остался для меня тем же старшим кузеном, которого я обожала еще с тех далеких пор нашего детства.

Перед ее глазами вновь возник тот Филипп со светлыми локонами, рассыпанными по кружевному воротничку небесно-голубого жакета, в котором он был одет в свой первый приезд в замок де Сансе.

Она отвернулась к окну и улыбнулась. Дождь прекратился, и слабые лучи солнца, пробиваясь сквозь тучи, играли на мраморных плитах террасы.

— Даже тогда он не поцеловал меня, — она вздохнула, — когда я вместе с сестрами подошла к нему, он поспешил улизнуть. И она расхохоталась.

Король удивленно смотрел на нее. Он уже давно знал, что она красива, но только сейчас рассмотрел ее пристально. Его глаза пожирали ее фарфорово-белую кожу, щеки, похожие на спелые персики, чувственные губы.

Небрежным движением она поправила выбившийся на виске локон, и король почувствовал зов плоти. Казалось, каждой порой своего тела она излучала теплоту жизни. Он инстинктивно протянул руки и привлек ее к себе.

Как она была податлива! Он наклонился к ее устам, чуть приоткрытым в улыбке, таким сладостным и таким теплым. Раздвинув в поцелуе ее губы, он ощутил, как его зубы коснулись ее жемчужно-гладких зубов.

Анжелика почти не ощущала, что ее голова запрокинута назад в завораживающем поцелуе. И вдруг, словно выйдя из состояния транса, она вздрогнула. Ее руки обвили короля за плечи. Он отступил, улыбаясь.

— Не бойтесь. Я хотел лишь выяснить, на кого возложить ответственность за случившееся, и определить для себя, не вы ли причина тому, что убивает естественные желания вашего мужа.

Анжелика не была настолько наивна, чтобы поверить этому объяснению. Слишком хорошо она знала всепоглощающее влияние страсти.

— Ваше Величество, вы уделили этому вопросу больше внимания, чем оно заслуживает. — В самом деле? — В самом деле.

Король вернулся к столу и уселся в кресло. Кажется, он не был расстроен.

— Как бы то ни было, я не сожалею о своих усилиях. И вот вам мое заключение: месье дю Плесси дурак, законченный и набитый. Он в полной мере заслуживает наказания, и я ему об этом сообщу. Надеюсь, теперь он послушается моего распоряжения. Я собираюсь отослать его в армию, в Пикардию, с тем, чтобы преподать ему урок. Не плачьте, моя милая, вы получите назад своего старшего кузена.

А во внутреннем дворике месье де Солиньяк только что вышел из своей кареты, запряженной четверкой лошадей.

Глава 8

Когда мадам дю Плесси вернулась домой, она увидела во дворе своего отеля почтовую карету, из которой как раз выгружали багаж. На ступеньках дома стояли два розовощеких мальчугана, которые протягивали ей навстречу руки.

Анжелика мигом соскочила на землю с криком: — Флоримон! Кантор!

Она совсем забыла о письме в Пуату, которое написала в такой спешке. И теперь она сама не знала, был ли приезд мальчиков ко времени или нет.

Но радость от встречи была огромной и искренней, и Анжелика сердечно обняла их. Про себя она отметила, что Кантор подрос. В свои семь лет он был ростом со своего старшего брата, который тоже был не из низеньких. Мальчики не походили друг на друга, даже волосы у Флоримона были черные, а у Кантора — светло-каштановые.

Барба — служанка, которая приехала с ними, вмешалась в эту радостную встречу. Она сказала, что в деревенском замке у них совсем не было друзей, кругом одни тупые крестьяне да пара сорванцов, которые бегали, где им вздумается.

А их дед, барон, позволял им все, что им заблагорассудится, и поэтому они совсем не слушали ее. А ведь сейчас самое время нанять им хорошего учителя, чтобы учил их грамоте.

— Они будут при дворе, — шепнула ей Анжелика, — и будут играть с самим дофином.

Глаза Барбы широко раскрылись от изумления. Она схватила Анжелику за руку и с нескрываемым удивлением посмотрела на двух своих «бандитов».

— Их надо обучить хорошим манерам.

— И как носить шпагу и плюмаж.

— И как кланяться по этикету.

— И как вытирать носы, а не сморкаться на землю.

— И как разговаривать с дамами.

Необходимое образование двух будущих придворных становилось проблемой. Нужно было спешить.

Мадам де Шуази взяла дело в свои руки. На следующий день вместе с ней в отель дю Ботрей прибыл молоденький аббат, хрупкий, как девушка, с острыми глазками, блестящими под напудренным париком. Мадам де

Шуази представила его как младшего отпрыска семейства Ледигеров из Шартреза — хорошей, но бедой семьи.

Родители Мориса — так звали аббата — доверили его мадам де Шуази, чтобы она помогла ему найти подходящее место в обществе. Юноша полностью закончил свое образование и был на службе у архиепископа Санского. Лучшего наставника для своих сыновей мадам дю Плесси нечего было и желать. Мадам де Шуази также считала, что, кроме него, для воспитания детей понадобятся: домашний учитель, учитель танцев, учитель фехтования и верховой езды. И у нее на примете уже были трое юношей, которых она хотела порекомендовать мадам дю Плесси.

Один, по имени Ракан, родом из Буэ, изучал право, но был слишком беден, чтобы обзавестись своей собственной практикой, поэтому желал поступить на службу.

Учитель танцев был внуком маркиза де Лебур, дворянина из Фландрии, чьи предки были членами ордена Золотого Руна. А третий, в отличие от двух других, был из очень богатой семьи и вдобавок являлся единственным наследником, но стал профессиональным фехтовальщиком и из-за этого поплатился наследством. Он отлично владел любым оружием, даже арбалетом, и мог прекрасно обучать этому детей.

Мадам де Шуази порекомендовала еще двух девушек из дома Жиландон в Шамборе. Их бабушка была из рода Жуаие, а сестра шла замужем за графом Роше. Они не были ни умны, ни красивы, и платить им нужно будет немного, так как всю жизнь они прожили в бедности. Отец бросил их, когда вернулся из Испании К узнал, что его жена беременна.

— Но что мне делать с этими девушками? — спросила Анжелика.

— Взять их в свою свиту. Не подобает благородной даме при дворе быть без свиты.

Она объяснила Анжелике, что в приличных домах в штате руг должны быть представлены все слои общества: кто-либо из духовенства или для раздачи милостыни и в качестве исповедника, дворянство — оруженосцы и даже представители среднего Масса — управляющие, мажордомы, слуги и, наконец, низшие слои — лакеи, девушки-служанки, фореитеры, поварята, мальчики при конюшне.

Мадам дю Плесси должна обзавестись свитой, подобающей ее положению, и мадам де Шуази обещала помочь ей в этом. Она советовала маркизе дю Плесси быть достаточно набожной... Слуги должны видеть ее за утренней и вечерней молитвой, ей следует регулярно посещать мессу.

Мадам де Шуази было за сорок, но в глазах ее блестел огонек, а улыбка сохранила очарование молодости. О ней ходили такие слухи, что

дружить с ней было страшновато. Досужие сплетницы утверждали, что дом ее похож на тюрьму. Девушки, которые поступали к ней на службу, никогда не возвращались обратно.

Они или умирали от тяжелой, непосильной работы, или их наказывали так сурово, что они умирали насильственной смертью. Привратник никогда и никому не открывал ворота, пока не получал личного приказа от мадам де Шуази. Рассказывали, что она поднимала на своего мужа хлыст, но впоследствии раскаялась и наложила на себя епитимий — просидела целый день в болоте, погрузившись по шею в зловонную жижу.

Анжелика была уверена, что все эти рассказы — выдумка или преувеличение, но манера мадам де Шуази вмешиваться со своими советами в дела своих подруг зачастую раздражала ее. Тем не менее на сей раз Анжелика не стала искать других слуг и наняла всех, кого рекомендовала ей мадам де Шуази.

Анжелика была настолько занята своими домашними делами, что только из разговоров узнала об освобождении Филиппа. Он не приходил к ней. И она подумала, что это, может быть, и к лучшему. Мадам де Монтеспан настаивала, чтобы Анжелика вернулась ко двору, как будто ничего не произошло.

— Король простил вас. Всем известно, что вы долго пробыли с ним с глазу на глаз. Он побранил месье дю Плесси, но в ту же ночь маркиз подавал королю ночную рубашку. Всем известно, что король любит вас обоих.

Свое мнение не замедлила выразить и мадам де Шуази. Поскольку король высказал желание, чтобы сыновья мадам дю Плесси были представлены ему, то Анжелике не следует мешкать. Королевские капризы скоротечны, и он может с таким же успехом отказаться от этого намерения.

Она виделась с мадам де Монпасье, женой наставника дофина и гувернанткой королевских детей. Анжелике будет назначен день для представления своих сыновей.

Мальчики появились в Версале, одетые в голубые атласные платья, белые чулки с золотыми колокольчиками, ботинки на высоких каблуках и с маленькими шпагами в серебряных ножнах.

На завитых в локоны волосах сидели круглые фетровые шляпы с красными перьями. Из-за холодной погоды на них были накинуты плащи из бархата, отороченные по краям золотой тесьмой.

Аббат де Ледигер заметил, что Флоримон умеет при встрече так грациозно отвесить поклон, размахивая шляпой, как это свойственно людям благородного происхождения.

Кантор же был неуклюж. Никому в голову не приходило беспокоиться за Флоримона, но Кантору надо было постоянно следить за своими манерами.

Дофин был маленьким и толстым мальчиком, с полуоткрытым ртом из-за вечно заложенного носа. Особой интеллигентностью он не отличался, и трудная задача быть королевским сыном — сыном Людовика XIV — наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

Он был единственным ребенком, ибо две его сестренки умерли в раннем возрасте. Одна из них родилась темнокожей и говорили, что это из-за того, что во время беременности королева слишком много ела шоколада.

Анжелика с гордостью отметила, что ее сыновья выглядели более благородно, чем наследник короны. Она с любовью смотрела, как они грациозно поклонились и подошли поцеловать руку дофина, которую тот нерешительно протянул им навстречу после кивка мадам Монтасье.

Будто бы случайно, но тем не менее, согласно составленному ранее протоколу, появилась королева в сопровождении десяти фрейлин и нескольких молодых дворян из своей свиты.

Кантору предложили спеть для королевы. Мальчик стал на одно колено, пробежал пальцами по струнам и запел свою любимую песню.

*Барабаны, гремите, — сказал король.
Пусть девушек всех пригласят сюда.
И сердце пронзила сладчайшая боль.
Так прекрасна была она.*

*Кто это? — король у маркиза спросил,
Внезапное чувство в душе затая,
И быстро ответил маркиз ему:
— Сир, Робкая эта невеста моя.*

*Ты более счастлив, маркиз, чем я.
Нет равных твоей невесте.
И если, вассал мой, ты любишь меня,
Оставь меня с нею вместе.*

*Мой долг вам служить, не щадя головы
И не жалея сил.
Но если бы это были не вы,
Жестоко бы я отомстил.*

*Прощай, моя жизнь, пусть тебя я люблю,
Пусть сердце зажато в тиски,
Служить мы должны своему королю
До гробовой доски.*

*Королеве собрали букет цветов
Прекрасные юные девы.
Маркиз же, вдохнув аромат лепестков,
Пал мертвым у ног королевы...*

Аббат немедленно склонился над мальчиком, выхватил у него лютню и громко заявил, что она совсем расстроена. Делая вид, что он настраивает ее, он шепнул мальчику, чтобы тот запел другую песню.

Едва ли кто-нибудь разобрался в происходящем, и уж во всяком случае, не королева, испанка по происхождению, которая была совершенно незнакома с французскими народными песнями.

Анжелика, и та не сразу вспомнила, что прерванная песня относилась к делам чуть не столетней давности: в ней рассказывалось о любовных играх Анри IV, но тем не менее Анжелика была благодарна аббату за своевременное вмешательство. Да, мадам де Шуази рекомендовала ей достойных учителей для ее детей.

У Кантора был просто ангельский голос, чистый и красивый. Слушатели были очарованы, внимая этому чуду природы. Флор и мои, бывший до этого в центре внимания, отошел на второй план. Все смотрели на сияющее личико Кантора, на его выразительные глаза.

Необыкновенный энтузиазм проявил месье де Вивонн, рассыпаясь в особо изысканных комплиментах по адресу мадам дю Плесси. Как и почти все придворные, он и сам немного сочинял стихи, немного музицировал и пел.

Он даже сочинил несколько балетных постановок для двора, которые имели успех. Он попросил Кантора спеть еще несколько песен. Королева приказала, чтобы немедленно разыскали Люли и привели его сюда.

Придворный музыкант занимался с хором мальчиков, он находился в дурном настроении, но, услышав исполнение Кантора, он немедленно расцвел.

— Такой голос — это редкость, — заявил он. И никак не мог поверить, что перед ним восьмилетний мальчик. Он уверял, что такой голос и такой силы принадлежит не меньше, чем одиннадцатилетнему.

Затем придворный музыкант снова помрачнел и надулся. Как же, это чудо продлится еще 2 — 3 года, не больше. Голос мальчишки пропадет, когда ему исполнится 10 — 11 лет, если его не кастрировать. А такие голоса в большой цене.

Молоденькие евнухи, с их превосходными голосами, являлись лучшим украшением придворного театра и дворцовых ансамблей во всей Европе. Их, в основном, поставляли обедневшие музыканты, стремясь обеспечить детям безбедное существование вместо нормальной человеческой жизни.

Анжелика громко запротестовала:

— Кастрировать ее прелестное дитя?! Какой ужас! Слава всевышнему, ее ребенок благородного происхождения и будущее его вполне обеспечено. Он будет верой и правдой служить своему королю и оставит после себя многочисленное потомство.

Предложение Люли вызвало много шуток среди окружающих. Кантора хвалили и ласкали. Потом все сошлись на том, что, когда дофин повзрослеет, Флоримона и Кантора надо взять в его свиту, чтобы они вместе учились играть в мяч, скакать на лошадях и вообще принимать участие во всех развлечениях дофина.

Глава 9

Наступило такое время года, когда в Париже повсюду пели скрипки и звенел веселый смех. Несмотря на то, А что уже был заключен мир, в воздухе еще чувствовалось дыхание войны, и многих дворян в городе не было.

Анжелика временами чувствовала себя все хуже и хуже — сказывалась беременность. Она уже настолько пополнила, что не могла носить свои любимые платья. Она не показывалась на празднествах, но продолжала посещать Сен-Жермен, куда можно было появляться в любом виде, не возбуждая особого любопытства, ибо коридоры дворца были вечно заполнены самой разношерстной толпой.

Переписчики с гусиными перьями, заткнутыми за ухо, толкались возле дипломатов. Члены городского совета совершали сделки с высокопоставленными дамами, которые томно обмахивались веерами.

Здесь Анжелика неожиданно встретила старого алхимика Савари, который бывал у нее в доме в качестве просителя. И тут же какая-то молодая, невысокого роста женщина подбежала к старику и, схватив его за отворот камзола, удивленно уставилась на него в упор.

Анжелика узнала в ней мадемуазель де Бриен.

— Я вас знаю, — зашептала она. — Вы можете предсказывать судьбу. Вы — чародей. Я полагаю, что мы сможем договориться.

— Вы ошибаетесь, сударыня. Обо мне ходит дурная слава, на самом же деле я скромный ученый нашей великой науки.

— Я знаю, — глаза ее блестели, как два алмаза, — я знаю, что вы можете многое сделать. У вас есть всякие снадобья с Востока. Вы должны устроить так, чтобы я получила привилегию сидеть за королевским обедом. Назовите вашу цену.

— Такие дела за деньги не делают.

— Я согласна отдать вам и душу, и тело.

— Бедное дитя, вы совсем потеряли голову.

— Подумайте, месье Савари. Вам это не составит труда. А у меня нет выхода, иным путем мне не получить эту привилегию. А я должна ее получить, должна! И я готова на все.

— Ладно, ладно, я подумаю.

Он с трудом отказался от кошелька, который она настойчиво совала ему в руку.

Чуть позже Анжелика встретила мадемуазель де Бриен за карточным столиком. Мадемуазель была очаровательной брюнеткой, высокомерной, но плохо воспитанной. Она была при дворе чуть ли не со дня своего рождения. Карты, выпивка и любовные шашни — вот единственное, чем она занималась. Это было смыслом ее жизни.

Вскоре она проиграла 10000 ливров Анжелике и тут же сообщила, что не может немедленно выплатить эту сумму наличными.

— Кажется, этот старый черт-алхимик принес счастье вам, а не мне, — говорила она, глотая слезы, как ребенок. — Чего бы только я не отдала за такое счастье. Ведь только на этой неделе я проиграла 30000 ливров, А мой братец вечно шумит и говорит, что я разорю его. — И, очевидно, поняв, что Анжелика не намерена долго ждать выплаты долга, добавила: — А вы не хотите купить мое консульство в Кандии? Я как раз собиралась продать его. Оно стоит сорок тысяч ливров.

— Консульство? — Анжелика насторожилась.

— Да.

— Кандия?

— Это где-то на Крите, по-моему, — уточнила де Бриен.

— Но женщина не может быть консулом... — Нет, может. Я уже три года считалась консулом. Это вовсе не означает, что вам надо быть там, но зато это дает привилегии, которыми пользуются консулы при дворе. Если вы купите мое консульство, то это обеспечит вам определенный приработок. Сама я очень непрактичная женщина. Двое управляющих, которых я туда посылала, оказались сущими пиратами; они набивали себе карманы, а я еще должна была платить им жалованье.

Я полагаю, что вы лучше распорядитесь этим делом. 40000 ливров это не так уж много. А я смогу расплатиться с долгами да еще немного и останется.

— Я подумаю, — сказала Анжелика нерешительно.

В ее голове теснились опьяняющие мысли. Консул Франции! Даже в самых смелых мечтах она не поднималась до таких высот.

Интерьер дома Кольбера, так же как и его рабочего кабинета, был образцом буржуазного стиля. Холодный по натуре (мадам де Севинье дала ему прозвище Месье Северный Полюс), Кольбер не признавал излишества и роскоши. Умеренность и бережливость были его девизом.

Мадам дю Плесси извинилась за то, что решила побеспокоить его. Она рассказала, что собирается приобрести консульство в Кандии, и поскольку ей известно, что он заведует распределением этих постов, то она пришла

посоветоваться с ним.

Кольбер вначале встретил ее довольно хмуро, но потом смягчился. Не так уж часто, пришло ему на ум, такая прелестная простушка задумывается о последствиях, прежде чем получить такой пост.

В большинстве случаев ему приходилось играть неприятную роль цензора разного рода прошений, в основном отказывая просителям, ибо их просьбы были глупы и неосновательны, или касались государственных интересов, на страже которых от стоял.

Кандия, столица Крита, была для него центром работорговли а на все Средиземное море. Она была единственным местом, где можно было купить сильного и выносливого славянина всего лишь за 100 — 150 ливров. Славян в основном покупали у турок, которые вели войны везде — в Армении, Венгрии, Польше, Украине.

— И это не так уж немаловажно для нас, особенно теперь, когда мы стараемся расширить нашу приморскую торговлю и увеличить число наших кораблей в Средиземном море. Мавры, тунисцы и алжирцы, которых берем в плен, — плохие работники. Они годны лишь на то, чтобы пополнить число слуг в свите, и то лишь у того, кто в состоянии себе это позволить. Ну, их еще можно обменять на пленников-христиан. Их нельзя использовать и на галерах, ибо они подвержены морской болезни и мрут как мухи. Самые лучшие рабы для галер — это славяне и турки. Недаром англичане платят за них на рынке немалые деньги. Вот почему все то, что связано с Кандией, интересует меня.

— А каковы там перспективы для французов? — спросила Анжелика. Она как-то слабо представляла себя в роли работорговца.

— наших представителей там уважают, так мне кажется. Крит — это колония Венеции. И турки не единожды пытались завоевать его.

— А не опасно ли вкладывать в это дело деньги?

— Как сказать... Порой и в военное время коммерция идет превосходно. У Франции сейчас хорошие отношения с Венецией и Турцией.

— Мадемуазель де Бриен говорила мне, что у нее нет особенных доходов с этой должности. Правда, она винила в этом своих управляющих, которые наживались за ее счет.

— Этого можно было ожидать. Дайте мне их имена, и я все разузнаю.

— Хорошо... А вы поддержите моего кандидата на этот пост? Кольбер ответил не сразу. Нахмурясь, он сказал:

— Да. Во всяком случае, я думаю, мадам Морен, что лучше пусть это дело попадет в ваши руки, чем в руки мадемуазель де Бриен или еще кого-

нибудь из благородных, но глупых дворян. Кроме того, это дело согласуется с предложениями, которые я приготовил для вас.

— Для меня?

— Да. Неужели вы полагаете, что мы не сможем использовать ваши деловые качества на пользу нации? Его Величество правда, выразил сомнение, может ли женщина такой красоты и очарования обладать деловыми качествами.

Я постараюсь разубедить его в этом. Вам следует заняться чем-то более серьезным, чем занимать пост в свите королевы или какое-нибудь другое бесполезное место.

Оставим это дочерям обнищавших аристократов, у которых из всех достоинств осталось только невинность. Ваше будущее должно иметь более блестящие перспективы.

Грубоватая прямолинейность министра финансов пробудила в Анжелике какую-то горечь. Ведь это именно он всегда противостоял ее просьбам!

— Да, конечно, деньги у меня есть, — сказала она сухо, — но не столько, чтобы спасти все королевство.

— А кто вам говорит о деньгах? Все дело в труде. Только труд спасет страну и мало-помалу вернет ей утраченное богатство. Посмотрите на меня: раньше я был простым торговцем мануфактурой, и вот теперь я — министр финансов. Поймите, мы не только в состоянии, мы просто обязаны делать больше вложений во Франции, чем за границей.

Но в наших верноподданных нет единства. Я, например, могу заняться делом и увеличить свое состояние, но предпочитаю изучать искусство управления государством, которым обладал кардинал Мазарини, и отдать свою деловую сметку и организаторские способности на пользу государства.

Чем оно становится крепче, тем лучше и мое положение. Король, несмотря на его молодость, тоже начинает следовать этому принципу. Он тоже один из учеников кардинала, но он умнее учителя.

Чем дольше говорил Кольбер, тем больше рос его гнев. И, ну конец, когда он закончил, лицо его приняло такое свирепое выражение, что Анжелика не смогла удержаться и спросила о причине столь странного поведения.

— Почему я так зол? Да потому что я и сам не знаю, что меня заставило вести с вами разговор на такие темы.

Анжелика поспешила заверить его, что она не намерена обсуждать с кем-либо затронутые вопросы.

— Поверьте, я не предаю вашего доверия. Все, о чем вы здесь говорили, глубоко интересует меня, настолько глубоко, что именин это и придало вам силы вести со мной столь интересную беседу которой вы меня удостоили.

У Кольбера был вид птицы, заглатившей слишком большого червяка. Он ненавидел лесть, ибо подозревал, что за ней всегда скрываются корыстные мотивы. Но, внимательно взглянув на Анжелику, он понял, что она говорит вполне искренне.

— В конце концов, — проворчал он, — мне редко попадались люди, способные вести деловые разговоры.

Улыбка показалась у него на лице.

— Ваше очарование способно одурачить даже таких стариков, как я. Вы обладаете огромным запасом наступательных средств. — И как же мне правильно развернуть свои боевые порядки? Министр на минуту задумался.

— Во-первых, вам никогда не следует покидать двор, Постарайтесь познакомиться со всеми нужными людьми и настолько близко, насколько это возможно!

— Ну, это... это не представляет для меня особых затруднений...

— Мы будем использовать вас для выполнения разного рода поручений, особенно тех, которые связаны с торговлей и даже такими ее ответвлениями, как мода...

— Мода?

— Я постараюсь вам объяснить. Например, я хочу обзавестись секретом изготовления венецианских кружев. Из-за наших модников и модниц три миллиона ливров ежегодно уходит в Италию.

А я хочу построить мануфактуры по производству венецианских кружев во Франции.

— И для этого мне придется отправиться в Италию?

— Думаю, что нет. В Италии вы сразу попадете под наблюдение. У меня есть причины подозревать, что их люди действуют у нас во Франции, возможно в Марселе, и это приносит им огромные прибыли.

Анжелика глубоко задумалась.

— Все это очень похоже на шпионаж.

Кольбер согласился. Это слово вовсе не коробило его. Шпионаж? Ну и что ж!

— Дело есть дело. Вот вам еще один пример. Сейчас собираются выпустить новые акции Ост-Индской компании. И они будут распространяться при дворе. А деньги при дворе есть. Неужели вы не

сможете воспользоваться удобным случаем и не найдете применения своим талантам? Единственное, что меня беспокоит, это какой официальный пост предложить вам. Постойте, ваше критское консульство обеспечит вам достойный фасад и при случае будет вашим алиби.

— Но прибыль от него очень маленькая.

— Не будьте наивной! Поймите, что служебные посты обеспечат вам приличные доходы. Они устанавливаются в соответствии с выполняемой работой и занимаемой должностью. Вы сможете извлекать из этого немалую пользу.

Анжелика стала подсчитывать в уме. Все-таки 40000 ливров — это куча денег...

— Пост прокуратора, к примеру, стоит 175000 ливров. Мой предшественник заплатил за свой пост 140000 ливров. За меня же заплатил король, ибо он хотел, чтобы именно я занял этот пост. И я чувствую себя обязанным ему.

«Так вот каков двор, — подумала Анжелика, — лишь простодушный и несведущий человек представляет жизнь при дворе сплошным праздником с бесконечными танцами по ночам в Пале-Рояль».

Закрыв лицо маской из черного бархата, она следила за танцующими парами. Ставился балет «Праздник на Олимпе». Король в форме Юпитера открывал бал с Генриеттой Английской.

Глаза всех присутствующих были устремлены на него. Золотая маска не делала его инкогнито. На нем был шлем, украшенный рубинами и алмазами и увенчанный хохолком из перьев цвета пламени. Да и весь его костюм был отделан драгоценностями и золотым шитьем.

На следующий день придворный поэт Лоре восхвалял королевское одеяние в следующих словах:

*На одеяние принца
Ушла целая провинция.*

«Какое богатство, — подумала Анжелика, — это двор! Да, это был двор — дорогостоящий и экстравагантный. Но если приглядеться поближе — что за чудо! Молодой король дергает за веревочки марионеток. А под масками марионеток — живые люди, обуреваемые страстями и скупаемые честолюбием».

Недавний разговор с Кольбером открыл перед Анжеликой новые перспективы. Вспомнив о той роли, которую он отводил ей, она вдруг подумала, не скрывается ли под одной из этих масок чей-нибудь тайный

посланник? Некогда, в том же самом Пале-Рояле, который раньше назывался Пале-Кардинал, Ришилье, прогуливаясь в своей пурпурной мантии, вынашивал планы захвата власти.

Никто не имел сюда доступа, кроме его верных слуг. Он сплел гигантскую шпионскую сеть. На его службе состояло много женщин.

«Эти существа, — любил говорить он, — обладают интуитивным даром обмана и надувательства».

Может быть, и молодой король усвоил эти принципы?

Когда Анжелика покидала бал, паж вручил ей записку. Она была от Кольбера.

«Можете считать, что тот пост, о котором вы ходатайствовали, пожалован вам на определенных условиях. Верительные грамоты консула Франции будут вручены вам завтра».

Она сложила записку и сунула ее в кошелек. Улыбка заиграла у нее на устах. Она победила!

Часть вторая.
ФИЛИПП

Глава 10

Анжелика отпустила служанок и стала медленно раздеваться. Мысли ее были заняты победой, которую она одержала, и той суматохой, которая поднялась вокруг нее.

Несколько раньше, в тот же день, ее управляющий отослал 40000 ливров наличными мадемуазель де Бриен. Анжелика же через агентство Кольбера получила от короля звание консула Франции.

Ей пришлось поставить кучу подписей на различных документах и заплатить 10000 ливров различных сборов. Она была бы еще более счастлива, если бы не мысли о Филиппе. Что он скажет, узнав о случившемся? Ведь он грозил, что сделает все, что в его силах, чтобы убрать ее подальше от двора. Но его заключение в Бастилию и отправка в армию дали Анжелике время с блеском завершить свои дела.

Итак, она победительница, но не без тревоги за будущее. Филипп вернулся из армии неделю тому назад. Король сам сообщил об этом Анжелике.

Она поблагодарила Его Величество и спросила совета, как ей Шести себя. Каким должно быть отношение женщины к своему мужу, который был брошен в тюрьму из-за того, что жена измерила ему?

Осмеянный да еще и навлекший королевский гнев, Филипп едва ли будет рад встрече с ней. И так-то он не жаловал ее, но тут Анжелика ожидала еще худшего.

Филипп не показывался. Она узнала, что он засвидетельствовал свое почтение королю и что Его Величество благосклонно принял маркиза дю Плесси. Потом его пару раз видели в Париже в салоне у Нинон. Дважды он побывал с королем на охоте. А в тот самый день, когда она подписывала документы у Кольбера, Филипп находился в лесу Марли. Неужели он решил оставить ее в покое? Хотелось бы ей верить этому. Или Филипп вынашивал планы отмщения: он был подобен тигру, затаившемуся перед прыжком. Анжелика вздохнула.

Погруженная в эти думы, она открепила от платья бант, положила булавки на блюдо из оникса. Затем неторопливо отстегнула три нижние юбки, которые с тихим шелестом упали к ее ногам. Переступив через них, она взяла с кресла ночную сорочку, приготовленную Жавоттой. Все ее движения были спокойными и неторопливыми. За последние дни она как бы утратила быстроту движений, которая была присуща ей раньше.

Сняв браслеты, она направилась к ночному столику, чтобы положить их в ларец. Большое овальное зеркало отразило ее фигуру при свете свечей. Чуть печально смотрела она на совершенные линии своего лица, на свежесть губ и щек. Кружева ночной рубашки подчеркивали юношескую полноту ее плеч и лебединой шеи.

«Эти венецианские кружева превосходны. Кольбер прав, что хочет начать их производство во Франции.

Анжелика подняла обнаженные руки, чтобы открепить нитки жемчуга, которые она носила в волосах, наподобие диадемы. Они упали на стол с тихим стуком. Даже с немного увеличенным животом она была очень привлекательна. Ей вспомнился вопрос Лозе на: «Для кого?»

Почему же ее тело было так привлекательно для одного и так ненавистно для другого?

Сна как не бывало. А что же делать ночью? Написать Нинон де Ланкло? Или мадам де Севинье, с которой она уже давно не поддерживала связи? Или заняться счетами, как это было в те времена, когда она с головой была погружена в дела?

Вдруг она услышала на лестнице тяжелые мужские шаги и звон шпор. Скорее всего это был Мальбран, учитель верховой езды, очевидно, он возвращался с очередной любовной прогулки. Но шаги все ближе и ближе приближались к ее дверям. Внезапно Анжелика осознала, кто это может быть. Она вскочила, чтобы закрыть дверь на засов, но уже было поздно. Маркиз дю Плесси де Бельер стоял в дверном проеме.

На нем был серый охотничий плащ, отороченный мехом, на голове — черная шляпа с единственным белым пером, а на ногах — тяжелые сапоги, забрызганные грязью.

В руке, одетой в черную перчатку, он держал длинный хлыст. На мгновение Филипп застыл, как статуя, широко расставив ноги, окинув взглядом разбросанные в беспорядке туалеты Анжелики. На его губах медленно проступала улыбка. Шагнув в комнату, он захлопнул дверь и закрыл ее на засов. — Добрый вечер, Филипп.

Сердце Анжелики колотилось от противоречивого чувства страха и радости.

Как он был красив! Он был самым красивым мужчиной при дворе, и он был ее мужем.

— Вы ожидали меня, сударыня?

— Да, конечно... я надеялась...

— Клянусь, вы храбрая женщина. Разве вы не считаете, что вам следует опасаться моего гнева?

— Да. И именно поэтому я считаю, что чем раньше мы встретимся, тем лучше. Ничто не лечит лучше горького лекарства.

Лицо Филиппа исказила гримаса безудержного гнева:

— Лицемерка! Предательница! Едва ли вы сможете убедить меня в том, что вы все время ждали меня. Ведь вы только тем и занимались, что старались обмануть меня. Не получили ли вы две постоянные должности при дворе?

— Вы очень хорошо осведомлены.

— Да, конечно, — буркнул Филипп.

— И вам... вам, кажется, это не нравится?

— А по-вашему, после того, что вы упрятали меня в тюрьму, чтобы без помех обделывать свои делишки, я буду очень этому рад? А теперь... теперь вы считаете, что вам удастся улизнуть от меня? Но игра еще не закончена. Я заставлю вас дорого заплатить за ваше предательство. Вы еще не представляете себе того наказания, которое я приготовил для вас.

Он резко щелкнул о пол кнутом. Звук показался Анжелике похожим на удар грома. Она в ужасе вскрикнула. Анжелика в ужасе забилась в кровать и заплакала. Нет, ей не вынести еще раз ту сцену, которая разыгралась в день их свадьбы в Плесси.

— Не бейте меня, Филипп, — взмолилась она, — о, пожалуйста, не бейте. Подумайте о нашем ребенке.

Филипп замер. Глаза его округлились.

— Ребенке? Каком ребенке?

— Которого я понесла. Вашем ребенке.

Повисло тяжелое молчание, прерываемое всхлипыванием Анжелики. Маркиз снял свои перчатки и положил их вместе с хлыстом на ее ночной столик. Он подошел к жене, подозрительно глядя на нее.

— Ну-ка, покажите, — сказал он.

Он задрал ей ночную рубашку, затем откинул назад голову и громко рассмеялся.

— Боже мой, это правда! Вы брюхаты, как корова! Он присел на кровать и притянул ее к себе.

— Почему вы не сказали мне раньше, дикий звереныш? Я бы не стал вас так пугать.

Она заревела еще громче. Ее воля была совсем сломлена.

— Ну, ну, не плачьте, перестаньте.

Ей показалось странным, что ее голова зарылась в его светлые кудри, пахнувшие жасмином. Она чувствовала, как рука мужа гладит ее живот, в котором зарождалась новая жизнь.

— Когда же он родится?

— Уже скоро, в январе.

— Так это было в Плесси, — сказал он после минутного раздумья. — Я очень рад, что он зачат под крышей моего родового поместья. Хм! Надеюсь, что наши ссоры не причинили ему вреда. Это хорошее предзнаменование. Он будет воином. У вас есть что-нибудь, чтобы мы могли отметить это событие?

Он подошел к буфету и вытащил два стакана и бутылку вина, которое там стояло на случай прихода гостей.

— Давайте выпьем за него, даже если вы не хотите чокнуться со мною бокалами. Нам надо отпраздновать это событие. Что вы смотрите на меня с таким глупым удивлением? Что, нашли способ обезоружить меня? Но потерпите, дорогая, я сейчас слишком доволен тем, что у меня будет наследник, чтобы позволить себе дурно обращаться с вами.

Мы отложим нашу ссору на потом. И будьте уверены, я не позволю вам больше издеваться надо мной. В январе, говорите вы, хорошо? Я буду присматривать за вами.

Он осушил бокал и разбил его об пол, воскликнув:

— Да здравствует наследник Мирамон дю Плесси де Белльер!

— Филипп, — проворковала Анжелика, — вы самый загадочный человек из всех, которых я знала! От человека, которому я причинила такую неприятность, вполне можно ожидать, что он откажется от отцовства. Ведь вы могли подумать, что я уже была беременна, когда состоялась наша свадьба.

Филипп натянул перчатки. Он смотрел хмуро, почти сердито.

— Несмотря на пробелы в моем образовании, — сказал он, — я еще могу считать до 9. Если это не мой ребенок, это выяснится. Природа покажет свое. К тому же я уверен, что хоть вы и способны на любой трюк, но не на такой подлый.

— Но это в духе женщин. А от того, кто так ненавидит их, можно ожидать меньшей доверчивости.

— Вы не похожи на других женщин. Вы МОЯ ЖЕНА!

И он широким шагом вышел, оставив ее с мыслями о какой-то надежде.

Ранним январским утром, когда бледные лучи солнца, отраженные от снега, пробежали по занавескам ее комнаты, Анжелика почувствовала, что время ее пришло. Ей порекомендовали мадам Корде — женщину, обладавшую сильным характером и чувством юмора, достаточным, чтобы

удовлетворить самую требовательную клиентку.

В камине посильней зажгли огонь, чтобы поднять температуру в комнате. Слуги притащили медные котелки с водой. Мадам Корде заварила травы, и в комнате запахло, как на лугу в летний день.

Анжелика стала нервной и раздраженной. Она не смотрела на акушерку, как будто не хотела, чтобы кто-то делил с ней рождение ребенка. Не в состоянии оставаться в кровати, она поднялась и стала ходить по комнате, останавливаясь каждый раз у окна и рассматривая запорошенную улицу. Она видела прохожих и запряженных в кареты лошадей, из ноздрей которых валил пар. Ругались возницы, смеялись седоки. Был день после праздника Святой Епифании, и весь Париж драл глотки:

«Король пьет!» или отлеживался, объевшись пирогов и опившись вина. Праздник был и в отеле Ботрей. Флоримон был «королем» и носил бумажную позолоченную корону. Все сонно позевывали после праздника.

Это был подходящий день для появления нового человека. Томясь в бездействии, Анжелика стала расспрашивать свою домоправительницу. Раздали ли бедным праздничные подарки? Да, четыре корзины были отправлены для калек. По две корзины было отправлено в приют Тампль и в Божий приют. Замочили ли скатерти? Вычищены ли ножи?

— Мажордом должен заниматься этими вопросами и слуги, зачем вам такие пустяки? — уговаривала ее мадам Корде. — Вам нужно думать о других, более важных делах. Но об этом Анжелика думать не хотела.

— Невозможно подумать, что это ваш третий ребенок, можно подумать что вы рожаете впервые, — бранилась повитуха.

В самом деле, прежде меньше она беспокоилась. Она вспомнила, что была очень спокойна, когда рожала Флоримона. Тогда она чувствовала храбрость и силу молодого зверя. С тех пор многочисленные лишения и страдания подорвали ее организм, нервы были истощены.

— Чересчур уж он большой, — стонала она. — Другие не были такими тяжелыми.

А роды Кантора! Она боялась вспомнить тот кошмар, те страшные боли. Но вдруг вспомнив те боготворительные приюты, где невинные младенцы издают впервые в жизни звуки, Анжелика устыдилась своих жалоб и несколько успокоилась.

Она уселась в кресло, подложив под спину маленькую подушечку и поставив ноги на скамейку. Одна из девушек, Жиландон, предложила ей прочесть какую-нибудь молитву, но Анжелика оборвала ее. Она приказала ей покинуть комнату. Что здесь делать этой глупой девчонке? Она

приказала, чтобы ей отыскали аббата де Ледигера, и если и с ним они не найдут, о чем поговорить, она отошлет его молиться за себя или поставить свечку в Сен-Поло.

Внезапно схватки у нее стали появляться все чаще, и мадам Корде уложила ее на стол, поближе к камину. Анжелика уже не сдерживала криков. Вдруг сквозь зубы собственного голоса ей послышался какой-то звон и хлопанье двери.

— О месье Маркиз! — воскликнула Тереза.

Анжелика не поняла смысла слов до тех пор, пока не увидела Филиппа, стоявшего у ее изголовья. Он был в дворцовом камзоле, со шпагой, в парике и со шляпой, украшенной белым плюмажем.

— Филипп, что вы здесь делаете? Что вам надо? Зачем вы пришли?

У него был насмешливый вид.

— Сегодня у меня рождается сын. Неужели вы думаете, что это совсем не интересует меня?

От возмущения Анжелика пришла в себя. Она приподнялась на локте.

— Вы пришли насладиться моими страданиями. Вы — чудовище. Самый жестокий, самый коварный, самый...

— Ну-ну, — сказал Филипп, — не тратьте понапрасну силы. Он положил руку на ее влажный лоб и стал поглаживать ее лицо, тихонько приговаривая. И хотя она не понимала смысла этих слов, они успокаивали ее своим звучанием.

— Спокойней, спокойней, моя дорогая... Все идет хорошо. Смелее, радость моя...

«Впервые он ласкает меня, — думала Анжелика. — Те же слова он произносит, наверное, когда рожают его любимые суки и кобылы. Что я сейчас для него, как то страдающее животное? Говорят, что он может быть терпеливым и часами успокаивать животных, которые рожают и, напротив, быть безжалостным и свирепым к тем, кто лижет ему руки...»

Меньше всего в эту минуту Анжелика желала помощи именно от него, но все же Филипп не переставал удивлять ее.

Когда наступил критический момент, Анжелика, почти теряя сознание, вновь устремила взгляд на Филиппа.

— Не бойся, — повторял он. — Вот теперь уже совсем ничего не бойся.

— Мальчик, — сказала повитуха.

Анжелика увидела Филиппа, который в вытянутых руках держал красный комочек, завернутый в полотно, и кричал:

— Мой сын! Мой сын!

Ее перенесли на надушенные простыни кровати, специально разогретые перед этим. В полудреме она увидела Филиппа, склонившегося над детской колыбелью.

Только тогда, когда Анжелика впервые взяла малыша на руки, она поняла, что означает для нее это живое существо.

Он стал любимым ребенком. Пеленки из тонкого полотна так плотно закутывали его, что было видно только фарфоровое личико с двумя голубыми бусинками глаз. Няньки и служанки суетились вокруг него. Он был похож на ангелочка.

«Это дитя моей любви, — думала Анжелика, — но это не ребенок Жоффрея де Пейрака. Я смешала кровь, которая принадлежит ему, с другим». Она смотрела на ребенка, как на плод предательства, смысл которого она сама не понимала.

— Я больше не твоя жена, Жоффрей, — прошептала она.

— А, может быть, он сам хотел этого? — Она расплакалась.

— Я хочу видеть Флоримона и Кантора, — выдавила она сквозь рыдания. — Приведите ко мне моих детей.

Когда дети вошли, она не могла справиться с дрожью. Как непохожи были они друг на друга, несмотря на то, что они были одинакового роста. Потом оба поклонились и уселись на две скамеечки. Необычный вид матери, неподвижно лежавшей в кровати, утихомирил их.

Анжелика пыталась проглотить комок в горле. Ей не хотелось расстраивать их. Она спросила, видели ли они своего нового братика. Да, видели. И как он им понравился? Очевидно, они об этом не задумывались, но обменявшись взглядом с Кантором, Флоримон сказал, что он симпатичный «маленький ангелочек», и он им очень понравился.

Результат образования был налицо. Оставаясь в деревне, они бы выросли дикарями. А одень их в красивую одежду, научи их кланяться и вести придворные разговоры, и станут они прелестными юношами-дворянами. Анжелика была рада этой перемене в детях.

— Кантор, мой менестрель, спой мне что-нибудь. Мальчик взял гитару и, настроив ее, запел.

«Вы любили меня, Жоффрей, и я обожала вас. Почему вы любили меня? Потому что я красива? Красивым был и ваш дворец. Но вы любили меня больше всего на свете. Я чувствовала это, когда ваши сильные руки обнимали меня так крепко, что я теряла дыхание... Я была тогда почти ребенком. За что вы меня так любили?.. В ту ночь, когда он назвал меня своей женой, он так смотрел на меня, будто хотел проникнуть в душу. Я больше не ваша жена, Жоффрей. Ваша любовь уплывает от меня как по

течению реки. Навсегда, навсегда! Как тяжело думать об этом... навсегда... вы стали призраком, даже для меня...»

Филипп больше не проявлял к ней интереса. Теперь, когда она выполнила свой долг, она ему больше была не нужна. К чему надежды? Она никогда не поймет его. Как это сказала о нем Нинон: «Он дворянин до мозга костей. Для него важнее всего вопросы этикета. Он не боится смерти, но боится грязного пятна на шелковом чулке. Он будет умирать одиноко, как волк, но ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит королю и самому себе».

Король, всемогущий король, входит в свой сад. Ветви ив блестят под инеем, как в прекрасной сказке. Мраморные статуи окутаны снегом, В конце аллеи статуи Цереры, Флоры и Пемоны отражаются в зеркале замерзших вод фонтанов. Король с вытянутой в руке тростью, похожий на перст судьбы, король, управляющий жизнью и смертью своих подданных.

Боже правый, не эту ли песню запел Кантор в тот день в Версале перед королевой? Неизвестно еще, что бы произошло, если бы не аббат. Он спас всех. Надо бы еще отблагодарить его. Бедная королева Мария-Тереза! Она не способна послать отравленные цветы своей сопернице, как поступила Мария Медичи, послав их любовнице Генриха IV. Она может только рыдать и утирать свой покрасневший нос. Бедная королева!

Глава 11

Мадам де Севинье сообщила в письме мадам дю Плесси последние дворцовые новости:

«Сегодня в Версале король открыл бал с мадам де Монтеспан. Мадам де ла Вальер была там, но не танцевала. Королева, оставшаяся в Сен-Жермене, была забыта...»

Традиционные визиты к молодой матери проходили в отеле дю Ботрей с необыкновенной торжественностью. Те знаки внимания, которые король и королева проявили к этому отпрыску рода Плесси, вынудили чуть не весь Париж появиться в отеле дю Ботрей.

Гордая Анжелика выставила напоказ сундук, обшитый голубым шелком с королевскими лилиями, — подарок королевы. В нем были отрезки на платье, плащ с капюшоном из тафты, детские вышитые нагруднички с отделкой и другое приданое. Король прислал два блюда из позолоченного серебра с засахаренными фруктами и миндалем.

Месье де Жовре, главный дворецкий Их Величеств, сам привез их подарки молодой матери вместе с наилучшими пожеланиями. Все эти знаки внимания со стороны царствующих особ отнюдь не противоречили этикету — жена маршала Франции заслуживала их.

Но тут же, как пламя, охватившее стог сена, разошлась молва, что сердце короля принадлежит Анжелике. Злые языки даже утверждали, что в малыше течет кровь Генриха IV.

Анжелика, пожав плечами, выкинула из головы эти домыслы. Глупые люди, и ничего больше! Собственно говоря, ее спальня никогда не пустовала... Было много почти незнакомых и полузабытых лиц. Даже ее сестра Ортанс вспомнила о родстве. Ей льстило, что она состоит в родстве с самой маркизой дю Плесси.

Приходила и мадам Скаррон. Она улучила момент, когда Анжелика была одна, и принялась болтать. Молодая вдова была отличной собеседницей. У нее был спокойный нрав, она обычно ни на кого не сердилась и не дулась. Анжелика не удивилась, когда узнала, что мадам Скаррон состоит в тесной, доверительной дружбе с Нинон дю Ланкло.

Несмотря на свою бедность и приятную внешность, мадам Скаррон не имела ни долгов, «и любовников. Тем не менее она подавала королю прошение за прощением с просьбой о помощи. Однако ни одна из ее просьб не была удовлетворена и, наверное, именно по причине ее

бедности.

— Не люблю я приводить себя в качестве примера, — говорила она Анжелике, — что или сама, или через своих друзей я подала королю больше тысячи прошений,

— И каков же результат?

— За исключением небольших подарков, да и то уже очень давно, я не получала ничего для облегчения моих страданий. Но я не сдаюсь. Я верю, что наступит день, когда я смогу оказать услугу Его Величеству или его семье и тогда он достойно отблагодарит меня за все.

— А вы уверены, что поступаете правильно? Я слышала, как король жаловался, что «прошения мадам Скаррон сыплются на нас, как листья осенью».

Но высказывание Анжелики не смутило мадам Скаррон.

— Это не так плохо. Ибо нет ничего полезнее, чем настойчивость. Если вы хотите добиться своего, то вам необходимо постоянно привлекать внимание монарха. Я уверена, что в конце концов добьюсь своего.

— Чего же именно?

— Успеха.

Светлый огонек мелькнул в ее глазах, и она продолжала хорошо поставленным голосом:

— Вы помните то смешное пророчество, которое высказала ля Вуазин? Нас тогда было трое: Атенаис, вы и я. Конечно, я ей не верю, ведь ее вдохновение исходит из кувшина с вином. Настоящее представление и предсказание было сделано мне в Версале три года тому назад одним рабочим. Он был подмастерьем у каменщика.

Однажды, когда я прогуливалась около дворца, этот юноша подошел ко мне, постоянно кланяясь и бросив свою работу. Его товарищи по работе отнюдь не смеялись над ним, очевидно, они знали о его способности заглядывать в будущее.

Его лицо светилось улыбкой, и он приветствовал меня, как «первую даму королевства». Затем он сказал: что на том самом месте, где вы сейчас стоите, он видит дворец, больше и выше которого еще не было на свете, и в этом дворце толпятся придворные, которые приветствуют меня поклонами, когда я прохожу мимо них.

И теперь, когда меня постигает очередная неудача, я вспоминаю об этом и возвращаюсь в Версаль, где находится моя судьба.

Она улыбнулась, ее глаза светились глубоким внутренним огнем. Расскажи эту историю кто-нибудь другой, Анжелика бы только засмеялась, но рассказ этот в устах мадам Скаррон произвел на нее большое

впечатление. Она предстала перед Анжеликой в новом свете, наделенная большим честолюбием и большим самомнением.

Анжелика решила извлечь и для себя пользу из разговора с мадам Скаррон.

— Вы приподняли передо мной завесу над многими тайнами, но я думаю, что при дворе их еще больше. У меня, например, есть предчувствие, что мой муж плетет целую сеть интриг против меня...

— Ваш муж — суций ребенок в глухом лесу. Он знает все, что происходит, ибо он очень долго находится при дворе, но он ни во что не вмешивается. Плохо лишь то, что вы очень красивы.

— Но как это может повредить мне? Кому это противопоказано? При дворе есть более красивые женщины, чем я. Не надо мне так льстить.

— Кроме того, вы слишком... безразличны.

— В самом деле, — сказала Анжелика как бы сама себе, — то же самое мне говорил король.

— Вот видите! Вы не только одна из самых красивых женщин при дворе, но вы еще поставили себя вне его. И, кроме того, у вас есть то, чего другие красавицы хоть умри, никогда не заимеют.

— Что же это такое?

— Душа, — сказала покорно мадам Скаррон.

Огонек потух в ее глазах. Она уставилась на свои маленькие руки, которые огрубели от тяжелой работы.

— И все же, — сказала она с печальным вздохом, — как это можно занять столько врагов, едва появившись? — и она разразилась слезами.

— Франсуаза, — вмешалась Анжелика, — только не убеждайте меня, что вы плачете обо мне и о моей душе.

— Нет, конечно, нет. Я плачу о своей судьбе. Когда женщина красива и обладает душой, она не может не достичь всего, чего она желает. Я же неудачница, что у меня нет того, чем обладаете вы.

Анжелика подумала, что мадам Скаррон никогда не окажется в числе ее врагов, и пожалела, что повторила слова короля, причинив ей тем самым ненужную боль.

— Франсуаза, — сказала она, — утрите слезы. Вспомните предсказание подмастерья. Считайте, что у вас выигрышная карта, которая поможет вам выиграть партию. Вы деятельная женщина, кроме того, у вас хорошие адвокаты. И разве мадам де Омон не ваша покровительница?

— Да, и кроме того, мадам де Ришилье и мадам Ламуанан, — мадам Скаррон стала успокаиваться. — Я бываю в их салонах уже в течение трех лет.

— Довольно скучное занятие, не так ли? — спросила Анжелика. И добавила: — Они утомили меня чуть не до смерти.

— Может быть, это и так. Но это одна из ваших ошибок, Анжелика, и она доставит вам много беспокойства. Мадам де ла Вальер допустила ту же ошибку, и теперь она не в почете. Тот, кто находится при дворе, не может быть нейтрален. Вы должны примкнуть к той или другой партии. Вы еще не решили, с кем быть — с нужными людьми или с пустышками, с беззаботными бабочками или правильно мыслящими?

— О чем вы говорите?

— Я говорю об истинно верующих. Настоящего бога надо искать не в наших молитвенниках, а в глазах Справедливости, которая выносит свои приговоры.

— И все-таки я не понимаю вас.

— Разве Зло не носит маску, и не Князь ли Тьмы бывает на балах при дворе?

— Так вы советуете мне выбирать между богом и дьяволом?

— Именно так, — спокойно сказала мадам Скаррон.

Она поднялась и взяла свой плащ и веер, который она никогда не раскрывала, так как он был дырявый. Затем поцеловала Анжелику в лоб и тихонько удалилась.

— Не время говорить на религиозные темы, мадам! Произошло нечто ужасное!

Красное лицо Барбы высунулось из-за полога кровати. Она уже некоторое время здесь и, проводив мадам Скаррон до двери, вернулась. Глаза у нее были испуганные. Анжелика лежала, погруженная в свои мысли, и Барба решила говорить напрямик.

— Мадам, случилась страшная беда!

— Что там еще?

— Пропал наш маленький Шарль-Анри.

— Какой Шарль-Анри?

Анжелика еще не привыкла к полному имени своего новорожденного: Шарль Анри-Арман-Мари-Камиль-де Мирамон дю Плесси де Бельер.

— Ты говоришь о моем мальчике? Разве нянька не знает, куда она его положила?

— Нянька исчезла. И все, кто должен был прислуживать мальчику, тоже пропали.

Анжелика отбросила одеяло, вскочила и принялась лихорадочно одеваться.

— Мадам, — стонала Барба, — вы не в своем уме. Благородной даме

нельзя вставать с постели через шесть дней после родов.

— Тогда зачем ты пришла ко мне? Наверное для того, чтобы я предприняла что-нибудь?

Анжелика устремилась в детскую. Комната была пуста. Не было ни кровати, ни сундука с одеждой и пеленками, ни погремушек, не было даже флаконов с мазями и притираниями.

Барба подняла на ноги всех слуг. Они, перепуганные, столпились в комнате. Анжелика начала дознание. Кто когда видел последним няньку и ее помощницу?

— Их видели с ребенком, когда они обедали, а потом их и след простыл. Когда у всех слуг был послеобеденный отдых, привратник пошел играть в кегли с конюхами за дом.

И в течение часа, или около того, на воротах никого не было. А этого было достаточно, чтобы нянька и две ее помощницы, исчезнувшие вместе с ней, вытащили и малыша, и колыбельку, и все предметы ухода за ребенком.

Привратник клялся, что он играл не более пятнадцати минут.

— Тогда, значит, и ты участвовал в заговоре! — обвинила его Анжелика и приказала выпороть, хотя никогда прежде не прибегала к телесным наказаниям. И тут же ей на память пришли ужасные истории о похищенных детях.

Нянька была рекомендована Анжелике мадам де Севинье, которая представила ее как вполне надежную женщину. Но как можно доверять слугам, которые, работая на хозяев, не упускают случая поживиться за их счет.

Тем временем примчался Флино и с ходу выпалил, что ему известно, куда исчез ребенок.

— Его, вместе со всем багажом, отвезли в дом отца на улице Фобур Сен-Антуан!

— Проклятый Филипп!

Анжелика приказала всем своим слугам, включая и молодого аббата, вооружиться кто чем может — палками, пиками, шпагами и идти к дому Филиппа. Сама она отправилась в седане впереди всей этой толпы.

Подойдя к дубовым воротам отеля дю Плесси, толпа палками забарабанила в них. На шум из окошка высунулся привратник и попытался было вступить в переговоры. Маркиз, мол, строго-настрого запретил ему открывать ворота кому бы то ни было.

— Откройте вашей хозяйке, — кричал Мальбран, размахивая двумя бомбами, которые он вытащил из карманов пальто, — или, клянусь честью,

я взорву их перед вашим носом, и вы вместе с вашими воротами отправитесь прямо в ад!

Он уже был готов зажечь запальный фитиль. Перепуганный привратник уже был не прочь впустить мадам маркизу, но сказал, чтобы все остальные остались снаружи. Анжелика пообещала, что ее люди утихомятятся, и тогда он открыл перед ней ворота. Вместе с ней проскользнули и девицы Жиландон.

В комнатах Анжелика без труда отыскала свою пропажу. Она бросилась к няньке, выхватила у нее ребенка и поспешила назад: Но тут же у нее на пути вырос Ла-Виолет.

— Сын маркиза, — торжественно произнес он, — покинет этот дом только через мой труп.

Перейдя на диалект Пуату» уроженцем которого был Ла-Виолет, Анжелика так на него набросилась» что слуга бросился на колени и стал умолять хозяйку сжалиться над ним. Маркиз угрожал ему самым суровым наказанием» если он не уследит за ребенком.

А тем временем один из лакеев маркиза уже скакал по дороге в Сен-Жермен, стремясь сообщить о случившемся хозяину раньше, чем слуга и жена маркиза перегрызут друг другу глотки.

Пришел исповедник Филиппа, но и он ничего не мог поделать. Послали за управляющим Молином. Когда Анжелика увидела его фигуру человека, сохранившего стройность, несмотря на седины и преклонный возраст, ее решительность несколько ослабела.

Молин предложил присесть у камина и обсудить создавшееся положение. Сначала он поздравил ее с рождением сына, которого он рад видеть как продолжателя рода дю Плесси. — Но маркиз хочет отобрать его у меня!

— Это его сын, мадам, и поверьте мне, я никогда не встречал человека, который бы так радовался появлению наследника.

— Вы всегда будете на его стороне, — серьезно произнесла Анжелика, — я отчетливо могу себе представить, как он счастлив, да еще и потому, что этим он доставляет страдание мне.

Все же она согласилась отослать слуг домой и дожждаться возвращения мужа. Но при условии, что Молин будет выступать как беспристрастный судья.

К ночи вернулся Филипп. Он застал свою жену и управляющего мирно беседующими у камина. Маленький Шарль-Анри припал к груди Анжелики и жадно сосал ее. Филипп вошел с таким видом, что Молин тут же поднялся.

Он сказал, что мадам дю Плесси ужасно расстроилась, когда обнаружила исчезновение сына. Разве месье дю Плесси неизвестно, что ребенок нуждается в матери? И что отсутствие материнского молока может серьезно повредить его здоровью? А мадам дю Плесси может заболеть и от этого молоко у нее исчезнет.

Да, Филипп этого не знал, это находилось за пределами его познаний. На его лице отражалась борьба между беспокойством и недоверием. Но Молин знал» о чем говорил, ибо он был и отцом семейства, и уже дедом.

И Филипп предпринял последнюю попытку:

— Но он мой сын, Молин, и я хочу, чтобы он рос под моей крышей.

— В таком случае, месье маркиз и мадам дю Плесси должны жить здесь.

И Анжелика, и Филипп содрогнулись при мысли об этом. Они посмотрели друг на друга, как два повздоривших игрока.

— Я не могу оставить других своих детей, — сказала Анжелика.

— Они тоже могут жить здесь, — возразил Молин. — Дом достаточно большой.

Филипп промолчал. Молин ушел, посчитав свою миссию законченной. Филипп стал ходить по комнате, время от времени бросая на Анжелику грозные взгляды. Она же все свое внимание уделяла ребенку. Наконец Филипп взял скамейку и подсел к ней. Анжелика с подозрением посмотрела на него.

— Вы, наверное, боитесь, несмотря на всю вашу смелость, — начал он. — А, может быть, вам хотелось, чтобы все так и произошло. Наконец-то вы в логове волка! Почему же вы так подозрительны? Ведь даже грубому мужлану приятно сидеть у очага и смотреть, как его жена кормит первенца.

— Это верно, Филипп. Но вы не мужлан, вы — зверь!

— Я рад, что вы не потеряли вкуса к нашим ссорам.

Она повернулась к нему, и он оглядел ее лебединую шею и снежно-белую грудь, у которой лежал спящий ребенок.

— Могла ли я, Филипп, подумать, что вы сыграете со мной такую подлую шутку, и так скоро? Ведь вы же были так нежны со мной в тот день!

Филипп почувствовал себя оскорбленным.

— Вы ошибаетесь, сударыня. Я отнюдь не нежен. Я просто не могу спокойно смотреть даже на рожавшую кобылу. Помочь вам — это был мой долг, но мое мнение о людях, а особенно о женщинах и их притворстве, не переменялись ни на йоту.

В тот день вы не были такой высокомерной. И, подобно всем другим самкам, вы хотели, чтобы, рука хозяина помогла вам в тяжелую минуту.

— Не отрицаю этого. Но ваше знание женской психологии несколько ограничено, Филипп. И хотя вы знаете животных лучше, чем людей, не надо по одним судить о других. Женщина для вас — это гибрид волчицы, суки и коровы.

— Добавьте еще немного: от змеи.

— Короче, зверь из Апокалипсиса.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, Филипп закусил губу.

— Зверь из Апокалипсиса, — повторил он, не сводя взгляда с тела Анжелики. — Моя точка зрения не хуже других, — добавил он после некоторого раздумья. — По крайней мере, она сохраняет меня от иллюзий. В тот день, стоя у вашей кровати, я вспомнил суку, самую свирепую из моей стаи, когда она оценилась семью щенками. Она смотрела на меня человеческими глазами, и позволила мне погладить себя. А два дня спустя она до смерти загрызла мальчишку, когда он только приблизился к ее щенкам.

Неожиданно меняя тему, он спросил:

— А правда, что вы подложили две бомбы под ворота?

— Да.

— И привратник если бы не открыл, вы бы отправили его на небеса?

— Несомненно.

Филипп громко захохотал.

— Ну и насмешили вы меня. Недостатков у вас больше, чем у кого бы то ни было, но зато вас не обвинишь в том, что вы дадите человеку скучать.

Он сдавил ее горло руками.

— Иногда я спрашиваю себя: следует мне вас задушить или...

— Или что?

— Я еще подумаю над этим, — сказал он, убирая руки. — Но не считайте, что вы выиграла. В данный момент вы находитесь в моей власти.

Анжелика потратила много времени на устройство в доме мужа, куда она привезла своих детей и часть прислуги по своему выбору. Дом Филиппа был мрачноват и отличался старомодностью, не в пример ее отелю. Но комнаты, отведенные ей, она отделала по своему вкусу.

Ла-Виолет рассказал ей, что комнаты, которые она выбрала для себя, раньше занимала мать маркиза, но Филипп буквально несколько месяцев назад приказал произвести там перестановку.

Анжелика удивилась, услышав это, но не решалась спросить: для кого?

Прошло немного времени, и приглашение от короля на бал в Версале заставило ее покинуть новый дом. Вечером на балу она едва смогла найти место, где можно было переодеться, укрывшись в небольшой комнатке из числа апартаментов королевы.

Здесь была еще мадам де Рур, и, помогая друг другу, они начали переодеваться, так как служанки куда-то запропастились.

Многочисленные придворные, которые появлялись в комнате, очень мешали им — одни отпускали комплименты, другие — предлагали свои услуги.

— Оставьте нас в покое, — кудахтала мадам де Рур, — или мы опоздаем из-за вас. А король ужасно не любит этого, — и она тут же бросилась куда-то искать булавки.

Анжелика решила воспользоваться ее отсутствием и надеть в это время шелковые чулки. Но в это время чья-то мускулистая рука схватила ее поперек талии и опрокинула на софу так, чтобы у нее задралась юбка. Отчаянно сопротивляясь, она ухитрилась нанести нападавшему две пощечины.

Когда же она в третий раз занесла руку для удара, то вдруг увидела, что это был сам король. Ее рука застыла в воздухе.

— Я... я... я никак не могла подумать, что это были вы, — заикаясь, пробормотала она.

— Я тоже не думал, что это вы, — ответил он добродушно, потирая покрасневшую щеку. — Я и не предполагал, что у вас такие красивые ножки. Зачем вы выставляете их напоказ и смущаете людей?

— Потому что я не могла найти другого места.

— По-вашему, Версаль так мал, что тут не найти места для вашей драгоценной персоны?

— Может быть и так. Он похож на большой театр, но без кулис. Не знаю, драгоценна ли моя персона, но почему-то она всегда оказывается в центре событий.

— Так вот каково ваше извинение за столь беспардонное поведение?

Анжелика привела в порядок свои юбки. Она все еще сердилась, но, бросив взгляд на смущенное лицо короля, обрела чувство юмора и заулыбалась. Король тоже полностью пришел в себя.

— Куколка моя, я был дураком.

— Да и я тоже.

— Вы — дикий цветок. Поверьте, что если бы я узнал вас, то не стал

бы себя вести так. Но когда я подошел и увидел эти светлые кудри и — о боже — такие прелестные ножки...

— Вы простили меня?

И она вытянула вперед руки, не столько кокетничая, сколько стараясь показать, что их ссора забыта. Король поцеловал их.

А немного погодя, когда она уже шла по двору, к ней подошел слуга и произнес:

— Главный дворецкий поручил мне передать, что вам отведена комната в крыле, где помещаются члены королевской семьи. Позвольте мне проводить вас туда, мадам.

— Мне? Вы, должно быть, ошибаетесь, мой дорогой.

— Мадам дю Плесси де Белльер? Это ваше имя? Мне кажется, я узнал вас.

— Совершенно верно.

Очень удивленная, она последовала за ним через королевские апартаменты и комнаты принцев крови. В конце правого крыла на маленькой двери квартирмейстер заканчивал писать мелом:

«Отведено для мадам дю Плесси де Белльер».

От удивления и радости Анжелика чуть не повисла на шее квартирмейстера. Она даже дала ему и слуге несколько золотых со словами:

— Выпейте за мое здоровье.

— От души желаем вам удачи и хороших развлечений, — ответили они и перемигнулись.

Анжелика позвала служанок, которые принесли с собой ее гардероб и спальные принадлежности. Затем с детской радостью она принялась наводить порядок в отведенных ей апартаментах, которые состояли из двух комнат и прихожей.

Затем, посидев немного и поразмышляв о том, как меняются прихоти монарха, она пошла в общий зал, еще раз с удовольствием взглянув на надпись:

«Отведено для мадам дю Плесси де Белльер».

— Так вы, наконец, получили это восхитительное: «отведено для...?»

— Я слышала, что на вашей двери написано «отведено...». Новость распространилась повсюду. Не успела она появиться в бальном зале, как глаза присутствующих были устремлены на нее с завистью и восхищением. Анжелика светилась от счастья. И так продолжалось до тех пор, пока не появилась королева со своей свитой.

Проходя по залу, королева милостиво кланялась тем, кого она знала,

но, проходя мимо Анжелики, сделала вид, что не узнает ее. Стоявшие рядом с Анжеликой не преминули отметить это.

— Ее Величество не удостоило вас поклоном, — усмехнулся маркиз де Рокелер.

— Королева воспрянула было духом, когда узнала, что мадемуазель де ла Вальер впала в немилость, но теперь она поняла, что у нее появилась новая соперница, и прекраснее первой.

— Кто это?

— Ах, вы, моя дорогая...

— Я? Как это глупо!

Она смотрела на королевскую милость как на желание сгладить возникшую меж ними недомолвку. А придворные усмотрели в этом новое доказательство любви короля к Анжелике.

Анжелика вошла в большой зал.

Стены зала были задрапированы яркими гардинами, помещение освещалось люстрами. Танцоры стояли в два ряда: справа мужчины, слева — женщины. Король и королева сидели на возвышении.

В дальнем конце комнаты, на помосте, почти скрытом гирляндами из золотых листьев, играли музыканты, которыми дирижировал Люли.

— Теперь королева плачет уже из-за мадам дю Плесси, — раздался голос у нее за спиной. — Поговаривают, что король уже приготовил комнату для новой любовницы. Берегись, маркиза!

Анжелике не было необходимости оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежит этот голос, казалось, звучащий прямо с пола.

— Не верь сплетням, Баркароль. Король жаждет меня не больше, чем любую женщину при дворе.

— И все же поберегись, маркиза, тебе грозят неприятности.

— Что тебе известно об этом?

— Ничего определенного. Только то, что мадам де Монтеспан и мадам де Рур ходили к ля Вуазин за средством, чтобы отравить ла Вальер. И она сказала им, что хочет использовать колдовские чары, чтобы вновь привлечь расположение короля и, она уже...

— Замолчи! — со страхом произнесла Анжелика.

— Берегись этих женщин! Если они доберутся до вершины лестницы, вы упадете на самое дно!

Запели скрипки. Король поднялся, поклонился королеве и открыл бал с мадам де Монтеспан. Анжелика заняла свое место среди танцующих. А за занавесями раздался смех маленького карлика.

Глава 12

После семи лет мира Франция снова вступила в войну. Воинственный дух завладел всеми: от короля и принцев до последнего бродяги.

Под проливным дождем повозки, коляски, телеги, кареты и верховые лошади продвигались по дороге, которую пехота, кавалерия и артиллерия, прошедшие здесь ранее, превратили в сплошное болото. Анжелика ехала в карете вместе с мадемуазель де Монпансье, с которой она подружилась после освобождения де Лозена из Бастилии.

На перекрестке они остановились у перевернутой кареты. Им сказали, что она принадлежит одной из дам из свиты королевы. Принцесса высунулась из окна и, увидев на обочине мадам де Монтеспан, помахала ей:

— Идите сюда, у нас есть место.

Атенаис подобрала юбки, перепрыгивая с камня на камень, добралась до кареты и тут же разразилась смехом:

— Никогда не видела ничего более смешного, чем волосы де Лозена, когда король заставил его два часа скакать на лошади. Парик его промок насквозь, так что ему пришлось его снять.

— Но это ужасно! — воскликнула принцесса. — Он простудится.

Она приказала кучеру гнать лошадей и увидела вскоре экипаж короля. Рядом скакал верхом промокший насквозь Лозен. Принцесса обратилась к королю с возвышенной речью:

— Кузен, неужели вы лишены простых человеческих чувств? Вы позволяете этому благородному дворянину рисковать своим здоровьем. Если ваша милость не распространяется на его персону, то примите во внимание, что в его лице вы потеряете преданного слугу.

Но король даже не повернул головы и продолжал смотреть прямо перед собой в подзорную трубу из черного дерева, отделанную золотом.

Анжелика огляделась вокруг. Они находились на небольшом возвышении, с которого открывался вид на расстилающуюся перед ними долину Пикардии. Под низко висящими тучами видны были стены небольшого городка, который под проливным дождем, казалось, располагался прямо на дне ручья. г. Французские земляные укрепления окружали его. Заканчивалось рытье второй линии траншей. Прямо на глазах Анжелики батареи французов с шумом изрыгнули из своих стволов дым и пламя. Звук залпа был оглушительным. И Великая Мадемуазель

закрыла руками уши.

Наконец король отложил свою подзорную трубу.

— Кузина, — сказал он, взвешивая каждое слово, — вы очень красноречивы, но всегда выбираете самый неблагоприятный Момент. Я полагаю, что гарнизон крепости готов сдать.

Он отдал приказ Лозену прекратить огонь. Лозен мигом ускакал.

— Я вижу белый флаг! — закричала принцесса и захлопала в ладоши. — Всего за три дня! Вы заставили крепость сдать через три дня, сир. О, как великолепна эта война!

— Там же вечером, в побежденном городе, в доме, где расположились придворные королевы, Лозен отыскал мадемуазель де Монпансье и стал расспрашивать, зачем она вступилась за него По дороге. В ответ принцесса заулыбалась и покраснела. Затем, извинившись перед королевой, она уступила свое место за карточным столом Анжелику и отошла с Лозеном к окну.

Она вся светилась, разговаривая с Лозеном, и при неясном свете единственной свечи, стоявшей на столе близ них, казалась молодой и прекрасной.

«Да она просто помешана на своей любви!» — подумала Анжелика.

У Лозена было выражение Дон Жуана, и он старался быть подальше на почтительном расстоянии от принцессы. Чертов Пегилен, чертов гасконец! В какую романтическую ловушку завлек он доверчивое сердце внучки Генриха IV? В комнате, где стояло четыре карточных столика, столпилось много народу, но было довольно спокойно. И лишь немногословные карточные Термины да позвякивание эку нарушали тишину комнаты.

На этот раз королева выглядела по-настоящему счастливой. Она была довольна тем, что еще один бриллиант добавился в ее ожерелье городов, но еще большую радость доставляло ей отсутствие мадемуазель де ла Вальер. Ведь буквально перед самой компанией король преподнес в подарок де ла Вальер герцогство Божу в Турени и Сан-Кристоф, оба Поместья примерно равные как по числу жителей, так и по сумме годового дохода. Он также признал своим ребенком маленькую Мари-Энн, которая отныне стала называться мадемуазель Блуа.

Отсутствие де ла Вальер королева расценивала как признание королем своих ошибок. Теперь король уделял ей больше времени, и они бок о бок въезжали в покоренный город.

Но как только ей на глаза попадалась мадам дю Плесси, сердце ее начинало щемить от беспокойства, ибо ей уже рассказали о том внимании,

которое король уделяет маркизе.

Несомненно, маркиза была красива как женщина, и королева порой порицала сама себя за подозрения, ибо ей нравилась Анжелика, и она была не прочь взять ее к себе в наперсницы.

Но Солиньяк утверждал, что маркиза аморальная и неблагочестивая женщина. Мадам де Монтеспан говорила, что она больна дурной болезнью, подхваченной в трущобах, которые она часто посещает. Как же можно доверять внешности? Она выглядит такой свежей, пышущей здоровьем, у нее такие красивые дети.

Что же будет, если король сделает ее своей любовницей? Где найти успокоение бедному сердцу королевы?

Анжелика сознавала, что ее присутствие доставляет королеве кучу неприятностей, и старалась не попадаться ей на глаза.

Дом, представленный в распоряжение короля и его свиты, был маленьким, и поэтому большая часть придворных располагались в домах горожан.

Но Анжелике вместе с мадам де Монтеспан была предоставлена комната направо от королевских апартаментов.

Проходя по коридору среди кучи тюков и чемоданов, в тусклом свете мигающих ночников, Анжелика разглядела на своем пути нечто похожее на черную маску, которая смотрела на нее живыми блестящими глазами.

— Сюда нельзя, мадам.

Анжелика узнала маленького негритенка, которого она подарила мадам де Монтеспан.

— А, это ты, Нааман. Дай-ка мне пройти.

— Нельзя, мадам.

— Как это так?

— Там кто-то есть.

— Ну и что? Мне как раз надо сюда. Белые зубы негритенка блеснули в усмешке.

— Корол, мадам, корол. Ш-ш-ш!

Анжелика повернула назад и спустилась по лестнице, раздумывая над случившимся. Король и мадам Монтеспан!

На следующий день все отправились в Амьен.

Одевшись пораньше, Анжелика направилась в комнату королевы, поскольку это входило в ее обязанности. У входа в комнату мадемуазель де Монпансье кудахта, как наседка:

— Ах, какая жалость! В каком положении теперь Ее Величество! Какая жалость!

Королева была в слезах. Мадам де Монтасье утешала ее, а мадам де Монтеспан, повышая голос, раз за разом повторяла, как ей понятна печаль ее королевы.

А все дело было в том, что мадемуазель де ла Вальер только что прибыла в распоряжение армии, проскакав всю ночь. И с рассветом она появилась засвидетельствовать свое почтение королеве.

— Какое бесстыдство! — продолжала мадам де Монтеспан. — Сохрани меня господь от такого стыда. Если бы, не дай бог, я стала бы любовницей короля, я не осмелилась бы появиться перед королевой!

Что же в самом деле означало появление фаворитки? Было ли это желание короля? Весь двор отправился на мессу. Мария-Тереза подошла к местам, отведенным для королевской семьи. Герцогиня де ла Вальер была уже там.

Королева не смотрела на нее. Еще раз фаворитка появилась перед глазами королевы, когда садилась в экипаж. Королева не сказала ей ни слова, хотя все ее иллюзии полностью развеялись.

Теперь она уже не могла игнорировать создавшуюся ситуацию, как она поступала раньше. И, разъярившись, она отдала приказание слугам, чтобы никто из них не смел кормить фаворитку, а офицеры охраны должны были на обратном пути задержать экипаж де ла Вальер, чтобы она не смогла присоединиться к королю раньше, чем сама королева.

Узнав об этом, ла Вальер приказала в отчаянии своему кучеру на полной скорости пересечь открытое поле и первому достичь короля.

Увидев этот маневр, королева, в свою очередь, послала свою охрану догнать экипаж фаворитки и задержать его, но окружающие дамы упростили Ее Величество успокоиться и отменить этот приказ. И только появление самого короля разрядило создавшуюся обстановку, которая могла вылиться в грандиозный скандал.

Король появился верхом, забрызганный грязью с головы до ног. Спешившись, он подошел к экипажу королевы и извинился перед ней за то, что он очень грязен и поэтому не может к ней сесть в карету. Разговаривая с супругой, король был весел и добродушен.

Молва тут же разнесла повсюду, что фаворитка прибыла самостоятельно, не следуя желанию короля. Это было тем более загадочным, что мадемуазель де ла Вальер слыла застенчивой и робкой женщиной. Что же заставило ее решиться на такой шаг?

Оставшись одна в Версале, неожиданно одаренная поместьями и званиями, она вдруг поняла, что это означает ее отставку. И тогда, приняв внезапное решение, хотя это означало полное неповиновение с ее стороны,

она приказала гнать свой экипаж что есть мочи на север, к месту военных действий. Ее убивала мысль о том, что ее любимый, быть может, находится в объятиях другой женщины.

Она не появилась на обеде, устроенном на привале в одном маленьком городишке, насчитывающем всего 3 — 4 каменных дома и несколько десятков грязных бревенчатых строений.

Сопровождаемая своими служанками, Анжелика искала какой-нибудь более или менее приличный приют, и тут она столкнулась с мадемуазель де Монпансье, которая тоже была занята поисками жилья.

— Ах, в каком ужасном положении мы оказались, — посетовала она. — Мадам Монтасье не смогла найти ничего лучшего, чем ворох соломы, а фрейлины королевы улеглись на снопы пшеницы где-то на голубятне. Я была бы рада найти хотя бы кучу золы.

Анжелика наконец-то разыскала амбар с сеном. Она поднялась по лестнице наверх на голубятню, приказав своим сопровождающим расположиться в закромах амбара.

Фонарь, подвешенный под крышей, тусклым светом освещал помещение, и в этом неверном свете Анжелика увидела белки глаз и алый тюрбан негритенка Наамана.

— Что ты здесь делаешь, исчадие сатаны?

— Я жду мадам де Монтеспан. Сторожу ее ложе. Она тоже здесь спит.

В это время на лестнице показалась фигура Атенаис.

— О, как мило, Анжелика, что вы пришли разделить со мной эту «зеленую комнату», — так называют наши солдаты привалы на свежем воздухе. Мы даже сможем поиграть в пике, пока не уснем.

Она бросилась в сено, потянулась и зевнула, похожая на большую довольную кошку.

— Ах, как здесь мягко! Что за чудесная постель! Она напоминает мне детство.

— И я тоже об этом подумала, — сказала Анжелика.

— Близ нашей голубятни стоял амбар с сеном. И там я встречалась со своим дружком — пастушком лет 10. Мы так любили слушать воркование голубей.

Она распустила тупой корсет, и Анжелика последовала ее примеру. Потом они скинули верхние юбки, сняли чулки и зарылись в сено.

— От пастушка до короля, — прошептала Атенаис. — А что вы думаете о моем будущем, дорогая? — она приподнялась на локте и захихикала, как подвыпившая. — Быть любимой королем, какое наслаждение!

— Вам не кажется, что вы слишком уверены в этой любви? Не так давно вы думали совсем о другом.

— Да, но теперь у меня есть доказательства! К чему сомнения... прошлой ночью он приходил ко мне... Когда он оставил ла Вальер в Версале, многое стало ясно. К тому же на прощание он одарил ее кое-какими безделушками.

— Безделушки? Герцогство и баронство?

— Фу! Возможно, ей это и покажется знаками внимания. Потому-то она и решила присоединиться к королю. Ха-ха, но она в проигрыше... Я бы на такую приманку не попала. Он не посмеет поступить со мной так, как с простой танцовщицей.

Я из рода Мортемар.

— Атенаис, вы пугаете меня своей доверчивостью. Вы в самом деле стали любовницей короля?

— Да, конечно. Его возлюбленной! Ох, Анжелика, как это восхитительно — ощущать свою власть над таким человеком! Видеть, как он дрожит, бледнеет... слушать его признания... И это он — величественный, полный чувства собственного достоинства, порой просто уставший человек. Про него справедливо говорят, что он необуздан в любви. Но я могу удовлетворить его.

Она рассмеялась и растянулась на сене с таким видом, будто только что испытала сладостный момент наслаждения.

Анжелике стало как-то не по себе.

— Просто замечательно, — сказала она иронически. — Весь двор сгорает от желания узнать, кто же станет теперь любовницей короля. А мне даже не надо выслушивать все сплетни и намеки, я и так все знаю.

Мадам де Монтеспан резко поднялась.

— О нет, дорогая, только не это. Вы должны молчать. Еще не время разглашать нашу тайну, а то все очень усложнится. Пока что мы просим вас поступать так, как мы от вас этого ожидаем.

— Как поступать? И кто это «мы»?

— Мы... это я и король.

— Вы хотите сказать, что вы, то есть вы и король, надеетесь, что все будут поддерживать сплетню о том, будто я — любовница короля, и это собьет их с правильного следа?

Темно-синие глаза Атенаис блестели из-под длинных ресниц.

— Именно так. Понимаете, вы очень поможете нам. Я в большом затруднении. С одной стороны, я придворная дама королевы, а с другой — близкая подруга мадемуазель де ла Вальер.

И внимание короля подорвет мою репутацию. В этой ситуации нужно чем-то отвлечь двор. Сам король определенно помог этим сплетням, так щедро одарив вас.

Королева холодна с вами. Обо мне никто не догадывается, все сбиты со следа. Я думаю, что у вас хватило здравого смысла раскусить все с самого начала. Король очень обязан вам. Только никому ничего не говорите. Понимаете?

Анжелика ничего не ответила и, взяв соломинку, стала нервно жевать ее. Она почувствовала себя обиженной, ибо ее приняли за доверчивую простушку, ее, которую считали самой хитрой и деловой женщиной в королевстве! И теперь, когда ее втянули в эту интригу, она действительно выглядит простой деревенской простушкой.

— Да и чего тут не понять, — продолжала мадам де Монтеспан сладким голосом, — что вы вознаграждены королем, пользуетесь его милостью и доверием. И потом, я думаю, что вы не будете всерьез воспринимать эту маленькую комедию. Ведь вы так любите своего мужа. Как это восхитительно! Пусть он не очень страстный мужчина, но зато какой красавец, и, говорят, он не очень обидчив...

— А вы любите играть в карты? — равнодушно спросила Анжелика.

— С большим удовольствием. У меня даже есть колода в сумочке. Нааман!

Негритенок передал ей дорожную сумку. Они разыграли несколько сдач, не проявляя особого интереса к игре. Анжелика была рассеяна, настроение ее не улучшалось. Наконец мадам де Монтеспан улеглась спать и заснула с улыбкой на устах.

Анжелике было не до смеха. Она кусала ногти, раздражение ее росло, и она строила все новые и новые планы отмщения. Утром имя мадам де Монтеспан будет у всех на устах. Зря она посчитала, что Анжелика попадет на ее удочку.

«Идиотка!», — мысленно обругала она Атенаис, чувствуя, как ее злоба все разрастается. Анжелика закуталась в плащ и тихонько спустилась по лестнице, оставив мадам де Монтеспан безмятежно спящей в сене.

Начинался рассвет, упало несколько капель дождя. С алеющего востока доносились звуки просыпающегося военного лагеря. Анжелика с трудом пробиралась по грязи к дому, где расположилась королева и где, как она предполагала, должна была остановиться и мадемуазель де Монпансье. Перед выходными воротами, на лавочке, она вдруг увидела мадемуазель де ла Вальер, скорченную и дрожащую от холода.

Рядом с ней сидела ее младшая племянница и две служанки, все с

красными, воспаленными от бессонницы глазами. Вся эта группа имела такой плачевный вид, что сердце Анжелики сжалось от сочувствия, и она остановилась.

— Что вы здесь делаете, сударыня? Вы же простудитесь! Луиза де ла Вальер подняла свои большие голубые глаза и вздрогнула, как бы выходя из транса.

— Где король? — вымолвила она. — Мне нужно увидеть его. Я не могу уехать отсюда, не повидав его. Где он? Ответьте мне.

— Я не знаю, сударыня.

— Нет, вы знаете. Я в этом уверена. Вы-то знаете...

Не испытывая ни малейшего сочувствия, Анжелика взяла в свои руки тонкие, холодные ладони герцогини, которая с мольбой протянула их вперед.

— Клянусь вам, что не знаю. Я не видела короля с тех пор, как... Даже сама не помню, когда это было в последний раз. Уверяю вас, что ему нет дела до меня. А вот вам эта ночь может дорого обойтись.

— Я ей говорю то же самое, — простонала племянница, — она измучила и себя, и нас, но не хочет отступить.

— У вас есть какое-нибудь пристанище в этом городишке?

— Да, но она хочет дождаться короля здесь.

— Остаться здесь — это глупость, — Анжелика рывком подхватила герцогиню под руки и подняла ее со скамейки. — Вам нужно немедленно принять что-нибудь горячительное и улечься в постель. Я думаю, что королю не доставит никакого удовольствия, если вместо вас он увидит бледное привидение. Добравшись до дома, где остановилась фаворитка, Анжелика приказала развести огонь в камине и нагреть грелками простыни. Затем она приготовила настой из ромашки и уложила Луизу в постель.

Под одеялом герцогиня казалась еще более хрупкой. Язвительное прозвище «мощи», которым наградили ее острые на язык куплетисты, вовсе не казалось преувеличением. Кости проступали под кожей. Она была на седьмом месяце беременности. Это был ее пятый ребенок за шесть лет. И это в ее-то 23 года! «Что может сделать с женщиной мужчина, которого любят», — подумала Анжелика. Гнев ее разгорался с новой силой. Она вспомнила рассказы Баркароля о попытках соперниц отравить де ла Вальер и содрогнулась.

— Как вы добры, — бормотала Луиза. — А про вас говорили...

— Зачем обращать внимание на то, что говорят. Смотрите на дела, а не на слова. От злых языков у меня, как и у вас, нет защиты. Тут мы оба в

одинаковом положении.

А про себя добавила:

«И я не такая дура, как ты. Меня тоже использовали для прикрытия как ширму. Но ничего, я найду способ за себя отомстить».

— А теперь спать, — шепнула она Луизе. — Король любит вас. Анжелика полагала, что эти слова прольются целительным бальзамом на страдающее сердце фаворитки.

— Он уже не думает обо мне, — печально улыбнулась в ответ Луиза.

— Зачем вы так говорите? А подарки и титулы, которые он вам преподнес? Не говорят ли они лучше всяких слов о его чувствах? Теперь вы герцогиня Вожу, да и вашу дочь никто не упрекнет в безотцовщине.

Фаворитка покачала головой. Слезы брызнули из ее глаз. Она всегда и от всех пыталась скрыть свою беременность, она отдавала своих детей нянькам как только они рождались, чтобы не давать повода сплетням, а тут вдруг король признает ее дочь своей, ни слова не обмолвившись с Луизой. А разве не с его ведома пошли слухи о том, что маркиза де Варда отзовет из ссылки специально для того, чтобы он женился на ней?

Все утешения Анжелики были напрасны. Они были слишком запоздалыми. Анжелика поняла это и молча сидела у кровати, держа руку Луизы в своей, пока она не заснула.

Вернувшись к дому королевы, Анжелика заметила свет лампы в окне. Она подумала, что, может быть, и королева не спала всю ночь, ожидая короля, терзаемая мыслями о том, что ее супруг лежит в объятиях де ла Вальер.

И в то же время бедная Луиза мерзла на скамейке у ворот. Не выдать ли ей имя подлинной соперницы? Да, лишь мадам де Монтеспан спокойно лежала на сеновале. Она была уверена, что мадам дю Плесси будет держать язык за зубами.

Шарлеруа, Арментье, Сен-Вину, Дуэ, Уденар, крепость Скарп, Куртре — все укрепления падали, как карточные домики. И в каждом из них короля и королеву встречали делегации, и по устанным коврами улицам сопровождали в лучший собор города, где в их присутствии исполнялась торжественная «Ге Деум» — Тебя, бога, славим!

У стен Дуэ под королем убили лошадь. Людовик XIV часто бывал на передовой. Запах пороха въелся в его одежду, и ему доставляло большое удовольствие самому вести полки в бой.

При осаде Лилля он сидел в окопах как простой солдат, доставляя много беспокойства придворным. Когда маршал Турень увидел его забрызганным грязью от разорвавшегося поблизости снаряда, он поклялся,

что снимет осаду, если король будет таким же безрассудным.

Маркиз дю Плесси сказал монарху:

— Давайте поменяемся шляпами, сир. Пусть лучше испанцы убьют меня вместо вас.

С тех пор король стал более осмотрительным, а Филиппу была пожалована лента ордена Святого Людовика.

Становилось теплее, наступало лето. Мадемуазель де ла Вальер осталась в Компьене, а королева следовала за королем вместе с армией. В своем экипаже она возила мадемуазель де Монпансье, принцессу де Бад, мадам де Монтасье и мадам де Монтеспан. Следом за ними в большом экипаже ехали другие придворные дамы: д'Арманьяк, де Буйлон, де Креки, де Бетюн и дю Плесси де Белльер. Все они очень устали и страшно хотелось пить.

Выйдя из экипажа, дамы были сильно удивлены, обнаружив повозку, полную льда. От одного только вида, искрящегося под солнцем холодного чуда, они сразу же почувствовали себя лучше. Охрана повозки состояла из черноусых молодцов хмурого вида. Офицер, гарцевавший рядом с ними на лошади, да и сами охранники по виду были явно подданными испанского короля. Офицер объяснил дамам, что месье Бруан, испанский губернатор Лилля, каждый день посылает лед французскому королю из рыцарских побуждений, а может быть, просто из-за бравады. Двор и в походных условиях продолжал жить своей жизнью. Поле было усеяно симметрично расположенными палатками. Самая большая, королевская, была установлена в центре, возле нее находилось две поменьше — для совещаний. Внутри они были отделаны китайским шелком, там стояли столы и стулья с позолотой. Весь церемониал, принятый в Версале, сохранялся и здесь.

Людовику XIV нравилось развлекать за столом придворных дам. Однажды за ужином он обратил внимание на Анжелику, находившуюся неподалеку от него. Припомнив, что за все время военной кампании он ни разу не разговаривал с ней, он обратился к ней в любезном тоне:

— Итак, вы уехали из столицы. О чем поговаривают по поводу вашего отъезда?

— Я думаю, что сейчас больше разговаривают с богом на вечерней молитве, сир.

— Я хочу спросить, какие там сейчас новости?

— Пospел зеленый горошек, сир.

Ее ответ мог бы показаться остроумным, если бы не был Произнесен ледяным, тоном. Пораженный король умолк и, не обладая столь быстрым

умом, стал обдумывать ответ, постепенно заливаясь краской.

Ему на помощь пришла мадам де Монтеспан. Она объяснила, что сейчас стала модной игра — давать на заданные вопросы неожиданный и абсурдный ответ. В парижских салонах все заняты этой игрой, и мадам дю Плесси очень искусна в этом занятии.

Вскоре за столом увлеклись новой темой, и ужин в.. целом прошел очень приятно. На следующее утро, когда Анжелика совершала свой утренний туалет, появился маршал дю Плесси де Белльер. Как и все придворные дамы, Анжелика испытывала большие неудобства от походной жизни, ибо все приходилось делать на свежем воздухе, в непосредственной близости и под наблюдением пасшихся рядом коров.

Жавотта помогала мадам одевать юбки, а Тереза зашнуровывала корсет. Увидев мужа, Анжелика отослала служанок, но те, немного отойдя, могли спокойно разглядывать в зеркальце сердитое лицо Филиппа.

— Я слышал о вас дурные разговоры, сударыня, и считаю своим долгом преподать вам урок хорошего тона и даже наказать вас.

— И что за разговоры?

— Вы посмеялись над королем, когда он обратился к вам с любезным вопросом.

— И это все? — поинтересовалась Анжелика, вытаскивая ленточку из позолоченного ларца. — Обо мне ходят гораздо более неприятные слухи, которые могли бы вас задеть и сильнее. Впервые вы вспомнили о том, что вы мой супруг, и то лишь для того, чтобы обрушить на меня свой гнев.

— Вы нахально разговаривали с королем. Да или нет, отвечайте!

— У меня были на то свои причины.

— Но... но вы разговаривали с самим королем!

— Король это или нет, но он просто гадкий человек, которого надо время от времени ставить на свое место.

Если бы Анжелика принялась богохульствовать, то и тогда Филипп не был бы так ошеломлен, как после этих слов. Он был поражен.

— Вы сошли с ума?!

Он в возбуждении стал расхаживать взад и вперед, потом, облокотившись на деревянные ясли, уставился на Анжелику.

— Ага, теперь я понимаю, откуда дует ветер. Я ослабил вожжи и представил вам некоторую свободу в связи с рождением сына, которого вы кормите и воспитываете этим. Мне кажется, что пришло время снова взяться за хлыст.

Анжелика пожала плечами и, не удостоив его ответом, занялась примеркой ленточки.

— Так какое же наказание придумать вам, чтобы научить вас вести себя за столом у короля? — продолжал Филипп. — Ссылка? Гм... Пожалуй, вы тут же найдете способ вернуться. Или заставить вас еще раз отведать собачьей плетки? Помнится, однажды я заставил вас присмиреть этим способом. Или... попробовать что-нибудь новенькое?

— Не распалайте ваше воображение, Филипп. Вы слишком строгий учитель. Подумаешь, каких-то три слова...

— Но произнесенные в ответ королю.

— Король тоже человек.

— Тут-то вы ошибаетесь. Король есть король. И мы обязаны служить ему верой и правдой и оказывать ему почет и уважение.

— Еще чего! Дать ему распорядиться моей жизнью, порочить мою репутацию, предавать мою доверчивость!?

— Король наш властелин. И он имеет право на вас. Анжелика вызывающе уставилась на Филиппа.

— Да? А если ему вздумается сделать меня своей любовницей, что я должна делать — молиться на него?

— Согласиться. Неужели вы не понимаете, что все придворные дамы — жемчужины французского двора — обязаны служить прихоти монарха!?

— О, вы поистине великодушный муж! Если у вас нет ко мне никакого влечения, то должны же у вас быть хотя бы инстинкты собственники?

— Все, чем я владею, принадлежит королю. Я никогда и ни в чем не откажу ему: ни в таком пустяке, ни в самой моей жизни.

Анжелика вспыхнула от досады. Филипп нашел-таки способ уязвить ее. А чего она, собственно, ожидала? Проявление его ревности? Это было бы чересчур. Он никогда не проявлял к ней никакого интереса, за исключением того случая, когда она родила ему наследника.

Анжелика повернулась, с треском захлопнула ларец с ленточками и трясущимися от злости руками стала закалывать гребни.

Филипп наблюдал за ней со злорадной усмешкой. Анжелика дала выход своему гневу в потоке слов:

— Я и забыла, что для вас женщина значит не больше, чем вещь. Вроде мебели. Она нужна лишь для того, чтобы рожать детей. Она стоит меньше, чем кобыла, чем слуга. Ее можно продавать и покупать, ее можно прогнать, когда она не нужна. Вот что значит женщина для таких, как вы! Они нужны вам, как нужен хлеб и мясо, когда вы голодны.

— Забавная картинка, — подхватил Филипп. — Все правильно, этого я не отрицаю. Должен признаться, что ваши розовые щечки и пышная

фигурка возбуждают во мне аппетит. Признаюсь, что к сейчас я почувствовал внезапный голод.

С этими словами он положил свои тяжелые руки на плечи Анжелики. Она дернулась в сторону.

— Не рассчитывайте на это, мой друг, — произнесла она ледяным тоном.

В ярости Филипп рванул ее корсаж так, что сразу отскочили дои крючка.

— Так, по-твоему, я еще должен говорить «пожалуйста»? Ах ты, дура помешанная и жеманная! Разве ты не понимаешь, что принадлежишь мне? Гордая маркиза считает, что она достойна того, чтобы муж оказывал ей знаки внимания?

Он сорвал с нее корсаж, разодрал сорочку и грубо схватил ее за грудь, как пьяный солдат на ночном разбое.

— Вы забыли, кто вы, мадам маркиза? Вы же просто деревенская девчонка с сопливым носом и грязными ногами. Я как сейчас вижу вас в короткой юбчонке, волосы свисают прямо на глаза — суцая ведьма.

Он схватил ее за голову, приблизив свое лицо к ее, и сжал так, что у нее зашумело в ушах.

И вот эта штучка вылезла из старого, полуразрушенного замка, и теперь она считает, что ей позволено хамить королю. Да вам можно жить только на конюшне, мадам де Монтелу. И, пожалуй, сейчас я восстановлю в вашей памяти кое-что из пережитого.

Она до крови ободрала пальцы о металлические пластины на его груди и стонала от боли. Филипп зло смеялся.

— А теперь, пастушье отродье, мы скрутим вас без лишнего шума.

Он поднял ее на руки и швырнул на кучу соломы в дальнем углу амбара.

— Пустите меня, пустите! — визжала Анжелика.

— Перестаньте шуметь! Или вы хотите поднять на ноги весь гарнизон?

— Да, пусть все видят, как вы со мной обращаетесь.

— Вот это будет замечательно! Мадам дю Плесси изнасиловал собственный муж!

— Я вас ненавижу!

Она боролась из последних сил и даже ухитрилась до крови укусить его за руку.

— Сука!

Он наотмашь стукнул ее по зубам, а затем заломал ей руки за спину,

лишив возможности сопротивляться.

— Бог мой, — вымолвил он, задыхаясь, но уже с оттенком шутливости. — Никогда прежде не имел дело с такой сумасшедшей. Тут, пожалуй, нужен целый полк.

Анжелика почувствовала, что силы покинули ее. Значит, все будет, как и прежде. Ей придется покориться его зверским инстинктам., Ее гордость восставала против этого так же, как и ее любовь к Филиппу, в которой она боялась признаться самой себе.

— Филипп!

Он достиг своего. Не впервые ему приходилось барахтаться в сене в углу какого-нибудь заброшенного сарая и чувствовать, как затихает под ним трепещущая жертва.

— Филипп!

Он слышал, что она произносит его имя, но голос ее звучал как-то странно.

То ли от усталости, то ли от одурманивающего запаха сена Анжелика уступила. Ведь это был тот самый Филипп, которого она полюбила еще в Монтелу. Она расслабилась и решила выполнить долг женщины, которая с удовольствием выполняет требования мужчины. Она была его женой, его вещью, и он имел все права использовать ее для удовлетворения своих желаний.

Несмотря на приступ ярости, которая его охватила, Филипп тут же почувствовал перемену в ее поведении. Испугавшись, что он причинил ей боль, он несколько умерил свой пыл и попытался разобраться, что означает ее реакция. Он вдруг ощутил нежное прикосновение ее руки на своей щеке, внезапная дрожь охватила его, и он ослабевший, улегся рядом с ней.

Он решил сдержаться и уйти, не сознавая, что довел ее почти до экстаза. Искоса посмотрев на нее, он увидел, что она собирается одеваться. От каждого ее движения веяло теплым дыханием плоти. У него создалось впечатление, что она вовсе не прочь отдаться ему.

— Кажется, мои любезности доставили вам меньше неприятностей, чем я рассчитывал. Не забывайте, что они должны быть вам наказанием.

Одевая вторую юбку, она ответила нежным, почти застенчивым голосом:

— А, может быть, они были мне как вознаграждение. Филипп вскочил на ноги так быстро, как будто ему угрожала опасность. Он почувствовал себя неестественно ослабевшим. И ему показалось, что он испытывает желание улечься в сено с Анжеликой, дружески поболтать, но он поспешно отогнал такое необычное желание для него. Он вышел из сарая с

неприятным чувством того, что и на этот раз последнее слово осталось не за ним.

Глава 13

Версаль плавился под полуденными лучами июльского неба. В поисках прохлады Анжелика вместе с мадам де Лурд и мадам де Шуази пришла в ту часть парка, где тень от деревьев и влага фонтанов помогали укрыться от жары. Здесь они увидели де Вивонна.

— У меня есть к вам предложение, сударыня, — обратился он к Анжелике. — Я хочу поговорить с вами, не К как с самой очаровательной нимфой этих роц, а как с разумной женщиной и любящей матерью. Короче, я прошу вашего согласия, чтобы ваш сын, Кантор, был в моей свите.

— Кантор? Но он же еще совсем ребенок. Какая вам от этого польза?

— А какая польза от певчей птички? Ваш сын очаровал меня. Он так восхитительно поет и так замечательно играет на музыкальных инструментах, что я хотел бы, чтобы он был рядом со мной, когда я отправлюсь в поход.

— Вы отправляетесь в поход?

— Неужели вы не слышали, что я назначен адмиралом флота? И король посылает меня на Крит сражаться с турками в Средиземном море.

— Так далеко?! — воскликнула Анжелика. — Я не хочу отпускать его так далеко. Он еще очень мал, ему всего 8 лет.

— А выглядит он на все 11. Он не будет одинок. Все мои пажи из хороших семей. А мой управляющий сам отец большого семейства и ему можно доверять вашего мальчугана. И, кроме того, сударыня, разве вы сами не интересуетесь Критом? У вас, я слышал, там тоже есть поместья? Не мешало бы вашему сыну взглянуть на них.

Анжелика отказалась дать немедленный ответ, но обещала подумать над этим предложением.

— Вам следовало бы согласиться на предложение Вивонна, — заметила мадам де Шуази, когда адмирал удалился. — И он занимает сейчас важное положение при дворе. Новое назначение поI ставило его в один ряд с наиболее влиятельными лицами Франции.

А мадам де Лурд ехидно добавила:

— И не забывайте, что Его Величество с каждым днем все больше благоволит ему, и не в последнюю очередь, из-за того, чтобы добиться милостивого расположения его сестры.

— Вы говорите так, будто мадам де Монтеспан уже стала любовницей

короля, — сказала де Шуази. — Но она такая скрытная на этот счет.

— То, что она говорит, и то, что она делает, — это не всегда одно и то же — И мадам де Монтеспан постарается не хвастать своими похождениями, а то ее ревнивый муженек закатит такой скандал, как если бы его соперником был обыкновенный парижский щеголь.

— Не хочу даже слышать о нем! Сам он настоящий дурак, да к тому же еще один из самых распутных мужчин королевства в придачу.

— Я слышала, что он явился на вечеринку к герцогине Орлеанской без парика, а когда его спросили о причине, он ответил, что рога на лбу мешают ему носить парик. Не правда ли, это забавно?

— Но то, что он заявил вчера королю в Сен-Жермен, это вовсе не забавно. Мы возвращались с прогулки, когда вдруг увидели экипаж мадам Монтеспан, затянутый в черный креп. Ее муж был рядом и тоже был одет во все черное. Король очень удивился и спросил его, по ком он носит траур.

— По моей жене, — последовал ответ.

Мадам де Лурд громко расхохоталась. Анжелика последовала ее примеру.

— Смейтесь, смейтесь, — произнесла де Шуази тоном оскорбленной добродетели. — Такие штучки хороши во время карнавала, а не при дворе. Монтеспан рискует угодить в Бастилию.

— Вот уж где его научат быть по-настоящему паинькой.

— Как можно быть такой циничной, мадам?

— Так далеко король не пойдет, но потребует от виновного публичного раскаяния.

— Поскольку я имею к этому отношение, — сказала Анжелика, — я хочу, чтобы вы узнали правду о поведении мадам де Монтеспан. Сейчас ходят смешные сплетни о короле и обо мне. Так вот, они совершенно безосновательны.

— Честно говоря, я уже давно считала, что вы наследуете мадемуазель де ла Вальер, — высказалась де Шуази с плохо скрываемой завистью, — но допускаю, что вы храните свою репутацию, — она сказала это так, как будто ей было жаль, что ее подозрения оказались ложными.

— Не стоит вам связываться с мадам де Монтеспан, — сказала мадам де Лурд. — Вечно он льет вокруг себя яд. А потом, он сейчас даже не при дворе, как и вы.

— Он должен быть на фронте, сначала во Фландрии, а потом в провинции Франш-Комте.

— Так, болтая, они подошли к дороге, ведущей во дворец. Здесь было

много рабочих и слуг, которые, стоя на лестницах, развешивали фонари на деревьях. Повсюду слышался стук топоров. Парк готовили к празднику.

— Надеюсь, мы успеем переодеться, — сказал де Шуази.

— Король, похоже, собирается устроить нам сюрприз, хотя мы только и делаем, что бьем баклуши, а он пропадает на вечных совещаниях.

— Торжества начнутся с наступлением сумерек. Наше терпение будет вознаграждено.

Король собирался отпраздновать победы своей армии грандиозными торжествами. Победное шествие по Фландрии и блестящая Зимняя кампания в Франш-Комте приносила свои плоды. Европа с удивлением взирала на молодого короля, о нем заговорили во всем мире. И этими торжествами, как победными фанфарами, Луи XIV хотел ознаменовать свою славу.

Анжелика появилась в турецком одеянии, усыпанном алмазами, которые переливались всеми цветами радуги. В то время в боль-Шую залу вошел король. Одет он был не более великолепно, чем обычно, но выглядел, как никогда, очаровательно. Его появление означало, что время торжества наступило.

Ворота дворца были открыты для простолюдинов, которые заполнили внутренние дворики и садовые дорожки. Глаза всех присутствующих были устремлены на королевскую процессию.

Король держал королеву за руку. Королева светилась от восхищения, как ребенок, хотя ее худенькие плечи сгибались под тяжестью разукрашенных одежд. Ее приводило в восторг не только великолепные празднества, но и присутствие рядом с королем.

Казалось, что ее сердце избавилось от вечной боли, хотя злые языки при дворе уже пытались определить новую фаворитку. Конечно же, здесь были и мадемуазель де да Вальер, и мадам де Монтеспан. Первая казалась расстроенной, а другая была весела, как обычно.

Мадам дю Плесси выглядела более красивой, чем обычно, и это всем бросалось в глаза. Здесь же были и мадам де Рур, и мадам де Лурд. Но они затерялись в общей массе и на них никто не обращал внимания.

Король и королева, за которыми в отдалении шествовал весь двор, шли по лужайкам прямо к фонтану Дракона. Фонтан недавно только закончили, и король сам хотел привести его в действие и показать гостям его великолепие.

В центре огромного водоема высился раненный стрелой дракон, из раны которого, как кровь, била струя воды и, взметнувшись высоко вверх, дождем падала вниз. Водяные струи били из открытых пасть дельфинов,

расположенных вокруг фигуры дракона.

Вдоволь налюбовавшись, король двинулся дальше, мимо фонтана Латоны к Большим Террасам. Небо постепенно окрашивалось в алый цвет, деревья стали голубоватыми, но было еще довольно светло и бронзовые статуи блестели под лучами заходящего солнца.

Наступило то время, когда весь Версальский парк превращался в сказочный лес, расцвеченный всеми цветами радуги.

У входа в лабиринт их приветствовала статуя Эрота, с насмешливым огоньком в глазах и циничной улыбкой на губах. Перед ними стоял бог любви, показывающий, что любовь часто увлекает нас в запутанные сети и лишь нить опыта и чувство юмора способны вывести из любовного лабиринта и одержать верх в любовных делах.

Король объяснил заинтересованной королеве значение аллегии. Сам лабиринт, который был неотъемлемой частью королевских садов, тоже являлся одним из чудес Версаля.

Он представлял собой густые заросли кустарника с бесчисленными тропинками, пересекающимися в разных направлениях и упиравшимися одна в другую, так что заблудиться здесь было совсем немудрено.

Придворные не уставали удивляться скульптурным группам, представлявших животных из басен Эзопа. Звери были как животные и располагались или на небольших возвышениях, или в бассейнах, изображавших большие раковины.

Затем вся компания подошла к летнему домику в форме пятиугольника, скрытому в тени величественных вязов. На площадке перед входом в дом стояли три мраморных вазы с красными, голубыми и белыми цветами.

Здесь были накрыты пять мраморных столов. На одном высилась гора, в высеченных пещерах которой громоздились блюда с холодными закусками. На другом вырос дворец из марципана, на третьем возвышалась пирамида из засахаренных фруктов. Еще на одном были расставлены хрустальные кубки в серебряной оправе, наполненные различного вида напитками. И, наконец, последний представлял набор конфет: шоколадных, на меду с корицей. Весь двор замер, восхищенный этим зрелищем. Со всех сторон к столикам потянулись жадные руки. Вмиг был разрушен марципановый дворец, пирамида, кубки с вином опустошены. Придворные веселились, как на пикнике.

— Какой добрый дух перенес нас в блаженную Аркадию? — воскликнула мадемуазель де Скюдери.

И вот уже вспыхнул один огонек, затем другой, и заросли деревьев

осветились тысячами огней. Пастухи и пастушки закружились в танце, а сатиры и вакханки ударили в цимбалы, повели за собой всю компанию в театр.

Представление длилось долго, и, не дождавшись его конца, Анжелика вышла в сад. Свет скрытых в листве фонарей и плеск воды в фонтанах создавали впечатление сказочности. Запах цветов одурманивал.

Как сквозь сон она увидела поклонившегося ей мужчину, но как только он выпрямился, она сразу же узнала Филиппа. Она не видела его со времени той любовной схватки в амбаре. Когда весь двор вернулся в столицу, Филипп остался на Севере и возглавил одну из военных кампаний.

До Анжелики доходили слухи о нем, сам же он, естественно, ничего не писал ей. Она изредка посылала ему короткие записки — о сыне и о дворе, не надеясь получить от него ответ. И вот, улыбаясь, он стоит перед ней.

— Приветствую баронессу Унылого Платья.

— Филипп, — воскликнула она, — на этом платье одних алмазов на 10000 ливров!

— И среди них тот, голубой, что скреплял корсаж с белым воротничком?

— Неужели вы запомнили его?

— А почему бы и нет?

Он прислонился к мраморной колонне. Анжелика протянула руку, и Филипп поцеловал ее.

— Я думала, что вы еще в армии.

— Я получил приказ короля явиться ко дворцу и присутствовать на сегодняшнем празднике. Очевидно, в качестве одного из украшений.

В этом действительно не было ничего необычного. Король хотел, чтобы его свита состояла из самых красивых мужчин и женщин, и особенно в такой праздничный день.

— Король отозвал вас совсем?

— Нет, я просил его не делать этого.

— Вы получали мои письма?

— Ваши письма?.. Да... по-моему. Анжелика с треском захлопнула веер.

— Может быть, вы их попросту не читали?

— В армии мне приходится заниматься другими, более важными делами, чем читать любовные записки и прочую чепуху.

— Вы любезны, как всегда.

— А вы смелы, как всегда. Я очень рад видеть вас в хорошем расположении духа. Признаюсь, порой мне там не доставало вашей воинственности. Война довольно скучное дело. Две или три осады, несколько перестрелок.

— А когда вы возвратитесь совсем?

— Король выразил желание видеть меня при дворе немедленно. Не волнуйтесь. У нас еще куча времени для перебранок.

— Да и для других дел тоже, — сказала Анжелика, глядя ему прямо в глаза.

Ночь была нежна. Они стояли у храма любви, совсем одни, и Анжелика сама удивлялась своей смелости. Он пришел к ней, когда понял, что не сможет справиться со своим желанием побыть рядом с ней, и нашел ее в уединении. Не говорило ли все это о том, что между ними возникает взаимопонимание?

Филипп взял ее за запястья и начал целовать шелковистую кожу ее рук, отодвигая губами браслеты. Пальцы его скользнули под расшитый драгоценностями воротничок, который обрамлял ее шею и спускался на плечи.

— Прекрасно укрепленная крепость, — бормотал он. — Меня всегда приводили в восхищение стратегические способности женщин — быть неприступной и одновременно выставлять себя напоказ.

— О Филипп, это вечная женская броня. А вы находите меня красивой?

— Даже слишком красивой, — почти враждебно ответил он. — Опасно красивой.

— Для вас?

— Да и для других тоже, какая разница. Вы просто прыгаете от радости, играя с огнем. Легче переделать ломовую лошадь в чистокровную кобылу, чем изменить породу шлюхи.

— Ах, Филипп, вы по-прежнему галантный кавалер. Филипп рассмеялся.

— Нинон де Ланкло всегда советовала мне не раскрывать рта. «Не говорите, не улыбайтесь, оставайтесь красавцем, который внезапно появляется и так же внезапно исчезает — и тогда вы будете неотразимы», — так она говорила. И когда я не слушался ее совета, у меня сразу же появлялась куча неприятностей.

— Нинон тоже может ошибаться. Мне, например, очень нравится слушать вас.

— Женщине всегда нравятся попугаи.

Он взял ее за руку и помог сойти со ступеньки.

— Слышите, скрипки заиграли громче. Представление заканчивается, и сейчас откроют двери. Нам пора присоединиться к свите короля.

Они пошли по тропинке, усаженной по бокам фруктовыми деревьями. Филипп сорвал с дерева яблоко.

— Хотите?

Она робко взяла предложенный плод, их взгляды встретились, и она робко улыбнулась.

Выходящая из театра толпа разделила их. Темный покров ночного неба и силуэты деревьев образовали прекрасное обрамление ярко освещенному зданию, к которому все направились. Это был великолепный дворец, вход в который охраняли позолоченные статуи фавнов, играющих на свирелях.

У входа стояли урны из полупрозрачного алебастра, из которых, подобно маленьким водопадам, извергалась вода, подсвеченная светом фонарей.

Сам король в восхищении остановился на минуту перед входом, затем все вошли в здание. Потолок в зале был выдержан в зеленоватых тонах, по углам стояли фарфоровые вазы с цветами и хрустальными призмами, которые рассеивали по потолку все цвета радуги.

Гирлянды цветов свисали с потолка на серебряных нитях. И сотни ламп освещали дворец, как бы перенесенный из сказок «Тысячи и одной ночи». Напротив входа стоял шкаф с прекраснейшими образцами ювелирной работы: кубками, вазами, блюдами, кувшинами. Вся эта утварь предназначалась для королевского стола.

В центре стола на пьедестале стоял Пегас с приподнятыми крыльями, бьющий копытом по скале. Ниже располагалась имитация зеленой лужайки из расплавленного сахара, дерева с засахаренными фруктами, луг с цветами из пирожных и конфет, озера из сладкого желе, в центре которого стоял шоколадный Аполлон в окружении муз.

Наступило время ужина. Король занял свое место, придворные дамы, соперничающие друг с другом роскошью туалетов, расселись согласно этикету.

С каким-то облегчением Анжелика обнаружила: место за королевским столом ей не определено. Едва ли она могла рассчитывать на такую честь. Еще с фламандской кампании отношение короля к ней было каким-то двусмысленным. Он не высказывал ей ни неудовольствия, ни любезности.

С усмешкой смотрела она на придворных дам, окружавших короля. Ей было достаточно хорошо известно их прошлое и, за малым исключением,

за каждой из них в прошлом водились грешки. Среди приглашенных не было мадам де Монтеспан.

Анжелике было отведено место рядом с мадам де Монтасье, за столом, рассчитанным на сорок персон и предназначенным для королевской свиты. Анжелика не поверила своим глазам, увидев одну из сидящих дам здесь.

— Франсуаза, это вы?

Мадам Скаррон поклонилась ей.

— Да, моя дорогая. Должна признаться, что я до сих пор не могу поверить в свою удачу. Вы же знаете, в каком плачевном положении я находилась совсем недавно. Я даже собиралась уехать в Португалию.

— Я слышала, что вы собирались выйти замуж за месье Кормея.

— Не напоминайте мне об этом. Я отказала ему и тут же растеряла всех своих друзей и покровителей.

— Разве он не богат? Он обеспечил бы вам безбедное существование.

— Но он стар и ужасен. И еще его посмели сравнить с самим Скарроном! Боже мой, это же совсем разные люди! У Скаррона не было ни денег, ни досуга. Но он окружил меня умнейшими, прекраснейшими людьми. А Кормея он всегда недолголюбивал. Скаррон безумно любил жизнь, он обладал таким великодушием, что все завидовали ему...

Она рассказала Анжелике о мадам де Монтеспан, единственной женщине, которая сумела оказать ей настоящую помощь.

— Знаете, мы были когда-то близкими подругами. В Париже я иногда оказывала ей необходимые услуги. И вот она пообещала замолвить за меня словечко перед королем. По ее совету я написала еще одно прошение, закончив его словами: «2000 ливров обеспечат бедной женщине приличную жизнь».

Король принял мое прошение благосклонно и вот, о чудо из чудес, мне был назначен пенсион. Когда я приехала в Сен-Жермен поблагодарить Атенаис, я удостоилась чести видеть Его Величество, который сказал мне: — Сударыня, я заставил вас долго ждать, ибо завидовал вашим приятелям. Но теперь сам решил быть среди тех, кто помогает вам.

Эти слова начисто стерли из памяти все мои невзгоды. Я нашла свое место здесь, при дворе, в том самом обществе, которое раньше так холодно принимало меня. И вот я в Версале.

Анжелика со всей искренностью заверила, что рада видеть ее здесь. Проходившая мимо мадам де Монтеспан положила руку на плечо мадам Скаррон.

— Вы довольны?

— О дорогая Атенаис, я буду благодарна вам всю свою жизнь...

Столы опустели. Король в сопровождении придворных направился по тропинке в угол сада, где был расположен мраморный дворец, специально предназначенный для танцев.

Серебряные канделябры, свисавшие с потолка, были декорированы золотыми дисками. Гирлянды цветов украшали карнизы и свисали с колонн, поддерживающих площадку для музыкантов. В двух гротах стояли статуи Орфея и Ориона с лирами в руках.

Король открыл бал с Генриеттой Английской. Анжелика танцевала легко, разглядывая окружающих. Чьи-то руки касались ее, но она, казалось, не замечала партнеров по танцу.

Тем не менее она сразу почувствовала прикосновение короля. Взгляды их встретились, и она поспешила опустить глаза вниз.

— Вы еще сердитесь? — прошептал король. Анжелика притворилась, что вопрос застал ее врасплох.

— Сержусь? На таком празднике? Ваше Величество, как вы можете так говорить?

— Значит, праздник может смягчить те неприязненные чувства, которые вы питаете ко мне на протяжении последнего времени?

— Сир, вы смущаете меня. Если вы тоже испытывали такие чувства по отношению ко мне, то почему не проявили их?

— Я боялся, что вы осмеете меня.

Танец разделил их. Когда они снова встретились, она увидела, что он ждет ее ответа.

— Слово «боюсь» не подходит Вашему Величеству.

— Даже война страшит меня меньше, чем жестокая усмешка ваших милых уст.

Когда танец закончился, Анжелика постаралась найти себе место где-нибудь подальше, среди пожилых женщин, которых никто не приглашал на танец. Но вскоре ее разыскал один из пажей и передал ей повеление короля следовать за ним.

Паж вывел ее из дворца, и они направились по тропинке вглубь сада, где в полутьме под деревьями стоял король.

— Вы правы, — сказал он шутливо. — Ваша красота вновь разожгла мою храбрость. Настало время нам помириться.

— Вы считаете, что это подходящее время? Сейчас вас хватятся и уже через минуту начнут вас искать.

— О нет. Все танцуют, и каждый думает, что я нахожусь в другом конце зала. У нас есть время, чтобы обменяться несколькими словами, не привлекая внимания окружающих.

Анжелика отчетливо понимала намерение короля. Мадам де Монтеспан и король снова решили вовлечь ее в свою игру.

— Как вы упрямы, — сказал король, осторожно беря ее за руку. — Неужели я не могу поблагодарить вас? — За что?

— Кольбер несколько раз рассказывал мне о вашей деловой деятельности, и мы отчетливо сознаем, что многими нашими денежными успехами мы обязаны вам.

— О, не стоит благодарности. — Анжелика отстранилась. — Вашему Величеству не следует думать о таких вещах. Это мое дело, и в нем самом заключена благодарность для меня.

Король изумился. Полумрак, окутывавший их, не смог скрыть выражение его лица. Молчание становилось тягостным.

— Вы недовольны мною. Почему?

— Ваше Величество, вы сами должны знать причину. Вы так проницательны.

— Моя наблюдательность изменяет мне, когда я вижу озабоченную женщину. Никто и никогда не может быть наверняка уверенным в том, что думает и ощущает женщина, будь это король или простой смертный.

Несмотря на свой шуточный тон, король казался недовольным. Он явно нервничал.

— Давайте вернемся к гостям, Ваше Величество.

— Не спешите. Я хочу добраться до сути дела.

— Поймите же, наконец, что я больше не хочу служить прикрытием вам и мадемуазель де Монтеспан! — взорвалась Анжелика. — Кольбер не покупал меня для этой цели. Я дорожу своей репутацией и не хочу приносить ее в жертву никому, даже королю.

— А-а-а, так вот в чем дело. Мадам де Монтеспан хотела с вашей помощью отвести подозрения от своего чересчур ревнивого мужа. Неплохая мысль.

— Как будто вы. Ваше Величество, не знали об этом...

— Вы считаете, что я лицемерю?..

— Что мне делать: лгать королю или вызвать его недовольство?

— Вы такого плохого мнения о своем суверене?

— Мой суверен не должен поступать так со мною. За кого вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что я игрушка, которую можно выкинуть, когда надоест? И, кроме того, я не принадлежу вам.

Он энергично схватил ее за запястья.

— Вы ошибаетесь. Все мои дамы принадлежат мне по праву. Они дрожали от гнева и возбуждения, глядя в глаза друг другу.

Король первым пришел в себя.

— Ладно, не будем ссориться. Поверите ли вы мне, если я скажу, что пытался убедить мадам де Монтеспан не выбирать вас в качестве жертвы? Почему именно она? — спрашивал я. «Потому, что только мадам дю Плесси более красива, чем я. Но смотрите, после моих слов не отвернитесь от меня и не обратите свой взор на более красивую женщину...» Она считала, что вы достаточно наивны, чтобы играть отведенную вам роль.

Но она ошиблась. И почему это такая, в общем-то невинная затея, причинила вам такую боль, моя куколка? Неужели же это такое бесчестие быть любовницей короля? Разве это не является в некотором роде славой? Не льстит? Или не приносит выгод?

Он ласково, но настойчиво привлекал ее к себе, шепча слова ей на ухо и склоняясь ниже, чтобы увидеть выражение ее лица.

— Вы говорите, что ваша репутация запятнана? Но только не при дворе. Здесь, напротив, она заблестит еще ярче, уверяю вас.

Анжелика молчала. Она прижалась головой к бархату его камзола, вдыхая запах фиалкового корня, и испытывала приятное чувство, находясь в его объятиях и прижимаясь к нему еще теснее. Время шло.

— И как же это такая практичная особа, как вы, могла впасть в такое заблуждение?

Анжелика молча потрясла головой.

— Нет, я так не думаю, — рассмеялся король. — Вам смешно, да? А если бы я сказал вам, что каждый раз, когда я вас вижу, у меня появляется желание овладеть вами? Меня частенько посещает эта мысль...

Анжелика отшатнулась.

— Я бы не поверила вам, сир. Я знаю, что сердце Вашего Величества принадлежит другой. Ваш выбор превосходен... во всем, за исключением такого пустяка как муж-ревнивец!

— Довольно внушительный пустяк! — поморщился король. Он снова взял Анжелику за руку и повел ее по дорожке, обсаженной тисами.

— Вы себе представить не можете, как этот Монтеспан досаждал мне. Я уверен, что Филипп дю Плесси был бы более покладистым, чем этот сварливец. Но мы не дошли еще до этого, — вздохнул король.

Взглянув ей прямо в глаза, король выпустил ее руку.

— Давайте помиримся, моя маленькая маркиза. Ваш король покорнейше просит вас простить его. Вы уже оттаяли?

Неожиданно в небе над верхушками деревьев вспыхнули разноцветные огоньки.

— Начался фейерверк. Нам надо возвращаться, — неохотно произнес

король.

В молчании они подошли к танцевальному залу. Король, осторожно взяв Анжелику за руку, легонько отстранил ее и оглядел с головы до ног.

— Я до сих пор не поздравил вас с новым платьем. Оно восхитительно. Только ваша собственная красота может превзойти его.

— Благодарю вас, Ваше Величество!

Анжелика присела в реверансе. Король наклонился и поцеловал ей руку.

— Мы ведь снова друзья?

— Возможно.

— Я надеюсь на это...

Глава 14

Этот праздник запомнила Анжелика надолго. На ее долю выпали две романтические прогулки по парковым дорожкам, и огни фейерверка до сих пор блестели в ее глазах.

И к горькому вкусу беспокойства примешивался привкус этих приятных воспоминаний. В таком состоянии пребывала Анжелика на следующее утро, после ночи, проведенной в Версале.

И вот среди этой череды беспорядочных мыслей на первый план выдвинулось милое личико Кантора, которого Вивонн захотел взять себе в пажи.

«Это дело нужно решить немедленно» — Анжелика сразу откинула прочь все пустые мечтания.

Она встала с софы, на которой лежала после бессонной ночи.

Проходя по главной зале отеля дю Плесси, она услышала голос Кантора.

Анжелика на минуту задержалась перед черными дубовыми дверьми. Она никогда еще сюда не заходила, потому что они вели в покои Филиппа.

Голосок восьмилетнего мальчугана, воспевавшего любовные подвиги Генриха IV, заставил ее рассмеяться. Ла-Виолет открыл дверь на ее стук. Филипп стоял перед зеркалом, примеряя голубую тунику, в которой должен был отправиться в Сен-Жермен, куда позже должна была подъехать и Анжелика.

Она была приглашена к ужину и на прием к королеве. Филипп не высказал удивления, увидев жену в своей комнате. Он любезно пригласил ее присесть, пока он закончит туалет, после чего будет целиком к ее услугам.

Она наблюдала, как тщательно он выбирает драгоценности, и раздумывала, а чего, собственно, она хочет от него? Совета? Но ведь это смешно! И, нарушив неловкое молчание, она произнесла:

— Месье Вивонн просил меня отдать ему в пажи Кантора.

Филипп слегка вздохнул и снял все кольца с правой руки. Затем снова принялся рыться в открытом ларце, где хранились его украшения, И вдруг, будто внезапно вспомнив, что здесь находится Анжелика, произнес скучающим голосом:

— Ах, да! Примите мои поздравления. Месье Вивонн пользуется расположением при дворе, а его сестра, мадам, пользуется успехом у

короля и поможет ему продлить это расположение на долгий срок.

— Но Вивонн должен возглавить экспедицию в Средиземное море.

— Это еще одно доказательство расположения к нему короля.

— Но мальчик еще совсем мал...

— Какой мальчик? А, Кантор... он, кажется, и сам не прочь поехать с Вивонном. Что тут удивительного — Вивонн будет баловать его, он угощает его сладостями при встрече.

— Но не восьмилетнему решать свою судьбу. Филипп приподнял брови, как бы в изумлении.

— Неужели вы не хотите помочь ему сделать карьеру?

— Да... но...

— Что «но»?

Она быстро заговорила, щеки ее пылали.

— У Вивонна плохая репутация. Он один из шайки герцога Орлеанского. И каждому известно, что это означает. Я не могу доверить своего сына такому человеку.

Маркиз дю Плесси одел на руку огромное алмазное кольцо и два маленьких. Затем подошел к окну и любовался их блеском.

— А кому бы вы хотели доверить его? — начал он медленно.

— Человеку честному, глубоко порядочному, не интригану и не лицемеру, пользующемуся расположением короля, то есть человеку...

— То есть человеку, которого не существует, так? Учиться жизни не так легко и не так приятно.

— Но он еще так мал, — повторила Анжелика. — Боюсь, что он насмотрится таких вещей, которые испортят его.

Филипп хмыкнул.

— Для честолюбивой матери вы слишком щепетильны. Мне едва исполнилось десять лет, когда Кульмер затащил меня к себе. А еще года через четыре, когда у меня начал ломаться голос, мадам де Креки разохотилась и предложила мне, а точнее — принудила меня лечь с ней в постель. А ей было около 40 лет.

Как вы думаете, этот изумруд подойдет к бронзе и бирюзе? Анжелика молчала. Она была напугана.

— Да, пожалуй, вы правы, не подойдет. Алмаз больше выиграет от соседства с изумрудом. — Он посмотрел на Анжелику и хмыкнул: — Прекратите дуться. Если вам не нравится то, что я говорю, то зачем вы пришли ко мне за советом? Вы что, не знаете, из чего складывается образование молодых дворян? Пусть же и ваши дети пойдут этим путем.

— Я их мать. И мне не следует пренебрегать моралью. Неужели ваша

мать думала иначе?

Филипп презрительно надулся.

— Я совсем забыл, что мы вошли в жизнь разными путями. Насколько я помню, вы росли босоногой в атмосфере капустного супа и страшных рассказов о привидениях. В таком окружении, возможно, есть место и для матери. Но в Париже, да еще при дворе, совсем другая обстановка. Вернувшись к столику, Филипп открыл еще один ларец. Она не видела его лица, но ей показалось, что голова его склонилась, будто ее давило невидимое ярмо.

— Полуголодный и дрожащий от холода, — бормотал он, — частенько голодный, порученный лишь заботам лакеев да девушек-прислужниц, которые развращали меня. Такова была моя жизнь в том самом доме, который я впоследствии наследовал.

Но и после этого ничего хорошего для меня там не было. Парикмахер часами укладывал мои волосы, но никто не учил меня читать и писать. Я скучал в одиночестве, бродя по пустым залам. И когда Кульмер приглашал меня для своих забав, я расценивал это как неожиданную радость.

— Но когда вас привезли в Плесси...

— На очень короткое время. Я должен был появиться при дворе и вращаться в высшем свете. Мой отец, у которого я был единственным сыном, не думал оставлять меня в провинции. Он хотел, чтобы я побыстрее занял свое место при дворе. Но я был невежественным, хотя и выглядел вполне приличным юношей.

— Вот почему вы никогда не знали, что такое любовь, — сказала Анжелика, будто сама себе.

— Нет, знал. У меня был достаточный опыт в этом деле...

— Это совсем не та любовь, Филипп. А не приходилось вам испытывать особые чувства, сугубо личные... хотя бы к одной из женщин?

— Да, пожалуй. К моей старой няньке, но это было так давно...

Анжелика даже не улыбнулась. Она серьезно смотрела на него, крепко сцепив руки, лежащие на коленях.

— Эти чувства, — как сквозь сон произнесла она, — приносят вам ощущение величия, сладость мечты, отличное настроение и власть над всем живущим...

— Да, вы красноречивы. Но, клянусь, мне не приходилось испытывать такой набор ощущений. И все же... Однажды я держал ее руку... но потом все мечты улетучились, как дым.

Глаза его были полузакрыты. С тонкой улыбкой на губах и загадочным выражением глаз он был похож на каменное изваяние,

поставленное на королевской гробнице. И ей казалось, что никогда он не был так далек от нее, как в эти минуты.

— Это было в Плесси. Мне исполнилось 16 лет и отец только что купил для меня полк. Мы ездили по стране и набирали в него солдат. На одном из приемов я увидел девочку, примерно тех же лет, что и я, но в моих глазах она была еще ребенок.

На ней было скромное серое платье с голубенькими бантиками на корсаже. Мне стало стыдно, когда я узнал, что она приходится мне кузиной. Когда мы пошли танцевать и я взял ее за руку, я почувствовал, как дрожит ее маленькая ручка в моей, и испытывал совершенно новые и удивительные чувства.

До этого мне приходилось иметь дело или с перезрелыми матронами, или с молодыми, но распущенными придворными кокетками. А эта девушка поставила меня в тупик. Я видел неподдельное восхищение в ее глазах.

Я понял, что в ее глазах я настоящий мужчина, а не игрушка для развлечения, что я сам хозяин, а не слуга. Я пошутил над ней, представив ее своим друзьям как «баронессу Унылого платья», и она убежала. Я посмотрел на свою опустевшую руку и впал в отчаяние. У меня было такое ощущение, как тогда, когда я поймал птичку и хотел ее приручить, а она упорхнула. Как будто солнце на небе погасло для меня в тот миг.

Я хотел найти ее, охладить ее гнев, вновь увидеть ее сияющее личико. Но я не знал, как и что мне делать, ибо ни одна из женщин, тех, что обучали меня искусству любви, не преподали мне урок, как поступать в таких случаях.

Я искал ее повсюду. Я сорвал какой-то фрукт... Кажется, это было яблоко, такое же розовое, как ее щечки. Я облазил весь сад, но нигде не мог ее найти...

«Что бы произошло, если бы мы нашли друг друга в тот вечер? — подумала Анжелика. — Мы робко глядели бы друг другу в глаза... он предложил бы мне яблоко, и мы пошли бы по саду рука в руке в лунном свете...»

— И вы больше никогда не видели эту девушку? — спросила она, вздохнув.

— Видел, но значительно позже. И видно для того, чтобы доказать, как иллюзорны впечатления юности. Ведь она стала совсем иной, более опасной, чем все другие женщины.

Он протянул к ней свои руки, растопырив пальцы.

— Ну, что вы скажете о моих кольцах? Они превосходны? А?

— Да, пожалуй. А вот этот камешек на мизинце особенно нежен.

— Вы правы.

Он вдруг снял все свои кольца и разложил их обратно по ларцам. Затем вызвал лакея и приказал ему позвать сюда Кантора.

Когда вошел Кантор, Анжелика и — Филипп сидели молча, глядя друг на друга. Кантор только что вернулся с урока верховой езды и только поэтому с ним не было его неизменной гитары.

— Ну, сударь, — шутливо сказал Филипп. — У вас такой вид, будто вы собрались на войну.

Лицо мальчика засветилось.

— Так, месье Вивонн рассказал вам о наших планах?

— Я вижу, эти планы вам нравятся?

— О сударь, сражаться с турками! Это же замечательно!

— Полегче, мой мальчик. Турки — это не овечки, о которых вы распеваете в своих прелестных песенках.

— Я хочу поехать с Вивонном вовсе не для того, чтобы петь. Мне хочется путешествовать. Я долго думал об этом и очень хочу отправиться за море.

Анжелика вздрогнула. Она как бы вновь увидела своего брата Жосселена, его горящие глаза, и услышала его шепот: «Я еду за море — решено!» Сколько же прошло времени с тех пор, как они расстались?

В глазах Кантора светилась решимость. Он знал, чего он хочет.

«Кантор уже не нуждается во мне, — подумала Анжелика. — Он, конечно, любит меня. А нуждалась ли я в своей матери? Я беззаботно бегала по полям и лугам, жила своей жизнью. А в 12 лет собиралась бежать в Америку...»

Филипп положил руку на голову Кантора.

— Нам с твоей матерью предстоит решить твою судьбу. Не многим мальчикам в твоём возрасте выпадает доля услышать гром пушек. Ты должен быть храбрым.

— Я храбрый. Я ничего не боюсь!

— Мы это проверим, а потом сообщим тебе о нашем решении.

Мальчик поклонился отчиму и вышел, полный чувства собственного достоинства. Маркиз взял из рук Ла-Виолета бархатную шляпу и сдунул с нее пылинку.

— Я повидаюсь с де Вивонном, — сказал он, — и выясню, каковы его намерения относительно мальчика. И если они не чисты...

— Я скорее соглашусь увидеть его мертвым! — расвирепела Анжелика.

— Не будьте такой уж непримиримой матерью. Вы же знаете мир, в котором мы живем. — Он поцеловал ей руку. — Я должен покинуть вас, сударыня. Король зовет меня.

И, как в ту праздничную ночь, когда он предложил ей яблоко, сорванное в королевском саду, она по его бледному непроницаемому лицу, попыталась отгадать, какие мысли теснились в его голове.

«Филипп, та маленькая девочка из далекого детства всегда здесь, рядом и вы это знаете».

Анжелика придирчиво осматривала весь дом, ибо в отеле дю Плесси должно было собраться высшее парижское общество. Ожидалось прибытие короля.

Тяжко вздыхая, она осматривала темные комнаты, сохранившие убранство со времен Генриха IV, И хотя, перебравшись сюда, она перевезла из отеля дю Ботрей свои тяжелые персидские ковры, застелив ими комнаты, их нежные розовые и белые цвета еще больше подчеркивали суровость тяжелой дубовой мебели.

Она как раз осматривала большую залу, когда вошел Филипп, намеревавшийся взять украшения, которые он хранил в одном из многочисленных ящичков бюро.

— Я очень встревожена, Филипп, — начала Анжелика. — Меня просто угнетает мысль о том, что придется принимать здесь гостей. Я ничего не имею против ваших предков, но, пожалуй, трудно отыскать более старомодный дом, чем ваш.

— Вы недовольны своими личными комнатами?

— О нет, они превосходны.

— Их перестройка стоила мне кучу денег, — сказал он. — Мне пришлось продать своих лошадей.

— И вы это сделали для меня?!

— А для кого же еще, — он с треском захлопнул ящичек. — Вы моя жена, хоть и против моей воли, но все-таки жена — Про вас говорят, что вы очень нервны и требовательны. А мне не хотелось быть предметом насмешек богатой и деловой женщины.

— Вы думали, что мне придется здесь жить?

— А что же здесь необычного?

— Тогда почему же вы ни разу не пригласили меня сюда? Филипп отвернулся, но Анжелике показалось, что он покраснел.

— Я подумал, что если у нас все так плохо началось, то вы ответите отказом на мое предложение.

— Что вы имеете в виду?

— Вы должны были проклинать меня после того, что случилось в Плесси... Я никогда в жизни не испытывал страха перед врагами, король в том мне свидетель, и я скорее бы встретился лицом к лицу с сотней испанских пушек, чем с вами на следующее утро. Вы сами виноваты... я был сильно пьян, а вам должно быть известно, что возбуждает выпившего мужчину... вы свели меня с ума... Я готов был задушить вас...

— Но, Филипп, — удивилась Анжелика, — я сама была перепугана до смерти... Неужели вы были так увлечены мною тогда?

— А разве может мужчина устоять перед вами? — выкрикнул он свирепо. — Где бы вы ни появлялись, вы привлекаете к себе всех. Не будучи приглашенной, вы явились к королю... на вас напали волки... у вас есть дети... и вы их любите... что же еще? Боже, когда я увидел вашу лошадь там, в Фонтенбло, без вас...

Он подошел к ней, схватил ее за плечи и перегнул так, что ей показалось, что она переломится. И, приблизив к ней свое лицо, прошептал:

— Вы любили Лозена?

— Нет, вовсе нет, — она залилась краской, вспомнив случившееся. — Вы все еще думаете об этом, Филипп? Клянусь вам, я не любила его. Я была так зла на себя, что до сих пор не могу понять, как это случилось. Все произошло, как обычно бывает на вечеринках — много вина, разговоров и обид.

А вы были тогда таким жестокосердным! Вы поступили со мной так, будто жена вам нужна для того, чтобы вымещать на ней свою злобу... А ведь я просто женщина, Филипп! Презрение, вот чего не может вынести женщина. Это ранит ее в самое сердце, отравляет ей всю жизнь ее. Она ищет нежности, и будет благодарна на ласку, кто отнесется к ней ласково, как это сделал Пегилен, он говорил мне, как милы мои глаза, как бархатиста моя кожа, сравнивал меня с глотком воды холодной в пустыне. И кроме того, я хотела отомстить! — Отомстить? Но, сударыня, похоже, что вы перепутали роли. Это мне надлежало отомстить вам. Разве вы не заставили меня жениться на вас?

— Я выпросила ваше прощение...

— Как это похоже на женщину! Стоит ей только попросить прощения, как она думает, что все забыто. — Что же я могу еще сделать?

— Расплатиться за все! — воскликнул он, подымая руку, будто собираясь ее ударить.

Он уловил насмешливый блеск в ее глазах, она улыбалась. — Я с удовольствием приму от вас любое наказание, кроме дыбы и втыкания

раскаленных иголок под ногти.

— Не дразните меня. Ваше неотразимое очарование уже влечет меня, и я чувствую себя, как кролик перед удавом.

Она рассмеялась и положила голову на плечо Филиппа. Он испытывал неодолимое желание поцеловать ее, но не сделал этого. Он обнял ее за талию, дыхание у него стало прерывистым.

— Для вас труднее всего переносить мое безразличное отношение к вам, не так ли? У меня создалось такое впечатление, что наши встречи вызывали у вас отвращение ко мне, если не ненависть.

Анжелика опять засмеялась.

— Ах, Филипп, одна только капля нежности с вашей стороны — и наши встречи превратятся для меня в сплошное очарование. Я на всю жизнь сохранила воспоминание о том дне, когда, держа меня за руку, вы представили меня своим друзьям, как баронессу Унылого платья. Я полюбила вас с того самого дня.

— А мой хлыст... А...

— Можно начать жизнь сначала. Отложите в сторону ваш хлыст. Даже вдалеке от вас в глубине сердца я ждала.

— Вы ждали меня?

— Я всегда ждала вас.

Она почувствовала, как жадные руки Филиппа потянулись к ее груди. Он выругался, но она рассмеялась в ответ. Наклонившись, он впился поцелуем в ее шею.

— Вы прекрасны, вы самая совершенная женщина, — шептал он. — А я просто грубый солдафон.

— Филипп, — она в изумлении смотрела на него. — Вы не правы. Злой, жестокий, бесчеловечный — да, но вовсе не грубый. Тут я никогда не соглашусь с вами. К несчастью, вы не дали мне возможность узнать вас хоть немного, как любовника, которым вы можете быть.

— Другие женщины осуждали меня за это же. Быть может, я просто дурачил их. Женщинам кажется, что мужчина с внешностью Аполлона способен на сверхъестественное...

Анжелика смеялась все громче. Только что они ссорились, и вот уже пальцы Филиппа ищут застежку ее корсажа.

— Осторожнее, Филипп, ради всего святого. Вы порвете ее, а ее алмазная отделка обошлась мне в 2000 экю. Можно подумать, что вам не приходилось раздевать женщин.

— Глупая предосторожность — ведь все, что нужно, — это просто задрать юбку...

Она прижала свой палец к его губам.

— Не будьте грубым, Филипп. Вы ничего не понимаете в любви и не знаете, каким бывает блаженство.

— Так научите меня. Покажите, что делает женщина, когда в любовники ей достается мужчина прекрасный, как бог.

В его голосе звучала горечь. Она повисла у него на шее. Ноги ее подкашивались. Он осторожно положил ее прямо на пушистый ворс теплого ковра.

— Филипп, Филипп, — бормотала она, — неужели вы полагаете, что это подходящее место и время для такого урока?

— А почему бы и нет?

— Прямо на ковре?

— Да, на ковре. Солдатом я был, солдатом и останусь. Если я не могу обладать своей женой в своем собственном доме, то на что же я тогда вообще способен?

— А если кто-нибудь войдет?

— Ну и что!? Я хочу вас! Я чувствую, что вы готовы принять меня. Ваши глаза блестят, как звезды, ваши губы влажны... — он видел, как ее лицо осветилось внезапной радостью. — Теперь, моя маленькая кузина, мы будем играть в более интересную игру, чем в ранней юности.

Анжелика издала стон, отдаваясь на милость победителя. Она была не в состоянии сопротивляться зову плоти. Напротив, она только приветствовала его.

— Не спешите, любовь моя, — шептала она. — Дайте мне время прийти в себя!

Он страстно обнял ее и как будто впервые осознал, что перед ним находится женщина. Она медленно закрыла глаза, отдаваясь своей любовной мечте. Неповиновение, которое он так часто видел на ее искривленном рте, куда-то спряталось.

Губы ее полуоткрылись, дыхание участилось. Они уже не были врагами. Он нежно изучал ее, и его охватила дрожь открытия, ибо он понял, что оно ведет его к еще неопознанным тайнам. Восхищение и надежда ширились в нем по мере того, как чувственность ее возрастала. Приближался миг перехода их в мир наслаждения.

Его мужское достоинство возрастало и укреплялось по мере того, как он шел к цели, которая и не думала уходить от него. Он думал о том, как она унижала его прежде и что он никогда и никого не ненавидел больше, чем ее.

Но теперь он смотрел на нее, и сердце его билось с новой силой. Где

же теперь та молодая женщина, что бросила ему вызов?

Но тут он почувствовал вдруг, что она уходит от него, подобно раненому зверю, взывая к его милосердию.

Долгая дрожь пронзила ее, и она поняла, что приближается момент, когда он станет ее властелином. Каждая секунда этой любовной игры радовала его все больше и больше, подогревая в нем чувство победы, которое он не ощущал прежде.

Он победил в сражении с достойным противником, и на сей раз он получил приз, который ускользал от него раньше. Больше он не будет уступать ей. Ее тело выгнулось в его объятиях, как тугой лук.

Она отдалась ему, и он чувствовал тайный ответ ее плоти, который сам разбудил, и упивался теперь его великолепием. Он понял, что это то, чего он ждал всю жизнь, — создание того, что влечение его плоти будет удовлетворено ею. Она вернула его к жизни страстным стоном:

— Филипп!

Он склонился к ней, спрятав свое лицо у нее на груди. Реальность возвращалась в суровую меблировку комнаты по мере того, как Анжелика переходила из потустороннего мира любви в действительность. Миг ее отсутствия в реальном мире был краток.

Она не смела верить, что пережила восторг и страсть, которые довели ее почти до слез.

— Филипп!

Он поднял голову, на его лице блуждала загадочная улыбка. Нет, Анжелика уже не ошиблась — нежность была на его устах. Она провела пальцем по усам, на которых блестели маленькие капельки пота.

— Мой старший кузен...

И, конечно, произошло то, что и должно было случиться: вошли неожиданные посетители — Лувуа и его отец, сварливый старец, Мишель де Телье.

Старик скривился в насмешливой улыбке. Лувуа покраснел. И оба в смущении удалились.

А на следующий день Лувуа разнес новость по всему двору: «Среди бела дня! Со своим собственным мужем!» Как могли поклонники и обожатели прекрасной маркизы вынести такое оскорбление? Муж! Любовь в своем хозяйстве!

А возмущенная до крайности мадам де Шуази все повторяла под сводами Версаля:

«Среди бела дня... среди бела дня...» Эта тема обсуждалась и в

присутствии короля. «Но король совсем не так уж весело смеялся», — отметил Пегилен.

И это было не единственным, что предполагало тайную досаду короля. — Его задевает все, что связано с вами, — сказала мадам де Севинье Анжелике. — Ему доставило удовольствие помирить вас с вашим невыносимым мужем, но совсем не обязательно так рьяно доказывать свою преданность муженьку. — Не переигрывает ли она, стараясь этим доказать свое повиновение распоряжениям монарха?

— Берегитесь Братства Святого Причастия, моя дорогая, — сказала с лукавой усмешкой Атенаис, — они не жалуют такие поступки.

Анжелика защищалась как могла, щеки ее пылали.

— Не понимаю, с чего бы это меня осудило Братство Святого Причастия? Если уж нельзя пользоваться вниманием собственного мужа в собственном доме...

Атенаис хихикнула, закрывшись веером.

— Среди бела дня... на коврике. Это верх распущенности. Такое можно простить лишь любовникам.

Филипп не обращал ни малейшего внимания на шутки и розыгрыши, надменно расхаживая по залам. Казалось, он не замечал даже холодность короля.

Странно было другое: Филипп снова стал холоден к Анжелике, и когда во время танца она заговорила с ним, он ответил ей довольно грубо. И ей показалось, что сладкий миг упоения от любви лишь привиделся ей во сне.

Однажды вечером, когда весь двор смотрел в открытом театре комедию Мольера, она почувствовала приступ ужасной меланхолии. Ей показалось, что она вновь бедная маленькая дикарка, сбежавшая от молодых пажей в Плесси.

«Я ненавижу их всех!» — подумала она.

Она тихонько вышла из дворца и села в экипаж. Потом она не раз вспоминала этот случай и никак не могла понять, что заставило ее покинуть Версаль и направиться на улицу Фобу Сен-Антуан, в их отель, где возбужденный Ла-Виолет сообщил ей, что Филипп получил приказ отправиться на фронт и что на рассвете он отбудет в Франш-Комте.

Филипп ужинал в одиночестве. Темную столовую освещали лишь два серебряных канделябра, стоящих прямо перед ним на обеденном столе. Увидев входящую Анжелику, он грозно нахмурил брови.

— Что вы здесь делаете?

— Разве я не имею права прийти домой, когда захочу?

— Сейчас вы должны находиться в Версале.

— Я чуть с ума не сошла там от скуки. И решила ускользнуть от этих невыносимых людей.

— Надеюсь, что вы смогли придумать достаточно вескую причину, чтобы оправдать свой отъезд. Иначе вы рискуете попасть в немилость короля. Кто сообщил вам о моем отъезде?

— Никто, уверяю вас. Я была очень удивлена, увидев приготовления ваших слуг. И вы хотели уехать, не попрощавшись со мной?

— Король просил меня не объявлять об отъезде и, особенно, ничего не говорить вам. Он знает, что женщины не умеют хранить секреты.

«Король ревнует!» — Анжелика чуть не выкрикнула эти слова.

она села с противоположного конца стола и стянула с рук усыпанные драгоценностями перчатки.

— Как странно, летняя кампания еще не началась, войска на зимних квартирах. Не припомню случая, чтобы король раньше избавлялся от кого-нибудь тем, что посылал на войну. Этот приказ скорее похож на наказание.

Он посмотрел на нее отсутствующим взглядом, будто перед ним никого не было.

— Король наш повелитель, — сказал он наконец и решительно поднялся. — Уже поздно, мне пора отдыхать. Позаботьтесь о себе сами в мое отсутствие. Я запрещаю вам прощаться.

Анжелика изумленно посмотрела на него.

— И это все, что вы мне скажете?

Казалось, он не понял смысла ее вопроса. Подойдя к ней, он наклонился, поцеловал ей руку и вышел. Оставшись одна в своей комнате, Анжелика горько расплакалась. Отчаяние вылилось в нескончаемом потоке слез.

«Я никогда не понимала его».

Он уходит на войну. Увидит ли она его снова? О да, он, конечно, вернется, но время любви ушло.

В окно светила луна, из сада слышались соловьиные трели. Анжелика вытерла заплаканное лицо. Перед ее мысленным взором снова прошли те недолгие минуты, которые она провела с Филиппом: он сидел с ней рядом, когда она нянчила маленького Шарля-Анри... они весело болтали и смеялись, глядя на него... тот день, когда они, охваченные страстью, предавались любви...

Она не могла больше сдерживаться. Быстро накинув на себя сорочку, босая, она побежала в комнату Филиппа.

Она вошла без стука. Филипп, абсолютно голый, лежал на постели и

сквозь створки тяжелых занавесей ей была видна его мощная грудь, гладкая и бледная, словно высеченная из мрамора. Лицо спящего было спокойно.

Короткие кучерявые волосы, длинные ресницы, тонкий рот — все это очень походило на голову древнегреческого бога. Но поза и вытянутые вдоль туловища руки создавали впечатление беспомощности.

Стоя на цыпочках у его кровати, Анжелика затаила дыхание. Его красота волновала ее до глубины души. Она замечала те мелочи, на которые не обращала внимания раньше: детская цепочка с распятием на мощной груди гладиатора, родинка, шрамы, полученные на войне и на дуэлях. Она приложила руку к груди, словно стараясь удержать рвущееся сердце в груди.

Он слегка пошевелился. Сбросив сорочку, она скользнула в его, кровать и улеглась рядом. Каким теплым было его тело! Прикосновение возбуждало ее. Она легонько поцеловала его в губы, затем осторожно приподняла его голову и положила себе на грудь. Он опять зашевелился, пробормотал в полудреме:

«Так прекрасна...», потянулся губами к ее груди, как мантый ребенок. Но вдруг широко раскрыл глаза, и в них вспыхнул гнев.

— Как? Вы? Вы здесь? Что за наглость! Что за...

— Я пришла с вами попрощаться на свой манер, Филипп.

— Женщина должна ждать, когда ее муж сочтет нужным приласкать ее, а не возбуждать его своей похотью. Бросьте это!

Он попытался столкнуть ее с кровати, но она, уцепившись за его руку, взывала к нему:

— Филипп! Филипп! Обними меня. Позволь мне остаться сегодня ночью...

— Нет!

Он высвободил руки, но она цеплялась за них снова. Она видела, что несмотря на всю свою силу, он не может сладить с ней.

— Филипп, я люблю вас. Обнимите меня.

— Чего же вы хотите, в конце концов?

— Вы знаете.

— Что за бесстыдство?! Неужели у вас не хватает любовников, которые удовлетворили бы вас?!

— Нет, Филипп. У меня нет любовников, кроме вас. И вы останетесь для меня единственным любовником на долгие, долгие годы.

— Так вот вы какая, маленькая шлюшка? Сейчас у вас не больше достоинства и благоразумия, чем у суки в период течки.

Он принялся ее ругать отборной бранью. Но она ползала вокруг него, и оскорбления в его устах воспринимала как проявление нежнейших чувств. Наконец он глубоко вздохнул, схватил ее за волосы и запрокинул ей голову назад. Она улыбалась, глядя на него, и казалось, вовсе не испытывает страха, и он поразился этому.

Выругавшись еще раз, он притянул ее к себе. Наступило тягостное молчание, ибо Филипп вдруг испытал тайное чувство страха перед импотенцией. Но страстность Анжелики, ее безумная радость, ее искусственность в делах любви, когда она становилась рабой страсти, — все это пересилило сомнения Филиппа. Сейчас тлеющие искры разгорятся в яркое пламя.

Но он не допускал этого. Он лежал рядом с ней, но не допускал близости.

— Уходи, — он грубо оттолкнул ее, в то время как она пыталась накрутить на палец его вьющиеся волосы.

На этот раз она послушалась с такой покорностью, что он не знал, что ему делать: то ли ударить ее посильнее, то ли заключить в нежные объятия. Стиснув зубы, он боролся сам с собой. Какая опасная слабость! Чистое сумасшествие! Как он рад, что скоро шум битвы и свист пуль положат конец этому безумству.

Вскоре после отъезда маршала дю Плесси де Белльер пришло время отправиться в армию и маленькому Кантору. Анжелика чувствовала себя предательницей. Она принялась писать бесконечные письма Филиппу в Франш-Комте, но он не отвечал. Это страшно угнетало ее. Наступит ли время, когда Филипп снова полюбит ее?

Анжелика попыталась заняться сборами Кантора. Но вот уже Кантор уезжает. Он уселся в экипаж Вивонна вместе со своим наставником Гаспаром де Роканоном. На Канторе был костюм из зеленого шелка, который очень подходил к цвету его глаз, отделанный галунами и бантами. Черная бархатная шляпа с белым плюмажем венчала его кудрявую голову. Неизменная гитара была с ним как любимая игрушка у капризного ребенка. Это был прощальный подарок Анжелики. Инструмент был из лучших сортов дерева, отделанный перламутром, и был изготовлен лучшими мастерами Парижа.

Барба плакала в темном уголке портшеза, но Анжелика старалась не выдавать своих эмоций — такова жизнь. Дети всегда вырастают и уходят от родителей, и каждый уход ранит материнское сердце.

С возросшим интересом теперь следила Анжелика за событиями на Средиземном море. Турки безуспешно пытались одолеть последние

бастионы христианства в Средиземноморье, и французский флот был послан туда с секретной миссией.

Анжелика улыбнулась про себя, подумав, что Кантор ее тоже крохотный винтик в этом большом механизме, в этом святом деле. Она представляла его стоящим на палубе корабля, держащим неизменную гитару в руках, ленты которой развевались по ветру под безоблачным небом.

Она старалась быть поласковее с Флоримоном, испугавшись, что ему будет не хватать Кантора или он начнет ревновать к судьбе брата, которому светили удачи и слава.

Но вскоре она заметила, что хотя Флоримон и был нежным братом, но отъезд брата не слишком его расстроил. Флоримон был очень деятелен. Он и десяти минут не мог просидеть спокойно. На уме у него всегда было тысяча дел. — выезд на лошади, натаскивание собак, чистка оружия: он охотно скакал на лошадях или ездил на охоту с дофином.

Зато он очень не любил уроков латыни аббата де Ледигера. Сколько раз он хвастался перед матерью своими успехами в фехтовании. Он любил показывать ей только что выученные приемы.

— Смотри, мама, смотри на меня. Я парирую, делаю выпад и колю. Прямо в сердце. Мой противник падает замертво!

Как он был красив! Радость жизни горела в нем, точно пламя. Как быстро возмужало и окрепло детское сердце! А пожалеет ли он ее, если ей случится попасть в беду?

Новости о битве при мысе Пассаро пришли в Париж в середине июля, во время последнего праздника, который король давал накануне отъезда в Лоррейн. Флот Вивонна был атакован у берегов Сицилии турецкими галерами, во главе которых стоял изменник, алжирец, по имени Рескатор. Сражение скорее напоминало перестрелку. Но два корабля из двадцати все же потонули.

На одном из этих кораблей находилась вся прислуга Вивонна. Стало известно, что вместе с судном на дно морское пошли три его секретаря, десяток поварят, четыре лакея, все двадцать мальчиков-хористов, исповедник, оруженосец и вместе с ними маленький паж-гитарист.

Глава 15

Лето на некоторое время прервало придворные развлечения, и это позволило Анжелике побыть в Париже наедине со своим горем. Она просто не могла поверить в это печальное известие. Она как будто отказывалась принимать случившееся.

Барба плакала днем и ночью, пока Анжелика, беспокоясь о ее здоровье, не отругала ее.

— Конечно, мадам, конечно, — рыдала служанка, — но вам этого не понять. Мадам, вы не любили его так, как я.

Расстроенная Анжелика оставила ее, вернулась в свою комнату и села у открытого окна. Наступила осень, и целыми днями моросил дождь. Вечернее небо отражалось в мокрых мостовых.

Анжелика спрятала лицо в руках. На сердце было тяжело, и ничто не могло облегчить ее горестную ношу.

Как все-таки мало качала она Кантора на коленях, как редко целовала его румяные щечки! Он вспомнился ей в тот момент, когда прощался с ней, серьезный и в то же время светящийся от гордости. А вот он поет перед королевой, и в ушах звучит его ангельский голос.

Цоканье копыт по мостовой прервало ее воспоминания. Она взглянула в окно, и на мгновение ей показалось, что она узнала во всаднике Филиппа. Но ведь маркиз в армии, во Франш-Комте, там же, куда уехал и король.

Но вот показался еще один всадник. На этот раз она уже не сомневалась — это был Ла-Виолет. Она узнала его по гигантской фигуре, хотя он и ехал, согнувшись под моросящим дождем.

Итак, первым приехал все-таки Филипп. Она услышала его шаги в зале, и вот явился он сам, забрызганный грязью до самого ворота. Вода ручьями стекала с его широкополой шляпы и длинного плаща.

— Филипп, — поднялась ему навстречу Анжелика, — вы промокли до нитки.

— Дождь идет с самого утра, а я скачу без остановки.

Она позвонила, вызывая слуг.

— Я прикажу подать горячий ужин. Надо разжечь камин. Почему вы не сообщили о своем возвращении, Филипп? Ваши комнаты еще не закончены. Я не ожидала, что вы так быстро вернетесь, я думала... что у меня будет достаточно времени... для перестановки...

Он стоял, широко расставив ноги, как будто не слышал ее слов.

— Я слышал, что ваш сын умер, — сказал он наконец.

За этими словами последовало напряженное молчание. Небо потемнело, как будто тучи стерли с него солнце.

— Он так мечтал о море, — продолжал Филипп, — и вот его мечта исполнилась. Я знаю Средиземное море — бескрайнее, голубое, золотое по краям, словно королевский штандарт. Это достойный саван для маленького певца.

Анжелика расплакалась. Ее слезы смутили Филиппа. Он положил ей руку на голову.

— Вы боялись, что его развратят. Смерть спасла его от позора. У каждого своя судьба. Он радовался жизни и песням. И у него была любящая мать...

— Я никогда не уделяла ему достаточно внимания, — терла она заплаканные глаза.

— Но вы же любили его. Вы подарили ему то, в чем он так нуждался, — уверенность вашей любви.

Анжелика слушала его с каким-то смутным беспокойством.

— Филипп! — вдруг воскликнула она. — Вы хотите уверить меня, что вы уехали из армии и проскакали целый день только для того, чтобы утешить меня?

— Это не единственная глупость, которую я совершаю ради вас. Я привез вам подарок.

Он вытащил из кармана потертую кожаную сумочку, открыл ее и вынул оттуда ожерелье, состоящее из золотой цепи с прикрепленными к ней тремя дисками червонного золота, на которых сияли два неограниченных рубина и огромный изумруд. Весь этот великолепный ансамбль был так грубо обработан, что скорее подходил для какого-нибудь жреца культа друидов.

— Это фамильное украшение женщин из рода Бельер, носится оно на груди. В течение столетий оно придавало мужество женщинам нашего рода. И оно достойно женщины, которая не пожалела жизни своего сына на благо страны.

Он подошел к Анжелике и повесил украшение ей на шею.

— Филипп, — изумилась Анжелика, — что это значит? Разве вы не помните условий нашего спора в тот день на ступеньках Версаля?

— Я все хорошо помню, сударыня. Вы выиграли.

Филипп раздвинул локоны на голове Анжелики и запечатлел на ее затылке длинный поцелуй. Она не шевелилась. Он приподнял ее голову и взглянул в лицо. Она плакала.

— Не надо плакать, — сказал он, привлекая ее к себе. — Я приехал, чтобы осушить ваши слезы, а не заставлять проливать их. Я и раньше не мог спокойно переносить их. Черт побери, вы великая женщина!

Совсем обезумевшая от любви Анжелика повторяла как бы про себя:

— И это ваше ожерелье...

Итак, он любит ее. Она взяла в руки его лицо и нежно посмотрела ему в глаза.

— Откуда же мне было знать, что за вашим ужасным поведением скрывается такая любовь! Вы поэт Филипп!

— Я — это я, не больше и не меньше, — улыбнулся он. — Но есть еще одна вещь, которая беспокоит меня, когда я смотрю на ожерелье рода дю Плесси де Белльер на вашей груди. Семейное предание гласит, что когда женщина одевает это украшение, это предвещает начало войны или какого-нибудь другого бедствия. С этим ожерельем моя мать привела войска Пуату на сторону принца Конде. И вы это помните не хуже меня. А что оно сулит вам? Храбрости и мужества вам не занимать.

Он еще крепче привлек ее к себе и потерся щекой о ее щеку.

— Ваши зеленые глаза преследуют меня повсюду, — словно промурлыкал он. — Я могу отругать вас, побить, но вы все равно поднимаете свою голову, словно цветок после бури. Это выше моего понимания.

Не могу скрыть своего удивления, видя такую твердость в женщине. В тот день, когда я увидел вас улыбающейся в ответ на гнев короля, я понял, что никогда не смогу победить вас. И в глубине души я горжусь тем, что вы моя жена.

Он поцеловал ее так робко, словно был застенчивым юношей. Такое проявление нежности показалось странным ему самому, и он нерешительно потянулся к ее губам, но она опередила его.

От губ этого мужественного человека веяло свежестью невинности. Для них обоих, проживших столь бурную жизнь, самым было странно обмениваться столь чистыми и нежными поцелуями. Они будто впервые встретились в саду Пуату в дни своей юности.

— Мне пора возвращаться, — неожиданно сказал он своим обычным грубоватым тоном. — Я и так уделил слишком много времени сердечным делам. Можно мне взглянуть на сына?

Анжелика послала за нянькой. Та вернулась, держа в руках маленького Шарля-Анри. Филипп взял ребенка на руки, подбросил его пару раз в воздух, покачал, но так и не смог заставить его улыбнуться.

— В жизни не видела более серьезного ребенка, — сказала Анжелика,

— он точно боится людей. Но, думаю, что когда он будет ходить, то будет проказничать не меньше других.

Филипп передал ей мальчика.

— Я вверяю его вам. Заботьтесь о нем хорошенько.

— Это ребенок, которого дали мне вы, Филипп. И он мне очень дорог!

Анжелика смотрела в окно, как Филипп сел на лошадь и умчался в темноту ночи. Шарль-Анри спокойно дремал у нее на руках.

А несколько дней спустя Анжелика, вернувшись в свой отель, нашла там месье Сент-Энана, только что прибывшего из Франш-Комте с письмом от короля.

— От короля?

— Да, мадам.

«Сударыня, — писал король, — примите наши глубочайшие соболезнования по поводу смерти вашего юного сына, погибшего на королевской службе. Это печальное событие заставляет нас принять более деятельное участие в судьбе вашего старшего сына — Флоримона де Морано-Белльер. Мы решили повысить его и зачислить в ранг придворных. Мы даруем ему должность виночерпия, и он будет служить под руководством месье Дюшеса — главного управителя при королевских погребях. Мы надеемся, что он без промедления приступит к выполнению своих обязанностей и присоединится к нам в армии. Мы также желаем, чтобы вы сопровождали его на пути сюда.

Людовик».

Анжелика закусила губу, глядя на собственную подпись короля и раздумывая, что ей делать. Флоримон — виночерпий короля! Представители славных фамилий Франции стараются добыть своим наследникам этот пост и не скупятся при этом на расходы.

Это великая честь для маленького Флоримона. Нет, это было бы глупо с ее стороны отказываться от такого выгодного предложения. Да и, кроме того, у нее скоро будет возможность увидеть Филиппа и избавиться от тоски, которая преследовала ее со времени смерти Кантора.

Она отправилась в Сен-Жермен за Флоримоном.

Мадам де Монтеспан приняла ее в постели, больная, с расшалившимися нервами после стычки с ревнивым маркизом де Монтеспан.

Весь двор смеялся над случившимся. А причиной этому послужил попугай маркиза, который, передразнивая хозяина, кричал пронзительным голосом:

«Рогоносец! Рогоносец!»

Эти слова было трудно разобрать, их можно было принять за обычную птичью болтовню, но в трескотне птицы довольно отчетливо слышалось:

«Сифилис, ах ты бл...!»

Даже слуги не могли удержаться и смеялись в открытую. Мадам Монтеспан притворилась, что это ее не касается и сама смеялась над попугаем, стараясь скрыть этим свое смущение. Но теперь, увидев Анжелику, она разрыдалась и стала спрашивать о своем муже.

Анжелика рассказала ей, что Великая Мадемуазель поговорила с ее мужем, успокоила его, и он дал обещание больше не устраивать сцен ревности.

Атенаис вытерла слезы.

— Если бы вы только знали, как я страдаю, когда вижу его. А тут еще этот попугай. Я все написала королю. Думаю, что на этот раз он будет более строгим.

Анжелика в душе усомнилась в этом и подумала, что лучше не рассказывать Атенаис, что она приглашена королем в расположение армии.

Ее карета прибыла в Табо в полночь, и они расположились в гостинице, которая была переполнена, так как армию всегда сопровождала толпа людей, останавливающихся в ближайших поселках, но для знатной дамы, прибывшей в карете с пятеркой лошадей, сам хозяин подыскал подходящее место.

Им отвели две небольшие комнаты с прихожей, которую предоставили учителю фехтования.

Флоримон с аббатом заняли одну из комнат, а в другой расположилась Анжелика с девицами Жиландон. Вновь прибывшие отужинали и стали располагаться на отдых. Девушки уже устроились в кровати, Анжелика же, в ночной сорочке, стоя перед зеркалом, приводила в порядок свои волосы. В дверь постучали.

— Войдите, — разрешила она и тут же замерла от удивления, увидев в дверях Пегилена де Лозена.

— Вот и я, моя прелестница.

Он вошел на цыпочках, приложив палец к губам.

— Черт меня побери, если я ожидала встретить вас здесь, — не сдержалась Анжелика. — Откуда вы взялись?

— Из армии, конечно. И как только я услышал от своего маркизанта о вашем прибытии, то сразу же вскочил на лошадь...

— Пегилена, неужели вы хотите доставить мне неприятности?

— Неприятности? Не будьте так не благодарны. Кстати, вы здесь одна в этой комнате?

— Нет, — ответила Анжелика, кивнув в сторону девиц Жиландон, мирно спящих в кровати. — А какая вам разница, одна я или нет?

— Не будьте такой вспыльчивой. На сей раз у меня достаточно приятные для вас намерения.

Он поднял глаза к потолку, изображая мученика.

— К сожалению, должен сказать, я здесь не ради себя. Не теряйте времени и выставите отсюда этих юных девственниц, — и он шепнул ей прямо в ухо:

— Здесь король, и он хочет вас видеть. — Король? — Да, в зале.

— Пегилен, перестаньте шутить и дурачить меня. У меня нет сейчас намерения шутить.

— Клянусь вам!..

И вы действительно думаете, что заставите меня поверить, будто король...

— Ш-ш-ш! Потише. Его Величество желает видеть вас лично. Неужели вы не понимаете, что он не хочет быть узанным?

— Я этому не верю.

— Ну, это уж слишком. Поспешите, сударыня, отправьте отсюда этих девиц, и вы убедитесь сами.

— Но куда же я их дену? В постель к Мальбрану, учителю фехтования?

Она встала и затянула шнурок сорочки вызывающим жестом.

— Если король в зале, то я там с ним и увижусь!

Она вышла в зал и замерла, увидев мужчину, стоявшего у дверей.

— Вы правы, сударыня, — раздался из-под маски из бархата голос короля. — В конце концов, чем плох этот зал? Он затемнен, а главное — пуст. Пегилен, друг, посторожите на лестнице, и всех гоните прочь!

Он положил руку на плечо Анжелики, затем, вспомнив о маске, снял ее. Да, это был король, и он улыбался.

— О, не надо реверансов, сударыня. Я не мог больше ждать, я должен был увидеть вас.

— Сир, — решительно сказала Анжелика. — Я уже говорила вам, что не хочу быть ширмой для мадам де Монтеспан, и я надеюсь, что Ваше Величество понимает...

— Вечно вы повторяете одно и то же, моя куколка. Сегодня нам незачем рядиться в маскарадные костюмы. Почему вы не допускаете мысли, что я пришел сюда ради вас?

Анжелике польстили его слова, но они поставили ее в еще более затруднительное положение.

— Ну и что?

— Все очень просто, сударыня. Мы не связаны с вами близкими отношениями, но неужели вы не понимаете, что произвели на меня неотразимое впечатление. Я не могу забыть ни ваших губ, ни эти очаровательные ножки, которые я лицезрел в Версале.

— Мадам де Монтеспан прекрасна, как и я. И она любит вас. Она просто обожает Ваше Величество!

— В то время, как вы...

Его алчные глаза, казалось, гипнотизировали ее. Он приблизил свой рот к ее губам, и у нее не было сил отодвинуться. Он прильнул к ее губам, раздвинул их и коснулся ее зубов. Они принялись целоваться со все возрастающей страстью, сжигавшей их обоих. И вот она первая, будто ослабев, прислонилась к перегородке. Губы ее дрожали.

Король судорожно сглатывал слюну.

— Я всю жизнь мечтал о таких поцелуях, — шептал он. — Я снова хочу видеть вашу запрокинутую голову, ваши полузакрытые глаза, ваш чудесный рот. Мне надо идти, но у меня нет мужества покинуть вас. Эта гостиница расположена далеко от...

— Ваше Величество, я прошу вас не ввергайте меня в поступки, которые страшат меня.

— Страшат вас? А я думал, что они радуют вас. Неужели я ошибаюсь?

— Что мне остается делать? Ведь вы — король!

— А если бы я не был им?

Глядя ему прямо в глаза, Анжелика мужественно произнесла:

— Я надавала бы вам пощечин! Король явно рассердился.

— Неужели я так плох как любовник?

— Сир, неужели вы забыли, что маркиз дю Плесси де Бельер ваш друг?

Этот вопрос застал монарха врасплох. Казалось, он был смущен.

— Конечно, он мой лучший друг, но я считаю, что вовсе не приношу ему этим неприятностей. Всем известно, что у этого маркиза одна любовница — война. Коль скоро я отдаю под его начало армию, то чего же ему еще желать? Его совсем не занимает любовь, и он доказывал это много раз.

— Но он также доказал, что любит меня. Король вспомнил сплетни, ходившие при Дворе.

— Так значит, Марс сдался в плен Венере? Я просто не могу поверить

в это? Но, должен признаться, что вы способны на этот подвиг.

— Поверьте, что я люблю его, а он любит меня. Неужели же вы способны разрушить нашу вновь обретенную любовь?

Король испытывал муки любви и угрызения совести.

— Нет, не разрушу, — сказал он наконец с глубоким вздохом. — Прощайте, сударыня. Спите спокойно. Надеюсь увидеть вас утром в нашем лагере вместе с вашим сыном.

В своем обычном голубом бархатном костюме, отороченном золотыми галунами, Филипп ждал Анжелику у входа в королевскую палатку. Поклонившись, он взял ее за руку и повел к королю, который готовился занять свое место.

— Здравствуйте, мой муж, — шепнула Анжелика.

— Здравствуйте, сударыня.

— Увижу ли я вас сегодня вечером?

— Если я буду свободен от своих обязанностей.

Лицо его было непроницаемо, но пальцы его руки сплелись с пальцами Анжелики и ласково сжимали их.

Король наблюдал за ними.

— Есть ли у нас более прелестная пара, чем маркиз и маркиза дю Плесси? — спросил он у главного дворецкого.

— Вы совершенно правы, сир, прелестная пара.

— Они очаровательны и, кроме того, так преданы своему королю, — добавил Луи со вздохом.

Анжелика присела в глубоком реверансе. Король, протянув руки, поднял ее. Глаза их встретились.

Она была единственной дамой, приглашенной к столу, и многие из благородных дворян, сидевших за столом, давно не видели такой красавицы.

— Вы, несомненно, счастливы, маркиз, что обладаете таким несравненным сокровищем. Уверен, что за столом нет ни одного мужчины, включая и вашего суверена, который не завидовал бы вам. Мы надеемся, что вы понимаете нас.

Король положил руку на плечо Филиппа.

— Марс, дружище, — шепнул он, — вы страшно удачливы, но я не ревную. Ваша верность — это большое счастье для меня. Вы помните наше первое сражение, когда нам было по 15 лет? Помните пулю, сбившую мою шляпу? Вы тогда выбежали прямо под выстрелы, чтобы принести ее мне.

— Да, сир, помню.

— Конечно, маршал, вы были будто не в своем уме. Да и после того

вы совершали не один безумный поступок для меня.

— Вы правы, сир.

— Но не много ли философии для нас, солдат? Прошу, сударыня, садитесь.

Будучи единственной женщиной, Анжелика заняла место по правую руку короля — место королевы. Филипп остался стоять рядом с главным дворецким. Король украдкой восхищался профилем Анжелики, глядя, как она грациозно склоняется над тарелкой. Флоримон исполнял свои обязанности виночерпия так торжественно, будто был приставлен к алтарю.

— Ваш сын не похож на вас. У него темные глаза и волосы. У него южная, смуглая красота.

Анжелика вспыхнула, потом побледнела. Сердце ее бешено застучало. Король ласково положил ей руку на плечо.

— Как вы чувствительны. Когда только вы перестанете пугаться меня? Неужели вы не понимаете, что я не хотел причинить вам боль?

После обеда Анжелика вернулась с Филиппом в его палатку из желтого шелка, отделанного золотом. Внутри стояли два кресла красного дерева и маленький турецкий столик, вокруг которого лежали диванные подушки из золотой парчи.

Прямо на голый пол был постелен толстый ковер, на походной кушетке тоже лежал ковер тонкой работы. В палатке царила атмосфера Востока.

Филипп снял перевязь. Вошел Ла-Виолет в сопровождении юноши, и они сервировали ужин, состоящий из пирожных, фруктов и вина. Ла-Виолет предложил Филиппу снять его парадный костюм, но маркиз отослал его прочь.

— Послать за вашими девушками? — спросил он Анжелику.

— Я думаю, что в этом нет необходимости. Вы, наверное, и сами сможете помочь мне, — улыбнулась Анжелика. — Я думаю, что у вас есть кое-какой опыт в этом деле.

Она ласково прижалась к нему.

— Вы рады видеть меня?

— Да, к сожалению.

— Почему, к сожалению?

— Я не могу вырвать вас из сердца. Никогда ранее мне не были знакомы муки ревности.

— Но я люблю только вас.

Он прижался лбом к ее плечу, ничего не отвечая. Ей показалось, что в

тусклом освещении палатки она снова видит похотливые глаза короля.

Где-то снаружи солдат наигрывал мотив народной песни. Анжелика задрожала. Ей нужно было оставить это общество, покинуть Версаль со всеми его празднествами и никогда не видеть короля!

— Филипп, — вымолвила она наконец. — Когда вы вернетесь домой? Когда мы сможем жить вместе?

Он отшатнулся и с подозрением посмотрел на нее.

— Жить вместе? Да разве это возможно для маршала, главнокомандующего королевскими войсками и знатной придворной дамой?

— Я хочу оставить двор и вернуться в Плесси.

— Как это похоже на женщин! Было время, когда я хотел оставить вас в Плесси, а вы готовы были скорее умереть, чем повиноваться мне. Теперь уже слишком поздно!

— О чем вы говорите?

— Вы слишком многим обязаны королю, и ваш отъезд может вызвать недовольство.

— Именно из-за короля я и хочу уехать отсюда, Филипп. Король... — она посмотрела на него безжизненными глазами. — Король... — в отчаянии повторила она. И, не закончив фразу, она стала раздеваться, действуя как бы механически.

Филипп стоял, погруженный в свои думы.

«После сегодняшнего ночного разговора король должен понять меня наконец, — думала Анжелика. — Если он уже до этого не понял...»

Филипп подошел к кушетке, где она, стоя на коленях, вынимала булавки из волос. Она обвила его шею руками. Его руки стали жадно шарить по ее голому телу под тонкой, как паутина, сорочкой.

Ощупав спину, руки вновь вернулись к ее груди, немного полноватой со времени рождения ребенка, но все еще твердой и высокой.

— Именно то, что нравится королю.

— Филипп, — она теснее прижалась к нему. — Филипп...

Они ненадолго замолчали, будто охваченные каким-то неопишуемым страхом. Вдруг снаружи раздались чьи-то громкие голоса:

— Маршал! Маршал!

Филипп в одно мгновение подошел к выходу из палатки.

— Поймали шпиона. И Его Величество вызывает вас.

— Не уходи, Филипп, — молила Анжелика.

— Это просто замечательно: не ходить, когда вызывает король, — он хихикнул. — Война есть война, моя дорогая. Моя первейшая обязанность

— служить Его Величеству!

Он расправил усы и прицепил шпагу.

— Какую песню пел Кантор? Ах, да:

*... Мой долг вам служить, не щадя головы,
И не жалея сил,
Но если бы это были не вы,
Жестоко бы я отомстил...*

Она пыталась дожидаться мужа, но сон сморил ее, и она уснула одна на кушетке. Когда она проснулась» то увидела слабый свет, проникающий сквозь шелковые стенки палатки, и ей показалось, что сегодня будет хорошая погода. Но, выйдя из палатки, она увидела серое небо и туман.

Моросил дождь. Лагерь был пустынным, в отдалении слышался гром барабанов и рев пушек.

По ее требованию Мальбран подал ей оседланную лошадь, а один солдат показал дорогу к холму.

— Оттуда, сударыня, вам все хорошо будет видно. На холме она увидела месье де Сальное, чьи солдаты располагались по склонам возвышенности. Солнце безуспешно пыталось прорваться сквозь густые тучи.

Анжелика сразу увидела знакомую ей картину осады города. Французские батареи располагались за рекой, три ряда пушек поддерживали пехоту, чьи шлемы и пики сверкали в редких лучах солнца.

Сальнов хлыстом укачал ей на группу людей в парадной форме, разъезжавшую перед войсками.

— Король с утра делает смотр войскам. Он убежден, что крепость скоро падет. Ни сам король, ни его приближенные не сомкнули глаз в эту ночь. Пойманный шпион сообщил, что они собирались атаковать нас сегодня ночью. Но мы уже были начеку, и их план провалился.

— Но мне кажется, что их бомбардировка очень сильна.

— Это уже конец. Губернатор не может вывесить белый флаг до тех пор, пока у него не будет израсходован весь запас пороха и пуль.

— Об этом же говорил ночью Филипп, — сказала Анжелика.

— Я рад, что он придерживается того же мнения. Маршал — великий стратег. Я думаю, что уже сегодня вечером у нас будет банкет в завоеванном городе.

В это время они заметили курьера, вихрем мчавшегося по дороге, по направлению к ним. Приблизившись, он крикнул:

— Маршал дю Плесси... — но, увидев Анжелику, осекся, натянул поводья и повернул лошадь.

— В чем дело? Что случилось? — испугалась Анжелика. — Что с моим мужем?

Курьер остановился.

— Что такое? — вмешался Сальнов — Отвечайте, что с маршалом? Он ранен?

— Да, — выдохнул курьер, — но не серьезно. Король рядом с ним. Маршал сильно рисковал.

Анжелика, не слушая больше, прищпорила лошадь и помчалась по дороге вниз. Филипп ранен! Внутренний голос твердил ей:

«Я знала это! Я знала, что должно было что-то случиться!» Первый, кого она увидела, был Пегилен. Подскакав ближе, она крикнула:

— Филипп ранен?

— Да.

Когда она приблизилась, он объяснил ей.

— Ваш муж очень рисковал. Король хотел выяснить, не может ли ложный штурм помочь быстрее капитуляции, и Филипп вызвался сам провести разведку. Он поскакал прямо на эскарп...

— Рана серьезная?

— Да.

Анжелика обратила внимание, что Пегилен своей лошадью загородил ей дорогу. Словно под внезапно обрушившейся тяжестью, она сторбилась и горько разрыдалась.

— Он мертв? Да? Отвечайте! Пегилен молча опустил голову.

— Пропустите меня, — безжизненно сказала она, — я хочу его видеть. Пегилен не двинулся.

— Пропустите меня! — закричала Анжелика. — Он мой муж. я имею право видеть его.

Пегилен прижал ее голову к своей груди и нежно провел рукой по ее волосам.

— Лучше не надо, дорогая... Увы, наш красавец маркиз... ему оторвало ядром голову.

Она плакала горько и безнадежно, уткнувшись лицом в ту самую кушетку, на которой провела ночь. Она никого не пускала в палатку, и вся ее свита стояла снаружи, слушая ее безудержные рыдания.

Она пыталась уверить себя, что все это неправда, но сама знала, что больше никогда не увидит его. Она шептала сквозь слезы:

— Я любила вас... Вы были первым, кого я полюбила в дни моей юности... Филипп! Филипп в розовом! Филипп в голубом! Филипп в снежно-белом, отороченном золотом костюме. Филипп держит на руках Кантора...

А вот он с охотничьим ножом в одной руке, а другой сжимает горло волка... Филипп был так красив и мужественен, что даже король звал его «Марс».

Она вспомнила слова Лозена и подумала:

«Филипп, зачем вы это сделали?»

Отодвинув полог, в палатку с поклоном вошел де Жерве, главный дворецкий короля. А

— Сударыня, король пришел выразить вам свое сожаление.

— Я никого не хочу видеть!

— Сударыня, но это король!

— Я не хочу видеть ни короля, — почти выкрикнула она, — ни кого-либо другого из этой своры трусливо-сплетничающих щеголей, которые составляют его свиту и только думают о том, кто займет место маршала.

— Сударыня... — де Жерве был шокирован.

— Прочь отсюда! — кричала Анжелика — Убирайтесь!

Она опять зарылась лицом в подушки, дрожа от гнева и горя.

Вдруг две сильные руки приподняли ее с кушетки. Единственное, что утешало и успокаивало ее в минуты отчаяния — Это была надежная мужская поддержка. Она подумала, что это Лозен, и зарыдала еще громче, прикинув к лацкану бархатного камзола, пахнущего фиалковым корнем. Она подняла голову и встретила взгляд карих глаз. Глаз короля.

Никогда прежде она не видела их такими нежными.

— Я оставил всех... свою свиту снаружи... Я прошу вас, сударыня, не поддавайтесь вашему горю. Ваша боль угнетает меня...

Анжелика поднялась и прислонилась спиной к золотистой стенке палатки. Глаза ее неотрывно глядели на короля. Когда она заговорила, голос ее дрожал:

— Сир, я прошу разрешить мне вернуться в свое поместье... В Плесси...

Король заколебался.

— Я уважаю вашу просьбу, сударыня. Я понимаю, что вам надо побыть одной. Поезжайте в Плесси. Я разрешаю вам остаться — Сир, я хочу отказаться от всех своих обязанностей при дворе.

Он отрицательно покачал головой.

— Это ваше горе говорит за вас. Время лечит раны. Я не освобождаю

вас от обязанностей при дворе.

Анжелика обессиленно прикрыла глаза. Слезы вновь покатались по ее щекам.

— Обещайте мне, что вы вернетесь, — настаивал король.

Она стояла молча и неподвижно. Король испугался, что может потерять ее навсегда, и не стал больше настаивать.

— Версаль будет ждать вас, — вот все, что он сказал.

Часть третья.
КОРОЛЬ

Глава 16

Всадник галопом промчался по аллее, образованной двумя рядами старых дубов, обогнул лужу, в которой отражалось золотое великолепие осени, и остановился перед небольшим подъемным мостом.

В маленькое оконце своей спальни Анжелика разглядывала на всаднике ливрею цветов мадам де Севинье. Должно быть, это она послала его сюда.

Набросив бархатный плащ, Анжелика сбежала по лестнице вниз, не дожидаясь, пока служанка поднимется с письмом на серебряном подносе.

Анжелика отправила гонца на кухню и распорядилась, чтобы его угостили. Затем проворно поднялась в свою комнату, удобно устроилась у камина и только потом взялась за чтение письма. Это обычное послание представляло сейчас для Анжелики большую ценность. Заканчивалась осень, вот-вот должна была наступить зима. А какими скучными были эти зимы в Плесси! Замок в стиле Ренессанса, возведенный как летняя резиденция, был угрюм и холоден теперь, когда листья в лесах Ньеля уже опали. По ночам волки близко подходили к окраинам парка.

Лишь весна вносила некоторое облегчение в душу. Анжелика днями скакала на лошади по окрестностям. Ее ближайшим соседом был Молин, далее располагался Монтелу, где мирно доживал последние дни ее отец и где прошло ее детство с няньками и тетушкой Мартой.

Анжелику никто не посещал, кроме дю Круасски — грубого местного помещика, который походил своими повадками на медведя, стараясь ухаживать за Анжеликой, и от которого она порой не знала, как избавиться.

Итак, Анжелика сорвала с письма печати и начала читать. Маркиза де Севинье подробно описывала последние новости, занимающие двор, и особо отмечала то привилегированное положение, которое стала занимать мадам де Монтеспан.

Закончив чтение, Анжелика задумалась, была ли какая-нибудь тайная мысль у мадам де Севинье, когда она так подробно описывала положение мадам де Монтеспан в зените ее славы? Добрая и расположенная к людям, де Севинье была очень недоверчива к Атенаис. Она восхищалась ею, но не любила ее.

«Берегитесь, — говорила она Анжелике, — Атенаис из рода Монтемар, прекрасная, как море, и такая же безжалостная. Она походя

может проглотить вас, если не принять мер предосторожности».

В этом была немалая доля правды, и Анжелика уже убедилась в этом на собственном опыте. Так почему же все-таки де Севинье так подробно описывает триумф де Монтеспан? Или она надеется, что Анжелика вихрем примчится в Версаль, чтобы отвоевать позиции, которые, в сущности, ей никогда не принадлежали.

Итак, мадам де Монтеспан — фаворитка. Король не сводит с нее глаз. Что ж, все устроилось как нельзя лучше...

В дверь тихонько постучали, и вошла Барба, держа за руку Шарля-Анри.

— Наш ангелочек хочет видеть свою мамочку...

— Да, да, — рассеянно ответила Анжелика.

Она поднялась и выглянула в окно. Перед ее глазами простирался унылый пейзаж.

— Можно ему здесь поиграть немного? — спросила служанка. — Он бы так обрадовался! О да, у вас прохладно. Огонь в камине совсем-совсем потух.

— Подложите еще дров.

— Так можно оставить здесь мальчика?

— Нет, у меня сейчас нет времени. Я должна ответить мадам де Севинье, пока ее посыльный еще здесь.

Вздохнув, Барба взяла мальчика за руку, и он послушно пошел за ней. Оставшись одна, Анжелика быстро заточила перо, но не сразу села писать. Ей надо было подумать. Голос, к которому она не хотела прислушиваться, постоянно повторял: «Версаль будет ждать вас».

Было ли это правдой? Версаль, наверное, забыл ее, и это к лучшему. Она сама этого хотела, к чему же теперь сожалеть?

Она сама выбрала себе это место, где темные мрачные краски окружающих предметов напоминали о Филиппе, о его печальном детстве, таком прекрасном, таком богатом и таком одиноком.

Здесь, в Плесси, она радовалась разноцветным краскам осени, бешеной скачке верхом по полям. Но сейчас приближалась зима, и мысль об этом угнетала ее.

Вошел лакей и спросил, где желает обедать маркиза: в своей комнате или в столовой? Конечно, в своей комнате! Холодно на лестницах, а потом, у нее не хватает смелости в одиночестве усесться за длинный обеденный стол, уставленный серебром. Она ведь уже дважды вдова!

Она села перед камином за маленький столик. Одна! Нет с нею рядом мужчины, который мог бы посмеяться, глядя, как жадно она набросилась

на еду... или выказать свое восхищение ее руками, которые она два часа подряд растирала и мазала кремом... или оценить ее прическу.

Она вскочила, подбежала к зеркалу и долго изучала свое лицо. Она все еще прекрасна по-прежнему. Анжелика несколько раз глубоко вздохнула.

На следующий день в Плесси заехали месье и мадам де Рокелер, на пути в свое поместье в Арманьяке. Они сделали небольшой крюк, чтобы навестить Анжелику и передать ей послание от Кольбера.

Герцогиня хлюпала носом и жаловалась на простуду, которую она подхватила в поездке, но скорее это была отговорка, чтобы скрыть свои слезы, которые она не могла сдержать. Она улучила момент, осталась наедине с Анжеликой и пожаловалась на своего мужа, который предпринял этот шаг, чтобы убраться ее подальше от искушений двора, сослав в этот отдаленный замок.

— Самое время для его ревности, — жаловалась она, — именно теперь, когда мой роман с Лозеном давно в прошлом. Между нами ничего не было уже в течение нескольких месяцев. И чего хорошего он нашел в мадам де Монпансье?

— Она внучка Генриха IV, — ответила Анжелика, — а уже одно это кое-что значит. Но я не могу поверить, что Лозен пойдет на риск, заигрывая с принцессой королевской крови. У него же никогда не бывает серьезных намерений.

Мадам де Рокелер, напротив, утверждала, что его намерения самые серьезные. Великая Мадемуазель просила у короля разрешения на ее свадьбу с герцогом де Лозеном, в которого она безумно влюблена.

— И что ответил Его Величество?

— Как обычно. «Посмотрим...». Он, казалось, был смущен той страстью, которую испытывала принцесса к Лозену, хотя сам очень привязан к Пегилену. А вот королева, герцог Орлеанский и Генриетта Английская — те были просто оскорблены, узнав об этом. Да и мадам де Монтеспан тоже. Она вслух выразила при дворе свое возмущение.

— Ей-то какое дело? Она ведь не королевской крови.

— Но зато она из рода Мортемар. И она знает, кому что причитается. А Пегилен из простых гасконских дворян.

— Бедный Пегилен! Но надеюсь, что вы-то не стали презирать его за это?

— Увы! — и мадам де Рокелер снова залилась слезами. Письмо Кольбера было иного содержания. Ничего не упоминая о дворцовых сплетнях, которые его не трогали, он просил мадам дю Плесси вернуться в

столицу и заняться делами, которые под силу лишь ей одной. В скором времени в Париж должен прибыть посол иранского шаха — Бактриари Бей. И Кольбер выражал надежду, что посредничество Анжелики поможет заключить более выгодное соглашение.

Прочитав письмо, Анжелика решила, что ей не следует откладывать свое возвращение в Париж.

Прибыв в столицу, Анжелика сразу же отправилась к королю в Версаль. Она встретила с ним в парке. Вокруг лежал снег, было холодно. Невзирая на непогоду, король совершал ежедневные прогулки по парку.

Король со свитой медленно шествовал вокруг фонтана Аполлона. Анжелика приблизилась к монарху и присела в глубоком реверансе.

— Какой приятный сюрприз, — слегка кивнул ей король, — я полагаю, что королева тоже будет рада вас видеть.

— Я уже засвидетельствовала свое почтение Ее Величеству, и она милостиво выразила мне свое удовольствие.

— Я полностью разделяю ее чувства, сударыня.

Отвесив Анжелике еще один легкий поклон, король повернулся к принцу Конде и продолжал прерванный разговор. Анжелика присоединилась к королевской свите.

Она внимательно осмотрелась и с удивлением обнаружила, что ее одежда кажется здесь старомодной и провинциальной, хотя она отсутствовала всего полгода. Анжелике не очень-то улыбалось встретиться сейчас с мадам де Монтеспан, но та, увидев ее, улыбнулась и помахала рукой, будто радуясь этой встрече.

Анжелика отметила, что Атенаис явно похорошела. Ее раскрасневшееся на морозе лицо выглядело из мягких блестящих мехов. Да и меха, как отметила Анжелика, были превосходны. Муфта короля была из того же меха, что и капюшон мадам де Монтеспан, и висела на золотой цепочке.

Эту моду переняли многие придворные дамы и королевы. Анжелика услышала голос герцога Орлеанского, как раз обсуждавшего эту проблему с мадам де Тианж.

— Божественно! Я готов преклониться перед русскими. Вы слышали, их посланник привез сюда три полных фургона с мехами лисы, медведя, соболя — просто поразительно!

— Это значит, что придет конец этим муфточкам размером не больше тыквы, — добавил он, глядя на муфту Анжелики. — Они выглядят такими убогими. Как только раньше мы могли носить их?! У меня сейчас из каракуля. Посмотрите, какие причудливые завитушки...

Вся группа двинулась по королевской аллее по направлению к дворцу, окна которого блестели под лучами солнца. Все каминные во дворце были затоплены, и клубы белого дыма поднимались к небу.

Температура в комнатах была терпимой, а в зале Венеры, где был сервирован королевский стол и столпились придворные, было душно.

Смущенная Анжелика постаралась спрятать в углу свою муфту «размером не больше тыквы». Да и траурный цвет ее платья не подходил ко двору.

Стоя в толпе придворных, Анжелика смотрела на мадам де Монтеспан, сидящую за королевским столом, весело болтающую и смеющуюся. Атенаис в самом деле была дамой высшего света, в самом лучшем смысле этого слова.

Ее новые привилегии, казалось, придавали ей необычную элегантность и оживленность, и следует добавить, что к Новому году ожидали еще одного незаконнорожденного королевского отпрыска. Двор становился все оживленнее и непринужденнее, хотя дворцовый этикет по-прежнему строго соблюдался. Это был тот день, когда простолюдинов допускали смотреть, как обедает король. Те, кто получал это право, медленно проходили по залу, во все глаза разглядывая своего сюзерена.

Не в меньшей степени они восхищались Филиппом, герцогом Анжуйским, прибывшим в Париж в сентябре с «Младшей Мадам» — принцессой Мари-Терезой, десяти месяцев отроду, которая также являлась членом королевской семьи.

Они восхищались и мадам де Монтеспан, такой красивой, такой обаятельной и та. кой шлюхой!

Ремесленники, купцы, лавочники с покрасневшими от холода носами, закутанные в теплые пальто, возвращались в Париж, гордые тем, что им довелось лицезреть своего монарха и его прелестную любовницу.

Уже под самый конец трапезы Анжелика перехватила взгляд Флоримона, который с чувством собственного достоинства исполнял свои обязанности. По окончании обеда все направились в залу Мира, и здесь Флоримон подошел к своей матери.

— Вы видели, мама? Правда, я хорошо справляюсь со своими обязанностями? До этого мне разрешали только держать поднос, а теперь я ношу кувшин и пробую вино. Ну разве это не чудесно? Если кто-нибудь захочет отравить короля, то я отдам за него свою жизнь!

Анжелика поздравила сына со столь быстрым продвижением. Дюшес сказал, что он очень доволен Флоримонем. Хотя Флоримон был самый

юный из пажей, но он был самым умным, обладал хорошей памятью, врожденным тактом и чувством собственного достоинства.

Словом, он был настоящим придворным. К сожалению, столь быстрое продвижение по королевской службе лишило его возможности быть товарищем по играм юного дофина.

Монтасье сама сказала об этом королю и теперь он и главный виночерпий обсуждали как раз эту тему — сможет ли Флоримон справляться с обеими обязанностями.

— Это слишком много для него, — запротестовала Анжелика, — ему еще надо учиться!

— К черту эту латынь! Разреши, мамочка, разреши!

Она, улыбнувшись, покачала головой и сказала, что подумает еще.

Впервые за прошедшие полгода она видела сына так близко. Правда, он дважды заезжал в Пуату. Он явно похорошел. Может, чересчур худощав, но ведь он, как и все другие, ел на скорую руку, когда придется, вечно недосыпал.

Он все еще был в трауре по отчиму и брату. Обратив внимание на одинаковый черный цвет их одежд, отражавшихся в роскошном зеркале, Анжелика погрузилась в мысли, вспомнив, что она вдова, а сын ее — сирота.

«Версаль будет ждать вас», — вспомнила она слова короля. Нет, никто не ждет ее здесь. Уже через пару недель после ее отъезда о ней забыли — умы придворных были заняты положением мадам де Монтеспан.

Анжелика огляделась с чувством досады и разочарования. Ей показалось, что сейчас она должна увидеть самого стройного и красивого из всех придворных, в бархатной шляпе с белым плюмажем — маршала Франции Филиппа дю Плесси де Белльер.

Но нет, он навеки в земле, и она его больше никогда не увидит.

Флоримон куда-то убежал, разыскивая гадкую собачонку принцессы Генриетты. Вышла королева и села рядом с королем. А подле них, образуя полукруг, расселись принцессы и принцы крови, а также придворные дамы и кавалеры, имеющие привилегию сидеть.

Мадемуазель де ла Вальер сидела на одном краю, мадам де Монтеспан — на другом. Лакеи начали разносить бокалы с ликерами и настойками. И вдруг раздался голос короля:

— Месье де Жевре, — обратился он к главному дворецкому, — будьте так любезны, принесите стул для мадам дю Плесси де Белльер.

Все разговоры в зале на одно мгновение смолкли, и головы присутствующих повернулись к Анжелике. Та сделала шаг вперед, низко поклонилась и заняла место рядом с де ла Вальер. Когда она брала бокал с

вишневой настойкой, ее рука заметно дрожала.

— Ну вот, наконец-то вы удостоились этой «божественной» чести — сидеть за королевским столом, — такими словами встретила Анжелику мадам де Севинье. — Ах, это чудесно. Все только и говорят об этом.

И она крепко расцеловала Анжелику. Мадам де Севинье прибыла в Версаль на представление новой пьесы Мольера.

— Завтра еще одна пьеса, а потом бал. А еще через день... я, право, не знаю всей программы, но мы останемся в Версале, по крайней мере, неделю. Вы знаете, что говорят при дворе? Что на этом настаивает де Монтеспан. Она ненавидит Сен-Жермен. Кстати, что она сказала по поводу вашего стула за королевским столом?

— Честное слово, не знаю.

— Думаю, что она была готова испепелить вас.

— В эту минуту я не смотрела на нее.

— Могу себе представить ваше состояние. Но если бы вы тогда взглянули на нее, то уверена, что вы испытали бы двойное удовольствие.

— Никогда бы не подумала, что вы — такое чудовище, — рассмеялась Анжелика.

— И я тоже, — в тон ей ответила мадам де Севинье.

Они протиснулись в узкие двери театра и пошли искать себе места.

— Давайте сядем рядом, — попросила Анжелика, — после спектакля я хотела бы поехать в Париж вместе с вами. Мы поболтаем, я так устала от вынужденного шестимесячного молчания.

— Вы с ума сошли! Вам нельзя уезжать из Версаля. Вы должны теперь присутствовать за королевским столом все время, пока Его Величество здесь.

В дверях возникла какая-то суматоха, и вот появилась мадам де Монтеспан.

— Посмотрите-ка кто пришел, — шепнула мадам де Севинье, — она просто великолепна. Наконец-то Версаль имеет подлинно королевскую любовницу, которую можно поставить в один ряд с Габриэлой де Эстре — любовницей Генриха IV и Дианой де Путье — любовницей Генриха II.

Они занимались политикой, покровительствовали искусству, а, главное, могли покорять мужчин, даже королей. Во время их правления Франция знала веселые деньки.

— Так почему же вы хотите, чтобы я заняла место мадам де Монтеспан?

— Потому что мне жаль короля, — де Севинье закрыла веер и

вздохнула. — У вас есть все то же, что и у нее, и сверх того, то, чего у нее нет. Быть может, это и придает вам силы.

В это время подняли занавес. Но Анжелику мало интересовало происходящее на сцене. Она обдумывала слова мадам де Севинье. Жаль короля? А было ли это чувство знакомо самому королю? Пожалел ли он когда-нибудь, например, мадемуазель де ла Вальер, которая сейчас выглядела еще более худой и печальной, чем обычно.

Король заставлял ее, как всегда, появляться на всех приемах, то есть присутствовать при триумфе соперницы, а это граничило с проявлением жестокости.

Атенаис в открытую третировала де ла Вальер. Анжелика сама слышала, как она обратилась к Луизе:

— Луиза, милочка, помогите мне приколоть бант. Король ждет меня, а я не хочу опаздывать.

Это было жестоко и цинично. Бедная девочка повиновалась ей.

Что ждала она от такого самоуничижения? Неужели она надеялась таким способом вернуть человека, которого она обожала? Нет, на это было непохоже. Досужие сплетницы утверждали, что она уже не раз просила у короля разрешения удалиться в монастырь, но король был глух к ее просьбам.

Анжелика наклонилась к мадам де Севинье и шепнула:

— А почему бы королю не разрешить де ла Вальер покинуть двор?

Мадам де Севинье уже всю была захвачена «Тартюфом». Однако она шепнула в ответ:

— Из-за маркиза де Монтеспан. Луиза нужна для отвода глаз ее мужа. Пока она здесь, можно утверждать, что все сплетни о мадам де Монтеспан не более чем пустая болтовня.

Анжелика кивнула головой в знак согласия и принялась наблюдать за происходящим на сцене. Мольер, как всегда, остроумен. Но все равно Анжелика не могла понять, почему Солиньяк и другие высокопоставленные члены Братства Святого Причастия не переносят пьес драматурга.

Король, напротив, был не согласен с ними, так как понимал, что истинный дух церкви не подвергался осмеянию. Он видел, что мишенью комедии являлись фанатики, которые далеко не были украшением церкви и человечества. И, будучи верным христианином, король первый смеялся удачным шуткам.

Приверженцам Братства ничего не оставалось иного, как кисло улыбаться вслед за монархом. Но битва за «Тартюфа» была далеко еще не

закончена.

Но все-таки король, королева и все их родственники были на стороне Мольера, и по окончании спектакля в зале долго гремели аплодисменты.

В своих апартаментах Анжелика увидела служанок — Терезу и Жавотту, которые разжигали в камине огонь. Надпись «Оставлено для...» все еще была на двери.

«Следует ли мне пойти поблагодарить короля? — размышляла маркиза, — или дождаться, когда он первый заговорит со мной?»

Она воспользовалась услугами девушек, чтобы снять свое черное платье и одеть светло-серое, расшитое серебром, что более подходило к предстоящему обеду. В дверь постучали, и вошла мадемуазель де Бриен в состоянии крайнего возбуждения.

— Я так и знала, что старик-алхимик поможет вам обзавестись местом за королевским столом. О, пожалуйста, прошу вас, научите меня, что пообещать ему, чтобы он помог мне тоже? Как он все это проделывает? Он дал вам порошок? И каков он на вкус?

Казалось, она совершенно потеряла голову. Анжелика, как могла стала ее успокаивать.

— Успокойтесь, — Анжелика дотронулась до ее плеча. — Ничего он мне не давал. Я не видела его, я же только что вернулась из провинции.

— Тогда это была старуха ля Вуазин? Про нее тоже говорят, что она могущественная колдунья. Но я не осмеливаюсь пойти к ней. Я очень боюсь проклятия. Но если нет никакого другого способа... Скажите, что она сделала для вас? Неужели правда, что нужно резать новорожденного ребенка и выпить его крови? — Не говорите глупостей, моя милая, вы меня утомили. Повторяю вам, что я не имела дел с колдунами, во всяком случае, для поручения этого места.

Король раздает милости по своей доброй воле тем, кого он считает достойным награды, без всякой связи с черной магией. Мадемуазель закусила губу, но все же стала дальше развивать Ивою теорию.

— Все не так просто. У короля сильная натура, и никто не в Достоянии заставить сделать его по-своему. Только вмешательство потусторонних сил может подействовать на него. Взгляните только на мадам де Монтеспан, как она этого добилась...

— Мадам де Монтеспан может вскружить голову любому мужчине. И в этом нет ничего волшебного.

— Но она не справилась с персидским послом, — возразила девушка. — Похоже, что он так и вернется в Персию, не будучи принят королем. А это будет ужасно.

Анжелика тут же вспомнила о письме Кольбера и, узнав, где остановился Бактриари Бей, решила тут же навестить его. Она подумала, что успеет вернуться к полудню, если поедет пораньше с утра. Король не сможет заметить ее отсутствие, если она вернется ко времени его прогулки по саду.

На следующее утро она позвала Мальбрана, двух лакеев, кучера, затем добавила Флино, чтобы увеличить свою свиту и произвести благоприятное впечатление на персидского посланника. Ее экспорт в бледно-желтых и голубых ливреях скакал на черных лошадях. Сама же она отправилась на любимой Церере.

— Я слышал, что он подарил королеве ожерелье из 106 жемчужин, — сказал Флино.

Анжелика подозрительно посмотрела на него.

— Уйми свой зуд и постарайся сидеть на лошади как подобает. Флино никогда не изучал науку, верховой езды, и поэтому он ерзал на лошади, стараясь сохранить равновесие, а остальные потешались над ним.

— Посмотрите-ка, что там впереди? — неожиданно" воскликнул Флино.

Они ехали по дороге, ведущей из Парижа на запад. И вот на перекрестке они увидели толпу и возвышающуюся над ней стражу с пиками.

— Мне кажется, там идет казнь, — продолжал зоркий Флино. — Они собираются распять беднягу на колесе.

Анжелика тоже увидела священника в черном, палача и его помощника в красных плащах, стоящих рядом с деревом, голые ветви которого резко выделялись на фоне угрюмого свинцового неба.

Казни такого вида частенько производили в окрестностях Парижа, чтобы избежать скопления черни, как это бывало во время экзекуций на Гревской площади. Но это не спасало от многочисленной толпы окрестных крестьян. Колесо как орудие казни было завезено из Германии еще в прошлом столетии. Осужденного привязывали к спицам колеса так, что его руки и ноги были растянуты наподобие андреевского креста. И палач крошил их ломом.

— Мы не опоздали, — обрадовался Флино. — Они только начали бить его по ногам.

Но хозяйка разочаровала его. Она приказала галопом промчаться мимо ужасного места, чтобы не видеть страданий несчастного, 4 но для этого им пришлось перемахнуть через засыпанную снегом канаву. Но тут они услышали громкий голос.

— Стойте, никто не проедет, пока не рассеется толпа! Юный офицер подъехал к ним и поклонился. Это был Миремон которого она знала по Версалю.

— Разрешите мне проехать, сударь. Я должна увидеть его превосходительство персидского посла.

— В таком случае, позвольте мне лично проводить вас, — с поклоном ответил офицер, направляясь к месту казни.

Анжелике пришлось следовать за ним. Офицер довел ее прямо к колесу, откуда раздавались громкие крики и стоны человека, которому дробили кости. Анжелика опустила глаза, чтобы не видеть происходящего. И гут она услышала:

— Ваше превосходительство, позвольте вам представить мадам маркизу дю Плесси де Белльер, которая желает видеть вас.

Маркиза подняла глаза и увидела рядом с собой персидского посла, сидящего верхом на черной лошади.

У Мохаммеда Бактриари Бей были огромные черные глаза в красивом обрамлении бархатных ресниц и бровей и желтоватое лицо с курчавой черной бородой. Его одеяние было подбито горностаем с серебряным поясом и длинными рукавами.

Распахнутое сверху, оно обнажало кольчугу, украшенную серебряной филигранью. С плеча свисал длинный светло-зеленый парчовый плащ, расшитый цветами из жемчуга. На голове его возвышался тюрбан из белого шелка с плюмажем посередине, скрепленный алмазом.

Рядом с ним на лошади сидел его маленький слуга, черный, будто из арабских сказок, на поясе у него висел небольшой золотой кинжал с изумрудом на рукоятке. В свиту посла также входили еще три-четыре рослых перса верхом на лошадях. Посол даже не повернул головы на голос офицера, глаза его были устремлены на колесо, он старался не пропустить ни одного стопа осужденного.

Миремон повторил свое представление еще раз, затем объяснил Анжелике, что посол, видимо, не понимает по-французски. Тут им на помощь пришел человек, на которого Анжелика раньше не обращала внимания. Это был священник в черной сутане и с большим распятием в руках. Он направил лошадь к Бактриари Бео и обратился к нему по-персидски.

Посол обратил к Анжелике пустые, невидящие глаза, но тут же взгляд его потеплел. Анжелика засомневалась, подать ли ему руку для поцелуя, но тут же заметила, что он гладит рукой шею Цереры, словно лаская ее. Он заговорил властным, надменным голосом. Иезуит переводил:

— Сударыня, его превосходительство просит вашего позволения осмотреть зубы вашей лошади. Так он узнает о чистоте породы.

Скрывая досаду, Анжелика ответила, что ее Церера очень нервная и наверняка не захочет, чтобы какой-то незнакомец заглядывал ей в рот. Священник перевел. Перс улыбнулся, встал перед кобылой и что-то тихо и ласково сказал ей.

Животное вздрогнуло, но, тем не менее, открыло рот и позволило осмотреть свои зубы без всяких возражений. Она даже лизнула его украшенную драгоценностями руку, а он в ответ ласково погладил ее по шее.

У Анжелики появилось ощущение, будто ее предали. Она даже забыла о несчастном, воющем на эшафоте. Она явно нервничала и чувствовала себя пристыженной. Перс же, скрестив руки на груди, несколько раз поклонился, что означало знак глубокого почтения.

— Его превосходительство сказал, что это первая лошадь, достойная своего имени, из тех, что он видел с тех пор, как сошел на берег в Марселе. Он хотел бы знать, имеется ли у короля Франции еще хоть одна, подобная этой.

— Даже целая конюшня, — бесстыдно соврала Анжелика. Бей нахмурил брови и сердито заговорил:

— Тогда его превосходительство удивляется, почему король не счел возможным представить ему хотя бы одну приличную лошадь, достойную его ранга посла. Маркиз де Терси, которого ему дали для сопровождения, показался ему каким-то неряхой и оборванцем, и его превосходительство предпочел бы путешествовать без него. И тогда... в Париже... он сказал...

Поток персидских слов лился рекой, переводчик с трудом поспевал переводить.

— Он говорит, что не видел еще ни одной женщины, достойной его... Что ему не дарят подарков. Что за весь месяц пребывания во Франции его никто не посещал. Что те женщины, которых он привез с собой, вовсе не подходят для походов на базар... И он Хочет знать, не означает ли ваш приход, что король Франции опомнился и хочет оказать ему достойное уважение?

Анжелика даже приоткрыла рот от изумления.

— Отец, что за странный вопрос слышу я?

Легкая усмешка пробежала по каменному лицу священника, Хоть и молодого по годам, но уже побывавшего на Ближнем Востоке, что было заметно по его желтоватому лицу.

— Мадам, я понимаю, что мои слова шокируют вас. Но в течение 15

лет я был переводчиком при дворе персидского шаха и, можете мне поверить, я совершенно правильно перевожу слова посла.

И он не без юмора добавил:

— Ив течение этих 15 лет мне приходилось слышать и говорить вещи похуже этих. Но, будьте добры, скажите, что мне ответить послу?

— Скажите ему... я в затруднении. Я прибыла сюда не как официальное лицо и вовсе не по приказу короля, который, похоже, не очень заботится о персидском посланнике.

Лицо иезуита снова приняло каменное выражение.

— Это позор! — пробормотал он.

Он явно колебался. Ему не хотелось дословно переводить слова Анжелики. Но тут несчастная жертва издала дикий вопль и внимание Бея обратилось к осужденному.

За время разговора палач успел раздробить жертве локти, колени и тазовые кости и теперь, связав вместе руки и ноги, пронзил несчастного вертелом, чтобы пригвоздить его к повозке, которая была специально предназначена для этого.

В таком положении осужденный должен был закончить свое существование на диком холоде, да еще и атакованный бесчисленными стаями ворон, уже сидевших на окрестных деревьях.

— Его превосходительство жалуется, что ему не удалось посмотреть заключительную часть казни, — обратился иезуит к Миремону.

— Мне очень жаль, но его превосходительство разговаривало с мадам.

— Вам следовало бы подождать, пока его превосходительство не закончит разговор и не переключит свое внимание на казнь.

— Принесите ему мои извинения и объясните, что во Франции так не поступают.

— Плохое оправдание! — вздохнул священник.

Тем не менее он как смог попытался смягчить гнев посла, как будто это тоже входило в обязанности переводчика. Посланник, успокоившись, остыл, и тут его лицо осветилось радостью, словно он вспомнил решение проблемы, которая его долго мучила. Он что-то сказал, и священник с явной неохотой перевел его слова:

— Его Превосходительство просит вас начать все сначала.

— Что начать сначала?

— Пытки.

— Но это же невозможно, отец. У нас нет больше осужденного.

Священник перевел. Бактриари Бей показал на перса, сидевшего на лошади прямо за ним.

Он сказал, чтобы взяли одного из его стражников. Он настаивает на этом и обещает пожаловаться королю, вашему хозяину, который прикажет обезглавить вас.

Несмотря на холод, на лбу у Миремона проступили капельки пота.

— Но я же не могу этого сделать, отец? Я не могу отправить невинного на смерть.

— Тогда мы скажем ему, что законы вашей страны запрещают нам касаться даже единого волоска на голове чужестранца, кто бы он ни был, пока он считается гостем вашей страны, даже с его согласия.

— Правильно! Ради бога, объясните ему.

Бактриари Бей слегка улыбнулся, но явно с пониманием отнесся к такому щепетильному закону, хотя, конечно, не хотел отказываться от своей затеи.

— А какова цель вашего визита, сударыня?

— Любопытство.

Иезуит скептически усмехнулся.

— Отец, я надеюсь, вы понимаете, что мы мучаем и убиваем человека не ради того, чтобы доставить удовольствие какому-то варвару?

— Конечно. Но я против того недоброжелательства и бестактности, с которыми принимают во Франции персидского посла. Он приехал сюда как друг, а уедет, похоже, как недруг и к тому же враждебно настроит персидского посла к Франции и, что еще хуже, к церкви.

Если это произойдет, то мы, имеющие сейчас на Востоке 20 миссий, не только не сможем увеличить их число, но и потеряем эти. От этого проиграет дело веры. Теперь вы понимаете, почему я так терпелив с этим персом?

— Согласен с вами, святой отец, дело это важное, — согласился Миремон, но каким-то скучным голосом. — Но зачем тогда ему эти новые пытки?

— Посол никогда прежде не видел такого рода пытки. И когда сегодня утром он по своему обыкновению прогуливался, то попал на место казни, и теперь он хочет представить шаху точное описание этого способа. Вот почему он так раздосадован, что пропустил большую часть казни.

— Его превосходительство довольно легкомысленный человек, — улыбнулась Анжелика. — Но, должна признаться, я восхищена его смелостью.

Воцарилось тягостное молчание.

— Его превосходительство удивлен, — стал переводить иезуит, — но он считает, что иногда женщина более остроумна, чем мужчина, и он хотел

бы знать, что она имеет в виду? Пусть она выскажется.

— Так вот, не кажется ли его превосходительству, что шах Шахов вдруг решит, что этот изысканный способ пыток будет пригоден только для высокой знати? И ему может прийти в голову мысль, что самым достойным объектом для этого нового способа будет его превосходительство, особенно, если миссия здесь окажется не столь успешной?..

Как только иезуит перевел, лицо посла озарилось радостью. К великому облегчению присутствующих, он рассмеялся.

— Маленькая колдунья! — воскликнул он и, скрестив руки на груди, несколько раз поклонился Анжелике.

— Он говорит, что ваш совет достоин Зороастра. Он отказывается от мысли передавать своему повелителю этот новый вид пытки... в его стране достаточно и старых, испытанных методов. И он просит вас посетить его резиденцию.

Мохаммед Бактриари Бей возглавил кавалькаду. Он мигом изменился, стал до неузнаваемости галантным и все внимание уделял Анжелике, расточая ей комплименты.

Анжелике было странно слышать из тонких уст монаха такие слова как «нежная газель Кашана», «роза исфахана» и даже «лилия Версаля».

Вскоре они прибыли во временную резиденцию персидского посла, который все еще ожидал официального представления в Париже и Версале. Бактриари Бей извинился за скромные апартаменты, где уже распорядился построить турецкую баню, чтобы совершать ритуальные омовения. Отсутствие таких бань в Париже страшно его удивило.

На поднятый их приездом шум явилось несколько персов-слуг с кривыми саблями и кинжалами. За ними появились два француза, один из которых, с высоким париком, видимо, компенсирующим его малый рост, ехидно сказал:

— Еще одна потаскуха! Надеюсь, отец Ришар, вы не будете долго задерживать эту шлюху. Месье Дионис не хочет, чтобы порочилось доброе имя этого дома.

— Я вовсе не говорил этого, — запротестовал другой француз. — Я понимаю, что его превосходительству нужно развлекаться.

— Но уж если его превосходительству нужно развлечения такого сорта, то ему надо отправиться в Версаль.

Тут иезуиту удалось вставить слово, и он представил Анжелику. На лице маленького человека в высоком парике отразились все цвета радуги.

— Простите, сударыня. Моя фамилия Сент-Амен. Я из протокольного

отдела министерства иностранных дел и приставлен королем к послу. Пожалуйста, простите мою бестактность!

— Вы прощены, Сент-Амен. Я понимаю, что мое появление здесь должно было смутить вас.

В это время подошедший Бактриари Бей обхватил Анжелику за талию и повел в дом. Сопровождаемые слугами, они прошли через вестибюль, украшенный мозаикой, потом еще одну комнату.

У Флино округлились глаза, когда он увидел богатейшие ковры, красивейшие занавеси с тяжелыми кистями, роскошные портьеры. Мебель из драгоценных пород дерева, восточные вазы, кубки из голубого фаянса дополняли декор комнаты.

Посол уселся на ковер, скрестив ноги, и пригласил Анжелику сделать то же самое.

— Неужели это в обычаях Франции, — неожиданно спросил — ссориться в присутствии слуг? — по-французски говорил он медленно, но правильно.

— Как, вы говорите по-французски, ваше превосходительство?

— Я слушал ваш язык в течение двух месяцев — этого достаточно, чтобы выучить его. Но я научился только ссориться и оскорблять. И я очень жалею об этом, ибо для беседы с вами я хотел бы научиться совсем другим словам.

Анжелика рассмеялась. Бактриари Бей с изумлением смотрел на нее.

— Смех ваш журчит, как ручеек в пустыне. Потом они замолчали, как будто почувствовали себя в чем-то виноватыми. К ним присоединился Сент-Амен и священник. Посол вновь перешел на персидский язык и потребовал подавать угощения.

Появились слуги с серебряными подносами и разлили по маленьким хрустальным чашечкам какой-то темный напиток с дурманящим запахом.

— Что это? — спросила Анжелика, с беспокойством глядя на поднос.

Сент-Амен одним глотком выпил содержимое чашки и, сделав страшное лицо, ответил Анжелике:

— Кофе — так он называется. Я глотаю эту гадость десять дней подряд и все для того, чтобы проявить нашу хваленую любезность. И сейчас мне становится нехорошо от одного его вида.

Сознание того, что посол понимает по-французски, смутило Анжелику. Но Бактриари Бей не выразил никакого раздражения. Он жестом обратил внимание Анжелики на хрустальные чашечки и фарфоровые кувшины, расписанные ляпис-лазурью, потрескавшиеся от времени.

— Эти предметы дошли до нас со времен царя Дария, — перевел отец Ришар. — Секрет лазури ныне утерян. Большинство же дворцов в Исфакане покрыто именно ею, но с тех пор прошли тысячелетия, а новые мастера не так искусны. Это же относится к золотым и серебряным изделиям, которые вам хорошо известны.

— Если его превосходительство так интересуется предметами искусства, то он получил бы большое удовольствие от Версаля. У нашего короля хороший вкус, и он окружил себя чудесными изделиями.

Посла очень заинтересовали слова маркизы, и он засыпал ее вопросами. Анжелика как могла описала персу великолепный дворец с бесчисленными, оправленными в золото зеркалами, со всевозможными произведениями искусства, с изделиями из серебра, равных которым нет на свете всем. Посол был изумлен и через отца Ришара выразил упрек Сент-Амену за то, что тот еще не ознакомил его с этим великолепием.

— Да разве в этом дело? Величие короля Франции исчисляется не роскошью его дворцов, а его славой. Красивые безделушки могут занимать лишь детские умы.

— Для дипломата вы, кажется, забыли, что имеете дело с представителем Древнего Востока, — сухо сказал иезуит. — Во всяком случае, маркиза несколькими словами оказала Франции большую услугу, чем вы за десять дней.

— Так, так! Уж если вы, человек духовного сана, так носитесь с этим владельцем гарема, то мне, представителю дворянства, не о чем с вами разговаривать. Я удаляюсь.

С этими ядовитыми словами Сент-Амен вышел. Вслед за ним удалился и священник.

Мохаммед широко ей улыбнулся, так что на его лице сверкнули белоснежные зубы на смуглом лице.

— Отец Ришар знает, что мне не нужен переводчик для разговоров с дамой. — Он поднес ко рту трубку и, пуская клубы дыма, не спускал глаз с Анжелики.

— Мой астролог говорил мне... что среда — это мой день... И вот вы пришли... Скажу вам... мне нелегко в этой стране. Ваши обычаи кошмарны и перепутаны для меня...

Он приказал слуге принести им щербета, фруктов и халву. Анжелика осторожно заметила, что не понимает, отчего его превосходительству так тяжело во Франции. И что такого необычного во французских обычаях?

— Эти... феллахи... или, как вы их называете... обрабатывающие землю...

— Крестьяне?

— Да, да, они. Они глазеют на меня и не думают кланяться. Какая наглость! Ни один не коснулся лбом земли. Наверное, ваш король хочет, чтобы я приехал к нему как преступник... в повозке и со стражей по бокам. И этот маленький человек, который сказал мне:

«Торопитесь, мы поедem в Версаль!» — будто я ишак, которого нужно подгонять. А я бы, в знак уважения к вашему монарху, вовсе не стал торопиться... Но почему вы смеетесь, милая Фирюза, вы, чьи глаза блестят ярче драгоценных из драгоценнейших камней?

Она попыталась объяснить ему, что во Франции не принято падать ниц ни перед кем, что мужчины кланяются, а женщины делают реверанс. И она тут же продемонстрировала свое искусство к удовольствию перса.

— Понимаю... похоже на танец... неторопливый и ритуальный. Мне очень нравится. Я обязательно научу своих жен таким же поклонам. Все-таки король подумал обо мне, раз послал вас. Вы первый человек во Франции, который развлек меня... Французы очень скучные люди.

— Скучные!? — Анжелика искренне возмутилась. — Ваше превосходительство ошибается. Французы слывут очень веселыми и жизнерадостными людьми.

Анжелика собиралась прощаться, и разочарование посла было очевидным. Она прибегла к всякого рода объяснениям и метафорам, дабы он понял, что женщина во Франции занимает определенное положение в обществе, что она не рабыня и не проститутка и что любовь женщины нужно заслужить.

— Наши персидские поэты сумели воспеть любовь, — сказал посол. — Великий поэт древности, Саади, писал так:

*Если в рай после смерти меня поведут без тебя, —
Я закрою глаза, чтобы светлого рая не видеть.
Ведь в раю без тебя мне придется гореть, как в аду.
Нет, Аллах не захочет меня так жестоко обидеть!*

— Как вы полагаете, можно ли такими речами... покорить сердце женщины во Франции? Вас я буду называть Фирюза-ханум... мадам Бирюза... приятнейший из всех драгоценных камней, эмблема древней мидии в Персии. А в нашей стране самый любимый цвет — голубой.

И, прежде чем она смогла вымолвить слово, он снял с мизинца массивное кольцо и надел ей на указательный палец.

— Мадам Бирюза... это выражение моего восхищения, которое

охватывает меня, когда я смотрю в ваши глаза. Этот камень обладает способностью менять свой цвет, если человек, который носит его, начинает лгать.

Он повернулся к ней с ласковой и немного насмешливой улыбкой, которая очаровала ее. Она не могла отказаться от подарка и только бессвязно бормотала слова благодарности, глядя на сверкающий на своей руке камень.

Шурша шелковыми тканями, поднялся со своего места Бактриари Бей. Его движения напоминали кошачьи — ловкие, полные скрытой силы, выдававшие в нем искусного наездника и атлета.

— Вы научитесь персидскому языку быстро... очень быстро, очень быстро... Скажите, а много ли при дворе короля Франции таких красавиц, как вы?

— Столько, сколько волн в океане. Анжелика порывалась уйти.

— Я должен отпустить вас, — заговорил посол, — раз уж в вашей стране существует такой странный обычай — посылать подарки, а потом забирать их обратно. И почему только король Франции так обращается со мной? Шах Персии очень могуществен! Он может изгнать из страны всех французских подданных и закрыть все Двадцать миссий.

Он может отказаться продавать вам шелк. А где же еще ваш король сможет найти шелк такого качества, как наш?

Такие тутовые деревья с белыми ягодами растут лишь в Персии, и только ими будут выкармливать шелковичных гусениц, способных вырабатывать тончайший шелк. В других странах растут шелковицы лишь с красными деревьями, и мы согласны заключить с вами договор.

Расскажите обо всем, что вы услышали, королю Франции. А сейчас я иду посоветоваться со своим астрологом. Идемте!

Глава 17

Иезуит и два француза ожидали в вестибюле. Бактриари Бей прошел мимо них, но вскоре вернулся с безбородым стариком, на голове которого был тюрбан со звездами Зодиака, и с чернобровым юношей, отличительной чертой у которого был невообразимо большой нос. Юноша бегло говорил по-французски.

— Меня зовут Агобян. Я армянский католик и купец, друг и поверенный его превосходительства. А это его духовный наставник и астролог — Хаджи Сефид.

Анжелика шагнула вперед, намереваясь сделать реверанс, но остановилась, увидев, что астролог отпрянул и забормотал что-то по-персидски, повторяя «ниджес», что означало «нечистая».

— Сударыня, вам не следует приближаться к нашему почтенному исповеднику. Он очень праведен во всем, что касается женщин. И он пришел с нами лишь для того, чтобы осмотреть вашу лошадь и узнать, нет ли тут какой-нибудь связи с неблагоприятным расположением светил.

Астролог был очень худ — кожа да кости, обернутые в полотняный кафтан, подпоясанный металлическим поясом. Его ногти были длинными и окрашенными в ярко-красный цвет, такого цвета были ногти и на ногах, обутых в деревянные сандалии.

Казалось, он не ощущал ни снега, ни холода, когда они шли по саду, направляясь к конюшне.

— Каким секретом вы владеете, что не ощущаете холода? — спросила Анжелика.

Старик закрыл глаза и ничего не ответил. Затем вдруг неожиданно молодым и мелодичным голосом произнес несколько фраз. Армянин перевел:

— Наш астролог говорит, что секрет очень прост. Необходимо полное воздержание от всех земных удовольствий. Он отвечает вам, хотя вы и женщина, только потому, что вы не приносите зла. Тем не менее, ваша лошадь находится под подозрением. Хотя это и странно, ибо нынешний месяц — время для этого необычное.

Покачивая головой, старик обошел вокруг лошади, в то время как все остальные в молчании стояли поодаль, чтобы не мешать его наблюдениям. Затем он снова заговорил. Агобян переводил:

— Самый несчастливый месяц может оказаться благоприятным для

того, кто искренне молится и кому благоволят звезды. Всевышний принимает молитвы страждущих. Старик говорит, что печали ложатся не морщинами на лице, а шрамами на сердце. Вы на пути спасения...

Едва астролог пробормотал эти слова, как лицо его внезапно изменило свое выражение. Густые брови нахмурились, бледные глаза засверкали. На лице всех персов мгновенно отразилось то же выражение гнева.

— Он говорит, — воскликнул армянин, — что среди нас змея, которая воспользовалась гостеприимством, чтобы украсть... Кривой палец старика с ярко-красным ногтем вытянулся прямо перед — Флино! — в ужасе закричала Анжелика.

Но двое охранников уже схватили юношу и швырнули его на колени. Из его кармана выкатились три драгоценных камня — изумруд и два рубина.

— Флино! — в отчаянии повторяла Анжелика.

Хриплым голосом посол выкрикнул какие-то слова и схватился за кривую саблю, висевшую у пояса.

Анжелика бросилась к нему.

— Что вы собираетесь сделать? О отец, вмешайтесь, прошу вас! Не может же его превосходительство отрубить мальчику голову.

— В Исфахане это было уже сделано, — холодно заметил иезуит. — И, памятуя о собственной безопасности, я не советую вмешиваться. Это будет расценено как оскорбление. Его превосходительство все равно никогда не поймет, почему он не может наказать воришку, так как он того заслуживает.

Тем не менее он попытался смягчить гнев посла, в то время как Анжелика боролась с охранниками, которые пытались увести ее отсюда, а трое других держали Мальбрана, который успел обнажить шпагу.

— Его превосходительство смягчился и сказал, что согласен, чтобы вору отрубили только язык и руки, — перевел армянин.

— Его превосходительство не имеет права наказывать моего слугу. Мальчик принадлежит мне. И только я могу решить, как его наказать.

Бактриари Бей обратил на нее свой взгляд, который несколько смягчился.

— Его превосходительство желает знать, какого наказания он, по-вашему, заслуживает?

— Я... я дам ему 27 ударов плетью.

Посол, казалось, задумался, потом издал какое-то утробное рычание, круто развернулся и поспешил в дом.

Слуги молча вывели всех французов вместе с дрожащим о? страха

Флино из сада и захлопнули за ними ворота.

— Где же наши лошади? — спросила Анжелика.

— Их захватили эти проклятые турки, — ответил Мальбран, — и мне кажется, что они не собираются возвращать их нам.

— Тогда нам придется идти домой пешком, — сказал один из лакеев.

Анжелика как убитая проспала до 10 часов утра. В дверь постучали.

— Мадам, вас хотят видеть.

— Я никого не принимаю. Открыв глаза, она увидела Жавотту.

— Мадам, — говорила бледная, как смерть, служанка, — там два офицера, и они требуют, чтобы я подняла вас.

«Неважно, как вы это сделаете», — сказал один из них.

— Пусть подождут... я встаю.

— Мадам, — дрожащим голосом сказала служанка, — я боюсь. Похоже на то, что вас хотят арестовать.

— Арестовать? Меня?

— Они приказали подать вам экипаж и выставили стражу у всех дверей.

Анжелика поднялась, пытаясь собраться с мыслями. Чего они от нее хотят? Прошло то время, когда это могла быть одна из штучек Филиппа. Одна лишь ночь минула с тех пор, как король облагодетельствовал ее местом за столом... Что же могло произойти?

Она торопливо оделась и вышла к офицерам, пытаясь скрыть зевоту. Ей вручили письмо. Почему же так дрожали руки ее, когда она ломала печать?

Жавотта не ошиблась. Казенным слогом ей предписывалось следовать за подателем сего приказа. В конце письма была приложена королевская печать.

— Кто дал вам это письмо?

— Наш старший начальник.

— И что мне следует делать?

— Следовать за нами, мадам.

Анжелика повернулась к своим слугам, которые стояли возле них полукругом. Она приказала Мальбрану, Роджеру и трем другим слугам оседлать лошадей и следовать за ней.

Но тут вмешался офицер.

— Простите, сударыня, но король приказал привезти вас одну. Сердце Анжелики забилося.

— Так я арестована?

— Не знаю, сударыня. У меня приказ привезти вас в Сен-Манде.

Анжелика уселась в экипаж, мучительно раздумывая, что это за место — Сен-Манде? Монастырь ли это, куда ее поместят, чтобы прервать все ее связи со светом? Выберется ли она когда-нибудь оттуда? Что будет с Флоримоном? Сен-Манде! И тут ее осенило, что это то самое Сен-Манде, которое построил бывший министр финансов Фуке. Она с облегчением вздохнула, что после ареста Фуке король отдал все его поместья Кольберу.

Кто, в самом деле, может стоять за этими событиями как не Кольбер? Конечно, это довольно странный способ приглашать к себе даму, и она решила, что выскажет ему это соображение. Но тут она снова забеспокоилась. Она успела повидать немало странных и необъяснимых арестов. Иногда жертвы репрессий появлялись вновь, улыбающиеся после потрясений, перенесенных ими, но уже лишенные состояний и поместий.

Анжелика вспомнила, что она ничего не сделала, чтобы обезопасить свое состояние.

«Это послужит мне уроком, — подумала она. — Если я выберусь из этой передряги, то буду более осторожна в будущем». Карета, помесив грязь парижских улиц, выбралась наконец она подмороженную широкую дорогу предместья и покатила быстрее. Голые, обледеневшие дубы по обочинам дороги означали, что они въезжают в Венсенн. Наконец справа показалась бывшая резиденция Фуке.

Несмотря на зимний холод, внутренний двор замка гудел, как улей. Все вокруг было перекопано. Балки и доски свалены кучей у стены, из которой торчали свинцовые трубы. Анжелике пришлось поднять юбки, когда она перебиралась через кучу труб, загораживающих вход в дом. Форейтор подал ей руку, помогая перелезть через это нагромождение.

— Какого черта Кольбер здесь все раскопал? — спросила она его.

— Месье Кольбер собирается сделать из этих свинцовых труб несколько тысяч ливров, — ответил тот.

— Мадам запрещено разговаривать, — вмешался офицер.

— В разговорах о строительстве нет ничего запрещенного, — протестовала Анжелика. Она решила не пугаться этого приключения.

Теперь, когда она знала, что ей предстоят переговоры с Кольбером, она перестала бояться. Внутри дома тоже были следы разрушений. Рабочие сдирали с потолка превосходную лепку работы Ле Брюна.

Анжелике не понравился этот вандализм, но она решила не высказывать вслух своего недовольствия. Ей нужно было сохранять спокойствие и собранность.

Ее вели по левому крылу замка. Новый хозяин распорядился убрать

следы «бесстыдной экстравагантности» Фуке. Остались лишь голые стены, которые вовсе не походили на мраморные залы, которыми так гордился прежний министр.

Пройдя длинный коридор, Анжелика увидела, что находится в приемной, которая раньше предназначалась для приема бедных. Теперь же здесь собирался весь цвет Франции. Новый министр сделал Сен-Манде своей резиденцией, и все, кто имел к нему просьбы, должны были стоически ожидать в этих ободренных залах.

Анжелика заметила здесь мадам де Шуази, мадам де Гамаш, красавицу баронессу, шотландку Гордон-Хантли, которая состояла в свите герцогини Генриетты, и Луизу де ла Вальер, которая сделала вид, что не замечает ее.

Принц Конде сидел рядом с де Солиньяком. Заметив Анжелику, он поднялся, чтобы приветствовать ее, но Солиньяк дернул его назад, прошептав что-то на ухо. Принц отмахнулся, встал и, прихрамывая, направился к ней.

— Мадам маркизе не разрешено разговаривать, — повторил ее страж.

Чтобы избежать конфликта с принцем, Анжелику отвели в маленькую прихожую, несмотря на возражения придворных, которые полагали, что она попадет к министру раньше их.

В этом помещении не было никого, кроме просителя, которого она раньше при дворе никогда не видела. Судя по всему, он был иностранец, возможно даже перс, судя по цвету лица и блеску черных азиатских глаз.

Одет он был по-европейски, сверху на нем был накинут поношенный плащ. Но красные кожаные сапоги с золотыми пряжками и фетровая феска, опушенная белой овечьей шерстью, выдавали в нем иностранца.

Он поднялся и поклонился вошедшей даме, не показывая своего удивления, что она в сопровождении стражи. Затем он обратился к ней и сказал, что пропустит ее впереди себя, ибо такой очаровательной женщине не подобает ждать больше, чем это необходимо, в таком мрачном месте.

Говорил он по-французски правильно, только «р» немного картавил. Старший офицер вмешался в разговор и, обратившись к иностранцу, сказал:

— Мадам, конечно, тронута вашим предложением и чувствует себя обязанной, но, сударь, не забывайте, что король ждет вас в Версале. И, на вашем бы месте, я бы, напротив, попросил мадам быть настолько любезной, чтобы пропустить вперед вас.

Иностранец, казалось, не слышал, что ему говорили. Он улыбался и неотрывно смотрел на Анжелику, так что та даже смутилась. Она не так

была удивлена бестактностью офицера, как тем вниманием, которое оказывал ей незнакомец. Кем бы он ни был, по крайней мере, он был любезен.

Анжелика напрягала слух, пытаясь по голосу определить, кто находится в кабинете министра. Дело в том, что после реконструкции двери в кабинет закрывались неплотно. По тону разговора она поняла, что аудиенция заканчивалась.

— И не забывайте, месье Гурвиль, что вы будете тайным представителем Франции в Португалии, — закончил Кольбер.

«Гурвиль, — подумала Анжелика, — но не он ли был приверженцем смещенного и осужденного министра?»

Мужчина, чье лицо было скрыто маской, показался в дверях, сопровождаемый самим министром. Проходя мимо нее, он слегка поклонился.

Кольбер нахмурился. Некоторое время он раздумывал, кого пригласить к себе — иностранца или Анжелику, но когда незнакомец сделал шаг в сторону, Кольбер заулыбался, пригласил Анжелику войти и закрыл дверь.

Подвинув ей кресло, министр уселся сам с непроницаемым выражением лица. Анжелика вспомнила его прозвище Месье Северный Полюс и улыбнулась. Кольбер подскочил так, будто беспечность Анжелики вывела его из себя.

— Сударыня, потрудитесь объяснить мне, зачем вы нанесли визит Бактриари Бею, персидскому послу во Франции?

— Кто вам сказал об этом?

— Король.

Он взял с конторки письмо и с раздражением принялся вертеть его в руках.

— И вот сегодня утром я получил приказ короля немедленно доставить вас сюда и выслушать ваши объяснения.

— У Его Величества способные шпионы.

— За это им платят! — вспыхнул Кольбер. — Ну, так что же вы мне ответите? Что же заставило вас посетить персидского посла?

— Простое любопытство. Кольбер откашлялся.

— Давайте попытаемся понять друг друга, сударыня. Это очень серьезное дело. Отношения между нашими государствами в данный момент таковы, что любой, кто посещает этих невыносимых людей, будь то мужчина или женщина, может рассматриваться как предатель.

— Какая глупость! Бактриари Бей, по, моему мнению, очень хочет

увидеться с нашим монархом и осмотреть красоты Версаля.

— А по-моему, он хочет уехать из Франции, даже не представив своих верительных грамот.

— Он хотел это сделать уже давно. Но он страдает от отсутствия такта со стороны тех, что его окружает — Терси, Сент-Амена и других...

— Вы слишком легковесно говорите об опытных дипломатах. По-вашему они не знают своих обязанностей?

— Они совершенно ничего не знают о Персии, это наверняка. А Бактриари Бей показался мне человеком, который искренне хочет выполнить свою миссию.

— Тогда почему же он отказался предъявить свои верительные грамоты?

— Он считает, что ему не оказывают должного уважения. И что поездка в карете со стражей по бокам кажется ему унижением.

— Но такова церемония представления послов в нашем государстве.

— Только не для него.

— А что ему нужно?

— Проскакать верхом через весь Париж под ливнем из лепестков роз и чтобы все жители падали ниц при его появлении. Министр промолчал.

— Таким образом, вы сами должны решить, как его принимать, — закончила Анжелика.

— Я? — испугался Кольбер. — Я не имею ни малейшего понятия об этикете при дворах восточных владык.

— И я тоже. Но, тем не менее, считаю, что мы можем кое-чем поступиться, дабы не потерять союза с Персией, и постараться заключить соглашения, выгодные Франции.

Кольбер нервно вытер вспотевший лоб.

— Расскажите мне подробности вашего посещения. Анжелика описала ему встречу с Бактриари Беем, не упустив все комические стороны этого визита. Однако министр не улыбнулся даже тогда, когда Анжелика рассказала о желании его превосходительства повторить попытку специально для него.

— Он ничего не говорил о тайной стороне переговоров?

— Ни слова. Он просто упомянул как-то мимоходом, что нашим фабрикам нигде больше не получить такого тонкого шелка, как персидский... О да, он еще говорил о каких-то католических миссиях...

— А не было ли речи о контрдоговорах с арабами или Россией?

Анжелика покачала головой. Министр сидел в глубокой задумчивости.

— В общем, — подытожила Анжелика, — я поработала и за вас, и за

короля.

— Не торопитесь! Вы поспешили и выполнили свою миссию крайне неэффективно.

— Как это так? Я не принадлежу к тем людям, которые обязаны спрашивать у своих повелителей разрешение на посещение других лиц.

— Вот в чем вы ошибаетесь, сударыня. Вы заблуждаетесь, если считаете, что можете поступать как вам заблагорассудится, и чем выше вы стоите, тем больше вам следует быть осмотрительной, чтобы не ошибиться и не сделать опрометчивый шаг. Вы едва избежали ареста...

— А мне показалось, что я уже нахожусь под арестом.

— Нет. Я возьму на себя ответственность за ваше освобождение до тех пор, пока не улажу дело с королем. И, прошу вас, будьте сегодня в Версале. Мне кажется, что король сам захочет выслушать вас. А я скажу ему о том, что вы можете быть полезны нам при следующих переговорах с Бактриари Беем.

Он проводил ее и сказал офицерам:

— Она свободна!

Анжелика была так потрясена и обрадована, что ее вынужденный визит к всеильному министру окончился благополучно, что тут же в приемной в изнеможении опустилась в кресло, не обратив внимания, что место иностранца занял другой посетитель. Она пришла в себя только тогда, когда вновь услышала его раскатистое «р». Он пригласил ее к себе в карету, ибо как раз собирался возвращаться в Париж, и предлагал ей свои услуги.

— Могу ли я узнать ваше имя, сударь? Мне кажется, что я не видела вас раньше при дворе.

— Нет, видели... Это было в тот день, когда Его Величество предложил вам стул. Вы двигались с такой грацией и чувством собственного достоинства, что ваши черные одежды казались упреком этим расфуфыренным попугаям.

— Упреком?

— Может быть, это не совсем подходящее слово, но вы так не походили на остальных дам, так выделялись, что мне хотелось крикнуть:

— Нет! Нет! Заберите ее отсюда!

— Слава богу, что вы этого не сделали.

— Да, — вздохнул он. — С тех пор, как я нахожусь во Франции, я сам не свой. Французы вовсе не такие уж непосредственные. Разум у них берет верх над чувствами.

— Откуда вы сами родом?

— Я принц, Ракоци, и моя родина Венгрия.

Он рассказал Анжелике, что в результате дворцового переворота он был вынужден бежать из своей страны, и через всю Европу он добрался до Франции, где нашел теплый прием.

— Я рада за вас. Но где вы живете во Франции?

— Нигде, сударыня. Я странствую и с нетерпением жду того времени, когда смогу вернуться в свою родную Венгрию.

— А вы не боитесь, что, может быть, вам суждено и умереть здесь, на чужбине?

— Нет. Я вернусь на родину, как только получу помощь от короля. Мне нужна его помощь, чтобы совершить в своей стране революцию. В душе я революционер. Анжелика в изумлении смотрела на него. Это был первый революционер, которого она видела воочию.

— А почему вы думаете, что наш король окажет вам помощь деньгами или еще чем-либо для того, чтобы свергнуть другого короля? Монархи страшно пугаются таких вещей.

— В своей стране — конечно! Но в других странах инсургент порой может стать полезным орудием.

Анжелика задумалась.

«Известно, что Ришелье помогал Кромвелю французскими деньгами и в немалой степени ответственен за то, что Карл I был обезглавлен, хотя он и приходился кузеном королю Франции».

Она высказала это соображение вслух. Иностранец улыбнулся.

— Я не силен в английской истории, но знаю, что в Англии вновь восстановлена власть короля. И у них нет людей, способных совершить революцию. То же и во Франции. Но мы, венгры, самый свободолюбивый народ, и мы готовы к революции.

— Но мы, французы, и так свободны, — запротестовала Анжелика. Тут венгр разразился таким громовым хохотом, что возница замедлил ход и обернулся, потом тряхнул головой и быстрее погнал лошадей.

Перестав смеяться, Ракоци воскликнул;

— И вы считаете себя свободной, когда вас только что под стражей привезли к министру?

— Это была ошибка, — рассердилась Анжелика. — И вы сами видели, что из-под стражи я освобождена.

— Все равно. Так или иначе, они стоят за вашей спиной. Они не отвяжутся от вас до тех пор, пока вы работаете с ними или на них. А это значит, что вы запродали и свою свободу, и свою душу. И если вам захочется освободиться от них, то вы можете только бежать.

— Бежать? Что за нелепая мысль! Я достигла высокого положения и чувствую себя превосходно.

— Это ненадолго, поверьте мне. Это не для вашей прелестной головки.

— А чем она вам не нравится?

— У вас голова ангела-мстителя, которым нельзя повелевать или подчинить своей воле и который держит в руках меч Немезиды. Ваш пронзительный взгляд словно пронзает человека насквозь. Самая глубокая темница не способна погасить блеск ваших глаз.

— В ваших словах есть доля истины, — качнула головой Анжелика с горестной усмешкой. — Я очень капризна, но вам нечего бояться меня. Ошибки молодости обошлись мне очень дорого, но зато я поумнела. Они многому научили меня.

— Научили, как быть рабыней? Вы это имеете в виду?

— Вы бросаетесь в крайность, сударь. Если вы хотите знать мою точку зрения, то на земле нет вообще ни одной совершенной страны. А государство бедных — это идея плачевно закончилась повсюду. Вы же исповедуете, как некий евангелист. Такие заканчивают свою жизнь на кресте. Это не для меня.

— Евангелист должен быть холостым или, по крайней мере, покинуть свое семью. Я же хочу посеять семена свободы. Знаете, о чем я подумал, когда увидел вас? Выходите за меня замуж, и мы уедем отсюда вместе.

Анжелика применила извечную женскую уловку, которая всегда помогает выйти из щекотливого положения, — она рассмеялась и тут же переменяла тему разговора.

— Ах, поглядите-ка на этих людей. Что они собираются делать?

Они уже въехали в город, и на одной из узких улочек в квартале Сен-Поль толпа веселящихся людей преградила им путь. Больше всего здесь было одетых в старые лохмотья ветеранов. Толпа быстро соорудила некое подобие виселицы, на которой уже болталось соломенное чучело с большим белым плакатом, закрепленным на груди.

Сержант — глава местной полиции и армейский сержант представляли официальную сторону церемонии. Как только чучело закачалось на виселице, два барабана раскатились громкой дробью, и толпа взревела на разные голоса. — На виселицу мошенников! Смерть вора! — Прямо-таки революционная картина, — пробормотал венгр, сверкая глазами.

— Тут вы совсем не правы, сударь, — сказала Анжелика, испытывая радость от сознания собственного превосходства. — Эти люди радуются

акту справедливого решения короля в кавычках. Это насмешка над правосудием. Так поступают тогда, когда преступник осужден на смерть, но спасся бегством из страны.

И она высунула голову, чтобы узнать, кого символизирует чучело. Дородный и благодушный ремесленник объяснил ей, что это Гурвиль, сборщик налогов в провинции Гайана, осужденный за спекуляцию, и сообщник Фуке, чьи беззакония стали достоянием гласности.

Карета пробилась сквозь толпу и покатила дальше. Анжелика погрузилась в раздумья. Молча сидел и ее спутник.

— Несчастный, — вздохнул он наконец, — бедная жертва тирании, осужденный жить вечно вдали от родины, куда он не может вернуться, не подвергая себя опасности быть умерщвленным. Увы, эти отверженные скитаются по всей земле, за исключением своей родной страны, дорогу в которую им преграждает палка деспота.

— Которую они, без сомнения, заслужили. Не проливайте слез над судьбой Гурвиля и столь сурово не критикуйте короля. Что вы мне ответите, если я вам скажу, что Гурвиль чувствует себя прекрасно, что он находится во Франции, что состоит на тайной службе у короля — короче, что это тот человек в маске, который вышел сегодня утром из кабинета Кольбера, когда мы с вами сидели в приемной.

Ракоци схватил ее за руку, глаза его сверкнули.

— Да верите ли вы сами в то, что говорите?

— Я теперь в этом совершенно уверена.

— Теперь я понимаю, почему ваш король оплачивает борьбу революционеров с другим королем, — торжественно заявил Ракоци. — Он двуличен. Король подсовывает толпе маску преступника, а сам содержит его на тайной службе. Он подписывает мирный договор с Голландией, а затем втравливает Англию в войну с датчанами. Он вступает в союз с Португалией, чтобы сломать хребет Испании, с которой тоже заключил мир. И он поддерживает меня, ибо я со Священной Римской империей. Но это не помешало ему поддерживать римского императора при Сен-Готарде против турок. Да — он великий король и очень ловкий король. Никто настоящему не знает, чего он хочет. Он и вас превратит в одну из этих бездушных марионеток, послушных его власти.

Анжелика потуже затянула плащ на плечах. Слова неистового венгра бросали ее то в жар, то в холод.

— Слушая вас, я не могу понять, ненавидите ли вы его или восхищаетесь им?

— Я благодарю бога, что это не мой король. Я ненавижу его власть, но

восхищаюсь им как человеком. Еще не родился тот человек, который сбросит его с трона.

— У вас очень странный образ мышления. Вы напоминаете мне дурачка на Сен-Жерменской ярмарке, который собирался играть в кегли головами королей.

Венгерский принц, казалось, вовсе не обиделся на такое сравнение. Он рассмеялся. Карета остановилась у ворот отеля дю Ботрей, и Анжелика торопливо раздумывала, как расстаться с венгром и не обидеть его. Принц спрыгнул на землю и подал ей руку.

— Вот ваш дом. Сударыня, прошу вас, не забудьте того, что я вам говорил.

— Что вы имеете в виду?

— Выходите за меня замуж.

— Вы шутите?

— Во все нет. Вы считаете меня дурачком, ибо я вовсе не похож на ваших соотечественников. Французы хранят свои чувства и своих жен в стальных каретах. Пойдемте со мною, и я освобожу вас.

— Нет уж, спасибо, — рассмеялась Анжелика, — я предпочитаю оставаться в своей карете. А теперь, прощайте, сударь, прежде чем я наговорю вам такого, о чем буду жалеть.

Глава 18

Прибыв в Версаль в полдень, Анжелика направилась в апартаменты королевы, чтобы приступить к своим обязанностям фрейлины. Ей сказали, что королева со свитой направилась в одну из деревушек под Версалем навестить местного священника.

Королеву несли в седане, а свита шла пешком, так что далеко уйти они не могли, и Анжелика решила присоединиться к ним. Когда она достигла северной террасы, на нее обрушился град снежков. Она обернулась, чтобы увидеть шутника, но тут снежок ударил ее прямо в лицо. Она оступилась, поскользнулась и упала, подняв тучу снежной пыли. Из засады показался развеселившийся Пегилен. Анжелика рассвирепела:

— Когда вы прекратите ваши детские шалости? И не могли бы мне, по крайней мере, помочь подняться?

— Нет, конечно! — воскликнул Пегилен, он набросился на нее и стал катать ее по снегу, потом расцеловал и начал тереть ей нос муфтой. Так он тормозил ее до тех пор, пока она не рассмеялась.

— Вот так-то лучше, — сказал он, помогая ей подняться. — Я увидел вас задумчивой и печальной, а это вовсе не подходит к вашему хорошенькому личику. Смейтесь!

— Пегилен, неужели вы забыли, какие несчастья выпали на мою долю совсем не так давно?

— Да, забыл, — ответил он весело. — Мы все должны забывать наши горести. И нечего появляться при дворе, если мы не собираемся забывать их. Перестаньте думать о горестях жизни и помогите мне, малышка.

Он взял ее за руку и повел по запутанному лабиринту из подстриженных деревьев, припорошенных снегом, как сахарной пудрой.

— Король дал разрешение на наш брак, — шепнул он ей, как будто это был невесть какой секрет.

— Какой брак?

— Брак мадемуазель де Монпансье с ничем не примечательным гасконским дворянином. Только не говорите мне, что ничего не слышали. Она без ума от меня. И она не однажды просила согласия короля на наш брак. Королева и принцы крови каждый раз поднимали страшный шум, считая это оскорблением всему королевскому роду.

Да... Но король справедлив и добр. Он любит меня. Он считает, что никто не имеет право принуждать родственницу оставаться в девах, и

особенно теперь, когда ей 43 года и ей нечего рассчитывать на блестящую партию. Вот поэтому-то, несмотря на кудахтанье в этом курятнике, он сказал «да».

— Вы серьезно, Пегилен?

— Как нельзя более серьезно.

— Мне жаль...

— Не нужно. Я так доволен, как был бы доволен этот покрытый язвами король Португалии, который интриговал, чтобы получить ее руку, или силезский принц — мальчик в коротких штанишках, тоже один из претендентов.

— Я жалею не ее, а вас.

— Я буду герцогом де Монпансье, — продолжал Пегилен, — и получу все привилегии, полагающиеся к этому титулу. По свадебному контракту вместе с мадемуазель де Монпансье я получу 20 000 000 ливров. Его Величество оповестил все дворы о свадьбе его кузины. Анжелика дорогая, временами мне кажется, что все это я вижу во сне.

Даже в самых смелых своих мечтах я не возносился так высоко. Король будет моим кузеном! Даже не верится. Вот почему я испуган и нуждаюсь в совете и вашей помощи.

— Не понимаю вас. Ведь все идет так хорошо.

— Увы, фортуна переменчива. Пока я не стал мужем принцессы, я не могу спать спокойно. У меня куча врагов, начиная с королевской семьи и принцев крови. Конде и его сын, герцог Ангулемский, злы на меня. Вы могли бы своим очарованием, с одной стороны, успокоить принца, который очень высокого мнения о вас, а также утвердить в этом решении короля, чтобы он не поддался на их протесты.

Мадам де Монтеспан уже обещала мне свою поддержку, но я не слишком доверяю ей. Да и в таких делах две любовницы лучше, чем одна.

— Я не любовница короля, Пегилен.

Он покачал головой из стороны в сторону, как птица-пересмешник, когда она собирается запеть свою песню.

— Быть может, это хорошо, быть может, это плохо... — запел он монотонно.

Так, разговаривая, они вышли из парка. Чей-то мужской голос приветствовал их из кареты.

— Насколько я могу судить, на вас большой спрос, — сказал Пегилен. — И я не хочу становиться у вас на пути. Так могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Конечно, нет. Все, что я не сделаю для вас, все будет вам во вред.

— Не отказывайте мне. Вы и сами не представляете, какой силой вы обладаете. Считайте, что вам не удалось одурачить такого опытного придворного, как я. Я полагаю, что вы можете повлиять на короля.

— Не будьте глупцом.

— Вы кое-чего не понимаете, и я постараюсь втолковать вам это. Вы, как шип, вонзились в сердце короля, и он не знает как избавиться от этой боли. Он сам осознал это лишь после того, как вы уехали, и теперь он ужасно страдает.

— И имя этим страданиям — мадам де Монтеспан.

— Мадам де Монтеспан просто лакомый кусочек, и король удовлетворяет и свои чувства, и свое тщеславие. Она нужна ему, и она принадлежит ему. Но вы... ручеек в пустыне... тайна тайн долговечная, удивительная, томительная... самая простая женщина во всем мире... и самая непостижимая... самая близкая... и самая далекая... и самая забываемая.

— Вы говорите почти так же красноречиво, как персидский король. Теперь я понимаю, как вам удалось увлечь бедняжку де Монпансье.

— Неужели вы не пообещаете замолвить за меня словечко перед королем?

— Если представится такая возможность, я помогу вам. А теперь отпустите меня, Пегилен. Я должна присоединиться к королеве.

— Она нуждается в вас меньше, чем я. И, кроме того, есть еще некто, кто хотел бы использовать вас для служения Его Величеству.

Из подъехавшего экипажа их окликнул мужской голос, человек торопливо вышел из экипажа и направился к ним.

— Это Кольбер, — сказал Пегилен, — и он явно не собирается говорить со мной. Я ведь не умею жонглировать деньгами.

— Я так рад, что быстро нашел вас, — сказал министр. — Я как раз собираюсь к Его Величеству с докладом. И вскоре мы пригласим вас на совещание.

— А если Его Величество не захочет прислушиваться к моим советам?

— Тогда это будет просто каприз, может быть, правда, и оправданный. Но будьте уверены, меня он выслушает. Пойдемте, сударыня.

Оптимизм Кольбера, похоже, был преждевременным. Его разговор с королем явно затянулся. Анжелика ждала на лавочке в зале мира. И тут она увидела своего брата Раймонда де Сансе, идущего прямо к ней.

Черная сутана резко контрастировала с яркими костюмами придворных. Она не видела его с тех пор, когда была свадьба ее с Филиппом. Неужели он приближается к ней с единственной целью —

выразить ей свое сочувствие? Он так и поступил, но она почувствовала, что это не все.

— Дорогая сестра, вы, должно быть, удивлены, что я ищу вас при дворе, куда мой министр берет меня так редко.

— Мне казалось, что вы состоите на службе у королевы и ведаете раздачей милостыни или что-то в этом роде.

— Вместо меня назначен отец Джозеф. Мое непосредственное начальство предпочло поставить меня во главе нашего прихода в Мелюне.

— И это значит...

— Отец Игумен... или что-то в этом роде, — улыбнулся он. — Из нашего ордена берут служителей для восточных миссий.

— А-а-а, отец Ришар...

— Совершенно верно!

— Бактриари Бей... его отказ ехать в экипаже... промахи Сент-Амена... королевские неудачи... и все это результат...

— Анжелика, я всегда восхищался вашим быстрым умом.

— Благодарю вас, Раймонд, но в создавшейся ситуации я скорее буду помехой.

— Давайте поговорим без недомолвок. Отец Ришар, с которым я недавно разговаривал, считает, что вы единственный человек, который может нам помочь.

— Мне очень жаль, Раймонд. Но сейчас не время. Меня ждет немилость.

— Но король оказал вам столько знаков внимания. Я слышал, король пожаловал вам стул за своим столом.

— Это правда, но прихоти монархов переменчивы.

— Меня больше беспокоят капризы посла. С тех пор как они прибыли во Францию, отец Ришар места себе не находит, первая ошибка состояла в том, что к послу приставили Сент-Амена. Он, хоть и дипломат, но не имеет ни малейшего представления о Востоке.

Появление Кольбера прервало их разговор.

— Ничего нельзя поделать, — мрачно сказал он, обращаясь к Анжелике. — Король так сердит на вас, что я удивляюсь, почему вы еще при дворе. Он даже слышать не хочет о вас.

— Ну разве я вас не предупреждала?

Она представила Кольберу своего брата, преподобного отца Раймонда де Сансе. Хотя Кольбер и отрицал это, но втайне он доверял иезуитам. Когда Кольбер обрисовал сложившуюся ситуацию, Раймонд вовсе не воспринял ее как трагическую.

— Мне кажется, что я знаю истинную причину того, почему король недоволен вами. Вы просто отказываетесь сообщить истинную причину вашего визита.

— Я не скажу ее никому.

— Осмелюсь возразить. Я хорошо знаком с вашим упрямством, моя дорогая. Но если вы отказываете королю, как же можно ожидать от него, чтобы он был снисходителен к вам? Можно ли найти достойную доверия причину, которая объяснит вашу бескомпромиссную позицию?

Давайте-ка подумаем. Ага, вот. Почему бы не объяснить ему так: вы отправитесь по моей просьбе, чтобы установит!? контакт с отцом Ришаром, ибо его деликатное положение исключает возможность моего личного присутствия среди этих магометан. Что вы скажете об этом, Кольбер?

— Думаю, что пройдет, если хорошо преподнести.

— А вы что скажете, Анжелика?

— Как говорит мой друг, полицейский Дегре, вы, иезуиты — экстраординарные личности.

Мужчины пошли к выходу по длинному коридору. Анжелика задумчиво смотрела на две отраженные на гладком отполированном полу фигуры: одна — толстая — государственного деятеля, другая — хрупкая — священнослужителя.

Анжелика поняла, что осталась совсем одна.

Вдруг ей страшно захотелось есть. По-видимому, было уже очень поздно, и все придворные, наверняка, на ужине у короля. Но она продолжала сидеть, задумчиво теребя свой восточный веер.

— А я ищу вас, — шепнул у нее над ухом нерешительный женский голосок.

Анжелика не сразу разобрала, что этот голос принадлежит Великой Мадемуазель, которая склонилась над ней. Что же так изменило властный голос внучки Генриха IV?

«Наверняка, это ее замужество», — подумала Анжелика и поторопилась сделать реверанс.

Мадемуазель усадила ее рядом с собой и в волнении схватила ее за руки.

— Дорогая, вы слышали новости?

— Ну кто же их не слышал? Ну кто же ими не восхищался? Позвольте, Ваше Высочество, искренне пожелать вам огромного счастья!

— Ну разве я сделала плохой выбор? Скажите, есть ли еще на свете хоть один Дворянин, такой храбрый и такой великолепный? Вы не находите его восхитительным? Вы же его друг, не так ли?

— О да, конечно, — сказала Анжелика, вспомнив инцидент в Фонтенбло.

Но память мадемуазель была достаточно короткой, и, казалось, она не уловила скрытого смысла ответа.

— Если бы вы знали, в каком волнении я нахожусь с тех пор, как король дал согласие на нашу свадьбу! И как я беспокоюсь!

— Ну что вы! Вы получили разрешение и можете быть счастливой. Король не возьмет обратно свое слово.

— Если бы я только была уверена так, как вы, — вздохнула мадемуазель де Монпансье.

Она выглядела все так же очаровательно, как в те времена, когда Ван Оссель писал ее портрет. Анжелика улыбалась, глядя на нее.

— Как вы прелестно выглядите, Ваше Высочество.

— Правда? Как это мило с вашей стороны. Я так счастлива, что моя радость отражается на моем лице. Но я дрожу от страха при мысли о том, что король может внезапно переменить свое решение прежде, чем будет подписан брачный контракт. Эта дура Мари-Тереза и мой кузен вместе со своей женой — все они готовы разрушить мои планы. Если вы меня любите, попытайтесь разрушить их заговор в глазах короля.

— Увы, Ваше Высочество, я...

— Ведь вы можете повлиять на короля.

— С чего это все выдумали, что я могу влиять на короля? — раздраженно воскликнула Анжелика. — Ведь вы же знаете его. И вы должны знать, что он не слушает ничьих советов, кроме своих собственных. Не король идет на поводу, а напротив, ведет за собой.

— Значит, вы отказываетесь помочь мне? Я ведь сделала для вас все, что смогла, когда ваш первый муж был обвинен в колдовстве.

Не такая уж короткая память была у мадемуазель! Анжелика с треском захлопнула свой веер и пообещала, что постарается выяснить у короля, что он думает о предстоящей свадьбе. Затем она попросила разрешения удалиться, объяснив, что она не кушала, и даже глотка вина не выпила после мессы.

— Но это невозможно! — ответила Великая Мадемуазель, беря ее под руку и увлекая за собой. — Король принимает в тронном зале дожа Генуи, а после приема будет лотерея и большой фейерверк. Король выразил желание, чтобы присутствовали все придворные дамы. А особенно вы! Ваше отсутствие может вызвать его гнев.

И вновь Анжелике приснился сон, который повторялся уже несколько ночей подряд. Она лежала на лугу в траве и страшно мерзла. Срывая траву

и набрасывая ее на себя, она вдруг обнаружила, что она голая.

Из-за белоснежных облаков выглядывало солнце и медленно катилось по ярко-голубому небу. Солнечные лучи согревают и нежат ее. Она охвачена каким-то радостным возбуждением. Но вот чья-то рука касается ее плеча, и она вновь ощущает холод.

Конечно, сейчас зима, поэтому так и холодно. Но тогда почему же она голая? И почему же вокруг такая зеленая трава? Так и не разгадав этой загадки, она просыпается, вся дрожа, и потирает плечо, на котором осталось ощущение прикосновения ладони.

И в эту ночь она проснулась с тем же чувством. Зубы ее стучали. Она действительно замерзла и теперь лежала, раздумывая, не позвать ли кого-нибудь из девиц Жиландон, чтобы растопили камин. Залаял Аргус.

— Ш-ш-ш...

Анжелика встала с кровати на колени и принялась шарить по полу рукой, ища свои тапочки. Внезапно она услышала легкий щелчок засова на двери и в появившейся полосе света увидела тень мужчины.

— Кто там? Кто вы?

— Бонтам, слуга короля. Не бойтесь, мадам.

— О, теперь я узнала вас. Но что вам от меня нужно?

— Его Величество хочет видеть вас.

— В такой час?

— Да, мадам.

Не задавая больше вопросов, Анжелика попросила подождать, пока она оденется.

— Конечно, мадам. Только, пожалуйста, не будите своих служанок. Его Величество просил быть вас крайне осторожной. Я проведу вас потайным ходом, который известен лишь немногим.

— Я буду осторожна.

Она зажгла свечу от свечи Бонтама и вышла в другую комнату.

«Ничто в мире не может напугать тебя», — сказал как-то Раймонд. И он был прав. Прожив такую бурную жизнь, она научилась встречать опасность лицом к лицу, а не избегать ее. И если ее зубы выбивали барабанную дрожь, то это скорее от холода, чем от страха.

— Месье Бонтам, помогите мне, пожалуйста, застегнуть эти крючки.

Слуга Луи XIV поклонился, поставил на стол свой канделябр. Анжелика благосклонно разглядывала невысокого роста мужчину, который, сохраняя чувство собственного достоинства, спокойно справлялся с несколько необычным для него занятием.

На королевской службе Бонтам занимался вопросами провианта и

расквартирования двора. Король ничего не предпринимал без Бонтама, да еще и загружал его кучей разнообразных мелких поручений. Чтобы не обращаться по пустякам к своему господину, Бонтаму зачастую приходилось расплачиваться из собственного кармана. Король задолжал своему слуге около 7000 пистолей, которые он занимал у него во время карточной игры или лотереи. Анжелика слегка поддрумьянила щеки.

— Я готова, месье Бонтам.

Плотно прижав к себе свои тяжелые пышные юбки, она проскользнула за слугой в узкий потайной ход, дверь которого бесшумно закрылась за ними, и они очутились в маленьком коридоре, по которому, пригибаясь, с трудом мог идти один человек.

Бонтам провел ее наверх по небольшой винтовой лестнице, затем они спустились на три ступеньки вниз и вновь оказались в каком-то тесном тоннеле.

Проходя по нему, она заметила много дверей, которые, по-видимому, вели в потайные комнаты.

Версаль раскрывался ей своей оборотной стороной, которую она раньше плохо себе представляла: тайные встречи, визиты инкогнито, секретные совещания. Таинственные переходы Версаля цепочкой окружали большие, светлые помещения, позолота которых блестела, как днем, при свете бесчисленных свечей.

Они пересекли какую-то небольшую комнату, убранство которой, состоявшее из скамеечки и небольшого ложа с подушками, казалось, было предназначено специально для приема таинственных гостей из подземелий.

Затем, толкнув еще одну дверь, они оказались в значительно большей комнате, роскошная обстановка которой говорила, что они вышли из подземелья.

Оглядевшись, Анжелика поняла, что они находятся в приемной короля. Два канделябра стояли на мраморном столе, за которым, низко склонившись над бумагами, сидел человек. Две большие собаки, лежавшие у камина, лениво заворчали спросонок.

Бонтам пошевелил в камине кочергой и подбросил пару поленьев. Сделав это, он тут же растаял в стене, подобно тени. Луи, не выпуская из рук пера, поднял голову. Он улыбался.

— Садитесь, сударыня, прошу вас.

Она примостилась на краешке кресла. В комнате повисло тяжелое молчание. Наконец король встал из-за стола, подошел к ней и остановился, скрестив руки на груди.

— Итак, вы даже не подняли шума? Не запротестовали? И не высказали вообще никакого неудовольствия? И это тогда, когда вас вытащили прямо из постели?

— Сир, я всегда к вашим услугам.

— С чего бы такая покорность? Где ваши вечно ядовитые ответы? Что это за новый каприз?

— Ваше Величество представляет меня в виде фурии и начинает стыдить меня за это. Так какого же мнения вы обо мне?

Король не дал прямого ответа.

— Преподобный отец Жозеф в течение целого часа расхваливал мне ваши способности. Я знаю его как человека справедливого и довольно умного и часто прислушиваюсь к его советам. И с моей стороны было бы неблагоразумно не простить вам именно тогда, когда лучшие умы церкви защищают вас.

— Что же сказал я такого, что вы так саркастически улыбаетесь? — неожиданно сказал он, закончив свою тираду.

— Я не ожидала, что меня поднимут среди ночи для того, чтобы я выслушала комплименты из ваших уст.

— Маленькая колдунья!

— Так назвал меня — «Фузул-ханум».

— Что это значит?

— То же самое. И разве это не доказывает, что король Франции и посол Персии могут думать одинаково?

— Мы и обязаны думать одинаково в этом случае. — Он протянул к ней руки ладонями вверх. — Куколка моя, принеси феодальную клятву своему суверену!

Улыбнувшись, Анжелика вложила свои руки в ладони короля.

— Торжественно клянусь выполнить свои верноподданнические обязанности и служить королю Франции, чьим вассалом я являюсь!

— Так-то лучше. Теперь подойдите сюда.

Он помог ей подняться и повел к краю стола, где стояло его кресло. На столе была расстелена громадная карта почти сплоить голубого цвета, расчерченная линиями широты и долготы. На каждой из четырех сторон были изображены розовощекие ангелочки. По голубому фону бежала золотая вязь:

«Маре Нострум — матер Ностра» — имя, данное древними географами Средиземному морю. — «Наше море — наша мать».

Король водил пальцем по карте. Вот Франция, вот Мальта, а вот это — Кандия, последний оплот христианства. Здесь у нас вечные столкновения с

турками. А вот и Персия — лев на фоне восходящего солнца, между полумесяцем Турции и тигром Азии.

— Неужели вы, Ваше Величество, подняли меня в такой поздний час, чтобы поговорить о Персии?

— Вы хотите, чтобы мы поговорили о чем-нибудь ином? Анжелика, не поднимая глаз от карты, покачала головой.

— Давайте лучше поговорим о Персии. Так какой же интерес для нашей страны в этом далеком государстве?

— Этот интерес неотделим от вашего личного, сударыня. Шелк. Надеюсь, вам известно, что три четверти нашего импорта шелка идет оттуда?

— Я этого не знала. Это много. А зачем Франции столько шелка? Что нам с ним делать?

Король разразился хохотом.

— Что делать? И это спрашиваете вы, женщина? Дорогая моя, подумайте, разве мы можем обойтись без парчи, без атласа, без чулок по 25 ливров за пару, без шелковых ленточек, безо всех других украшений? Да скорей мы сможем обойтись без хлеба! Это — Франция. И для нас, французов, главным является не зерно, не пряности, не скобяные изделия или какой-нибудь другой вульгарный товар, а МОДА!

Во времена моего отца Ришелье пытался сделать одежду скромнее. И вы знаете, что из этого вышло? Возросли цены на товары, ибо их приходилось добывать, прибегая к услугам контрабандистов. Вот почему для нас так важен договор с шахом. Франции нужен шелк, и надо постараться добыть его дешевле.

— А разве месье Кольбер не смог наладить производство шелка во Франции? Он говорил, что собирается разместить фабрики в Лионе.

— На это уйдет еще много времени. Нам придется еще овладеть многими восточными тонкостями, прежде чем мы научимся изготавливать парчу и атлас. А тутовые деревья, которые я распорядился высадить на юге, начнут плодоносить только через несколько лет.

— И даже после этого у нас не будет такого шелка, которым торгует Персия. Эти деревья дают прекрасные ягоды, красные, а в Персии для изготовления высококачественных нитей используют червей, которых кормят белыми ягодами. А деревья, дающие белую ягоду, растут только на их высокогорных плато.

— Откуда вам известны такие подробности?

— Мне говорил об этом его превосходительство Бактриари Бей.

— Так вы разговаривали с ним о делах, о шелке? Значит, ему известны

наши трудности и то значение, которое мы придаем нынешним переговорам?

— Он показался мне очень образованным человеком, немного поэтом, высококультурным — на свой манер, конечно. Он — глаза и уши персидского шаха. Бактриари Бей — деловой человек, что в общем-то не совсем обычно для людей его звания. В большинстве своем они предпочитают иметь дела в Армении или Сирии.

Король вздохнул.

— Похоже, что мне придется прислушаться к мнению Кольбера и отца Жозефа. Вы, кажется, действительно, единственный человек, кто может распутать этот шелковый шнурок-клубок.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались, будто два заговорщика, связанные единым делом. Глаза короля заблестели.

— Анжелика... — произнес он глухо. Но тут же его голос приобрел естественное звучание. — Кого только я не посылал к этому персу, и каждый потом рассказывал мне одну чушь. И Терси, и Сент-Амен представили мне его как варвара, не способного ни освоить наши обычаи, не перенять хорошие манеры. В вашем же изображении он представляется мне хитрым, но умным человеком, по-своему благородным, хотя и жестоким.

— Уверяю вас. Ваше Величество, если бы вы встретились с ним сами, вместо того, чтобы посылать кого-то, то многие трудности сразу же отпали бы. Вы обладаете талантом распознавать людей с первого взгляда.

— Увы, короли не все могут делать сами, но они должны подбирать себе в помощники подходящих людей. Это первое и самое главное условие, которое делает монарха великим, Я же допустил ошибку, послав некомпетентных людей.

Он нахмурился и махнул рукой. Потом выражение его лица смягчилось.

— Но вы, сударыня, оказались там вовремя и спасли положение.

— Совсем иначе вы говорили об этом сегодня утром.

— Согласен. Было бы непорядочно с моей стороны не признаться, что я был не прав. Вы показали мне самый верный путь к достижению цели, которую я наметил. Если мы не заключим соглашения с посланцем персидского шаха, то это будет означать, что иезуиты потеряют свои миссии, а мы лишимся шелка. Судьба этих обоих предприятий в ваших руках.

— И что же мне делать? Какая роль мне отведена?

— Выяснить, о чем думает посланник, и дать мне знать, как вести

себя, чтобы не наделать грубых промахов. А по возможности, разгадать ловушки, которые может подстроить нам этот перс.

— Короче, соблазнить его. И отрезать ему волосы, как Далила?
Король улыбнулся.

— Решайте сами, как вам поступать. Анжелика закусила губу.

— Это нелегкое задание. И мне потребуется уйма времени.

— Это не так уж важно.

— Мне кажется, что надо постараться заполучить его верительные грамоты.

— Не следует торопиться. Сказать правду, когда мне доложили, что Бактриари Бей не хочет вручать грамоты, я разозлился. Потом я пустил дело на самотек. А теперь мне хочется оттянуть нашу встречу как можно на большее время. Мне нужно встретиться с русским послом. Если Россия согласится, то у нас будет другой, более безопасный путь для доставки шелка. Нам не придется опасаться турок, генуэзцев и других подобных им.

— Значит, тогда товары не будут поставляться морем?

— Да, они пойдут сушей. Взгляните сюда.

Они склонились над картой, головы их сблизилась, и Анжелика почувствовала, что локоны короля касаются ее щеки. Она быстро выпрямилась, слегка задрожав. Затем решительно обошла вокруг стола и уселась напротив, отметив про себя, что огонь в камине потух и в комнате стало холодно.

Ее пробивала дрожь, и она пожалела, что не захватила с собой плаща. Не замечая ее состояния, король продолжал говорить о планах Кольбера, который собирался открыть фабрики в Лионе и в Марселе.

Вдруг он замолчал.

— Вы не слушаете меня. В чем дело?

Анжелика, крепко обхватив руками тело, чтобы сохранить остатки тепла, молчала. От природы король был крепок здоровьем и неприхотлив, спокойно переносил как жару, так и холод, никогда не уставал и почти не замечал, что многие могут испытывать какие-то неудобства. Тех же, кто страдал от этих лишений, он попросту не любил, а, порой, высказывал им свое недовольство.

— В чем дело? — повторил король. — Я полагаю, что вы не хотите нанести мне оскорбление, отказавшись от возложенного на вас поручения?

— Никаким образом, сир. Если бы я намеревалась отказаться, я бы вовсе не слушала вас. Неужели Ваше Величество считает, что я способна на такое?

— Я думаю, — спокойно сказал король, — что вы способны на все.

Тогда, что же вас беспокоит? Почему вы вдруг стали такой безразличной к моим словам?

— Я замерзла.

— Замерзли? — удивился король. — Неужели у вас такая слабая натура? Никто прежде не жаловался мне на холод.

— Никто не смел жаловаться. Все боялись, что вы будете недовольны.

— А вы?

— Я тоже боюсь. Но еще больше боюсь заболеть. Как же я тогда смогу выполнить поручение Вашего Величества?

Король ласково улыбнулся, и Анжелика впервые почувствовала, что в его гордом сердце затеплилась нежность.

— Ладно, — решительно сказал он, — я бы с удовольствием поговорил с вами еще, но не хочу заморозить вас.

Он снял свой теплый бархатный плащ и накинул его на плечи Анжелике. Ее окутало теплым запахом крепкого мужского тела, смешанного с запахом фиалкового корня — любимыми духами короля. Король положил ей руки на плечо и, почувствовав тепло, она вспомнила свой сон и закрыла глаза. Но тут же открыла их вновь.

Король на коленях стоял перед камином, энергично орудуя кочергой, а затем принялся раздувать тлеющие угли.

— Бонтам, видимо, разоспался, — оправдывался он, — а мне не хочется больше никого сюда звать, чтобы не разглашать тайну нашей встречи.

Он поднялся с колен и отряхнул их руками. Анжелика смотрела на него так, будто видела впервые в жизни. Рубашка с длинными рукавами, расшитый жилет, тесно облегающий его широкую мужественную грудь.

Он выглядел сейчас так, как разбогатевший ремесленник, которому пришлось пережить трудную жизнь. Неудобства лагерной жизни, езда по колена в грязи по размытым дорогам, полуразрушенные и полузаброшенные замки, в которых приходилось скрываться в 1649 году, соломенные тюфяки, на которых приходилось не раз коротать ночь, — вот как проходила юность короля. И поэтому было неудивительно, что он сам смог раздуть огонь в потухшем камине.

Людовик заметил ее недоумение и улыбнулся:

— В такое позднее время можно и забыть о дворцовом этикете. На долю королей выпал тяжкий жребий. Им приходится отчитываться за каждый свой жест и шаг перед всем миром и даже, я бы сказал, перед будущим. Это правило распространяется не только на них, но и на всех тех, кто их окружает. И только ночью я становлюсь самим собой.

Он провел руками по лицу, как бы снимая маску. Анжелика подумала, что мадам де Монтеспан недостойна короля.

— Ночью я становлюсь обыкновенным человеком, — продолжал король. — Мне нравится этот кабинет, где я работаю в тишине и покое. Как хорошо размышлять, зевать, беседовать с собакой и знать, что все это не станет достоянием истории. Ночью я могу пригласить сюда тех, кого я искренне хочу видеть. Да, ночь — лучшая подруга короля!

Анжелика с восхищением смотрела на человека, которому приходилось так много и тяжело работать, и ездить на охоту и, кроме того, танцевать на балах.

— Мне приятно наблюдать, как вы смотрите на меня, — внезапно сказал король.

— Когда женщина смотрит такими глазами на мужчину, то это наполняет его смелостью и гордостью. А если этот мужчина — король, то он готов покорить весь мир.

Анжелика рассмеялась.

— Но ваши подданные вовсе не требуют от вас этого. Они лишь хотят, чтобы в их стране был мир. Никто не требует от вас подвигов Александра Македонского.

— О, тут вы вовсе не правы. Никогда не думайте, что те королевские обязанности, о которых я вам говорил, так обременительны для меня. Быть королем — это прекрасно... Но, я замолкаю, мадам. Не хочу больше испытывать ваше терпение, ибо боюсь, что наступит момент, когда вы посмотрите мне прямо в глаза и скажете: «я засыпаю».

— Но я слушаю вас очень внимательно.

— Да, я знаю это. Вот почему мне приятно, когда вы рядом — вы умеете слушать. Вы можете мне возразить: «Кто же не слушает короля?». Да, это верно, но слушать можно по-разному. Вы же слушаете всем сердцем, всей душой и с желанием понять говорящего. И мне это очень приятно. Но не буду больше испытывать ваше терпение.

Бонтам не спал. Он вновь проводил Анжелику тайным ходом к ее двери. Анжелика сняла королевский халат и передала его слуге. Свеча, которую она оставила зажженной в своей спальне, оплыла, и в комнате царил полумрак.

В тусклом свете свечи Анжелика увидела перепуганное лицо старшей из девиц Жиландон, которая, видимо, уже давно дожидалась свою хозяйку.

— Что вы здесь делаете? — раздраженно спросила Анжелика. — Я вас не звала.

— Собака залаяла, и я подумала, что вам что-нибудь нужно. А когда я

окликнула вас и не получила ответа, то подумала, что вы заболели.

— Но я могла просто крепко спать. У вас какое-то неумное воображение, Мари-Анн.

— Простите, мадам. Вам что-нибудь нужно?

— Ладно, раз уж вы встали, то разожгите камин да согрейте мне простыни. Я страшно замерзла.

Улегшись в теплую кровать, Анжелика долго не могла заснуть. Голос короля все звучал в ее ушах. Звуками своего голоса он расположил ее к себе больше, чем поцелуями.

Глава 19

Бактриари Бей прыгнул в седло. Церера стояла спокойно, в новой разукрашенной сбруе, с широкими позолоченными стремянами и даже не посмотрела на Анжелику, только что прибывшую в резиденцию персидского посла. Группа персов с кинжалами на груди и кривыми Саблями у правого бока образовала широкий полукруг возле его превосходительства. В руках они держали длинные пики, раскрашенные в разные цвета.

Посол взял из рук слуги такую же пику, вскинул ее наверх на всю длину вытянутой руки, и кавалькада сразу же перешла на рысь. Через мгновение всадники скрылись в густой листве маленького сада.

Анжелика, покинутая на ступеньках дома, почувствовала себя оскорбленной, ибо именно на сегодняшнее утро она получила приглашение.

Агобян, стоявший рядом с ней, сказал:

— Они сейчас вернутся. Они разделятся на два отряда и на ваших глазах разыграется сражение, устроенное его превосходительством в вашу честь.

И действительно, навстречу друг другу вылетели два отряда бешено завывающих и потрясающих пиками всадников. Некоторые на всем скаку проползали под брюхом у лошади.

— Это называется у нас джигитовка. И одним из самых искусных джигитов является его превосходительство. Но сейчас он не может показать вам свое искусство, так как опасается, что его новая лошадь испугается. И он очень сожалеет об этом, — объяснил армянин.

Подскакав к ступенькам крыльца, всадники замерли как вкопанные. Затем они вновь разъехались и по сигналу Бактриари Бея с завыванием бросились друг на друга. С пиками наперевес они старались выбить противника из седла.

Всадник, который был сброшен с лошади или терял свое оружие, покидал поле сражения. И, несмотря на неопытность его лошади в подобного рода стычках, посланник оказался в числе последних, кто оставался в седле. И все это не благодаря высокому рангу, а силе и ловкости. Когда битва закончилась, Бактриари Бей подскакал к Анжелике, широко улыбаясь.

— Его превосходительство показывал вам развлечения, с которыми

наш народ знаком еще со времен Дария. Возможно, что нам в наследство достались обычаи, заведенные в Самарканде, столице Туркестана, где зародилась одна из могущественнейших цивилизаций прошлого.

В присутствии посторонних Бактриари Бей предпочитал пользоваться услугами переводчика. Анжелика тоже не захотела отстать в эрудиции.

— Французские рыцари в средние века тоже устраивали турниры, — заметила она.

— Этот обычай появился у них после возвращения крестоносцев.

«Пожалуй так, — подумала Анжелика, — он еще заставит меня думать, что вся наша цивилизация обязана всем им».

Затем, немного поразмыслив, она решила, что это утверждение во многом правильно. Теперь, правда, положение несколько изменилось, и сам Бактриари Бей наследник славного прошлого, принадлежит к отсталым народам.

Она решила уклониться от столь спорных вопросов и заговорила о лошадях. Его превосходительство вновь стал расхваливать Цереру.

Он говорил, что даже в своей стране не встречал такой покорной и вместе с тем столь горячей лошади. Король Франции, несомненно, сделал ему хороший подарок. У себя дома он предложил бы принцессу царских кровей за такую лошадь.

Анжелика объяснила, что это испанская кобыла.

— Вот страна, которую я хотел бы посетить. Разговаривая, они поднялись в дом и вошли в зал, убранный в восточном стиле. Едва только за ними спустились занавеси, драпировавшие двери, посол заговорил по-французски:

— Я появлюсь перед королем лишь на церемонии, достойной его и того правителя, который меня послал.

— Но разве вы не договорились об этом с маркизом де Терси?

— Конечно, нет! — взорвался перс. — Он хочет взять меня, как пленника в клетке, окруженного неверными. Он говорит, что я должен стоять перед королем с непокрытой головой. А это не только недостойно меня, но и оскорбительно. В такой торжественный момент человек должен быть в головном уборе, как в мечети перед самым аллахом.

— Но наши обычаи не похожи на ваши. Мы снимаем головные уборы, входя в церковь на встречу с богом. И я думаю, что, если француз появится перед вашим шахом в башмаках, вы же не заставите его снимать их?

— Верно... И если бы у него был недостаточный эскорт, мы помогли бы ему... оказали бы ему почести... и соблюли бы достоинство нашего шаха. Ваш король — великий правитель. И он должен позволить мне

устроить триумфальный въезд, достойный его собственного престижа, или же мне придется вернуться домой, не выполнив своей миссии.

Анжелика набралась смелости спросить:

— А вы не боитесь попасть в немилость у шаха?

— Да, я рискую головой. Но я предпочту лишиться своей головы, чем оказаться в смешном положении перед всем Парижем.

Анжелика поняла, что все обстоит гораздо серьезнее, чем кто-либо мог предполагать.

— Я все устрою, — пообещала она.

— Не уверен.

— Все будет улажено. И, хотя я для вас всего лишь женщина, и чужеземка...

— Вы не правы, — громко воскликнул Бактриари Бей. — Ваш ум превосходит вашу красоту. И, если моя миссия закончится успешно, я знаю, какой подарок просить мне у вашего короля...

Внезапно, где-то за занавесями, раздался неприятный звук и тут же громко запели флейты.

— Слуги приготовили мне ванну. После скачек так приятно смыть с себя грязь и усталость.

Двое слуг внесли огромный медный таз, наполненный кипящей водой, за ними двигались другие слуги с полотенцами, бутылочками розовой воды и душистыми притираниями.

Бактриари Бей последовал за ними в смежную комнату, Анжелика хотела уйти, и она решила, что объяснит его превосходительству, что по французским обычаям женщине неприлично оставаться у Мужчины более двух часов.

Но потом она подумала, что перс воспримет ее уход как оскорбление, и это сведет на нет все усилия, которые она приложила. Когда она сделала движение, будто собираясь подняться, маленький слуга, которому было поручено развлекать ее, принес блюдечко с деликатесами.

Затем он быстро засновал взад и вперед и натащил подушечек, подкладывая их ей под спину и под руки. Он кинул щепотку какого-то порошка в маленький кувшинчик с раскаленными углями и пододвинул его так, чтобы она могла вдыхать едкий, голубоватый дым. Ей уже давно следовало бы уйти отсюда. Эта комната с тяжелым воздухом, наполненная благовонными курениями, черные глаза посла, который вот-вот должен вернуться, его чувство собственного достоинства и плохо скрываемая ярость — все это. подавляло ее волю.

Маленький слуга снял крышки с позолоченных серебряных кубков и

влил в них что-то из маленького флакона. И, щебеча, как птица, обратился к Анжелике. Она ничего не поняла, и тогда он поднес один из кубков прямо к ее губам. В кубке была налита жидкость золотисто-зеленого цвета. Анжелика попробовала и решила, что вкусом она напоминает дягиль из ее родного Пуату.

Маркиза заинтересовалась сладостями, лежащими на подносе. Все они были разных цветов, включая прозрачные желе и фисташковую нугу. Анжелика попробовала всего понемногу и откладывала в сторону все, что ей понравилось.

Она попросила еще фруктового щербета. Потом ей захотелось покурить наргиле, но когда слуга понял, чего она хочет, он испугался и в ужасе стал показывать, что с ней будет, закатывая глаза. Потом расхохотался, и Анжелика рассмеялась вслед за ним.

Смеясь, она продолжала слизывать с кончиков пальцев какую-то розовую пасту, когда вошел Бактриари Бей. Он зачарованно смотрел на нее.

— Вы восхитительны... Вы напомнили мне одну из моих наложниц... Она была алчной в любви, как кошка...

Он взял с подноса какой-то фрукт и кинул его слуге, выкрикнув приказание. Мальчишка поймал его на лету и в два прыжка скрылся из комнаты.

«Этот маленький мудрец с востока спойл меня каким-то зельем, — подумала про себя Анжелика.

Вместе с тем она почувствовала, что на опьянение это не похоже. Какое-то тепло разливалось по ее телу, она чувствовала себя счастливой. Все ее чувства обострились. Она с восхищением разглядывала новое одеяние Бактриари Бея. На нем были только атласные брюки, перетянутые под икрами ног и скрепленные у пояса широкой лентой с драгоценными камнями.

Голая, гладкая грудь блестела, смазанная какими-то сладко пахнущими мазями, мускулистые руки и плечи наводили на мысль о недюжинной силе. Черные волосы были напозажены и зачесаны назад. Быстрым движением он сбросил разукрашенные сандалии и вытянулся на подушках. Небрежно сунув в рот наргиле, он в упор смотрел на Анжелику.

Глупо было думать, что они станут продолжать разговор о протоколе официального приема. О чем же пойдет разговор теперь? Ей вдруг захотелось так же беззаботно вытянуться рядом с ним на подушках, но она поборолла свое желание и продолжала сидеть. Самые различные мысли теснились в ее голове. Вдруг она рассмеялась. Перс был явно обрадован ее

хорошим настроением.

— Я подумала о ваших наложницах, — сказала Анжелика. — Расскажите мне, как они одеваются?

— В своих комнатах или в комнате своего властелина они носят тонкие пушистые брюки — брюки-саруши и безрукавки.

Когда они выходят на улицу, то одевают толстую густую чадру с узкой щелью для глаз, чтобы видеть дорогу. Дома же вместо чадры они носят тонкое, как паутина, покрывало, изготовленное из шерсти белуджистанских коз.

Анжелика вновь обмакнула пальчики в розовое желе.

— Удивительная жизнь! А о чем же думают эти затворницы? Что сказала ваша наложница — ну, та, что была алчная, как кошка, тогда вы ее покинули?

— Наши женщины ничего не говорят о таких делах. Ну, а эта наложница ничего не может сказать по одной простой причине — она мертва.

— Простите меня, — смутилась Анжелика.

— Она умерла под плетью, — медленно произнес Бактриари Бей. — Потому что она осмелилась полюбить дворцового стражника.

— Ох! — выдохнула Анжелика. Она положила кусочек лакомства на поднос и широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела не перса.

— Так вот оно что?! Расскажите, как поступают у вас с неверными женами?

— Мы связываем их спинами с любовником и относим на самую высокую сторожевую башню дворца. Стервятники первым делом выклевывают им глаза, и они долго мучаются перед смертью. Но я оказался более милосердным. Я перерезал ему глотку своим кинжалом.

— Ну разве они сейчас не счастливы, — назидательно произнесла Анжелика, — ведь вы их отправили в рай...

Бактриари Бей расхохотался.

— Маленькая Фирюзи... Бирюзинка... Каждое слово, которое срывается с ваших уст, как подснежник, цветущий в горах Кавказа. Дайте мне выучить новый урок — научите любить европейскую женщину. Мужчина должен уметь разговаривать с ней о делах, как совсем недавно мы с вами, уметь петь ей хвалебные песни... Но когда же наступает время для молчания и томительных вздохов?

— Когда этого захочет женщина.

Бактриари Бей вскочил на ноги, его лицо запылало от гнева. — Неправда! Этого не может быть! Как может мужчина допустить такое

унижение... французы слывут храбрецами... — Но они побеждены на поле любви.

— Этого не может быть! — повторил перс. — Когда к женщине входит повелитель, она должна немедленно раздеться, умастить свое тело благовониями и предложить его своему хозяину. Быстрым кошачьим движением он кинулся к ней, и в одно мгновение она оказалась прижатой спиной к подушкам. Хищная улыбка перса все ближе и ближе подвигалась к ее лицу. Анжелика изо всей силы оттолкнула его от себя, хотя близость его обнаженного тела заставила ее задрожать от страсти.

— Еще не время, — сказала она.

— Поберегитесь! И за меньшее оскорбление я приговаривал женщин к смерти.

— Вы не имеете права распоряжаться мной. Я принадлежу королю Франции.

— Король послал вас ко мне для развлечения.

— Нет. Лишь для того, чтобы оказать вам честь и получше узнать вас, ибо он доверяет мне. И, если вы убьете меня, он с позором выгонит вас из страны.

— Я расскажу всем, что вы вели себя, как бесстыжая шлюха.

— Король не поверит вам.

— Он отправил вас в мое распоряжение.

— Повторяю вам — нет! Он не мог сделать этого.

— А кто же может?

Не отрываясь, она смотрела ему прямо в лицо своими изумрудными глазами.

— Только я сама!

Посол ослабил хватку и явно смутился.

Анжелика никак не могла встать, ибо была вдавлена в очень мягкие подушки. И тут она расхохоталась, потому что почувствовала, что одержала победу.

— Знаете ли вы, — заворковала она, — как огромно различие между женщиной, которая говорит «да», и женщиной, которая говорит «нет»? Когда она говорит «да» — это есть величайшая победа для мужчины-француза.

— Понимаю, — задумчиво произнес посол.

— Помогите мне встать, — вдруг произнесла она, протягивая руку.

Он покорно помог ей подняться, и у нее мелькнула мысль, что он похож на дикого прирученного кота.

— А каким должен быть мужчина, чтобы женщина сказала «да»?

Ей очень захотелось ответить:

«Он должен быть таким же диким и прекрасным, как вы!»

Его близость опьяняла ее. Как долго она сможет играть такую опасную игру? Она смотрела на его блуждающие глаза, на губы, раздвинутые в страстной улыбке, и ей казалось, что она сама жаждет оказаться в его объятиях.

Тем временем Бактриари Бей наполнил серебряный кубок и подал его ей. Анжелика поднесла к губам холодный металл и почувствовала вкус ликера.

— У каждой женщины свой секрет, и только ей известно, почему одной нравится брюнет, а другой — блондин...

Вытянув руку, державшую кубок, она перевернула его и тоненькой зеленоватой струйкой вылила его содержимое на пышный восточный ковер.

— Дьяволица... — прошипел он сквозь зубы.

— ... и почему одной нравится быть покорной, а другая сгорает от любви к мужчине, способному в ярости вонзить в нее кинжал...

Анжелика полностью пришла в себя. Она завершила его превосходительство, что довольна его приемом и что она передаст королю его пожелания, и что она думает, что король сочтет их вполне обоснованными.

Все еще грозно сверкая глазами, Бактриари Бей сказал, что в его стране есть обычай, представлять другу кров до тех пор, пока длится их дружба.

«Ишак!» — обругал сам себя посол.

Анжелика привела себя в порядок, поправила волосы и взяла свой веер.

— Я буду защищать ваши интересы в Версале и попытаюсь уладить все трудности протокола встречи. А можете ли вы пообещать мне сохранить все 20 католических миссий в Персии?

— Это входит в договор наш. Но не будет оскорблена ваша религия и священнослужители тем, что женщина вмешивается в их дела?

— Несмотря на всю вашу мужскую гордость, ваше превосходительство, вы должны признать, что именно женщина произвела вас на свет!

Посол замолчал, но в его глазах светилось уважение к собеседнице. Он улыбался.

— Вы достойны титула султана-баши!

— Это еще что такое?

— Это титул женщины-царицы. Ей может быть лишь одна женщина, которая владеет телом и душой мужчины. Он ничего не делает без ее совета. Она главенствует над другими женщинами. И лишь ее сын наследует трон отца.

Он подошел с ней к шелковой занавеси дверей. — И первое достоинство султан-баши в том, что она не знает страха. А второе — она знает цену тем услугам, которые оказывает.

В одно мгновение он снял все кольца со своих пальцев и сунул ей в руки.

— Это вам. Вы — самая большая драгоценность. Вы достойны быть увешанной драгоценностями, как древний идол. Анжелика с восхищением смотрела на искусно оправленные алмазы, рубины, изумруды, но так же неуловимо быстро, как и он, она вернула их обратно.

— Вы наносите мне еще одно оскорбление.

— В нашей стране если женщина говорит «нет», то она говорит «нет» и всем подаркам.

Бактриари Бей тяжело вздохнул — Анжелика, улыбаясь, смотрела, как он медленно одно за другим одевал кольца обратно на свои пальцы.

— Взгляните, — сказала она, протягивая руку, — вот то, что вы мне подарили в знак нашего союза. Цвет его не изменился.

— Мадам Бирюза, когда я вас увижу снова?

— В Версале, ваше превосходительство.

Погода на улице была скверная. Холод. Низко висящие рваные тучи над грязной дорогой. Она совсем забыла, что находится во Франции, что сейчас зима. И что ей предстоит вернуться в Версаль, чтобы доложить о результатах своей миссии. Она нервно теребила платок, ее душили слезы, хотелось расплакаться.

«Как бы я хотела вновь очутиться на мягких подушках! Забыться... безрассудно предаться любви, не думая о последствиях. Зачем, о боже, ты дал мне разум? Почему я не родилась животным, чтобы меня не мучили вечные проблемы?»

Она была зла на короля, так как была уверена, что Его Величество видит в ней лишь авантюристку, чье тело можно выгодно продать для дипломатии.

Еще Ришелье неоднократно обращался к помощи легкомысленных красавиц, пользуясь ими как пешками в своих дьявольских интригах. К примеру, мадам де Шеврез, которую она сама видела при дворе, — давняя приятельница Анны Австрийской, была одна из представительниц минувших дней. Вечно начеку, поблескивая когда-то красивыми глазами

из-под сморщенных век и жадная до сплетен, она слыла предметом насмешек молодых жеманниц двора. Никто не хотел слушать ее рассказов о прошлом, а ее старомодная шляпка служила предметом для насмешек придворных остряков.

Анжелика готова была расплакаться от жалости к самой себе. Так вот в кого хотел бы превратить ее король?! Да еще эта Монтеспан, которая, очевидно, тоже считает, что Анжелике отведена лишь роль защитницы королевских интересов!

Глава 20

— Король сказал «нет», — услышала она чей-то голос, когда только коснулась первой ступеньки лестницы, ведущей в королевские покои.

— Сказал нет — чему?

— Свадьбе Пегилена и Мадемуазель. Дело решено. Вчера принц Конде и герцог Ангулемский, его сын, валялись в ногах Его Величества и умоляли его не соглашаться на этот брак, который позорит весь королевский двор и род. Они говорили, что станут посмешищем всех королевских дворов, а король прослышет монархом, который не заботится о чистоте своей родословной.

Короля не пришлось долго уговаривать, и он сказал решительное «нет»! Сегодня утром он сам сообщил об этом Великой Мадемуазель. Она расплакалась и в отчаянии укатила в Люксембургский дворец.

— Бедная Мадемуазель!

В прихожей королевы Анжелика увидела мадам де Монтеспан, которая завершала туалет в присутствии служанок. На ней было белое бархатное платье, шитое серебром и золотом и отделанное драгоценными камнями. Луиза де ла Вальер, стоя на коленях, закалывала булавками шелковые ленты.

— Нет, нет, не так! Помогите мне, ради бога, Луиза! Вы единственная, кто может так ловко закреплять шелк. Он такой капризный! Но зато как мил, не правда ли?

Анжелика страшно удивилась, увидев, как покорно Луиза отошла на второй план и с каким старанием она помогает сопернице примеривать наряды перед трюмо.

— Да, мне тоже кажется, что так лучше. Спасибо, Луиза, вы всегда правы. Я просто не могу как следует одеться без вас! Король так придирчив! А вы — настоящая волшебница, вы многому научились в обществе мадам де Лорейн. А вы как считаете, мадам дю Плесси?

— По-моему, превосходно, — пробормотала Анжелика, пытаюсь Догнать собачку, которая рычала на нее, не переставая.

— Ей, очевидно, не нравится ваш черный костюм, — продолжала Атенаис, поворачиваясь перед зеркалом. — Как жаль, что вам до сих пор приходится носить траур. Он так не идет вам. А вы как думаете, Луиза?

Мадемуазель де ла Вальер, которая все еще стояла на коленях, помогая своей сопернице, подняла вверх свои светло-голубые глаза:

— Я считаю, что мадам дю Плесси идет даже траур.

— Лучше, чем мне красное, по-вашему?

Луиза де ла Вальер промолчала.

— Отвечай! — взвизгнула Атенаис, и глаза ее потемнели, как море перед штормом. — Может быть, ты скажешь, что красное не идет мне?

— Ваш цвет — голубой.

— Почему же ты не сказала мне об этом раньше, идиотка! Дезосиль, Папи, живо, помогите мне раздеться! Катрин, неси мне голубое с алмазами!

Трудно сказать, кто поднимал больше шума — собачка или мадам де Монтеспан, когда она принялась раздеваться. И в это самое время вошел король в нарядном костюме. На нем не было лишь королевской мантии, расшитой лилиями, которую он всегда надевал в самый последний момент перед официальным приемом. Он вышел из апартаментов королевы, Бонтам следовал за ним.

— Вы еще не готовы, мадам? — нахмурился он. — Поторопитесь, польский король должен появиться с минуты на минуту, а я хотел, чтобы вы присутствовали на приеме.

Король был явно не в настроении, ибо обида, которую он нанес своей кухне — Великой Мадемуазель, лежала на его совести. А тут еще замешкавшаяся фаворитка.

— Вам следовало бы пораньше подумать о своем туалете.

— Откуда мне было знать, что Вашему Величеству не нравится мое красное платье? Это нечестно.

Король повысил голос, стараясь перекрыть шум, поднявшийся в комнате:

— Не становитесь в позу! Сейчас не время. Лучше прислушайтесь к моему совету: мы уезжаем в Фонтенбло завтра утром, так что, пожалуйста, не запаздывайте!

— Мне тоже готовиться к отъезду в Фонтенбло, сир? — робко спросила де ла Вальер.

Луи неодобрительно глянул на хрупкую фигурку своей бывшей возлюбленной.

— Нет, — отрезал он грубо, — вам незачем ехать туда.

— Но что же мне делать? — застонала она.

— Остаться в Версале. А еще лучше — ехать в Сен-Жермен. Мадемуазель де ла Вальер опустила на скамеечку и залилась слезами.

— Одна? Со мной никого не будет?

Король подхватил собачонку и кинул ее прямо на колени плачущей

женщине.

— Вот, кто составит вам компанию!

Он быстрыми шагами направился к выходу из комнаты, сделав вид, что не узнал стоящую рядом Анжелику, но вдруг, обернувшись, резко спросил:

— Вы отправляетесь завтра к персидскому послу?

— Нет, сир, — в тон ему ответила Анжелика.

— А куда?

— На Сен-Жерменскую ярмарку.

— Зачем?

— За вафлями.

Король до ушей залился краской и прошествовал в соседнюю комнату, в то время как Бонтам придерживал другую дверь, через которую служанки вносили голубое одеяние мадам де Монтеспан.

Анжелика подошла к де ла Вальер. Та продолжала рыдать.

— Почему вы позволяете ему мучить себя? Почему вы сносите такие унижения? Мадам де Монтеспан играет с вами, как кошка с мышкой, и чем больше вы покорны, тем она становится злее.

Бедная женщина подняла заплаканные глаза.

— Вы тоже предали меня.

— Я никогда не клялась вам в верности, — печально сказала Анжелика, — и никогда не навязывала вам свою дружбу. Вы ошибаетесь. Я никогда не предавала вас, и мой вам искренний совет: покиньте двор! Верните себе чувство собственного достоинства. Зачем добровольно обрекать себя быть предметом насмешек этих бессердечных людей?

Заплаканное лицо Луизы осветилось ореолом мученичества.

— Мой грех был на виду у всех людей. Богу угодно, чтобы и муки были на виду.

— Вы действительно кающаяся грешница. Но неужели вы думаете, что богу угодны такие страдания? Вы лишитесь и здоровья и разума.

— Король не разрешает мне уйти в монастырь. Я много раз просила у него разрешения. — Она посмотрела на дверь, в которую только что в гнев вышел монарх. — Может быть, он еще вернется ко мне...

Анжелика не сдержалась, чтобы не передернуть плечами. В эту минуту вошел паж и склонился перед ней.

— Будьте добры следовать за мной, мадам. Король зовет вас. Между королевской спальней и залой Совета находилась комната, в которой хранились парики короля. Не часто женщине приходилось видеть зрелище: Луи подбирал себе парик с помощью парикмахера Бине и его помощников.

Тут было множество париков: для мессы, для охоты, для приемов и для прогулок в парке. Бине предлагал своему августейшему клиенту парик под названием «королевский», который был так высок и пышен, что скорее был пригоден для статуи, чем для живого человека.

— Нет, — сказал король. — Давайте оставим его для чрезвычайных случаев, например, для приема персидского посла.

Он посмотрел на Анжелику. Она присела в реверансе.

— Подойдите сюда, сударыня. Вы были вчера у посла, это правда?

К нему вернулась его обычная снисходительность и театральность жестов, но всего этого было недостаточно, чтобы охладить пыл Анжелики. Бине увел своих помощников в дальний конец комнаты, он обладал тактом настоящего придворного.

— Как вы объясните свое дерзкое поведение? — глухо заговорил король. — Я не узнаю одну из самых обходительных женщин двора.

— А я не узнаю самого любезного монарха во всем мире. — Мне нравится смотреть на вас, когда вы в гневе: ваши глазки сверкают, а носик морщится. Пожалуй, я и в самом деле был грубоват.

— Вы были... невыносимы. Как петух на навозной куче!

— Мадам!.. Вы разговариваете с королем!

— Нет. Я говорю с женщиной, который шутя играет женскими сердцами.

— Каких женщин вы имеете в виду?

— Мадемуазель де ла Вальер... мадам де Монтеспан... я сама...

— Это слишком тонкая игра для мужчины. Как можно понять сердце женщины? У мадемуазель де ла Вальер оно чересчур большое, у мадам де Монтеспан его вовсе нет. А что касается вас... то я вовсе не уверен, что играю вашим сердцем. Мне кажется, что я еще не овладел этим искусством настолько, чтобы играть вашим сердцем!

Анжелика опустила голову. Он попал в цель. Она ведь ждала последнего завершающего удара, который навсегда должен был отвести ее от короля.

Какие-то грустные нотки в голосе короля доставили ей беспокойство.

— Что-то сегодня все идет не так как надо, — продолжал король. — Меня очень растрогало отчаяние Мадемуазель, в которое она впала, услышав мое решение. И вот я хочу вновь пересмотреть вопрос о ее замужестве. Она любит вас, так пойдите и успокойте ее.

— А что до месье Лозена?

— Я даже не знаю, какова была реакция бедного Пегилена, не думаю, что и он в отчаянии. Но я знаю, как поднять его дух. Видели вы Бактриари

Бея?

— Да, сир.

— И как продвигаются наши дела?

— Очень хорошо, по-моему.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился Лозен с сдвинутым набок париком. Глаза его сверкали гневом.

— Сир! — выкрикнул он, даже не извинившись за свое вторжение. — Я пришел спросить Ваше Величество, чем я заслужил бесчестье, которое творится вашими руками?

— Ну, ну, старина, успокойтесь, — ласково сказал король. Он чувствовал, что гнев его любимца неподделен.

— Нет, сир, нет, я не вынесу такого унижения! — широким жестом он вытащил свою шпагу из ножен и протянул ее королю. — Вы лишили меня чести, так возьмите же и мою жизнь! Берите ее! Я ненавижу эту жизнь!

— Возьмите себя в руки, сударь!

— Нет, нет, это конец! Убейте меня, сир. Убейте меня!

— Пегилен, я знаю, какую боль я вам причинил, но я компенсирую это. Я подниму вас так высоко, что вы перестанете сожалеть об этом несостоявшемся браке.

— Мне не нужны ваши дары, сир. Я ничего не приму от монарха, который не держит своего слова.

— Месье Лозен! — закричал король звенящим, как сталь, голосом. Анжелика вскрикнула в испуге. Лозен тут же обратил свое внимание на нее.

— А, и вы здесь, дурочка! И вы заодно! Куда же вы запропалились вчера? Наверное, опять отправились торговать своим телом и именно тогда, когда я вас кое о чем просил?

— Довольно, сударь! — ледяным тоном произнес король. — Уймись! Я могу понять ваше состояние, но я больше не желаю видеть вас при дворе, если вы не способны покориться судьбе!

— Покориться! Ха! Покориться! Как вам нравится это слово, сир. Вы хотите видеть вокруг себя лишь рабов. Время от времени вы позволяете кому-нибудь поднять голову, но при условии, что он тут же сунет ее в пыль у ваших ног, как только у вас переменится настроение... Я попрошу вашего разрешения удалиться. Я рад был слугать вам, но пресмыкаться я никогда не буду... — и Лозен гордо удалился, не попрощавшись.

— Мне тоже можно уйти, сир? — спросила Анжелика, которая в сложившейся ситуации чувствовала себя очень неловко.

Король кивнул.

— Не забудьте пойти утешить Мадемуазель, как только появитесь в Париже.

— Хорошо, сир.

Король подошел к зеркалу.

— Вы уже выбрали, Бине?

— Да, сир. Очень приятный парик. Два ряда локонов прямо от центра, и он выглядит ни чересчур высоким, ни низким. Я нарываю его «посольским». — Превосходно. Вы всегда выбираете то, что нужно.

— Мадам дю Плесси часто говорила мне то же самое. Будьте добры, наклоните вашу голову, сир, чтобы я закрепил парик.

— Да, да, помню. Ведь именно благодаря мадам дю Плесси вы попали ко мне. Это она рекомендовала вас. Мне кажется, что вы давно были знакомы с ней.

— Да, очень давно, сир.

Король, глядя в оправленное золотом зеркало, спросил:

— И как она вам нравится?

— Сир, я думаю, что только она достойна Вашего Величества.

— Вы не поняли. Я говорю о прическе.

— И я тоже, сир, — скромно ответил Бине, опустив голову.

Войдя в большой зал, Анжелика принялась расспрашивать, что за церемонию ожидают. Все придворные были одеты в парадные костюмы, но никто толком не знал, в чью честь.

— Готова поспорить, что это русские, — сказала мадам де Шуази.

— А вам не кажется, что это польский король? Луи XIV упоминал о нем в разговоре с мадам де Монтеспан, — сказала Анжелика, довольная тем, что может блеснуть сведениями, полученными из надежного источника.

— В любом случае — это посольство. Король всегда поднимает знамена в честь приезда иностранцев. Посмотрите на этих парней с варварскими усами. Один из них прямо-таки уставился на вас. От одного его вида у меня кровь леденеет в жилах!

Анжелика повернула голову в направлении, куда указывала мадам де Шуази, и тут же встретилась взглядом с венгерским принцем Ракоци, с которым она познакомилась в Сен-Манде.

Он пересек всю залу, подошел к ним и поклонился. На нем был подходящий к случаю парик, и свой меч он сменил на кинжал в дорогих ножнах, отделанных голубыми камнями, оправленными в золото.

— Сударыня, уделите мне, пожалуйста, несколько минут.

Анжелика испугалась, не заведет ли он снова речь о женитьбе, но, сообразив, что в такой толпе придворных ей вряд ли стоит бояться его, она спокойно отошла с ним к нише ближайшего окна. Блеск голубых камней на ножнах принца напомнил ей о других событиях. Перехватив ее взгляд, принц сказал:

— Это персидская бирюза.

— По-персидски ее называют «фирюза».

— Вы говорите по-персидски? Хума фарен харф мизанит?

Анжелика сделала неопределенный жест рукой.

— Очень красивый кинжал.

— Это все, что осталось у меня от прежнего богатства, — смущение в его голосе смешивалось с гордостью. — Кинжал и мой конь Господар. Господар всегда был моим верным товарищем. Только благодаря ему я удачно пересек границу, а во Франции я вынужден держать его в конюшнях Версаля. Парижане каждый раз потешаются над ним, когда видят его.

— Но почему?

— Вы поймете это, когда сами увидите Господара.

— Что вы хотели мне сказать, принц?

— Абсолютно ничего. Я просто хотел вытащить вас из толпы, чтобы хоть немного побыть с вами, чтобы хоть миг иметь возможность посмотреть в ваши глаза.

— Мне кажется, вы выбрали неподходящее время, принц. Версаль редко бывает так переполнен людьми.

— У вас такие прелестные ямочки на щечках, когда вы улыбаетесь. А ваша улыбка всегда мила, даже тогда, когда у вас вряд ли есть достаточные причины для улыбки. Что вы сейчас здесь делаете?

Анжелика с интересом смотрела на него. Его речь всегда принимала какой-то неожиданный оборот. Может быть, потому, что, зная французский язык, он все же не разбирался в отдельных его тонкостях.

— Ну, как же... Я — придворная фрейлина. Я обязана быть здесь.

— Очень глупое занятие.

— Но у него есть и свои хорошие стороны, месье евангелист. А что же вы хотите? Женщинам вовсе не присущи черты бунтарей-революционеров. Им больше нравится наблюдать за другими и самим быть на виду, они созданы, чтобы украшать двор великого короля своим присутствием. И жизнь в Версале вовсе не скучна. Здесь каждый день что-нибудь новенькое. Вот, например, вы знаете, кого ожидают сегодня?

— Нет, не знаю. Один из швейцарцев принес мне приглашение от

короля прямо в конюшню, где я был со своим Господаром. И я рассчитывал на аудиенцию у короля.

— Вы уже имели ее раньше?

— Да, и не один раз. Ваш король вовсе не деспот, он уже оказал мне помощь в деле освобождения моей родины.

Анжелика обратила внимание на вновь прибывших и с интересом стала их разглядывать. Но тут же сообразила, что Ракоци продолжает говорить. Она резко оборвала его: — Все это, конечно, хорошо. Но вы так и не сказали мне, в честь какого приема нас созвали сюда? Говорят, что прибыл русский посол.

Лицо венгра исказил гнев, его глаза метнули молнии. — Русские, говорите вы? Тогда и духу моего не будет в этом юле. Это они захватили мою страну. — А я думала, что виноваты турки или римский император.

— Неужели вам неизвестно, что украинцы захватили Будапешт, столицу моей страны?

Анжелика призналась, что не знала этого. И, более того, она не имеет ни малейшего представления, кто такие украинцы.

— Наверное, я кажусь вам просто глупой. Но готова поспорить на 100 пистолей, что большинство французов знает об этом еще Меньше, чем я.

Ракоци печально опустил голову.

— Увы, как далек запад от наших забот, и все же мы едем сюда за помощью. Одного знания языка недостаточно, чтобы преодолеть преграды, стоящие перед народами. Как вы считаете, я хорошо говорю по-французски?

— О, просто замечательно.

— И все же недостаточно хорошо, чтобы меня понимали.

— О, я уверена, что король понимает вас. Он хорошо знаком с положением дел в Европе.

— Но он взвешивает их на весах своих стремлений. Будем надеяться, что я не окажусь очень легковесным.

В это время возросшее оживление в зале показало, что важный гость уже прибыл. Они покинули нишу у окна и присоединились к толпе придворных. Анжелика подняла голову и увидела лицо Ракоци. Он словно окаменел.

— Русские! — произнес он в гневе. Затем стиснул ее запястье с такой силой, что у нее побелела рука. Наклонившись к ней, он прошептал: — Вот этот, в центре — Дорошенко, гетман Украины. Это он первым вошел в Будапешт.

Она почувствовала, что он задрожал крупной дрожью, как

перепуганная лошадь.

— Это оскорбление... непростительно... — Он стал пепельно-серым.

— Прошу вас, принц, не задерживайте меня и не устраивайте сцен. Не забывайте, что вы при дворе короля Франции.

Ракоци, казалось, вовсе не слышал ее, глаза его неотрывно следили за гетманом. И вдруг, не говоря ни слова, он сделал шаг назад и смешался с тесной толпой придворных. Анжелика вздохнула с облегчением. Она испугалась, что помимо своей воли может оказаться втянутой в скандал, и этим навлечет на себя гнев короля. Луи XIV явно проявил недальновидность, позволив венггуреволюционеру оставаться при дворе. Ничего хорошего ждать от этой личности не приходится.

Через каждые три шага, согласно восточной традиции, члены русской делегации кланялись в пояс. Раболепство их поклонов резко контрастировало с их высокомерными взглядами. Смотря на них, Анжелика чувствовала силу, скрытую в гибких спинах этих диких зверей, ныне прирученных, но всегда готовых к прыжку. У нее мурашки пробежали по коже.

Этот Ракоци довел ее до грани истерики. Она испытывала страх перед неизвестностью, перед чем-то жутким, что если случится, то не оставит от Версаля камня на камне.

Но, взглянув на короля, Анжелика мгновенно пришла в себя. Его неподвижная величественная поза действовала на нее успокаивающе. Его великолепный парик был таким же впечатляющим, как и тяжелые головные уборы русских послов.

Месье де Помпон выступил вперед. Он был послом в Польше, знал русский язык и мог служить переводчиком. После обычного обмена приветствиями послы преподнесли дары: три медвежьих шкуры — черную, бурую, белую — с Урала, белые и голубые шкурки соболей — из Сибири, брововые хвосты, громадного размера черную каракулеву полость из 500 шкурок новорожденных ягнят с берегов Каспийского моря, причудливые брикеты черного и зеленого чая — дань китайского императора, которую он платил еще со времен Ивана Грозного.

Королева тут же сказала, что она наслышана о целебных свойствах чая и что он может заменить кучу других лекарств. Она пришла в неописуемый восторг, увидев среди прочих драгоценностей изумруд размером с сахарную голову и голубой шестигранный берилл с Урала, настолько огромный, что его несли четверо дюжих мужчин.

Перед королевской четой раскатали ковры из Бухары и длинношерстные из Хивы, разноцветные узоры заискрились на глазах у

изумленных людей. Тут же расстелили еще один ковер из Туркестана, такой легкий, будто он был соткан из паутины.

Один из членов делегации склонил перед королем колени и вручил монарху самородок чистого золота с озера Байкал, лежащий на белой шелковой подушке.

Через переводчика русские сказали королю, что они наслышаны о его любви к редким животным, и тут же передали ему в дар пару пенджабских козлов, из шерсти которых выделяются тончайшие кашемировые шали из Индии.

Король очень тепло поблагодарил их. Русские также сообщили королю, что чрезвычайно редкий сибирский тигр во внутреннем дворике дожидается своего нового хозяина. Это заявление вызвало новый прилив радости.

Слугам пришлось посторониться, чтобы поскорей расчистить дорогу королю. Послы и весь двор поспешили за ним по лестнице.

Вот тут-то все и случилось. Маленькая, лохматая и черная, будтолько что выскочила из пасти у дьявола, лошадка мчалась вверх по лестнице.

Всадник, поднявшись на стремянах, выкрикивал что-то на непонятном языке и по-французски. — Да здравствует свобода!

Он вскинул руку. В воздухе просвистал кинжал и, дрожа, вонзился в пол прямо у ног украинского гетмана. Затем, круто развернувшись, всадник поскакал вниз.

— На лошади... прямо по лестнице, потом ускакал вниз... это не лошадь. Это пони! Лошадь не может скакать по лестницам... Французы видели во всем этом лишь непревзойденное искусство наездника. Но русские непрерывно смотрели на кинжал, Король переговаривался с ними через де Помпона. Его дворец, сказал он, открыт для всех его подданных, ибо люди имеют право видеть своего короля.

Он также приветствует появление при дворе иностранцев. И, несмотря на предусмотрительность его стражи, изредка случаются непредвиденные случаи, подобные этому.

Но, благодаря богу, все обошлось благополучно. Этого человека поймут и заключат в тюрьму. Если окажется, что он душевнобольной, его поместят в лечебницу, а если он окажется в своем уме, то его повесят. Им не следует принимать все так близко к сердцу. Русские в ответ заявили, что этот человек кричал по-венгерски и они хотят знать его имя.

«Слава богу, что они не узнали его», — подумала Анжелика. Ее била дрожь, зубы ее стучали. И, хотя большинство присутствующих расценило это как шутку, кинжал все еще продолжал торчать в полу, и, никто не

двинулся с места.

Но вот какое-то существо, разодетое, как тропическая птичка, в розовые и зеленые цвета, скользнуло по полу, схватило кинжал и скрылось. Это был Алиман — слуга Анжелики, который по ее тайному сигналу унес оружие.

И вот вся процессия вновь двинулась по широкой лестнице, спустилась во дворик, где сидел в клетке огромный тигр. Клетка стояла на телеге, запряженная четверкой лошадей. Великолепное зрелище дикого зверя мгновенно развеяло мрачные мысли. Тигра торжественно провезли по королевской аллее к восьмиугольному павильону, каждый загон которого предназначался для какого-нибудь редкого животного.

Сибирскому тигру предстояло жить по соседству с нумидийским львом, подаренным мароканским султаном, и двумя индийскими слонами. Помпон переводил сторожу то, что говорил узкоглазый Сибиряк: как нужно обращаться с новым жильцом, чем его кормить и каковы его привычки.

Возвратившись во дворец, король посетил свою оранжерею. Анжелику не пригласили в Фонтенбло. Но она не забыла, что король посоветовал ей поехать утешить Великую Мадемуазель, и поэтому вернулась в Париж.

В карете она вытащила из складок своего платья кинжал и стала рассматривать его со смешанным чувством беспокойства и удовлетворения. Она была рада, что смогла его похитить. Он не заслуживал того, чтобы попасть в чужие руки, ибо она, пожалуй, была единственным другом венгра во всем королевстве.

Заметив, что девицы Жиландон, сидящие напротив, с любопытством рассматривают кинжал, она спросила их, знают ли они, кто был тот человек на пони. Обе девушки заметно оживились.

Такие, как и другие обитатели Версаля, от последнего поваренка до главного дворецкого, они были возбуждены этим дипломатическим инцидентом. И они сообщили Анжелике, что этот человек не был арестован.

Его видели скачущим по направлению к лесу, после того, как он ловко прогалопировал по ступенькам лестницы. Стража, которую послали за ним, вернулась ни с чем.

«Значит, он успел скрыться, — подумала Анжелика. — Это хорошо».

Но тут же она упрекнула себя за такие мысли. Нет, за такое поведение необходимо наказать. И, вместе с тем, это был впечатляющий поступок. Она втайне гордилась поступком венгра. Луи XIV любил поиграть в

кошки-мышки, чтобы испытать покорность своих вассалов. И вот он восстановил против себя Ракоци и Лозена.

Арестуют ли Лозена? Куда теперь отправится Ракоци? Ведь его повсюду узнают по его лохматой лошадке. Кажется, на таких гунны осаждали Рим и Париж.

— Не Святая ли Женевьева спасла Париж от нашествия гуннов? — спросила Анжелика девушек Жиландон.

— Да, мадам, — вежливо ответили девушки.

Ничто на свете не могло бы удивить их. Это, пожалуй, было их главным достоинством. Анжелике едва ли доставляло удовольствие быть в их обществе, но она ничуть этим не тяготилась.

Мадам дю Плесси была не похожа на тех знатных дам, которым было необходимо иметь постоянных покорных слушательниц и которые испытывают потребность поболтать целыми днями. У Анжелики было даже некоторое преимущество — неразговорчивость девиц давала ей возможность и время для размышлений.

Карета катилась по лесам Медона и Сен-Клу. Холодная и темная зимняя ночь так плотно окутывала фонари, что сквозь их мерцание не было видно ничего, кроме окутанных туманом веток.

Где сейчас Ракоци? Анжелика откинула голову назад, на оббитую бархатом спинку. Она предалась размышлениям. Ей вспомнился зеленый ликер, которым ее потчевал Бактриари Бей, явно для того, чтобы подогреть ее чувства. Эта мысль заставила Анжелику подумать о любовнике.

Ей действительно нужен мужчина. Как глупо с ее стороны было так отчаянно сопротивляться красавцу-мужчине. Что ее вынуждало? Для кого она хранила себя? Кому она сейчас нужна? Она сама не признавала, что сейчас свободна.

Эти думы все чаще приходили ей в голову в Париже, где одиночество днем и пустая кровать ночью просто угнетали ее. Она предпочла бы остаться в Версале и торопиться с позднего бала к ранней заутрене. Ночи ее были заполнены муками страсти и романтическими видениями.

«Что за несчастная судьба? — думала Анжелика, расхаживая по комнате, как тигрица в клетке. — Почему ее не пригласили в Фонтенбло? Неужели король боялся проявления недовольства со стороны мадам де Монтеспан? Чего хотел король от нее самой? Какой Шел готовил он ей? Какая же судьба уготовлена вам, сестрица Анжелика?»

Вдруг она замерла прямо посередине комнаты. — ... король! — неожиданно громко произнесла она. Вошел Роджер и осведомился, будет ли она обедать? Она смотрела на него как бы не понимая. Она не голодна.

Мари-Анн Жиландон пришла спросить, не желает ли она чая. Анжелика вдруг Почувствовала странное желание ударить ее, как будто в предложении девушки скрывалась смертельная обида.

Вопреки этому желанию она ласково попросила принести бутылку со сливовой настойкой. Осушив два бокала подряд, Анжелика почувствовала, что тоска ее проходит.

Кинжал Ракоци лежал на столе. Анжелика подошла к отделанному инкрустацией бюро с бесчисленным количеством ящичков, открыла его и положила туда оружие.

Какой-нибудь любопытный слуга, который захотел бы тайком увидеть, какие сокровища прячет Анжелика в ларце, куда она положила кинжал, был бы разочарован, увидев беспорядочную кучу совершенно пустяковых предметов. Но все они имели определенную ценность для их владелицы.

Неоднократно она хотела избавиться от них, но у нее не доставало решимости. Анжелика выпила еще бокал. Голубой камень на ее пальце мягко засветился рядом с драгоценностями, украшавшими рукоять кинжала.

«Мой камень — бирюза», — подумала она.

Два смуглых лица возникли перед ее мысленным взором: богатство перса и бедность Ракоци. Ей вдруг страстно захотелось вновь увидеть Ракоци. Его необычный поступок открыл ей глаза на истинную его сущность. Он действовал по вдохновению.

Как же случилось, что она раньше не разгадала его? Неужели то празднословие, которое окружало ее со всех сторон, помешало ей разглядеть настоящего мужчину?

Бедный Ракоци! Где он теперь? Она чуть не расплакалась. Надо еще выпить. Может, теперь она сможет, наконец, выспаться. Как страшно быть одной!

А если она вернется к персу с «да» на устах, прекратятся ли ее страдания? Она мечтала о забытье, которое приносит любовь.

«Ведь в конце концов я только женщина. Зачем бороться с судьбой?»

И она крикнула прямо в зеркало:

— Я прекрасна!

И тут же погрузилась.

«Бедная Анжелика... почему ты одинока?»

Она выпила еще.

«А теперь, когда ты напилась, можешь идти спать».

И тут ей пришло в голову, что и Мадемуазель страдает по той же

причине, что и она, а если так, то вряд ли она спокойно спит. Значит, приезд Анжелики посреди ночи не покажется ей несвоевременным. Ночи кажутся такими длинными, когда ты одинока.

Анжелика позвала слуг и приказала заложить карету. Вскоре она уже катила по темным улицам в Люксембургский дворец.

Она оказалась права — Великая Мадемуазель не спала. После жестокого решения короля ей в утешение осталась только подушка, орошенная слезами. Немногочисленные, оставшиеся ей верными, друзья да ее компаньонки тщетно пытались утешить ее.

— Его место здесь! — рыдала она, указывая на вторую половину кровати. — Я этого не переживу, я умру.

Увидев Анжелику, Мадемуазель бросилась ей на грудь и разрыдалась громкими рыданиями. Так они и просидели, обнявшись, до самого утра, говоря о Лозене и жестокости короля и проливая горькие слезы.

Глава 21

Анжелика закончила свои объяснения по поводу того, что Бактриари Бей не хочет нанести визит королю только потому, что ему кажется, будто его принимают с недостаточной пышностью, Кольбер воздел руки к небесам.

— Подумать только, а ведь король меня бранит за его экстравагантность и неумеренные потребности.

Услышав это, король расхохотался от души:

— Знаете, Кольбер, мой друг, ваши нотации порой несправедливы. Безудержная трата денег на Версаль — это не такие уж плохие вложения, как вам кажется. Таким образом, мой дворец становится настолько выдающимся, что это возбуждает всеобщее любопытство и является предметом зависти даже у отдаленных народов. Я вижу, как наяву, в залах Версаля представителей всех народностей, одетых в национальные костюмы, готовящихся к встрече монарха, чья репутация привлекает их.

В тот день, когда персидское посольство прибыло к золотым воротам Версаля, тысячи посаженных в горшочки растений из теплиц и оранжерей были выставлены вдоль террас, так что холодные застывшие лужайки расцвели, как летний луг. Пол в главном зале был весь покрыт лепестками роз.

Бактриари Бей проходил по залам, украшения которых могли соперничать с роскошью дворцов из арабских сказок. Шествие закончилось в ванной, где вид бассейна гигантских размеров, отделанного розовым мрамором, убедил посла, что и французам не чужды омовения, как ему говорили до этого.

Это был день триумфа для Анжелики. У нее было явное преимущество перед всеми остальными, ибо Бактриари Бей, может быть даже умышленно, не обращался ни к королеве, ни к другим придворным дамам, а только к Анжелике.

Договор о шелке был подписан очень быстро и во вполне благожелательной атмосфере. Страшно измученная после приема, Анжелика вернулась в Париж, но не успела она добраться до своего дома, как перед ней появился забрызганный грязью королевский курьер, который уже ждал ее.

— Слава богу, я дождался вас, мадам. Король послал меня за вами. — И он вручил Анжелике бумагу с приказанием вернуться в Версаль.

— Неужели же нельзя подождать до утра?

— Король приказал и на словах — немедленно — и приказал мне сопровождать вас независимо от времени суток.

— Но ворота Сен-Оноре уже закрыты.

— У меня есть распоряжение открыть их для вас.

— На нас могут напасть грабители.

— Я вооружён. У меня шпага и два пистолета.

Ей не оставалось ничего другого, как повиноваться королевскому приказу. Анжелика поплотнее закуталась в плащ, и они покатали обратно.

Когда они прибыли в Версаль, дворец голубым чудовищем ночи проступал на фоне розовеющего зарей неба. В окне королевской комнаты для приемов металось пламя факелов, будто блеск жемчужин из глубины морей.

Анжелика слегка ежилась, проходя по пустым залам мимо стражей-швейцарцев, неподвижно застывших у дверей.

У короля было много народа: Кольбер и де Лион с осунувшимися от бессонницы лицами, королевский исповедник Босюэ, чьими советами король охотно пользовался, Лувуа с мрачным, будто ожидавшим катастрофы лицом, шевалье де Лоррен и еще несколько человек, по лицам которых было видно, что они о чем-то жарко спорили.

Все стояли перед Его Величеством, по обгоревшим свечам можно было заключить, что разговор велся всю ночь.

Как только вошла Анжелика, разговоры мигом смолкли, король попросил ее присесть. Воцарилось тягостное молчание, во время которого король изучал какое-то письмо, похоже, лишь для того, чтобы скрыть выражение лица.

Потом он заговорил:

— Наш персидский посол закончил свою миссию довольно странным образом, сударыня. Бактриари Бей отправился на юг, но оставил мне довольно необычное послание, касающееся вас... Впрочем, читайте сами.

Послание, наверняка, переведенное и переписанное армянином Агобяном, еще раз выражало благодарность королю за оказанный прием и за его доброту. Затем следовало перечисление даров Его Величества, Людовика XIV, величайшего монарха Запада, которые он посылал шаху Персии через посла:

1. Серебряный сервиз с выгравированными королевскими лилиями.
2. Двое золотых часов, указывающих также число и время года.
3. Дюжину королевских часов с королевскими лилиями.
4. Два больших гобелена.

5. Печать из оникса с персидской эмблемой — лев и восходящее солнце.

6. Два больших портрета королевской четы в мантиях.

7. Двадцать отрезов полотна.

8. Одна угольная жаровня с мехами.

9. Три ящика серебряных ядер для подогрева бани великого шаха.

10. Шесть ящиков безделушек для раздачи слугам или простонародью.

11. Три горшочка с геранью, которую решено пересадить в персидскую почву.

12. Одно седло из выделанной в Лионе кожи и серебряная уздечка.

Но Его Величество не включил в число подарков драгоценную бирюзу — то, чего ожидал его превосходительство для себя лично, как награду за успешное выполнение миссии.

И затем следовало такое подробное описание этой «бирюзы», что было совершенно ясно, что речь идет о совершенно конкретной женщине — Анжелике.

Бактриари Бей выражал надежду, что обычаи Запада не позволят ему уехать с пустыми руками и что ему вручат это драгоценное сокровище. Но вот подписаны договоры ко всеобщему удовольствию, так почему же он не видит «очаровательной маркизы», звезды французского двора, «самую умную женщину на свете», «лилию Версаля» среди тех подарков, которые ему вручили месье де Лоррен и маркиз Терси перед его отъездом? Он думает, что лишь благоразумие удерживало ее, чтобы не присоединиться к нему немедленно со всем ее багажом и экипажем.

Он ждал до ночи и отправился в путь. Но на первой же остановке он понял, что с ним сыграли злую шутку. Они обращались с ним, как с ослом, перед которым на палке повесили морковку. Неужели повелитель Запада — двуличный человек? Или он такой жадный? Или он смотрит на договор, как на игрушку?

Длинный список вопросов не оставляли сомнения в том, в каком состоянии пребывал Бактриари Бей, когда писал их, а также говорил о возможных неприятных последствиях, ибо все достигнутое могло быть немедленно разрушено.

— Ну и что? — спросила Анжелика.

— Вот именно. Ну и что? — передразнил король. — Потрудитесь объяснить мне ваше постыдное поведение в резиденции посла, которое позволило этому персу сделать вам такое гнусное предложение.

— Мое поведение, сир, это поведение женщины, которую послали к восточному владыке, чтобы льстить ему, всячески оболыщать его и

соблазнять его, чтобы склонить его к переговорам и тем послужить своему королю.

— Вы представляете дело так, будто я сам принуждаю заниматься вас проституцией?

— Намерения Вашего Величества мне совершенно ясны.

— Что за глупости? Для женщины вашего ума и характера найдутся десятки других путей умиловить посла, а не становиться обычной шлюхой... Так вы стали любовницей этого темпераментного варвара, закоренелого врага нашей церкви? Да? Отвечайте же!

Анжелика покусывала губу, чтобы скрыть усмешку. Она оглядела присутствующих.

— Сир, ваши вопросы смущают меня, я стесняюсь этих господ. Позвольте мне лишь сказать, что на эти вопросы я отвечу своему исповеднику.

Король приподнялся в кресле, и глаза его засверкали. Но тут вмешался Босюэ, он поднялся во весь свой могучий рост и, вытянув вперед епископскую длань, произнес:

— Сир, позвольте мне напомнить вам, что только священнослужители имеют право знать сокровенные тайны человеческой души.

— И король тоже, когда он действует на благо своей страны. Бактриари Бей вызвал мое неудовольствие тем, что показал свою наглость. Когда мужчина, перс он или нет, завлекает...

— Нет, сир, я не согласилась, — решительно произнесла Анжелика.

— Я рад слышать это, — сказал король и с ясным облегчением уселся обратно в кресло.

Босюэ выразительно заключил, что каким бы то ни было прошлое, настоящее важнее и поэтому необходимо подумать, как миром уладить это дело с Бактриари Беем, не удовлетворив его требования.

Все заговорили наперебой. Терси предложил арестовать посла и бросить его в тюрьму, а персидскому шаху сообщить, будто Бактриари Бей умер от лихорадки.

Кольбер чуть не схватил его за грудки. Таким солдафонам, как Терси, никогда не понять значение торговли в экономике страны!

Лиен тоже, подобно Терси, полагал, что Франция обойдется и без этих «далеких магометан».

Но Босюэ и иезуит принялись доказывать, что будущее христианской церкви на Востоке зависит от успеха посольства... И, в конце концов, лишь Анжелика предложила единственно правильный выход: чтобы умиротворить посла, не нанеся ему оскорбления, она предложила королю

написать посланнику, что он никак не может выполнить просьбу своего благородного и преданного друга, ибо Анжелика является его, короля, султан-баши, и, следовательно, посол сам понимает, что его просьбу никак выполнить нельзя.

— А что такое султан-баши?

— Любимая жена султана, сир, которой он доверяет руководить гаремом и к советам которой он прибегает при управлении страной.

— Ну, если это так, то Бактриари Бей вправе спросить, а как же королева?

— Ну, на это ответ простой. Зачастую и на Востоке наследники женятся на царевнах королевской крови, которых они не выбирают, а которых выбирают им для продолжения династии. А в наложницы они берут женщину, может быть, и менее родовитую, но именно она и обладает полнотой власти.

— Странный обычай, — сказал король. — Но, по-моему, у нас нет выбора.

Стали сочинять письмо, и писать его взялся Кольбер. Потом он зачитал его вслух:

— ... просите у меня любую другую женщину королевства, и она будет ваша, — закончил он. — Самая молодая, самая прелестная, вам стоит только выбрать.

— Ну, ну, полегче, месье Кольбер, — усмехнулся король, — а то вы травите меня в довольно малопочтенное дельце.

— Сир, но вы должны понять, что, отказывая ему, вы должны тут же предложить достаточную компенсацию, чтобы его не разочаровать.

— Клянусь честью, пожалуй, вы правы. Я не подумал об этом.

Весь двор вздохнул с облегчением, когда король вышел в радостном расположении духа и с улыбкой на лице. Ибо все ждали только неприятностей, вплоть до объявления войны.

Удовлетворяя любопытство собравшихся, король с юмором рассказал о требованиях персидского посла. Он не упомянул об Анжелике, лишь сказал, что на роль восточной принцессы посол хотел взять французскую красавицу, чтобы ее тело напоминало ему о Франции.

— И у нас были трудности с выбором такого сувенира, — продолжал король. — Полагаю, что решение этой задачи под силу только месье Лозену, он у нас знаток в таких делах.

Пегилен сделал жест рукой, словно благодаря монарха.

— Это дело несложное, сир. У нас при дворе полно прелестных шлюх... — он взял за подбородок мадам де Монтеспан. — Почему бы не

эту? Она уже доказала, что может удовлетворить запросы особы королевских кровей.

— Что за дерзости! — вспыхнула маркиза, ударив его по руке.

— А что вы скажете об этой? — продолжал Пегилен, указывая на принцессу Монако, которая была одной из его любовниц. — Она мне нравится. Быть может, это и является препятствием, почему ее не возьмут для такого дела...

Король грубо прервал его:

— Следите за своими выражениями, сударь.

— Но почему же, сир, когда никто не следит за своим поведением?

— Кажется, Пегилену опять захотелось в Бастилию, — шепнула мадам де Шуази Анжелике. — Но все же он мастерски ответил королю. А что это за скандал с персидским посланником? Уж не замешаны ли вы в этом деле?

— Я вам все расскажу потом — в Сен-Жермене, — ответила Анжелика.

Щелканье хлыстов, потрескивание колесных осей и ржанье лошадей заполнили все пространство, пока экипажи выстраивались в ряд.

На какое-то время золоченые ворота Версаля будут закрыты, так же как и высокие окна, в которых отражался блеск заходящего солнца.

Лиен высунул голову из окошка кареты.

— Можете хвастаться, что это вы втравили меня в это грязное дело. Король именно мне поручил найти достойную замену для персидского посла. Что скажет моя жена? Я видел недавно у Мольера молоденькую актрису, очень умную и хорошенькую. Не попробовать ли уговорить ее?

— Все хорошо, что хорошо кончается, — ответила Анжелика с вымученной улыбкой.

Она не смыкала глаз целые сутки, ей пришлось много пережить за это время, и одна только мысль о том, что сейчас ей придется трястись в карете от Версаля до Парижа, приводила ее в уныние.

Ее кучер со шляпой в руке уже ждал ее у кареты. С чувством собственного достоинства он заявил маркизе, что имеет честь везти ее в последний раз. Он всегда добросовестно выполнял свою работу, но он уже очень стар. И что, к своему великому сожалению, он вынужден оставить службу у мадам маркизы.

Глава 22

Нищие ожидали на кухне. Пытаясь повязать передник, Анжелика напомнила сама себе, что давно уже не выполняла свой долг богатой женщины. Она давно уже не раздавала собственноручно милостыню, хотя бы раз в неделю. Бесконечные праздники при дворе, ее многочисленные разъезды — все это захватило ее целиком. Теперь ей следовало привести в порядок свои счета.

Роджер был хорошим управляющим, Барба следила за Шарлем-Анри. Аббат де Ледигер и Мальбран занимались с Флоримоном при дворе. Зато ее собственные дела и все то, что было связано с имуществом дю Плесси, — все пришло в полный беспорядок.

Первым делом она отправилась проверить Давида Шайс, который управлял шоколадными лавками города и справлялся с этим делом довольно хорошо. Затем она навестила тех, кто занимался ее торговыми операциями с «островами».

Вернувшись после всех этих дел, она увидела, что девицы Жиландон уже приготовили подарки для бедных, так как это был день милостыни в отеле дю Ботрей.

Наступил вечер. Анжелика сама вынесла корзину с булочками, а Мари-Анн следовала за ней с корзиной бинтов и медикаментов. Тусклый отблеск заходящего солнца лежал на лицах бедноты, столпившейся у отеля. Одни из них сидели ни стульях и скамейках, другие стояли вдоль стен. Все уже поужинали супом.

Анжелика приступила к раздаче хлеба. Матерям она добавляла ветчины или колбаски, чтобы их семьи могли прокормиться еще некоторое время. Были и новые лица. А, может быть, это просто те люди, кто не приходит сюда еженедельно. Ведь и у них бывают свои причуды.

Она присела на корточки, чтобы промыть изъеденные язвами ноги женщины, которая держала на руках маленького ребенка. Женщина с мрачной усмешкой смотрела на Анжелику.

— Вы хотите попросить меня о чем-то?

И страх порой может заставить человека выглядеть дерзким и заносчивым. Женщина заколебалась. Потом молча протянула ребенка. Анжелика осмотрела его и увидела следы собачьих укусов, прямо на шее, причем в некоторых местах ранки загноились.

— Его нужно лечить.

Женщина энергично замотала головой. На помощь ей пришел старый знакомый Анжелики — старик-калека, по кличке Черный Хлеб.

— Она хочет, чтобы к нему прикоснулся король. Вы ведь знаете короля. Посоветуйте, что ей сделать, чтобы ее желание исполнилось.

Анжелика смотрела на маленький забавный носик ребенка и его перепуганные, как у бельчонка, глаза. Захочет ли король прикоснуться к ребенку? А почему бы и нет? Ведь с тех пор, как Кловис — первый христианский король, излечил от золотухи своего слугу Леонцета, этот дар божий передается всем наследникам престола. Легенда повествует, что когда Леонцет — оруженосец Кловиса — заболел золотухой, ночью монарху во сне явился ангел, который сказал, чтобы Кловис дотронулся до шеи слуги.

Проснувшись, король так и сделал, и тут же излечил оруженосца. И с тех пор все короли Франции почитаются как врачеватели, и никто из суверенов не гнушается исполнением этого долга.

Так же поступал и Людовик XIV. Почти каждое воскресенье в Версале, в Сен-Жермене, а то и в Париже к нему допускали больных. Как-то раз ему пришлось прикоснуться к полутора сотням людей, и говорили, что многие из них вылечились.

Анжелика сказала, что сначала ей необходимо поговорить с королевским врачом или его помощником, прежде чем показывать ребенка королю. Она посоветовала женщине прийти к ней на следующей неделе. А она тем временем поговорит с Валетом — королевским врачом.

Нищие, которые слышали слова Анжелики, в свою очередь, бросились к ней. Они принялись умолять ее.

— Мадам, я тоже хочу, чтобы король прикоснулся ко мне. Мадам, помогите нам!

Она пообещала им, что сделает все, от нее зависящее, чтобы помочь им. Тем временем она промыла ранки ребенка зеленой жидкостью, которую ей советовал врач, и перевязала их.

Черный Хлеб был здесь постоянным посетителем. В течение ряда лет приходил он в отель дю Ботрей, где Анжелика собственноручно перевязывала его язвы и мыла ему ноги. Старик не видел в этом никакой нужды или пользы, но он не хотел обижать Анжелику, а она настаивала на этом. Невнятно бормоча в свою седую бороду, он рассказывал Анжелике о посещениях своих святых мест, ибо не хотел казаться простым нищим-попрошкой. Он постоянно перебирал четки, на его одежде пилигрима были нашиты колокольчики. Анжелике нравилось слушать его.

— Что ты расскажешь мне сегодня, Черный Хлеб?

— Сегодня утром, — начал калека, — я вернулся пешком из Версаля. Любому полезна небольшая прогулка. Когда я шел по лесу, моя собака неожиданно громко залаяла, и на дорогу вышел человек из лесу. «Разбойник!», — подумал я. Но, к моему удивлению, мужчина подошел ко мне и сказал: Есть ли у вас хоть кусочек хлеба? Я расплачусь золотом. — Сначала покажи, — ответил я. Человек протянул мне два золотых и я тут же отдал ему весь хлеб, который был у меня. Потом он спросил дорогу на Париж. — Знаете, я ведь тоже туда, — сказал я. В это время по дороге проезжал виноторговец с пустыми бочонками, и он посадил нас к себе в телегу.

В дороге мы разговорились, и я сказал ему, что знаю всех дворян в Париже. Тогда он сказал, что хотел бы повидать мадам дю Плесси де Бельер, она его хорошая знакомая. — Так я как раз направляюсь к ней, — ответил я.

Анжелика перестала перевязывать его.

— Ты что-то выдумываешь, Черный Хлеб. У меня нет знакомых среди лесных разбойников.

— Я говорю вам то, что слышал своими ушами. И если вы мне не верите, то спросите у него самого. Он здесь.

— Где?

— Вон в том углу. Он, по-моему, чего-то боится. Похоже, он не хочет, чтобы кто-то видел его лицо.

Человек, на которого показывал онт действительно старался закрыть свое лицо. Анжелика не разглядела его, когда раздавала хлеб. Его худощавая фигура была закутана в оборванный плащ, краем которого он закрывал лицо. Она встала и направилась прямо к нему.

Она сразу же узнала его и тут же разразилась слезами радости. Это был Ракоци.

— Вы! — только и смогла произнести она.

Она обхватила его за плечи и через плащ почувствовала его худобу.

— Откуда вы появились?

— Этот старик уже сказал вам — из лесу.

Анжелика вспомнила, что прошел уже месяц с тех пор, как в Версале побывала русская делегация. Боже, как же это! Ведь самая середина зимы!

— Не беспокойтесь, — сказала она. — Я позабочусь о вас.

Когда нищие разошлись, она отвела венгра в комнатку, соседнюю с Флорентийской купальней. Ракоци пытался обратить все в шутку. Накинув свои оборванные лохмотья, как плащ вельможи, он с поклоном осведомился о ее здоровье. Но, приняв ванну и побрившись, он

почувствовал слабость и тут же погрузился в глубокий сон.

Анжелика позвала своего управляющего.

— Роджер, — сказала она, — этот человек — мой гость. Я не могу назвать вам его имени, но мы должны обеспечить ему безопасное убежище.

— Вы можете положиться на мое молчание.

— На ваше — да. Но у нас многочисленная прислуга. Я хочу, чтобы каждый из наших людей, от мальчишки-конюха до главного эконома, поняли, что для них этого человека просто-напросто не существует. Они никогда не видели его.

— Понимаю вас, мадам.

— И еще скажите им, что если он выйдет отсюда живым и невредимым, я щедро одарю всех. Но если что-то случится с ним под моей крышей, то я... — Анжелика сжала кулаки, и глаза ее засверкали, — тогда, клянусь, я рассчитаю всех! Вам ясно?

Роджер поклонился. Он знал, что слово мадам дю Плесси никогда не расходится с делом. Да и к тому же, по его убеждению, хороший слуга должен быть глухим, слепым, а, если возможно, то и немым. Поэтому он заверил Анжелику, что все его люди будут хранить молчание и что он не позволит запятнать доброе имя своей хозяйки.

Анжелика почувствовала уверенность в его словах и успокоилась. Но укрыть Ракоци — это еще было не все. Надо помочь ему бежать из Франции, пересечь границу. Она не знала, что Луи XIV издал новые законы, направленные против революционеров.

Так она и просидела в кресле, строя планы спасения Ракоци, пока маленькие каминные часы не пробили 11 вечера. Она поднялась, намереваясь пойти приготовить себе постель, но тут же испуганно вскрикнула. Перед ней стоял Ракоци.

— Как вы себя чувствуете?

— Превосходно!

Худощавый венгр очень забавно выглядел в одежде толстого Роджера.

— Избавившись от бороды, я чувствую себя намного лучше.

Теперь я не похож на русского.

— Т-с-с, — тихонько рассмеялась Анжелика. — В доме повешенного не принято, говорить о веревке. Она вздрогнула, вспомнив судьбу поэта, которого не смогла спасти от виселицы.

— Вы голодны?

— Я всегда голоден, — вздохнул он, втянув поглубже живот. — И мне кажется, что буду голоден до последнего вдоха.

Она повела его в соседнюю комнату и усадила за стол. На противоположном конце стола стояли золотые подсвечники. На позолоченном блюде лежала огромная индюшка, фаршированная каштанами и яблоками. Рядом стояли блюда с овощами, тушеный угорь, салаты и вазы с фруктами.

Ракоци даже вскрикнул, будучи не в состоянии скрыть свое восхищение. Но больше всего ему, кажется, понравилась золотистая кожица поджаренной индейки, нежели все остальное.

Он ринулся к столу и с жадностью голодного волка набросился на еду. В мгновение ока он оторвал оба крыла индюшки и пригласил ее разделить с ним трапезу.

— Покушайте и вы со мной, — сказал он с набитым ртом.

Она рассмеялась и нацедила его кубок бургунским. Затем немного плеснула себе и села напротив венгра. Его белые ровные зубы глубоко вонзились в мясо птицы, мелкие кости хрустели под нажимом мощных челюстей. От индюшки, казалось, скоро останутся одни кости. Ракоци сделал небольшую передышку, вытер рюкит отхлебнул от кубка и снова вгрызся в остов индюшки. Его блестящие черные глаза глянули на Анжелику.

— Вы прекрасны, — сказал он, не переставая жевать. — Все то время, что я скитался в лесу, ваш милый образ был передо мной — образ самой красивой женщины... самой милой... самой нежной.

— Так вы скрывались все это время в лесу?

Ракоци почувствовал, что насытился. Он облизал пальцы, разгладил свои длинные усы. Видимо, при свете свечей кожа его казалась особенно смуглой, что выдавало в нем азиата даже больше, чем его раскосые глаза. Он откинул назад свои глянцеватые черные волосы, вьющиеся, как у цыган.

— Да. А куда же мне было еще идти? Лес был моим единственным убежищем, когда я скрылся из Версаля. На мое счастье, я сразу же попал на болота, где были незамерзающие лужи, и это сбilo собак со следа.

Я отчетливо слышал их лай и крики стражников... Чувствовать себя добычей не очень приятно. Но у меня был мой Господар, мой пони. Он до вечера простоял в воде, так что на его шкуре образовались сосульки, но он даже не пытался выйти из болота, наверное, он понимал, что тогда мы пропадем оба. И только поздно вечером наши преследователи убрались восвояси.

Анжелика снова наполнила его кубок.

— Но как же вы там жили? Где было ваше прибежище?

— Мне посчастливилось найти заброшенную хижину дровосека. Я разжег там огонь и отогрелся. Пробыв там пару дней, я отправился дальше. Силы мои были на исходе, когда я набрел на маленькую деревушку на опушке леса. Я прокрался туда и стащил ягненка. На какое-то время это поддерживало меня. Господар ел мох и ягоды. Ночью я опять пробрался в деревню и украл кое-какой пищи, часть которой я закопал днем под импровизированным навесом, который я построил с помощью ножа, который всегда со мной.

Люди в деревне, наверное, приписывали пропажу животных нападению волков. Да, порой волки приближались к моему навесу, и я отгонял их головешками из костра. Затем я решил пойти на юг и выйти из леса где-нибудь подальше, где нас с Господаром не знали. Но... как это объяснить... лес непривычен для человека из степей.

Тут нет вольного ветра. Нет запаха трав, только снег да туман, который укрывает вас густой пеленой и по утрам и по вечерам. Лес похож на дремавший дворец, на закрытый мир.

Однажды я поднялся на холм и посмотрел на расстилающийся передо мной, как море, лес. Деревья, деревья и ничего больше, да лысины на месте болот. Похоже на пустыню..., а в центре рукотворный остров... весь белый и золотой. Я увидел то место, откуда так поспешно бежал. Это был Версаль!

Он замолчал и опустил голову. Впервые воспоминания о несчастьях сокрушили его.

— Мы некоторое время постояли на холме, на пронизывающем ветру. Я даже разглядел разноцветную дорожку, ведущую ко входу во дворец. Так необычно было видеть красные, розовые багряные и голубые цветы прямо на заснеженных дорожках.

— Это были живые цветы, — сказала Анжелика. — Это был день приема персидского посла.

— А я, грешным делом, подумал, что это мираж, который родился в моем ослабевшем от голода мозгу. Я был поражен, и я понял то, о чем давно догадывался. Ваш король — величайший монарх в мире!

— И все же вы посмели выказать открытое неповиновение у него прямо на глазах! Что за безумие! Что за оскорбление! Ваш кинжал у ног короли, да еще на глазах у всего двора.

Ракоци с улыбкой перегнулся через стол.

— Оскорбление за оскорбление. Неужели вам хоть чуть-чуть ни понравился мой поступок?

— Может быть. Но посмотрите, до чего он довел. Вы столько

страдали...

— Это верно. Увы, наши восточные предки передали нам по наследству свою энергию, но отнюдь, не благоразумие. Когда легче умереть, чем подчиниться, тогда и приходит время для таких поступков.

Я еще не закончил свою борьбу с тиранией королей. Но я вспомнил о вас — он ласково кивнул ей головой. — Только женщине можно довериться. Мужчины часто окружают себя теми, кто ищет их защиты. Женщины — никогда. Я решил отправиться к вам — и вот я здесь. Я хотел бы найти убежище в Голландии, ведь там республика, которая заплатила дорогую цену за свою свободу. И она всегда представляет убежище нуждающимся в нем.

— А как вы поступили с Господаром?

— Я не мог выйти с ним из леса. Он бы выдал меня. И я не мог оставить его в лесу на съедение волкам. Я собственноручно перерезал ему горло вот этим ножом.

— Ох, нет... — воскликнула Анжелика, и на глаза ее навернулись слезы.

Ракоци одним глотком осушил кубок, поставил его на стол и, поднявшись, подошел к ней. Присев на краешек стола, он наклонился и, приблизив к ней свое лицо, заговорил:

— У себя на родине я видел солдат, бросающих детей в огонь прямо на глазах матерей. Я видел, как детей вздергивают за ноги на деревья, а матерей держат внизу и заставляют слушать предсмертные их крики. Так поступал король Венгрии, поддерживаемый императором Германии.

Что значит смерть верной лошади по сравнению с этими ужасами? Не растрачивайте свою жалость по пустякам. Я говорил вам, что у меня нет ничего, кроме верной лошади и кинжала. Теперь у меня нет ни того, ни другого.

Анжелика покачала головой. Она не могла произнести ни слова. Решительно встав с кресла, она подошла к своему бюро, вынула ящичек и достала из него знакомый кинжал, подав его венгру.

Лицо Ракоци осветилось радостью.

— Так он попал в ваши руки. Сам господь бог послал вас мне путеводной звездой, которая помогает мне в этой стране. Но почему вы плачете, ангел мой?

— Я и сама не знаю. Все это так жестоко и так неизбежно.

Она сквозь слезы смотрела на него. Ей казалось, что он священно действует. Его руки бережно взяли кинжал. Он внимательно осмотрел оружие и не спеша прикрепил его у пояса.

— Нет ничего неизбежного в этом мире, — произнес он торжественно, — кроме борьбы человека за право жить в мире со своей душой.

Он потянулся» широко раскинув руки и расставив ноги, явно испытывая глубокое удовлетворение. Казалось, что несколько часов отдыха вновь вернули ему силы, и, как дикий зверь, он уже готовился к новым схваткам. Она подумала, что он ей кого-то напоминает; и не столько лицом, сколько своей ладно скроенной фигурой. [

— Но сейчас моя душа отошла на второй план, — продолжал Ракоци, ухмыляясь жестокой улыбкой, напоминающей волчий оскал. — Я ощущаю лишь желание плоти.

— Вы хотите еще что-нибудь съесть?

— Да... вас.

Взгляд его карих глаз пронзил ее, словно насквозь.

— Это заметно по вашему виду, — улыбнулась она в ответ.

— Мои слова не расходятся с делом. Моя любовь к вам заняла все мое существо. Тело, руки, ноги, голову — всего. Я постараюсь согреть вас.

— Но я совсем не замерзла.

— Нет замерзли. Очень замерзли. Я чувствую одиночество и холод вашего сердца и слышу горькие рыдания, рвущиеся из глубины души. Идите ко мне.

Он обнял ее сильно, но не грубо. Его губы скользнули вдоль ее шеи за ухо. У нее не было сил сопротивляться ему. Волосы их спутались. Она чувствовала, как его усы щекочат ей грудь, склоняясь все ниже. Она испытывала необычное, почти болезненное чувство, заставляющее сжиматься ее горло и дрожать руки.

С каждым мгновением она все теснее прижималась к нему. И когда он выпустил ее из своих объятий, она зашаталась, как пьяная. В его глазах светилось настойчивое желание. Анжелика вышла из комнаты и прошла в спальню. Здесь она принялась срывать с себя одежду, лихорадочно рванула крючки корсажа, юбки с шумом упали к ее ногам. Она дрожала всем телом, ощущая холодок под батистовой сорочкой.

Опустившись в кровати на колени, она распустила волосы. Она чувствовала прилив страсти, ей было не до размышлений. Пусть он потерял все, но разве может это служить им помехой.

Она пустила волосы потоком по обнаженной спине, ощущая их ласковое прикосновение и перебирая их пальцами, откинула назад голову и закрыла глаза.

Ракоци, стоя в дверях, смотрел на нее. Неясный свет масляного ночника в изголовье кровати освещал изгибы ее полных бедер. Ему была

заметна их дрожь. Отблески света переливались в ее густых темно-каштановых волосах. Жемчужное кольцо все еще висело у нее на шее.

Сквозь полуопущенные веки она смотрела, как он приближается к ней. И тут ее словно пронзило воспоминание. Да, он напомнил ей ее первого мужа — графа де Пейрака, сожженного на Гревской площади. Он только был поменьше ростом и не хром.

Анжелика с легким вздохом протянула вперед руки, призывая его, к себе. Он склонился к ней и страстно заключил ее в свои объятия. Она без всякого сопротивления подчинилась его ласкам. Какое-то утонченное, неиспытанное ранее наслаждение овладело ею.

«Какое счастье быть с мужчиной...» — думала она.

Три ночи она спала, прижавшись к его длинному худощавому мужскому телу. Кровать была теплой. Занавеси не раздвигали. Она упивалась вновь открытым блаженством лежать рядом с мужчиной и засыпать в его объятиях.

Ближе к утру, когда они сладко спали, она выскользнула из его объятий и, лежа рядом с ним, ласкала его и гладила его мягкие волосы. При мысли о том, что она может вновь остаться одна, ее бросало в холод. Она даже не задавала себе вопроса, почему она полюбила его. Да и зачем?

Он просыпался мгновенно, как человек, который всегда начеку и готов встретить опасность. Какой-то миг он с удивлением смотрел на нее, будто она была добычей, оказавшейся в кровати завоевателя. Но тут же обнимал ее, прижимал к себе, и она покорно льнула к нему, испытывая необъяснимое блаженство от прикосновения рук, ласкающих ее тугие груди. Он поражался, как она могла сохранить красоту и свежесть юности до такого возраста. Она так страстно ласкала его, ее способность любить была так безгранична, что она сама просила его о любви и принимала ее с какой-то очаровательной робостью.

— Я каждый раз испытываю новые чувства, — шептал он ей прямо в ухо. — Раньше я считал, что ты чересчур сильная, чересчур холодная, чересчур умная, чтобы быть такой женственной. Но ты, обладая этими достоинствами, оставалась очаровательной женщиной. Будьте моей женой.

— Но у меня дети.

— Мы заберем их с собой и сделаем из них настоящих героев.

Анжелика попыталась представить ангелочка Шарля-Анри в роли борца-мученика за святое дело освобождения Венгрии. Она рассмеялась. Ракоци прижал ее к себе.

— Как вы прелестны! Я не могу жить без вас! Как только я покину

вас, вся кровь вытечет у меня из жил. Вы не должны расставаться со мной!
Он вдруг насторожился и прислушался. Лицо его потемнело.

— Кто здесь?

Ракоци распахнул занавеси. В дальнем углу комнаты открылась дверь, и на пороге показался Пегилен де Лозен. За его спиной покачивались белые плюмажи королевских мушкетеров.

Лозен прошел вперед и отсалютовал Ракоци шпагой.

— Принц, — сказал он, выполняя дворцовый этикет, — именем короля вы арестованы.

После минутного колебания венгр спрыгнул с кровати и без тени смущения поклонился маркизу.

— Мой плащ на спинке стула, — сказал он холодно. — Не будете ли вы так любезны передать его мне? Как только я оденусь я последую за вами. Анжелике казалось все происходящее словно в кошмарном сне.

Подобные сцены не раз представлялись ей за прошедшие три ночи.

Но сейчас она была так поражена, что не смущалась своей наготы.

Лозен влюбленными глазами смотрел на нее и даже послал ей воздушный поцелуй. Но вдруг, становясь серьезным, он произнес:

— Сударыня, именем короля вы арестованы!

Кто-то постучал в дверь кельи и тихонько, будто на цыпочках, вошел. Анжелика даже не посмотрела на вошедшую, наверное, еще одна монахиня из тех, что приносит жидкую похлебку и ходит, опустив глаза долу. Анжелика потерла руки, разгоняя кровь, ибо келья была сырой и холодной и, взяв иглу, погрузилась в работу.

Взрыв хохота над самым ее ухом заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Молоденькая монахиня, которая только что вошла в келью, покатывалась со смеху.

— Мари-Агнесса! — воскликнула Анжелика.

— Бедная моя Анжелика! Если бы ты знала, как смешно выглядишь в роли затворницы, осужденной сидеть за вышиванием.

— Мне нравится вышивать... но не в таких условиях. А как ты оказалась здесь. Кто разрешил тебе сюда прийти?

— А я не нуждаюсь ни в чьем разрешении. Я живу здесь. Ты находишься в моем монастыре.

— Так это монастырь кармелиток Святой Женевьевы?

— Да, конечно. Благодарю судьбу за то, что она привела тебя сюда. До сегодняшнего дня я не знала имени дамы из высшего общества, которую заточили в моем монастыре. Мать-настоятельница дала мне разрешение

посетить эту даму. И, конечно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

— Мне очень жаль, но я сама не знаю, чем ты сможешь помочь мне, — горестно сказала Анжелика. — За три дня пребывания здесь я поняла, что меня собираются держать здесь строго. Послушницы, которые приносят мне похлебку, похожи на глухонемых. Я просила, чтобы мне прислали мать-настоятельницу, и никак не дождусь ее прихода.

— Нам приходится нелегко, исполняя точные приказы Его Величества, когда он посылает к нам заблудшую овечку, которую надо держать подальше от стада.

— Благодарю за комплимент.

— Так мы называем друг друга. Мы такие же, но на нас нет позорных пятен. — Ее зеленые глаза, так похожие на глаза старшей сестры, заблестели на похудевшем от поста лице. — А на тебя наложили епитимий, чтобы ты замолила свои грехи.

— Ох уж, лицемеры! Уж если я и согрешила, то всех придворных дам надо держать под замком.

— На тебя был донос из Братства Святого Причастия.

Анжелика с удивлением посмотрела на сестру.

— Неужели ты не знаешь, что это общество хочет покончить с распущенностью. Они подают королю данные о частной жизни его подданных. Они шпионят за всеми, и редко кому удастся скрыться от их шпионов.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из моих слуг находится на службе у этого Братства и доносит о моей личной жизни?

— Конечно, ты такая же, как и остальные при дворе и вообще в Париже.

Погруженная в свои мрачные мысли, Анжелика сделала несколько маленьких стежек.

— Так вот откуда король узнал, что я прячу Ракоци. Мари-Агнесса, а не сможешь ли ты узнать, кто предал меня королю?

— Может быть, и смогу. Среди наших сестер есть и благородные дамы, которым известны любые секреты.

На следующий день она пришла с хитрющей улыбкой, и Анжелика сразу поняла, что ей удалось кое-что узнать.

— Ну вот я и узнала. Тебе следует поблагодарить мадам де Шуази за то, что она старается вырвать тебя из лап дьявола.

— Мадам де Шуази?!

— Да, именно она. И она уже давно заботится о твоей душе.

Покопайся в памяти и припомни, кого она настойчиво предлагала тебе в прислуги?»

— Великий боже! — простонала Анжелика. — Да не одного, а целую дюжину. Вся прислуга моих детей принята по ее рекомендации.

Мари-Агнесса расхохоталась так, что чуть не закашлялась.

— До чего же ты наивна, бедная моя Анжелика! Я знала, что у тебя чересчур доверчивая душа, чтобы жить при дворе.

— Откуда же мне было знать, что кто-то беспокоится о моей душе?

— Они беспокоятся обо всех. Господу нужны искренние слуги и покорные и в этом сила Братства. Они не останавливаются ни перед чем во имя спасения заблудших душ.

— Только не говори мне, что ты на их стороне, — вспыхнула Анжелика. — Или я никогда больше не буду разговаривать с тобой.

Монахиня как-то двусмысленно улыбнулась, затем скромно опустила глаза и сказала очень серьезно:

— Один бог рассудит нас.

Затем она снова заверила Анжелику, что сделает все возможное, чтобы помочь ей и разузнать ее дальнейшую судьбу. Но было ясно, что она не будет вмешиваться в ход событий. Это зависело от Братства Святого Причастия.

— Не забывай, что в моем деле замешана политика — напомнила ей Анжелика. — Ракоци был иностранцем-революционером и...

— О, это им абсолютно безразлично. В глазах фанатиков любовник — это просто любовник. Им совсем не важно, кто он... но, конечно, если он не сам король. Может быть, именно он и спасет тебя!

Шли дни. И вдруг неожиданный визит Солиньяка. Он долго болтал, а она терпеливо слушала его. Ей следует послушать специальную проповедь, посвященную искушению плоти, ибо три ночи, проведенные с Ракоци, осквернили ее. Ей нужно очиститься. Но Ракоци, что они сделали с ним? Нет, ей нельзя о нем думать, чтобы не утратить мужества и не расплакаться.

— Вы пришли ко мне от имени Короля? — спросила Анжелика, когда он наконец закончил свое утомительное душеспасительное разглагольствование.

— Конечно, сударыня. Только приказ Его Величества заставил меня предпринять этот шаг. По нашему мнению, вы еще недостаточно времени провели в раздумьях.

— И как король думает поступить со мной?

— Вы свободны, — ответил Солиньяк, покусывая губы. — И давайте пойдем друг друга правильно. Конечно, вы можете покинуть монастырь и

поселиться в своем отеле дю Ботрей. Но в силу определенных обстоятельств вы не будете появляться при дворе, пока не получите специального приглашения.

— Значит, я потеряла все свои привилегии?

— Это уже другой вопрос. Едва ли мне нужно добавлять к сказанному, что ваша жизнь в отеле, пока вы будете ожидать приглашения, должна быть образцом добродетели. Вы должны себя вести так, чтобы вас не в чем было упрекнуть.

— Но кто же будет упрекать меня? — резко спросила Анжелика.

Солиньяк не удостоил ее ответа. Он поднялся. Анжелика вдела нитку в иголку и принялась за шитье.

— Но, сударыня, — удивился Солиньяк, — разве вы не поняли, что я вам сказал?

— Что, сударь?

— Вы свободны.

— Благодарю, сударь.

— Я могу проводить вас до двери вашего дома.

— Премного благодарна. Но куда мне спешить? Я не так уж несчастлива здесь. И я выйду на свободу тогда, когда сама этого пожелаю, и так, как я того захочу. Передайте благодарность королю. Благодарю и вас!

Сбитый с толку ее учтивостью, Солиньяк поклонился и вышел.

Анжелика забрала с собой лишь те вещи, которые могла унести с собой в руках. За остальными она решила послать на следующий день. Да и во время ареста ей немного удалось захватить с собой. Ей хотелось вернуться домой пешком, чтобы полностью осознать, что она свободна.

— Почему Братство Святого Причастия так безжалостно со мной? — спросила она у Мари-Агнессы, когда пришла попрощаться с ней. — Неужели другие меньше грешат, чем я? Теперь, когда ты открыла мне глаза, мне легче будет избегать расставленных ими ловушек. Ведь именно мадам де Шуази передала мне приказ короля об изгнании меня из Фонтенбло. И лишь потом я узнала, что он ей этого не приказывал, и я чуть было не сделала страшную ошибку. Но чего я не могу понять, так это то, почему они так рьяно преследуют тех, кто не доставляет им никакого беспокойства.

— Очевидно, все же в тебе есть что-то такое, что настраивает против тебя благонамеренных людей, — задумчиво произнесла сестра. Она разговаривала с Анжеликой через деревянную решетку, ибо монахиням строго-настрого запрещалось разговаривать с посетителями без этого

барьера.

— А что посоветовал тебе месье де Солиньяк?

— Отправиться домой и вести там примерный образ жизни, подальше от соблазнов двора.

— Так сделай все наоборот, по крайней мере по первой части этого наставления. Сейчас же отправляйся в Версаль и постарайся увидеться с королем.

— Но если приказ исходил от него, то я рискую навлечь на себя гнев короля.

— Ты можешь позволить себе этот риск, — запальчиво сказала Мари-Агнесса. — Пожалуй, нет ни одного человека, который бы не знал, что король без ума от тебя, и его гнев — это не что иное, как проявление ревности.

А мадам де Шуази и месье де Солиньяк стараются при каждом удобном случае распалить его гнев. Займи снова подобающее место. Говорят, что для короля ты, как яблоко на верхушке яблони, и что твоя добродетельность отвергла все его попытки овладеть тобой. Так неужели ты должна покинуть двор и жить так, как живут отверженные без гроша в кармане и преступники, за которыми гонится полиция королевства? Тебя одурачили фанатики и король, и ты лишилась всего!

— Мари-Агнесса, твои рассуждения удивляют меня. Ты считаешь меня дурой, и ты права. Если бы ты только была рядом со мной и помогала бы мне своими советами! Не могут понять, что привело тебя к кармелиткам. Когда ты решилась уйти в монастырь, я подумала, что это просто прихоть, но ты действительно постриглась. И теперь каждый раз, когда мы встречаемся, я поражаюсь твоему монашескому одеянию.

— Чего поражаться? — Мари-Агнесса подняла голову. В желтоватом свете свечи, горевшей в углу комнаты, были видны ее широко раскрытые глаза. — Вспомни, Анжелика, у меня был ребенок. Я была матерью, и ты сама спасла меня от смерти. А что стало с моим ребенком, с моим сыном?

Я оставила его этой колдунье де Вуази. Порой я думаю о его невинном маленьком тельце, моей плоти и крови, принесенной в жертву на алтарь дьявола тайными кудесниками Парижа. Я знаю, что они делают на своих Черных Мессах. К ним приходят за помощью в делах любви ради денег и власти, одни хотят умертвить других, иные возвысить кого-нибудь. Я часто думаю о своем ребенке... Они пронзили его сердце длинными иглами, выпустили из него кровь и смешали ее с требухой, издеваясь над святым духом.

И, когда я вспоминаю об этом, я думаю о том, что если бы для

искупления вины мне нужно было сделать больше, чем просто уйти в монастырь, я сделала бы это.

Анжелика содрогнулась, припомнив этот разговор. Она шла по дороге, ведущей из монастыря. В Париже уже появились уличные фонари. Ла Рейни, новый начальник полиции, сможет сделать Париж чистым, ярко освещенным городом, где даже с наступлением темноты смогут прогуливаться честные женщины.

Высокие фонарные столбы с петухом — символом бодрствования — повсюду лили свой свет. Но вряд ли, подумала Анжелика, Ла Рейни сможет снять с города темный покров ненависти и преступлений. Она раздумывала о том мире, в котором прожила долгие годы, со всеми его искушениями, удовольствиями и ужасами. Что же, в конце концов, победит: силы тьмы или света?

Не падет ли небесный огонь на этот проклятый город, когда в нем не найдется ни единой чистой души? Слова сестры, сказанные на прощание, подняли в ее душе волну страха. Она ощущала угрозу со всех сторон.

В отеле дю Ботрей ее встретила малочисленная прислуга. Большинство слуг разбежались. По тому беспорядку и разрушению, которые встретили ее в доме, она смогла оценить силу королевского приказа и немилости. Она спросила о Флоримоне, и Барба сказала, что у них нет никаких известий о мальчике. Известно лишь, что в Версале ему отказали и что он уже не паж.

— Ты уверена? — в ужасе спросила Анжелика.

«Неужели они осмелились выместить зло и на Флоримоне?»

Не было ни учителя фехтования Мальбрана, ни аббата де Ледигера. Исчезли и девицы Жиландон.

«Как же их много! Теперь я знаю, что именно эти распутницы предали меня».

Шарль-Анри смотрел на мать своими большими голубыми глазами. Ей захотелось усадить его на колени и приласкать, ибо теперь он являлся для нее самым ценным, что осталось у нее в этом мире. Но внезапно она почувствовала слабость. Ее собственное дитя стало вдруг причиной ее угнетенного состояния.

Вместо этого она предпочла закрыться у себя в комнате и приложиться к бутылке со сливовой настойкой, которая и раньше помогала ей пережить одиночество души и набраться сил для предстоящей борьбы. Немного спустя, уже полупьяная, она опустилась на колени у кровати.

— О боже, если твой небесный огонь падет на этот город, пожалей меня. Помоги мне. Отнеси меня снова на те зеленые луга, где меня ждет

МОЯ ЛЮБОВЬ...

Часть четвертая.

БОРЬБА

Глава 23

Версаль купался в ярком свете. Теплое дыхание апрельского дня окутывало дворец золотисто-розово и дымкой. — Как хорош Версаль! — восхищалась Анжелика. Настроение у нее поднялось: душевные муки остались позади. В Версале поневоле подумаешь о благодарности богу и королю, который выстроил это чудо.

И все же Анжелике пришлось удостовериться, что Солиньяк не обманул ее, и здесь ее вовсе не ждали. Ей удалось передать послание Бонтаму, и когда он пришел на условленное место встречи у сквера, то подтвердил запрет короля. — Несколько дней подряд король даже слышать не мог вашего имени, и мы даже боялись упоминать его при нем. Он очень обижен на вас, сударыня. И вы сами понимаете, каким образом.

— Не имею ни малейшего понятия, Бонтам. А могу я сама повидать короля?

— Да вы в своем уме, сударыня? Я же только что сказал, что король не хочет и слышать о вас.

— Но если бы он увидел меня, Бонтам, и если бы вы помогли мне в этом... вы знаете, что я добилась бы прощения.

Бонтам потер кончик носа в глубоком раздумье. Он знал натуру своего хозяина лучше, чем королевский исповедник, и знал, насколько далеко он может зайти, чтобы не вызвать недовольства короля.

— Хорошо, сударыня. Я попытаюсь убедить короля увидаться с вами. Тайно, разумеется. И если вы получите прощение, то он простит и меня.

Он посоветовал ей быть в гроте Тетис, ибо весь двор в этот день был на, большом канале, где спускали на воду малый флот.

— Корабли поплывут к Трианену, и король сможет уйти, не привлекая внимания. Он сможет пройти в грот Тетис мимо дворца. Но я не могу сказать вам, когда это будет. Придется набраться терпения, сударыня.

— Хорошо. Грот Тетис превосходное место, по крайней мере, не буду я страдать там от жары. Месье Бонтам, я никогда не забуду того, что вы сделали сегодня для меня!

Слуга поклонился. Он понял значение ее слов и подумал, что у него на руках может оказаться козырная карта. Он уже давно недолюбливал мадам де Монтеспан.

Грот Тетис был достопримечательностью Версаля, ибо был вырублен прямо в гранитном утесе, расположенном к северу от дворца. Анжелика

прошла через один из его трех входов.

Солнечные лучи золотили барельеф Аполлона, погружавшего свою колесницу в море, символизируя уход бога света в царство Тетис на склоне дня.

Внутри грот напоминал спальню. Подушки из грубо отесанных камней, в нишах отделанные перламутром тритоны дули в завитые в рог раковины, а украшенные разноцветными ракушками зеркала создавали перспективу бесконечности, отражаясь друг в друге.

Анжелика присела на гребешок раковины, сделанной из яшмы. Вокруг грациозные нимфы поднимали шестирожковые канделябры, сделанные на манер водорослей. Из рожков били струи переливающейся всеми цветами радуги воды. Сотни птичек порхали в розовой дымке под крышей грота, создавая иллюзию нахождения в цветущей аллее.

Сначала казалось, что они и на самом деле живые. Но, приглядевшись, можно было заметить, что крылья их сделаны из серебра, а туловище — из перламутра. Это было последним изобретением садовника-механика. Звуки водяного органа перекачивались в гроте.

Анжелика вовсе не скучала, слушая эту музыку и разглядывая чудеса, окружавшие ее. Здесь было искусство и мастерство, достигшие совершенства. И было понятно, почему король так любил это место.

Порой он приглашал туда придворных дам, и они вместе слушали музыку и восхищались искусными творениями. Анжелика опустила палец в кристально чистую воду. Ей не хотелось думать заранее о предстоящем разговоре, готовиться к нему. Она решила действовать по вдохновению. Но время шло, и она стала беспокоиться.

Ведь она ждала короля. Она вспоминала свои предыдущие встречи с ним. Она боялась и любила его.

— Если я сейчас поддамся панике, то я погибла, — сказала себе Анжелика. — Я не должна бояться его. Страх означает поражение. Ведь моя судьба в руках короля.

Она вздрогнула. Ей показалось, что она услышала позади себя шаги. Но нет, там никого не было. Она посмотрела в сторону главного входа, откуда открывался вид на заходящее солнце. Сверху над входными дверями сияла королевская эмблема: монограмма была выложена из крошечных ракушек. Корона над нею, украшенная королевскими лилиями, была сделана из перламутра, сиявшего, как золото. Анжелика не могла отвести глаз от этой эмблемы. Она чувствовала, что кто-то стоит рядом с нею, но у нее не было сил оглянуться. Когда же, наконец, она обернулась, то тут же поднялась, увидев короля, и застыла как вкопанная, забыв о

реверансе. Король вошел в грот через потайную дверь, которая выходила на северную террасу и которой пользовались слуги во время приемов. Король был одет в костюм из красной тафты, довольно скромно отделанный прелестными кружевами у шеи и на запястьях. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Ну, сударыня, — сказал он. — Неужели вы не боитесь моего гнева? Или вы не поняли того, что вам передал Солиньяк от моего имени? Или вы хотите скандала? Или мне нужно сообщить вам при свидетелях, что ваше присутствие при дворе нежелательно? Я уже потерял всяческое терпение. Ну же, отвечайте мне!

Вопросы его сыпались, точно град.

— Я хотела видеть вас, сир! — просто ответила Анжелика.

Какой мужчина, встретившись с таинственным светом ее изумрудных глаз в золотых тенях грота Тетис, смог бы устоять перед ней? А король был мужчиной. Он видел, что чувства ее непритворны, она дрожала. Маска суровости мигом сошла с его лица.

— Тогда... тогда почему же вы так поступили? — спросил он почти печально. — Такая недостойная вас измена...

— Сир, отверженный искал у меня пристанища. А женщины всегда поступают по велению сердца, а не по долгу бездушных принципов политики. Каковы бы ни были его преступления, в тот день он был несчастным человеком, умирающим с голоду.

— Дело совсем не в политике. Стал бы я беспокоиться, если бы вы просто приютили его, накормили и дали улизнуть! Но ведь вы стали его любовницей! Вы поступили, как обыкновенная шлюха!

— Это очень грубые слова, сир. Я помню, что вы были более снисходительны, когда месье де Лозен был виновником прискорбной ссоры между ним и моим мужем в Фонтенбло, а ведь тогда меня действительно можно было считать виноватой.

— С тех пор прошло много времени, — сказал король. — И я не хочу, чтобы вы отдавали другим то, что хотите отдать мне.

Он принялся расхаживать взад и вперед, задевая на ходу то серебряных птичек, то щекастых тритонов. Словно просто ревнивый смертный, он изливал свой гнев, печаль и разочарование.

— Я хотел быть терпеливым. Я надеялся, что когда вы узнаете меня получше, ваше сердечко, может быть, взволнуется... и тогда...

Я искал пути, чтобы вы стали моей, и когда увидел, что излишняя торопливость может помешать» я решил повременить.

Прошли годы, да годы, с того дня, когда я вас впервые увидел в

костюме весны... и вот вы пришли сюда, явились к королю без приглашения... Но как же вы красивы и как смелы!.. Но я обкраден со всех сторон. Ваши поцелуи не были ни обещанием, ни признанием. Ваши улыбки, ваши слова — все это было лишь уловками, хитрыми ловушками, в которые я попадался раз за разом. Я так страдал от того, что не могу заключить вас в свои объятия, не могу поступить так, как мне хочется... Что же хорошего было в моей терпеливости, в моей заботливости? Как же вы должны презирать меня, если не раздумывая отдались этому дикарю с Карпат! Неужели вы думаете, что я могу простить вас? Но почему вы так дрожите? Вам холодно?

— Нет, страшно.

— Вы боитесь меня?

— Нет, вашей власти, сир.

— Мне очень жаль. — Он осторожно обнял ее руками за талию. — Не бойтесь. Вы единственный человек во всем мире, чей страх передо мной причиняет мне боль. Я бы очень хотел доставить вам радость, счастье, приятные минуты.

Чего бы я не дал, чтобы увидеть вашу улыбку! Не дрожите, любовь моя, я не сделаю вам больно. Я просто не смогу этого. Прошедший месяц был для меня сущим адом. Мне повсюду чудились ваши глаза. Но я не мог избавиться от мысли, что вы в объятиях этого Ракоци, О, как бы я хотел разделаться с ним!

— И как вы с ним поступили, сир?

— Так его судьба все ещё беспокоит вас? — усмехнулся король. — И только ради этого вы проявили такое мужество, появившись передо мной? Тогда успокойтесь. Ваш Ракоци даже не в тюрьме.

Смотрите же, как вы недооцениваете меня. Я осыпал его милостями. Я дал ему все, что он так добивался от меня давным-давно. Он вернулся в Венгрию с карманами, полными золота, и все для того, чтобы посеять раздор между германским императором, венгерским королем и украинцами. Это совпадает с моими планами, ибо мне совсем не нужна такая сильная коалиция в центре Европы. Да, все, что ни делается, все к лучшему.

Из всего сказанного Анжелика поняла только одно: он вернулся в Венгрию. Ее, как громом поразило. Она сама не смогла бы ответить, насколько глубоки ее чувства к Ракоци, но она ни на минуту не допускала мысли, что больше не увидит его никогда.

Но ведь он вернулся в свою страну, такую дикую и далекую, будто оказался на другой планете. Король словно вычеркнул его из жизни

Анжелики, и она никогда не сможет встретиться с ним.

Ей хотелось взвыть от злости. Ей так хотелось увидеть Ракоци! Ведь он был ее любовником — хорошо сложенный мужчина, искренний и пылкий. Он был нужен ей. Никто не имеет права распоряжаться судьбами других людей, словно это не люди, а марионетки. Она раскраснелась от гнева.

— По крайней мере» вы хоть дали ему кучу денег! — закричала она. — Так что теперь он сможет сражаться с королями, сбрасывать их с тронов и избавлять других людей от тиранов, которые обращаются со своими подданными, как с куклами. Теперь он сможет дать им свободу, свободу думать, дышать, любить... — Замолчите! — король схватил ее за плечи. — Замолчите!.. — он осекся и продолжал уже спокойно. — Я умоляю вас не оскорблять меня, любовь моя. За это я не смогу простить вас. Не проявляйте ко мне такую ненависть. Наверное, мне самому не следовало говорить о тех вещах, которые разделяют нас. Нам следует лучше понять друг друга. Успокойтесь. Пойдемте.

Он подвел ее к краю бассейна, вода в котором переливалась, как жемчужная. Анжелика тяжело дышала, в горле стоял комок, зубы крепко стиснуты. Король старался успокоить ее. Он вытер ей пальцами лоб, так как знал, что ей это нравилось. — Я прошу вас успокоиться. Я знаю, что мадам дю Плесси де Белльер никогда не простит мне этого.

И, разревевшись, она покорилась ему. Усталая, с надломленной волей, она прижала голову к его груди. Он победил ее. Заходящее солнце окрашивало ее волосы в красноватые и золотистые тона. Она и представить себе раньше не могла, какой всепобеждающей силой обладает он.

Он смог бы, пожалуй, приручить даже самое упрямое животное. Он обладал терпением дикого зверя, поджидающего добычу. Он присел рядом с ней, прижал ее к себе и ласково заговорил:

— Какая странная у нас любовь, Анжелика!

— Любовь ли это, вот в чем вопрос?

— Для меня — да. Ибо, если это не любовь, то что это такое? — спросил он страстно. — Анжелика... это имя постоянно преследует меня в мыслях! Когда я заканчиваю какую-нибудь работу, я закрываю глаза. Тихонько кружится голова и так же тихо ваше имя слетает у меня с уст... Анжелика! Иногда я пугаюсь этой любви, которая глубоко запала мне в душу. Она, как рана, которая никогда не затянется. Одна вы сможете вылечить меня.

Я мечтаю... да, да, иногда я мечтаю по ночам, я представляю себе, что я обнимаю ваше теплое, сладко пахнущее тело, лежащее рядом со мной. Я

вижу ваши глаза... Я мечтаю о вашей улыбке, такой милой, такой ласковой, такой загадочной, сияющей мне из толпы придворных в тот самый день, когда прибыло посольство, и я, король, тащил свою лохматую тяжелую мантию и скипетр по зеркальному залу. О вашем взгляде, который одобряет мои поступки или, нахмурившись, осуждает меня, ревнует... такие простые и такие милые вещи, которых мне никогда не суждено узнать!

— Неужели ваши любовницы не дают вам всего этого?

— Они были моими любовницами, но не подругами. А я хочу именно этого. И вот, теперь...

Он бросил на нее взгляд, в котором отражалось не желание, а нечто другое — нежность, восхищение, обожание — все это слилось в одном взгляде короля, и это было так необычно, что Анжелика не могла отвести глаз от его лица.

Они молча и всепрощающе глядели друг на друга. Звуки водяного органа смешивались с журчанием воды в стройном хоре невидимой симфонии и окутывали их призрачным обещанием грядущего счастья, Анжелика боялась, что она уступит первая. И, отвернувшись, она попыталась выйти из-под власти его обаяния.

— Что происходит между нами, Анжелика? Что случилось? В чем причина вашей замкнутости, которую я тщетно пытаюсь сломить?

Она прижала руки ко лбу и попыталась рассмеяться.

— Не знаю. Может быть, гордость, а может быть, страх. Я не обладаю качествами, которые нужны для выполнения очень трудной задачи — быть королевской любовницей.

— Трудной задачи? Как вы жестоки!

— Простите, сир. Но позвольте мне быть откровенной хоть сейчас. Быть вечно ослепительной, вечно лицемерной, тащить тяжелую ношу ревности и интриг... и неверности Вашего Величества. О нет, это не для меня. Служить забавой, быть игрушкой, которую потом выбросят за ненадобностью. Это погубило мадемуазель де ла Вальер, и я не такая толстокожая, как мадам де Монтеспан.

Она резко поднялась.

— Храните ей верность, сир. Она подходит вам куда больше, чем я. И, пожалуйста, не искушайте меня больше.

— Разве вы уже не искушены?

Он схватил ее руками и зарыл лицо в ее золотистые волосы.

— Ваши опасения беспочвенны, любимая. Вы знаете меня очень поверхностно. Какую другую женщину я мог бы простить? Но вы... вы

рождены быть султан-баши, как сказал этот смуглый посол, который так хотел увезти вас с собой. Вы одна можете повелевать королями.

Я склоняюсь перед вами. Я люблю вас тысячью разных любовью: за вашу слабость и за вашу печаль, которую я хотел развеять, за ваше очарование, которым хотел бы завладеть, за ваш ум, который нужен мне постоянно, как золото и мрамор, которые окружают меня. Вы даете мне все то, в чем я так нуждаюсь, — уверенность в себе.

Он взял ее лицо в свои руки и посмотрел ей в глаза, как будто взглядом хотел разгадать ее тайну.

— Я могу ожидать от вас всего, но знаю, что если вы согласитесь полюбить меня, то не обманете меня уже ни в чем.

Но до тех пор, пока вы не моя, пока я не могу услышать, как вы стонете от любовного изнеможения, я боюсь. Я боюсь, что вы ожидаете ловушки с моей стороны. Вот почему я тороплю вашу крепость со сдачей.

И тогда мне уже нечего будет бояться ни вас, ни всего света...

Вы когда-нибудь представляли себе это, Анжелика?.. Вы и я вместе... Мы были бы непобедимы...

Она молчала. Будто могучий ураган пронесся у нее над головой. Она стояла, закрыв глаза, повернув к королю свое бледное лицо, на котором он не мог прочесть решительно ничего. Он понял, что благоприятный момент миновал, и вздохнул.

— Вы не хотите отвечать мне сразу, не подумавши? Это очень мудро. Ну, горячая голова, я дам вам еще одну неделю на покаяние, чтобы ваше возмущение остыло и вы подумали над моими словами. Возвращайтесь в свой отель в Париже до следующего воскресенья.

Затем, я надеюсь, Версаль увидит вас вновь, вы будете еще прекраснее, чем прежде, и еще прочнее займете место в моем сердце, несмотря на всю тяжесть вашей вины. Увы, вы преподали мне урок, вы доказали, что как бы ни был могуществен король, он не в состоянии править любовью. Но я буду терпелив. Я не собираюсь отчаиваться. Мы еще с вами побываем на острове бога любви.

Да, дорогая, настанет день, когда я введу вас в Трианон. Я построил там небольшую пагоду из фарфора, и это будет наш приют любви: вдали от шума, от интриг придворных, которых вы так не любите, в окружении лишь цветов и деревьев.

До вас там не было никого. Каждая вещь, каждая плитка там предназначена для вас. И не возражайте. Оставьте мне надежду. Я умею ждать...

И, взяв ее под руку, он повел ее к выходу из грота.

— Сир, могу я узнать у вас о своем сыне? Лицо короля потемнело.

— Ваша семья вечно доставляет мне излишнее беспокойство. Мне пришлось лишиться его должности.

— Из-за того, что я впала в немилость?

— Никаким образом. У меня вовсе не было намерения причинить ему неприятности из-за этого. Но его поведение мне не нравится. Дважды он заявил, что Дюшес — мой главный эконом — хочет отравить меня. Он сказал при всех, будто видел, как главный эконом подсыпал какой-то порошок в мое кушанье.

С горящими глазами, в полный голос (я не знаю, он унаследовал вашу смелость) этот маленький паж заявил:

— Сир, не пробуйте этого блюда, месье Дюшес положил туда отраву! — и это он заявил после того, как проба была уже снята.

— О боже, — вздохнула Анжелика. — Сир, мне, право, очень неловко за моего мальчика. Но он такой нервный и впечатлительный.

— А в следующий раз он выкинул такой номер, что мне пришлось наказать его. Но я не хотел быть слишком суровым, и все из-за моих чувств к вам. Но там оказался герцог Орлеанский. Он нашел мальчишку забавным и захотел взять его с собой. Я дал разрешение. И теперь ваш сын в Сен-Клу — в летней резиденции моего брата.

Анжелика вся пошла радужными пятнами.

— Вы отпустили моего сына к этому подонку?

— Сударыня! — загремел король. — Выбирайте выражения. — Затем он смягчился и рассмеялся. — Да, вас ничто не переменит. Не преувеличивайте опасность, которая подстерегает вашего сына. В этом я с вами согласен, довольно аморальном обществе. С ним его наставник, аббат, который следует за ним повсюду, да еще его оруженосец.

Мне очень жаль, что я доставил вам неприятность. И, конечно, сейчас вы попроситесь в Сен-Клу?

— Сир, позвольте мне поехать в Сен-Клу!

— И даже больше того. Я дам вам поручение к Мадам, жене Филиппа, так что она примет вас и задержит у себя на пару дней, а тем временем вы увидите сына.

— Сир, вы так великодушны...

— Просто сильно влюблен. Не забывайте этого, сударыня, и не играйте моими чувствами.

Флоримон смотрел на нее, не отводя глаз.

— Клянусь, я не лгу вам, мама. Месье Дюшес пытался отравить

короля. Я видел это несколько раз. Он засовывал белый порошок под ноготь и сыпал его в королевский кубок, сразу после того как пробовал вино сам и передавал его королю.

— Ну, ну, мой мальчик, это невозможно. И потом, король ведь после этих случаев даже не заболел.

— Об этом я ничего не знаю. Может быть, это медленно действующий яд?

— Флоримон, ты сам не понимаешь, что говоришь. Ребенок не должен говорить о таких серьезных вещах. И не забывай, что король окружен преданными слугами.

— Кто же этого не знает? — ответил мальчик.

И он посмотрел на мать снисходительно, его взгляд напомнил ей взгляд Мари-Агнессы.

В течение часа она пыталась внушить ему, что все это он выдумал сам. Она уже выбилась из сил.

— И кто это вбил тебе в голову, что короля собираются отравить?

— Да все только и говорят об отравленных, — признался он чистосердечно. — Однажды герцогиня де Витри попросила меня приготовить экипаж для нее. Она отправилась в Париж к ля Вуазин. А я подслушивал у замочной скважины, о чем она говорила со старой колдуньей.

Она просила у нее отравы для своего старого мужа и приворотного зелья, чтобы обратить на себя внимание месье де Вивонна. А паж маркиза де Коасака рассказал мне, что хозяин его просил у колдуньи секрет выигрыша в карты и, кроме того, отравы для своего брата, графа де Клерман-Ледев, чьим наследником он является. И, — закончил он торжественно, — граф де Клерман умер буквально через неделю.

— Дитя мое, ты же сам не понимаешь какой опасности ты подвергаешься, рассказывая вслух эти сплетни, — еле сдерживаясь говорила Анжелика. — Никто не захочет иметь пажа, который выбалтывает тайны своего хозяина.

— Но я не сплетничаю! — закричал Флоримон, топнув ногой, — Я просто пытаюсь рассказать вам, но» похоже, говорю с глухой. — Он отвернулся с видом оскорбленного самолюбия и уставился в окно, стараясь скрыть дрожащие губы.

Он был уже не таким маленьким, чтобы расплакаться, но слезы сами навертывались на его глаза.

Анжелика не знала, что ей еще предпринять. Чего-то она не понимала в своем сыне. Почему-то он лжет чересчур явно и с раздражающей

самоуверенностью. Но с какой целью?

В отчаянии она повернулась к аббату де Ледигеру и набросилась на него.

— Мальчишку следовало бы хорошо вздуть. Я не слишком высокого мнения о вас как о воспитателе.

Молодой священник покраснел, как рак.

— Сударыня, я сделал все, что мог. Но по роду своей службы Флоримон узнал много секретов, и он решил...

— По крайней мере, вы должны были научить его держать их в тайне, — сухо сказала Анжелика. Она тут же вспомнила, что и он был протеже мадам де Шуази. А значит, и он шпионил за ней и предал ее.

Флоримон, наконец, справился со слезами. Он сказал, что ему надо прогуляться с маленькой принцессой, и попросил разрешения уйти.

Он вышел степенно, с чувством собственного достоинства, но стоило ему только пересечь террасу у входных ступенек, как он бросился бегом. И они услышали, как он затянул веселую песенку.

— Что вы обо всем этом думаете, месье де Ледигер?

— Сударыня, я никогда раньше не замечал, чтобы Флоримон лгал.

— Понятно, вы защищаете своего ученика, но, по-моему, теряете при этом чувство меры...

— Кто же этого не знает? — повторил аббат любимую фразу Флоримона. Он крепко сжал руки, выражая всем видом беспокойство. — При дворе даже самые порядочные люди находятся под подозрением. Мы все окружены шпионами...

— Вы должны хорошо в этом разбираться, месье аббат, наверное, мадам де Шуази не скупится, оплачивая предательство.

Аббат широко раскрыл глаза и побелел, как полотно. Он задрожал и упал на колени.

— Простите меня, сударыня, это правда. Мадам де Шуази направила меня в ваш дом, чтобы я шпионил за вами. Но я не предавал вас, клянусь вам! Я не причинил вам ни малейшего вреда, сударыня, никогда!

— О, поверьте мне... — снова начал аббат.

— Ладно, верю, — устало ответила Анжелика. — Но скажите мне, кто выдал меня Братству Святого Причастия? Верный Мальбран? На него это не похоже!

— Нет, сударыня. Он — порядочный человек. Мадам де Шуази послала его к вам, чтобы помочь его семье, которая слывет одной из самых уважаемых в провинции.

— Тогда, быть может, девицы Жиландон? Аббат заколебался. Он все

еще стоял на коленях.

— Я знаю лишь, что Мари-Анн ходила к своей благотельнице накануне вашего ареста.

— Значит, это она. Вошь неблагодарная! Вы хорошо исполняете свой долг. Не сомневаюсь, что скоро вы станете епископом.

— До этого не так просто дожить, сударыня, — пробормотал он. — И тут мне понадобится помощь мадам де Шуази. Я был самым младшим из 12 детей в семье и четвертым мальчиком. У нас не всегда хватало еды. Я хорошо вел себя, любил учиться и меня решили посвятить церкви. Мадам де Шуази несколько лет оплачивала мою учебу в семинарии.

И, когда я вышел в свет, она сказала, что я должен докладывать ей об всех аморальных поступках, которые увижу, и что это будет моя борьба с силами зла. И я действительно предполагал, что это справедливое и благородное дело. Но, когда я попал к вам, сударыня...

Все еще стоя на коленях, он посмотрел на нее таким преданным взглядом, что ей стало жаль его романтической пылкой страсти, которую она разбудила в его искреннем чистом сердце.

— Встаньте, — приказала она резко. — Я прощаю вас, потому что считаю порядочным человеком.

— Я предан вам всей душой, сударыня. И я люблю Флоримона, как брата. Вы не станете разлучать нас?

— Нет. Несмотря ни на что, я чувствую себя спокойнее, когда знаю, что вы находитесь рядом с ним. Но окружение монсеньера — это самое последнее место, которое я желала бы для него. Я знаю, как испорчены вкусы принца и всех, кто его окружает. И милый, живой мальчик, вроде Флоримона, не будет здесь в безопасности.

— Это верно, сударыня, — сказал аббат, поднимаясь на ноги и отряхивая с колен пыль. Я уже дрался на дуэли с Антуаном де Морелем, бароном де Велон, который, быть может, самый большой негодяй из всех. Вор, богохульник, атеист и садист. Он обучает, а потом торгует мальчиками, как лошадьми. И занимается этим в Опере.

Он попытался соблазнить и Флоримона, и за это я вызвал его на дуэль. Я ранил его в руку. У меня были так же дуэли с графом де Беврон и маркизом де Эффия. Я им дал всем понять, что мальчик — протеже короля и что я пожалуюсь королю, если кто-нибудь причинит мальчику неприятность.

Все так же знают, что вы его мать и находитесь в большой милости у короля. И, наконец, я устроил так, что он приставлен к двум принцессам и, следовательно, избавлен от дурного общества.

Ох, сударыня, моим глазам и ушам пришлось привыкнуть ко многим скверным вещам. В свите монсеньера говорят о мальчиках так, как среди мальчиков о девочках.

А женщины еще хуже мужчин, но их нельзя вызвать на дуэль. Мадам де Бланзак, мадам де Эспиньи де Мелун и мадам де Гранен — все охотятся за мной, и я просто не знаю, как избавиться от них.

— И за Флоримоном тоже?

— Нет, только за мной.

— Ах, вы бедняжка! — воскликнула Анжелика, не зная, то ли рассмеяться, то ли пожалеть его. — Наверное, мне нужно забрать вас отсюда.

— Не беспокойтесь, сударыня. Я понимаю, что Флоримону надо сделать карьеру. И поэтому ему лучше жить в доме принца крови. Я постараюсь оградить его и закалить его характер. Нет преград для того, у кого сильная рука и кому помогает бог. Ведь это входит в мои обязанности, не так ли?

— Да, конечно. Но вам не следовало привозить его сюда.

— Нельзя же противиться распоряжениям короля, сударыня. И, кроме того, мне кажется, что здесь он в большей безопасности, чем в Версале.

— Что вы имеете в виду?

Аббат наклонился к ней, оглядевшись вокруг, и сказал:

— Там на него было два покушения.

— Да, вы действительно потеряли голову, мальчик мой, — пожалла плечами Анжелика. — Вы просто помешались на той же почве. Кому нужна жизнь молодого пажа?

— Паж, чей голосок порой говорит правду, да еще чересчур громко.

— Не могу больше слышать об этом. Я уверена, что вы просто помешались на этом, наслушались сказок на ночь. У Дюшеса репутация честнейшего человека.

— Все придворные имеют хорошую репутацию. Разве можно кого-нибудь назвать негодяем или преступником? А каковы они на самом деле?

— Может быть, это и хорошо, что вы представляете все в черном цвете. Я вижу, что вы и в самом деле добрый ангел-хранитель Флоримона. Но все же я очень хотела, чтобы вы слегка умили воображение и Флоримона и свое. Не доверять начальнику Флоримона, королевскому виночерпию. Это абсурд!

— Но не верить пажу, который является вашим собственным сыном? Ох, сударыня, как же вы можете сомневаться в честности тех, кто беззаветно предан вам? Вы же и сами не представляете, сколько у вас

врагов при дворе! Они бы с радостью загнали вас и какую-нибудь ловушку. Но, если что-нибудь случится с вами, я умру от горя!

— Вы очень красноречивы, маленький аббат, — ласково сказала Анжелика. — Я порекомендую вас месье Бесюэ. Небольшое вдохновение украшает проповедь. И я постараюсь помочь вам.

Аббат де Ледигер открыл было рот, но в это мгновение кто-то вошел в комнату и их разговор прервался. Он поклонился Анжелике и отправился на поиски своего ученика.

Анжелика вернулась в гостиную. Через открытые двери в комнату проникал свежий ветер весны. Вдали виднелся Париж.

По совету короля Мадам послала своего управляющего с приглашением мадам дю Плесси задержаться у нее до следующего дня. Анжелика приняла приглашение довольно равнодушно.

Несмотря на все обаяние и роскошь, двор монсеньера состоя; ! из людей довольно сомнительной репутации, а свиты его сплошь из мальчиков-педерастов. Не лучшей славой пользовались и придворные дамы принцессы.

Анжелике казалось, что здесь нашли приют все те, кому было отказано в Версале. Красивые, но наглые женщины, большей частью сварливые и злые, и даже хуже, чем злые, развлекали монсеньера ссорами, сплетнями и интригами.

Анжелика пыталась увидеть «проклятого князя» содомитов — шевалье де Лоррена, который уже давно был фаворитом монсеньер; ! и фактически стал хозяином Пале-Рояля и Сен-Клу. Она была удивлена, не найдя его тут, и спросила об этом леди Гордон, шотландку, которая ей очень нравилась.

— Как? Вы не знаете? Лоррен в немилости. Сначала его посадили в тюрьму, а сейчас отправили в изгнание, в Рим. Это настоящая победа Мадам. Она уже давно боролась с ним, как со злейшим врагом, и, наконец, король помог ей.

Она предложила Анжелике переночевать с ней вместе в ком нате, где она спала с другими фрейлинами. Тут она и рассказала историю падения Лоррена. Анжелика так и заснула под скабрезные детали рассказа.

Все ее мысли были о Флоримоне, и она сама чувствовала себя будто окруженной тысячью угроз, ползающих вокруг нее, шипящих как змей.

Рано утром ее разбудил робкий стук в дверь, напротив которой она лежала. Открыв дверь, она увидела улыбающуюся Мадам на которой был накинут длинный газовый шарф.

— Именно вас я и хотела видеть, мадам дю Плесси. Не составите ли

вы мне компанию для прогулки?

— Я полностью к услугам Вашего Высочества.

Они тихонько спустились вниз по лестнице, по которой стояли дремлющие стражники, опирающиеся на алебарды. Анжел им припомнился дворец спящей красавицы из сказки.

Было прохладно, и Анжелика закуталась в плащ.

— Мне нравится гулять рано утром, — сказала принцесса, двигаясь быстрым шагом. — Сплю я плохо. Большую часть ночи я читаю, а только задремлю — и уже рассвет. А вы любите читать?

Анжелике пришлось признаться, что у нее редко бывает время для чтения.

— Даже в тюрьме? — спросила Генриетта Английская, улыбаясь. Но вопрос был задан явно без злого умысла.

— Я знаю так мало придворных, которые любят читать. Возьмите моего родственника — короля. Ему бывает приятно, когда писатель или драматург дарит ему первые экземпляры издания, но он никогда не прочтет оттуда ни строчки. А мне нравится читать. Я даже немного пишу. Давайте присядем.

Они присели на мраморную скамейку, расположенную в круге, куда сходились несколько тропинок. Принцесса почти не изменилась с тех пор, как Анжелика видела ее, когда играла с ней в карты в Лувре.

Она по-прежнему была маленькой и грациозной, как эльф. У нее была нежная, почти фарфоровая кожа, и она казалась намного деликатнее Бурбонов и Габсбургов — своих родственников, чьи грубые манеры она открыто критиковала.

Ела она мало, как птичка, а спала и того меньше, но искусством и архитектурой она интересовалась непритворно. Она помогала Мольеру, а теперь взяла шефство и над Расином. Хотя Анжелика и восхищалась умом принцессы, но находила ее чудаковатой.

— Сударыня, — заговорила принцесса после минутного молчания. — Я пришла к вам потому, что знаю, что вы женщина очень богатая и умеете хранить чужие тайны. Можете ли вы одолжить мне 4000 пистолей?

Анжелике понадобилось все ее мужество, чтобы не свалиться со скамейки.

— Мне нужна такая большая сумма для поездки в Англию, — продолжала принцесса Генриетта. — Я вся в долгах и уже заложила часть своих драгоценностей. Но я не могу сослаться на свою бедность перед королем. А ведь именно ради него я отправляюсь в Англию.

Он доверил мне поручение огромной важности — предостеречь моего

брата Карла II от союза с датским, испанским и германским монархами. Мне нужно быть красивой и обольстительной, чтобы представить Францию в лучшем виде.

А что может заменить лучший вид? Вы скажете — искусная речь. Но ведь вы и сами прекрасно знаете эти посольства. Надо тратить деньги направо и налево. Если же я буду скупиться, то не смогу успешно закончить свою миссию.

Она покраснела, но за бойкой речью старалась скрыть свое смущение. Это смущение было так необычно, что Анжелика решила быть великодушной.

— Надеюсь, Ваше Высочество, вы простите меня за то, что я не смогу вам дать все, что вы просите, сразу. 4000 пистолей мне так быстро не раздобыть, а вот 3000 я могу вам пообещать.

— Дорогая моя, как приятно мне это слышать! — воскликнула Мадам. Очевидно, она не рассчитывала и на эту сумму. — Уверяю вас, я рассчитаюсь с вами, как только вернусь. Мой брат любит меня и одарит подарками. Если бы вы только знали, как это важно для меня! Я пообещала королю, что добьюсь успеха. Ибо я его должница, он платит мне авансом.

Она схватила Анжелику за руки и крепко сжала. Руки ее были холодными и тонкими. Она готова была расплакаться от нервного напряжения.

— Если я потерплю неудачу, это будет ужасный удар. Я получила ссылку шевалье де Лоррена в обмен на это поручение. И если я не выполню его успешно, то он вернется обратно. А я не выдержу, если это чудовище снова появится в моем доме. Я тоже далеко не ангел, но его влияние на монсеньера и все его окружение просто ужасно.

Я больше не выдержу его присутствия. Антипатия монсеньера к женщинам достигла небывалых размеров — она превратилась в ненависть — и это все работа шевалье де Лоррена. Я знаю, как он опасен.

Если бы я была богата, то наверняка добилась бы успеха, но монсеньер отдавал ему огромные суммы денег и те подарки, что дарил нам король. Я не могу соревноваться с ним. Подобно насильнику, которому нет дела до того, как долго он терзает жертву и какими способами достигает того, чего хочет, он ухватился за монсеньера и отнял у него и совесть и деньги.

Анжелика даже не пыталась сдержать поток ее слов. Она видела, что принцесса находится в крайнем возбуждении. Она просто обезумела от радости, когда Анжелика согласилась занять ей такую сумму, и теперь до самого последнего момента принцесса будет сомневаться, сможет ли она

получить этот заем. Ведь все ее ближайшие друзья славились больше интригами и заговорами, чем великодушием.

— Вы обещаете мне, что я получу деньги до своего отъезда? — спросила она беспокойно.

— Даю вам слово, Ваше Высочество. Мне нужно поговорить со своим управляющим, но в любом случае, не позднее чем через неделю 3000 пистолей будет у вас.

— Как вы добры. Вы восстанавливаете мою веру в людей. Я уже не знала, куда обратиться за помощью. Монсеньер страшно зол на меня после ссылки де Лоррена. Он ругал меня последними словами, как пьяный сапожник.

И она продолжала свою исповедь дальше. Без сомнения, в другое время она пожалела бы об этом, ибо весь ее предыдущий жизненный опыт свидетельствовал о том, что она доверяла не тем людям, которые умели хранить ее секреты. Раньше она сказала бы себе, что мадам дю Плесси или опасна или глупа.

Но в этот момент перед ней была слушательница, покорно принимавшая ее излияния. Она рассказывала Анжелике о той борьбе, которую выдерживала в течение ряда лет, чтобы выбраться из того болота и грязи, и разврата, куда ее затащивали. Она бы никогда не вышла за монсеньера, если бы все было так плохо с самого начала.

— Он ревнует меня к моему уму, и страх, что никто не Любит меня или просто не думает обо мне хорошо, будет преследовать меня всю мою жизнь.

Она рассчитывала стать королевой Франции, но об этом сейчас не говорила. Это была ее главная претензия к монсеньеру — он был лишь брат короля. А слова ее о самом короле вызывали горечь.

— Если бы он не боялся так моего брата, Карла, он бы никогда не дал согласия на этот брак. Мои слезы, стыд, печальнее это ничего не значило для него. Его совсем не беспокоит деградация собственного братца.

— А вы уверены, Ваше Высочество, что вы не преувеличиваете? Королю, конечно, не нравится смотреть...

— О да. Я хорошо его знаю. Коронованной особе неприятно смотреть, как один из членов его семьи все глубже и глубже погружается в пучину порока. Но любимцы моего супруга не угрожают королевской власти.

Все, что им нужно, — это золото и беззаботная жизнь. И. король милостиво одарял их. Даже Лоррен имел от него все, что хотел. Монарх уверен в преданности монсеньера. Он вовсе не боится, что его братец окажется в рядах мятежников, вроде их дяди Гастона Орлеанского. Но

сейчас я нужна ему. Я напому ему, что я королевская дочь и что если со мной будут плохо обращаться, то у меня есть брат, и он отомстит за меня. Она глубоко вздохнула и прижала руки к сильно бьющемуся сердцу.

— Я не сомневаюсь в своей победе, и все же порой мне становится страшно. Меня со всех сторон, окружает ненависть. Монсеньер несколько раз пытался отравить меня.

Анжелика чуть не подпрыгнула:

— Мадам, вам не следует говорить о таких ужасных вещах и даже думать.

— Я не знаю, ужасные ли это вещи или обиденные. Ведь люди в наши дни умирают так легко.

Анжелика вспомнила о Флоримоне и разговорах с аббатом де Ледигер, и сердце ее заледенело от страха.

— Если вы, Ваше Высочество, так убеждены в этой опасности, то вам следует предпринять шаги с целью самозащиты. Обратитесь хотя бы в полицию.

Мадам посмотрела на нее так, будто Анжелика сказала явную нелепость. А потом разразилась хохотом.

— Ну и удивили же вы меня! Полиция? Уже не этих ли обормотов де Рейни вы имеете в виду? Вроде Дегре, который приказал арестовать моего советника, епископа Валенсии? Не будьте такой глупой, дорогая моя. Я знаю их всех хорошо. Она поднялась и разгладила складки своего голубого шелкового платья. И, несмотря на то, что ростом она была ниже Анжелики, выпрямившись, качалась выше ее.

— И помните, при дворе неоткуда ждать помощи, надо уметь самой защитить себя или... или умереть.

Обратно они шли молча. На губах у принцессы застыла меланхолическая улыбка. Ничто не могло ее отвлечь от чувства страха за свою жизнь, и это чувство постоянно преследовало ее.

— Если бы вы только знали, — неожиданно сказала она, — как я бы хотела остаться в Англии и никогда, слышите, никогда не возвращаться сюда!

Глава 24

— Мадам, — клянчили нищие, — мадам, когда попадем к королю и он коснется нас?

Они опять заполнили отель дю Ботрей. Они надеялись, что с помощью Анжелики вскоре попадут к королю. Она пообещала, что в следующее воскресенье они попадут к монарху. Сама Анжелика слишком была занята своими заботами, и поэтому она отправилась к мадам Скаррон, чтобы попросить ее помочь небольшой группе нищих попасть к королевскому доктору.

Она вспомнила, что не видела молодую вдову уже довольно давно. Это было... да во время праздника в Версале в 1668 году. Два года! Что стало с Франсуазой за это время?

Этими мыслями была занята Анжелика, когда ее экипаж остановился у дверей современного вида домика, где мадам Скаррон жила в бедности уже многие годы.

Она постучала в дверь, но ответа не было. Но, ведь если даже хозяйка отсутствовала, то в доме должна была остаться прислуга. Не получив ответа, Анжелика отправилась обратно. Но на ближайшем перекрестке затор из карет заставил ее экипаж остановиться. Случайно Анжелика повернула голову и посмотрела вдоль улицы. К своему удивлению, она увидела, как дверь дома мадам Скаррон открылась и оттуда выпорхнула сама Франсуаза, правда, в маске и плаще, но Анжелика легко ее узнала.

Вот это да! — воскликнула Анжелика, выскочив из экипажа. Она приказала слугам отправляться в отель без нее. Накинув на голову капюшон, она устремилась вслед за мадам Скаррон.

Вдова шла быстро, хотя у нее в руках были две большие корзины. Тут была какая-то тайна, и Анжелика хотела узнать ее, оставаясь незамеченной. Когда они добрались до Сите, мадам Скаррон решила нанять один из экипажей тех, которые тащит один человек, и которые называют «винегрет» (типа рикши).

Анжелика решила, что не отстанет от них и пешком, так как обычно «винегреты» двигаются не слишком быстро. Но вскоре она пожалела о своем решении.

Ей уже казалось, что путешествию не будет конца. Они пересекли Сену и двигались по бесконечным улочкам. Ей показалось, что они находятся где-то недалеко от дороги на Вожирар.

Анжелика чуть замедлила шаги и тут же потеряла повозку из виду. Через некоторое время она снова увидела экипаж, вынырнувший из какого-то переулка, но он уже был пуст.

Анжелика пришла в отчаяние. Но тут же она окликнула хозяина повозки и сунула ему экую. Без всяких колебаний человек указал ей подъезд, где он высадил мадам Скаррон.

Это был один из тех новых домов, которые во множестве строились в предместьях. Анжелика постучала бронзовым молоточком, висевшим у двери. Ей пришлось ждать довольно долго, прежде чем приоткрылся глазок, и девичий голос спросил, что ей нужно.

— Я бы хотела видеть мадам Скаррон.

— Но здесь нет мадам Скаррон. И я вообще не знаю никого с таким именем.

Глазок закрылся.

Анжелику распирало любопытство, ей страшно хотелось разгадать эту тайну.

«Ну, дорогая моя, — подумала она, — вы меня плохо знаете, если думаете, что я отступлю».

Она знала, как заставить Франсуазу обнаружить свое присутствие, и решила воспользоваться этим способом. Она изо всей силы забарабанила в дверь, и глазок открылся.

— Я же сказала, что мадам Скаррон здесь нет! — крикнула служанка.

— В таком случае, скажите ей, что я здесь по поручению короля.

За дверью произошло какое-то замешательство, затем загремели запоры, и дверь отворилась. На верхней ступеньке лестницы, прислонясь к перилам, стояла Франсуаза Скаррон. Выражение ее лица было обеспокоенным.

— Анжелика! Ради бога, что случилось?

— А вы, похоже, не рады нашей встрече? А ведь я чертовски устала, гоняясь за вами. А вы как себя чувствуете?

Анжелика поднялась по лестнице и поцеловала подругу. Франсуаза казалась настороженной.

— Так вас послал король? И почему вас? Неужели изменились его последние указания?

— Нет, не думаю, — ответила Анжелика. — Но вы себя странно ведете. Может быть, вы сердитесь на меня за то, что я давно не проводывала вас? Позвольте, я вам все объясню. Но давайте, пойдём присядем.

— О нет, нет! — мадам Скаррон расставила руки, загораживая

Анжелике дорогу. — Сначала все расскажите мне.

— Но не можем же мы вечно торчать на этой лестнице. Что с вами? Вы совсем не та женщина, которую я знала. Если вас что-то тревожит — расскажите мне, и я постараюсь помочь вам, Франсуаза.

Но мадам Скаррон, казалось, вовсе не слушала ее.

— Сначала скажите мне, что вам передал король?

— Да король ничего и не передавал. Признаюсь вам. Я просто хотела видеть вас и воспользовалась его именем. Я знала, что это подействует как «Сезам, откройся...»

Мадам Скаррон закрыла лицо руками.

— О боже, как это ужасно! Вы пришли сюда! Я погибла... — заметив, что собравшиеся в прихожей слуги смотрят на них с нескрываемым любопытством, она подтолкнула Анжелику к маленькой комнате. — Теперь уж входите...

Первое, что заметила Анжелика, была колыбелька у окна, в которой, подойдя поближе, Анжелика увидела улыбающегося младенца в возрасте нескольких месяцев.

— Так вот что у тебя за секрет, бедная моя Франсуаза! А он у тебя премиленький. Можешь на меня положиться, я сохраню твою тайну.

Бедная вдова, она так заботилась о своей репутации! А тут вдруг такое щекотливое положение.

— Представляю, как вам тяжело. Но почему же вы не рассказали своим друзьям? Мы бы помогли вам.

Франсуаза покачала головой и снисходительно улыбнулась.

— Нет, Анжелика, вы не о том думаете. Посмотрите внимательнее на это дитя.

У ребенка были голубые, как сапфиры, глаза, и они показались ей очень знакомыми.

«Голубые, как море», — подумала она. И тут ее осенило:

— Так это же ребенок мадам де Монтеспан и короля!

— Верно, — подтвердила мадам Скаррон. — Видите, в каком положении я оказалась. Если бы не просил сам король, я бы ни за что не взялась за это. Все делалось в такой строжайшей тайне, что никто ни о чем не подозревает. Вы представляете, какой может быть скандал! Мне тогда не жить...

Она усадила Анжелику на софу рядом с собой. Теперь, когда первое волнение прошло, она хотела говорить спокойно. Она объяснила, что Лувуа порекомендовал ее королю, как только родился этот ребенок, и встал вопрос, кому о нем заботиться. По закону он должен принадлежать мужу

мадам де Монтеспан. Но, зная характер маркиза де Монтеспан, нужно было сохранить всяческую осторожность. Дело требовало преданности, ума и находчивости. Выбор пал на мадам Скаррон, и она согласилась.

— Король немного сомневался во мне. Мне кажется, он недолюбливает меня, но Лувуа и Атенаис настаивали, Атенаис хорошо знает меня, и она считала, что я не посмею отказать ей после всего того, что она для меня сделала. И вот с тех пор я живу взаперти! Мне пришлось подыскать здесь комнату, раздобыть необходимые для малыша вещи, нанять прислугу — и все это проделать так, чтобы никто не догадался, кто я такая и чей это ребенок.

Мне приходится прятаться от всех. Я вхожу в одну дверь, а выхожу через другую, а когда я прихожу к друзьям, то слежу за своей речью, чтобы не проговориться даже намеком. Надеюсь, бог простит меня. Я думаю, ложь на благо короля не самый тяжкий грех. Она говорила с хорошей долей юмора, и Анжелике показалось, что эта роль ей по душе, и она просто гордится своей значимостью — ей отведено место в личной жизни короля.

Ребенок захныкал, и Франсуаза встала. Она по-хозяйски разгладила одеяло и поправила подушечку. Подобно большинству женщин, не имеющих детей, она не растеряла материнских чувств.

— Он мог бы быть поздравнее, — сказала она Анжелике. — Видите, он родился со слегка вывернутой ножкой, и боялись, что он вырастет хромым. Я говорила с королевским доктором, и он сказал, что ребенка надо отправить на воды в Береж. Так что летом мне придется ехать с ним туда. Видите, у меня совсем не остается свободного времени. А вскоре и второй свалится на мои руки.

— Так слухи о том, что Атенаис снова беременна, верны?

— Увы...

— Но почему «увы»?

— Атенаис в отчаянии, она сама говорила мне об этом.

— Она должна радоваться. Разве это не лучшее доказательство любви короля?

— Увы! — повторила мадам Скаррон, в упор глядя на Анжелику, и та первая отвела глаза в сторону.

Франсуаза потупила взор. В комнате воцарилось молчание.

— Она страшно напугана, — сказала вдова. — И она приходит сюда не столько для того, чтобы увидеть ребенка, сколько затем, чтобы излить мне душу. В Версале ей приходится только улыбаться. А ведь не секрет, что у короля появился новый предмет для обожания.

И она уставилась на Анжелику.

— Вы ведь любовница короля, Анжелика. Анжелика стала возражать.

— Неужели вам не известно, что король арестовал меня и бросил в монастырь? По-вашему, это доказательство любви?

Мадам Скаррон покачала головой. Она хотела продолжить разговор, но в это время во дворе послышался стук колес. Кто-то нетерпеливо постучал в двери, и вот уже внизу в прихожей зазвенел голос мадам де Монтеспан. Мадам Скаррон побледнела. Она предложила Анжелике спрятаться в гардеробе, но та отказалась. Больше в маленькой комнатке спрятаться было негде.

— Не дурите! Чего вы боитесь? Я все объясню ей сама. Мы никогда не были врагами.

Атенаис ворвалась в комнату, как вихрь, на ходу бросив на стол свой веер, кошелек и перчатки с часами.

— Ну, это уже чересчур, — заговорила она. — Я только что узнала, что он встречался с ней в гроте Тетис! — и тут, обернувшись, она увидела Анжелику.

Это было для нее настолько неожиданно, что Атенаис подумала, что у нее начались галлюцинации. И Анжелика, воспользовавшись паузой, заговорила первой.

— Я прошу у вас прощения, Атенаис. Когда я вошла сюда, я не знала, что врываюсь в ваш дом. Я только хотела проследить за Франсуазой, чье поведение заинтриговало меня, и я проникла сюда вслед за ней.

Мадам де Монтеспан медленно залилась краской.

— Могу вас заверить, — настаивала Анжелика, — что мадам Скаррон сделала все возможное, чтобы сохранить секрет, доверенный ей. И он в надежных руках. Во всем виновата я одна!

— О, я верю вам! — воскликнула Атенаис, раздражаясь нервным смехом. Она уселась в кресло и вытянула ноги, обутые в розовые туфельки.

— Сними их, — сказала она Франсуазе. — Они меня просто утомили.

Мадам Скаррон опустила на колени и сняла с нее туфли.

— А теперь скажи, пусть принесут тазик с теплой водой. Затем она снова повернулась к Анжелике.

— Я хорошо знаю вас и ваше ханжество. Любопытная, как привратница, вы всегда за всеми шпионите, но вы хуже лакеев, подглядывающих за своими хозяевами. Сводней из шоколадной лавки вы были, ей вы и остались.

Анжелика круто развернулась и направилась к двери. С Атенаис лучше не связываться. Анжелика не боялась ее, но она испытывала

непреодолимый ужас перед ссорами с женщинами, которые бросали ей в лицо обвинения, верные или неверные, но которые оставляли незаживающие душевные раны.

— Стойте!..

Повелительный голос Атенаис остановил ее. Трудно не подчиниться потомку Мартемаров, когда та в дурном настроении. Анжелика вернулась. Ну что ж, если Атенаис хочет скрестить с ней шпаги, то она готова. Холодно и неприязненно она смотрела своими зелеными глазами на мадам де Монтеспан. Она полностью овладела собой, и в глазах ее светилось презрение.

Пылающие щеки мадам де Монтеспан стали увядать. Она поняла, что унижая соперницу, она не достигнет ничего хорошего. И она убавила тон.

— Что за не-срав-нен-ное чувство собственного достоинства у нашей мадам дю Плесси де Бельер, — сказала она насмешливо. — Прямо, королева. Не говоря уже о тех таинственных качествах, которые выделяют ее среди простых смертных, именно так сказал о вас король.

«А вы заметили, — сказал он мне, — как она редко улыбается? И вместе с тем она бывает весела, как ребенок. Ах, наш двор такое печальное место».

Двор — печальное место! Вот как вы заставили говорить короля. «Ее таинственность, — сказала я ему однажды, — кроется в тех невзгодах, которые она хлебнула, когда торговала своими прелестями в притонах Парижа до своего замужества с дю Плесси». вы знаете, как он мне ответил? Он ударил меня! — она разразилась истерическим хохотом. — О, он выбрал для этого подходящее время! На следующий день вас застали в постели с этим азиатом с длинными усами. Вот тут уж я посмеялась!.. Внезапно заплакал проснувшийся ребенок. Мадам Скаррон взяла его из кровати и отнесла няньке. Когда она вернулась, мадам Монтеспан плакала навзрыд. Истерический хохот перешел в не менее истерический плач.

— Слишком поздно, — стонала она. — Я думала, что его любовь не выдержит такого удара. Но она пережила и это. Наказывая вас, он наказывал себя. И всю свою злобу он вымещал на мне. Мне приходилось верить, что государственные дела без вас не решаются. «Надо бы посоветоваться с мадам дю Плесси...», — говорил он. — Этого я не могла вынести. Он же никогда не советовался с женщинами. Но вы... Вы! Он спрашивал у вас совета даже по вопросам международной политики! — мадам де Монтеспан выкрикнула последние слова, как будто у нее в горле что-то взорвалось. — Он относился к вам, как к мужчине.

— Вот это должно было быть для вас отрадно, — вставила Анжелика.

— Нет! Вы единственная женщина, с которой он так обращается.

— Неправда! Разве Мадам не доверена дипломатическая миссия в Англию?

— Но Мадам и дочь короля, и сестра Карла II. Кроме того, если король и поручил ей это дело, все равно он ненавидит ее. Мадам напрасно надеется, что, выполнив успешно эту миссию, она завоюет его доверие и любовь. Король пользуется ее умом, но и ненавидит ее за этот ум. Он не терпит умных женщин.

Мадам Скаррон вмешалась, пытаясь разрядить обстановку.

— А какому мужчине нравятся умные женщины? — вздохнула она. — Мои дорогие, зря вы спорите по пустякам. Как и все другие мужчины, король ищет разнообразия. С кем-то ему нравится болтать, с кем-то посидеть в молчании. У вас завидное положение, Атенаис, и будь я на вашем месте, я воспользовалась бы им. Пытаясь удержать все, вы можете всего лишиться и, проснувшись однажды утром, вы обнаружите, что король забыл вас... ради какой-то другой обольстительницы, о которой вы даже не подозреваете.

— Это верно, — сказала Анжелика. — Не забывайте, Франсуаза, что вы единственная, кто, как предрекала колдунья, выйдет замуж за короля. А мы, я и Атенаис, останемся с носом, — Она накинула плащ, собираясь выйти. — Когда это случится, не забывайте, что когда-то мы были друзьями.

Атенаис де Монтеспан резко подскочила, как на пружинах. Она подбежала к Анжелике и схватила ее за запястья.

— Не подумайте, что то, что я сказала, — это признание моего поражения. Я не уступлю его вам. Король мой. Он принадлежит мне. И никогда он не будет вашим! Я вырву у него из сердца любовь к вам! А если я не добьюсь этого, я уничтожу вас, а он не тот человек, который любит бесплотных духов.

Она впиалась ногтями в руку Анжелики. Внезапная боль разожгла тлеющую ненависть. Анжелика знала, как разрушительны бывают эмоции, они разъедают, как кислота, но в эту минуту она ненавидела ее так сильно, как никого в жизни.

Вся ругань, которую она когда-либо слышала, обрушилась сплошным потоком на голову мадам де Монтеспан. Вырвав свои руки, она изо всех сил ударила королевскую любовницу по лицу. Та завизжала от боли и ужаса.

Мадам Скаррон бросилась между ними.

— Прекратите! — закричала она. — Вы позорите сами себя.

Вспомните, вы обе из одной провинции. И все мы трое из Пуату.

И ее голос совершил чудо. Анжелика и сама не поняла, почему вдруг упоминание о Пуату подействовало на нее умиротворяюще и мгновенно смягчило ее гнев. Пошатываясь, она стала спускаться по лестнице.

Ногти взбешенной фурии оставили на ее коже следы, из которых понемногу стала сочиться кровь. Она задержалась в прихожей, чтобы вытереть ее. Тут ее и догнала мадам Скаррон.

Та была большой дипломаткой и понимала, что ей не следует терять расположение женщины, которая в один прекрасный день может стать фавориткой в Версале.

— Она вас ненавидит, Анжелика, — шепнула она. — Вам нужно опасаться ее. Но знайте, что я на вашей стороне.

— Она ненормальная! — Анжелика пыталась успокоиться.

Но на самом деле она понимала, что Атенаис вполне нормальна и может контролировать свои слова и поступки. Но теперь она возненавидела ее, как никогда прежде.

Анжелика чувствовала, как ненависть окружает ее со всех сторон, ядовитая, как запах отравленных цветов. И в ветре, который дул с песчаных холмов Вожирара, ей слышался мелодичный голос маленького пажа:

*... Королеве собрали букет цветов
Прекрасные юные девы.
Маркиз же, вдохнув аромат лепестков,
Пал мертвым у ног королевы...*

Глава 25

После мессы король отправился совершить благодеяние — прикоснуться к больным. Свита последовала за ним из часовни в залу Дианы и далее вниз по большой галерее, через залу Мира в сады.

Больные, сопровождаемые лекарями в длинных мантиях, ожидали у ступеней лестницы, ведущей в оранжерею. Анжелика была среди придворных дам. По счастью, здесь не было ни мадам де Монтеспан, ни королевы. Мадемуазель де ла Вальер, присоединившись к Анжелике, выразила ей свою радость по поводу того, что она снова видит ее здесь.

Патетически-восторженная отвергнутая любовница все еще хранила надежду на то, что король еще полюбит ее. Глядя на улыбки, которые король расточал мадам дю Плесси, никто при дворе не сомневался, что вслед за короткой порой изгнания маркиза снова пользуется королевским расположением.

После церемонии все отправились подкрепиться угощениями, которые поджидали их в роще Марс.

Тут Анжелика увидела мадам де Монтеспан, идущую под зонтиком из розового и голубого атласа, который нес за ней маленький негритенок. Она расточала улыбки тем, кого приглашала следовать за собой в свою излюбленную рощицу. Ибо это место было изготовлено специально для нее и при ее живейшем участии.

С веселым лаем сбежали вниз по ступенькам фонтана Латоны маленькие собачки королевы. За ними следовали безобразные угрюмые карлики. А далее следовала королева, такая же угрюмая и такая же некрасивая.

Ее скверное настроение объяснялось отсутствием такого прекрасного зонтика, которым укрывалась от солнца мадам де Монтеспан.

Королевские карлики под руководством Баркароля выплясывали какую-то пародию на сарабанду, крутясь среди придворных, одна часть которых от души веселилась, а другая негодовала, глядя на их ужимки. Хриплые голоса и грубый смех танцующих тонули в звуках оркестра. Король, как загипнотизированный, смотрел на Анжелику, стоящую рядом с ним.

— Смотреть на вас — это и радость и мучение! Когда я вижу, как синяя жилка пульсирует на вашей нежной шее, я хочу припасть к ней губами и прислониться горячим лбом.

Все во мне поет, когда я ощущаю рядом ваше тело. Когда же вас нет, меня сковывает ледяной холод, как суровая зима. Мне нужен ваш взгляд, ваш голос, ваше присутствие.

Как бы мне хотелось видеть вас лежащей рядом со мной на постели и видеть, как высыхают ваши жемчужные слезки после нашей любовной схватки! Смотреть, как поутру вы просыпаетесь, и в вас снова загорается огонь любви, и бьет ключом, словно родник в лесной чаще, и окрашивает ваши щеки в розовый цвет, как солнышко на рассвете.

Вы краснеете так быстро и легко, что люди думают, что вы очень мягки и впечатлительны, но на самом деле вы тверды, как ал мал.

Громкий звон прервал короля. Блюдце вылетело из рук Анжелики, будто вырванное невидимой силой, и разлетелось на мелкие кусочки. Шербет брызнул в разные стороны, основная его часть попала на платье Анжелики. А Баркароль, толкнувший ее под локоть, уже скрылся в густой толпе придворных.

— Чума на этих калек! — загремел рассерженно король. Он схватил свою трость и швырнул ее в неуклюжего карлика, но тот уже упорхнул, как птичка.

Королеву, которая вступилась было за карлика, король грубо оборвал. Одна из собачек принялась слизывать с земли остатки шербета. Десятка два придворных тут же бросились помогать Анжелике, поднося воду и вытирая платочком ее платье. Слава Анжелики несомненно росла. Близился заход солнца и было решено выбраться из тени на еще освещенные солнцем лужайки.

Маленькая собачка еще дергалась в последней агонии, когда Баркароль показался вновь на покинутом всеми месте. Он подозвал Анжелику и, склонившись, стал внимательно осматривать собачку, бьющуюся в последних конвульсиях.

— Видите? Надеюсь, теперь вам все понятно, маркиза ангелов? Ведь несчастное животное отведало то угощение, которое предназначалось вам. Конечно, у вас все было бы не так быстро. Сначала бы вы почувствовали легкое недомогание, впереди вас ждала бы ужасная ночь, а утром вас нашли бы мертвой.

— Баркароль, что вы говорите! Это гнев короля лишил вас разума!

— Так, значит вы ничего не поняли? — сказал карлик. — Боже мой, неужели вы не видите, что собака съела именно ваш шербет?

— Я ничего не видела, я была занята своим платьем. А собака могла съесть что угодно.

— Вы не верите просто потому, что не хотите этому верить.

— Но кому нужна моя смерть?

— Что за вопрос! Той, чье место вы заняли в сердце короля! Или вы считаете, что она преисполнена любви к вам?

— Мадам де Монтеспан? Но это невозможно, Баркароль. Она бессердечна, зла и любит скандалы, но не пойдет так далеко.

— А почему бы и нет?

Он поднял собачку, которая только что испустила дух, и зашвырнул ее подальше в кусты.

— Дюшес был одним из тех, кто приложил руки к этому делу. Нааман, маленький негритенок, все мне рассказал. Мадам де Монтеспан считает, что он плохо понимает по-французски. Он спит на диванчике в углу ее комнаты, и она обращает на него внимание не больше, чем на собачку.

Вчера он был в комнате в то самое время, когда там был Дюшес. Это ее злой дух. И именно она рекомендовала его королю. Нааман слышал, как она упомянула ваше имя, и стал прислушиваться к разговору. Ибо вы были его первой хозяйкой, и он очень любит Флоримона, который иногда играет с ним и таскает ему сладости. Она сказала Дюшесу:

«Завтра все должно кончиться. Вы должны выбрать удобное время и поднести ей напиток, в который подмешаете все это», — и она передала ему яд.

А Дюшес спросил:

«Это приготовила ля Вуазин?»

И Монтеспан ответила:

«Да, она. А все, что она готовит, действует безотказно».

Нааман не знал, кто такая ля Вуазин, по я-то знаю. В свое время ля Вуазин была моей хозяйкой. О, ей известны все способы отправлять людей на тот свет.

Все мысли смешались в голове Анжелики.

— Но если ты прав, то значит, и Флоримон не лгал. Ты думаешь, что она пыталась отравить короля? Но с какой целью?

Карлик задумался.

— Отравить короля? Думаю, что нет. Скорее ля Вуазин дала ей какое-то приворотное зелье. А теперь давайте-ка уберемся отсюда, пока Дюшес не пришел полюбоваться на свою работу.

В роце стало темнеть. Прохладная вода тонкими струйками стекала из чаш, поддерживаемых козлоногими сатирами, стоявшими по бокам тропинок. Баркароль тенью следовал за Анжеликой.

— Что вы собираетесь делать дальше, маркиза?

— Не знаю.

— Надеюсь, теперь вы будете во всеоружии.

— Что ты имеешь в виду?

— Что вы будете защищаться и отомстите. Око за око, зуб за зуб. Раз она поступила так, почему бы то же самое не сделать вам? А Дюшеса угостят кинжалом темной ночью на Новом мосту. Вам стоит только приказать.

Анжелика молчала. Вечерний туман пронизывал до дрожи.

— Вам больше ничего не остается, маркиза, — шептал Баркароль. — Неужели вы уступите ей? Ведь она, к чести рода Мартемаров, будет вертеть королем, и сам дьявол будет помогать ей и этом.

Несколько дней спустя вся королевская семья собралась на пышном празднестве в Версале. Вместе с Мадам и монсеньером приехал их двор. Флоримон, сопровождаемый наставником своим, приветствовал мать, беседующую с королем у фонтана Латоны. Он поклонился королю и поцеловал руку матери.

— А, вот он, этот перебежчик, — ласково произнес король. — Тебе нравится твоя новая должность?

— Сир, двор монсеньера очень хорош, но я предпочитаю Версаль.

— Я восхищен твоей откровенностью. И чего же тебе недостает больше всего вдали от Версаля?

— Вашего Величества и... фонтанов. Ничего не могло быть милей сердцу Луи, чем похвала его фонтанам. И даже лесть из уст 13-летнего мальчугана показалась ему приятной.

— Ты увидишь их снова. Я позабочусь об этом, когда узнаю, что ты перестал лгать.

— Научусь молчать, хотите вы сказать, — ответил Флоримон, — но не лгать. Ибо я никогда не лгал.

Анжелика и аббат, которые стояли неподалеку, забеспокоились, так как король нахмурился, глядя, на гордо стоявшего перед ним Флоримона.

— Мальчик не слишком похож на вас внешне, но по поступкам он несомненно вашей породы. Если бы не подбородок, можно было бы усомниться в вашем родстве. Да и из всего двора только вы да он осмеливались так смотреть на короля.

— Простите, Ваше Величество, — сказала Анжелика.

— Что? Вы просите прощения за него или за себя? Черт побери! Не знаю, что и подумать. Говорят ведь, что истина глаголет устами младенца. Надо допросить Дюшеса. Он был рекомендован мне мадам де Монтеспан, и никто его больше толком не знает.

Анжелика позже вспомнила, что в то самое время, когда король говорил, подошедший лакей преклонил колени и предложил королю корзину с фруктами, но не для еды — ибо король никогда не ел один без свиты — а для показа.

Король похвалил краснобокие яблоки, медовые груши и розоватые персики. Фрукты понесли на столы, устланные такой белизны скатертями, что они казались покрытыми снегом.

Погода стояла превосходная, и придворные группами стояли на лужайке перед дворцом и на его террасах. Анжелика смотрела на поле, разукрашенное лучами заходящего солнца, как вдруг почувствовала, как чья-то маленькая рука теребит ее юбку.

— Ма-ам! Ма-ам! Плесси!

Обернувшись, она с удивлением увидела Наамана, маленького негритенка в тюрбане, разноцветном жакете и широких шароварах. Даже в спускающихся сумерках было видно, как блестят белки его глаз, будто два бильiardных шара.

— Ма-ам! Мальчик умер! Мальчик умер!

Из-за его акцента она никак не могла понять, о чем он говорит.

— Мсье Флоримон! Заболела! Умер!

Услышав имя Флоримона, Анжелика схватила негритенка и затрясла его.

— Что с Флоримоном? Отвечай!

— Не знает, ма-ам, мой не знает!

Анжелика вихрем помчалась на северную террасу, где совсем недавно она видела аббата де Ледигер. Он все еще был там, стоя около вазы с геранью и отражая поддразнивания мадам де Грамон и мадам де Монбазен.

— Аббат, — закричала она на бегу. — Где Флоримон?

— Он только что был здесь, мадам. Он сказал мне, что у него есть поручение на кухне и что он скоро вернется. Вы же знаете, что он любит выполнять разные поручения и чувствовать себя полезным.

— Нет, нет! — закричал Нориман, тряся тюрбаном. — Он сказал: «Я избавился от этого Флоримона. Будьте спокойны. Никто не будет сплетничать...»

— Слышите, что он говорит? Этот мальчик никогда не врет, — кричала Анжелика, тряся аббата. — Ради бога, скажите, куда он пошел?

— Я-я... он сказал мне, — заикался аббат. — На кухню... он хотел пойти по лестнице Дианы, так скорее...

Нааман взвыл, как обезьяна, пойманная в ловушку, и высунул красненький язык в сторону дворца. Затем он мелодраматически вздел

руки кверху и растопырил пальцы.

— Диан лестница? Очень плох, очень плохо!

И что было сил, ринулся ко дворцу. Аббат и Анжелика помчались за ним. У нее словно выросли крылья за спиной. Они мигом добежали до южного крыла.

— Маленький паж в красном? — переспросил стражник. — Да, я видел его минуту назад. И я еще удивился, ибо лестница разобрана для перестройки.

— Но... но, — заикался аббат, — ведь раньше... когда мы жили здесь, мы часто пользовались лестницей Дианы. И можно было по южной стороне через балкон опуститься на кухню.

— Но теперь-то нет. Лестницу разобрали, и теперь ей нельзя пользоваться. Там только леса на верхушке.

— Флоримон этого не знает. Флоримон этого не знает, — машинально повторял аббат.

— Неужели мальчишка пошел туда? — ругнувшись, спросил стражник. — Я крикнул ему, чтобы он остановился, но он очень быстро бежал.

Но Нааман, Анжелика и аббат, не слушая его, снова побежали вперед. В темноте лестницы нельзя было различить ни ступенек, ни лесов наверху. Работа уже закончилась, вокруг не было ни одной живой души. И именно сюда и бежал Флоримон. У Анжелики подкашивались ноги.

— Стойте! — закричал стражник. — Сейчас я принесу трутницу и посвечу, а то вы свалитесь вниз. Тут, правда, есть приставная лестница, но ее еще нужно отыскать.

Анжелика все время рвалась вперед, но стражник догнал ее.

— Остановитесь! — крикнул он. — И посмотрите!

Пламя его трутницы осветило всего только две ступеньки перед зияющим провалом высотой в добрых два этажа.

— Они убрали даже лесенку!

У Анжелики подкосились ноги, когда она заглянула в эту бездну, дохнувшую на нее холодом тьмы.

— Флоримон!

Голос ее как будто шел с другой стороны. И только эхо мрачного двора ответило ей.

— Флоримон!

Стражник пытался рассеять тьму, раздувая пламя.

— Ничего не видно. Если он упал, то должен быть еще там. Надо принести лестницу и факелы. Отец, подержите ее, а то она свалится туда.

Мы пойдем за подмогой.

Обессиленная и измученная Анжелика спустилась вниз по проклятой лестнице.

«Они убили моего мальчика... мою гордость и радость.., Флоримон не знал».

Стражник и аббат поддерживая ее с двух сторон, усадили на лавочку в темном вестибюле. Появилась девушка с шестирожковым канделябром.

— Вам плохо, мадам? У меня с собой есть нюхательная соль.

— Ее сын упал с лесов, — объяснил девушке стражник. — Побудь здесь с канделябром. Я пойду за подмогой.

Анжелика замерла на месте.

— Слушайте!

Откуда-то издали послышался топот бегущих ног и вот уже прямо на них выскочил Флоримон из того же самого коридора, что и девушка. Он бежал, не оглядываясь, и промчался бы мимо, если бы стражник не преградил ему дорогу алебардой.

— Пустите меня! Пропустите! — закричал Флоримон. — Я опоздаю к месье де Карапорту. Он послал меня на кухню.

— Остановитесь, Флоримон, — закричал аббат, трясушимися руками пытаюсь удержать мальчика- — По этой лестнице опасно ходить. Вы разобьетесь...

Аббат побледнел, как смерть, и опустился на скамейку рядом с Анжеликой. Ему казалось, что Флоримон разобьется у него прямо на глазах. Но стражник крепко держал мальчишку за воротник.

— Полегче, маленькая обезьянка! Разве ты не слышал, что там опасно?

— Но я же опоздаю!

— Играть со смертью никогда не поздно. Полегче, сынок, и благодари пресвятую деву и своего доброго ангела-хранителя.

Запыхавшись от бега, Флоримон стал объяснять сбивчиво, что с ним произошло. Оказалось, что когда он проходил через то самое место, где они сейчас находились, он увидел герцога Анжуйского, третьего и самого младшего из братьев, сына короля полутора лет от роду.

Малыш ускользнул от нянек и прогуливался по лабиринтам дворца с яблоком в руке, во всем великолепии своих парадных одежд, украшенный большой лентой Святого Людовика, укрепленной у него на бархатном жилете.

Вечно услужливый, Флоримон подхватил малыша и отнес его к нянькам в апартаменты дофина и его сестер. И в то самое время, когда

Анжелика склонялась над краем разобранной лестницы, Флоримон выслушивал сердечные благодарности и похвалы от няnek и гувернеров маленького принца.

Анжелика, обессилев от пережитого, привлекла его к себе.

— Если бы только ты ушел вслед за Кантором, я бы этого не перенесла. Все, что привязывает меня к вам, все бы ушло. О, когда вы вернетесь, чтобы спасти меня?

Она была в таком состоянии, что и сама не могла дать себе отчет, к кому она обращается. Она навек запомнит эти сумерки в Версале и маленькую черную ручку, теребящую ее юбку:

— Ма-ам! Мальчик умер!

Она поискала глазами Наамана, но того и след простыл. Убедившись, что Флоримон в безопасности, негритенок вернулся к своей хозяйке. И, несомненно, получил увесистый шлепок за то, что долго отсутствовал.

Вернулась девушка со стаканом и вином. Анжелика просто принудила себя сделать глоток. Потом обернулась к стражнику:

— Пейте и вы, мой добрый страж. Вез вас и вашей трутницы мы все могли бы свалиться с этой лестницы.

Стражник одним глотком осушил стакан.

— Спасибо, не откажусь. Вот чего я не понимаю, так куда девалась приставная лестница. Надо будет доложить капитану.

Анжелика дала девушке и стражнику по три золотых. Потом, крепко держа за руку сына, она пошла к себе, сопровождаемая аббатом. Силы совсем оставили ее.

«Они хотели убить моего сына!» — эта мысль не покидала ее.

— Флоримон, кто послал тебя на кухню с поручением?

— Месье де Карапорт, офицер службы при королевском столе. Я его хорошо знаю.

Анжелика приложила руки к влажному лбу. «Узнаю ли я когда-нибудь правду?»

В соседней комнате она услышала, как аббат де Ледигер рассказывал Мальбрану о случившемся.

— Разве месье де Карапорт не сказал тебе, что по лестнице нельзя ходить, что там опасно?

— Нет.

— Он, должно быть, предупреждал тебя, но ты не слушал.

— Нет, нет, неправда, — сердито запротестовал Флоримон. — Он даже сам сказал:

«Иди по лестнице Дианы. Ты ведь знаешь этот путь, он короче».

Не выдумал ли он это? Нет, навряд ли. Анжелика не могла отделаться от мысли, что кто-то упорно старается ее сына убить. И приставная лестница была убрана... Что ей делать? Что придумать?

— Как мне поступить? — спросила она Мальбрана, человека неискушенного в житейских делах, хотя и состоящего у нее на службе. Седые волосы придавали ему облик мудреца, и он действительно задумался, размышляя. Слушая рассказ аббата, он несколько раз хмурил брови.

— Нам нужно вернуться в Сен-Клу, мадам. Там он будет в большей безопасности.

Анжелика слегка улыбнулась.

— Кто бы мог подумать, что наступит день, когда... Ну да ладно... вы правы.

— Главное, ему нужно держаться подальше от Дюшеса.

— Вы думаете, что ему грозит опасность с этой стороны?

— Даю руку на отсечение. Давайте подождем. Я надеюсь, что все-таки поймаю его с поличным и сдеру с него шкуру заживо.

Флоримон наконец-то понял, что на его жизнь кто-то покушался и от гордости напыжился, как павлин.

— Это все потому, что я сказал королю, что не врал, когда говорил о Дюшесе. Это Пикар, лакей, наверно, слышал мой ответ и донес Дюшесу.

— Но ведь на кухню-то тебя послал Карапорт.

— Карапорт подчиняется Дюшесу... Так, значит, старик Дюшес побаивается меня...

— Когда только ты научишься держать язык за зубами? Анжелика уже пришла в себя и стала целовать и ласкать и шлепать сына.

— Понимаешь ли ты, что у тебя бы и косточки не осталось целой, свались ты с этой высоты?

— Сейчас я был бы уже мертв, — философски заметил Флоримон. — И я был бы сейчас с Кантором. — Он на минуту задумался и неожиданно сказал: — Нет, Кантор не умер.

Тереза и Жавотта принесли Анжелике бальное платье...

— Возьмите его с собой, — сказала Анжелика наставнику, указывая на Флоримона. — Мои нервы так напряжены, что я просто не знаю, что делать. Хорошенько смотрите за ним, не оставляйте его одного ни на минуту.

Она попросила Терезу налить вина, но, взяв бокал, вдруг остановилась в нерешительности — а вдруг оно отравлено? Но все-таки выпила, и в голове у нее прояснело.

«Если бы я только была уверена, то начала бы действовать», она вспомнила намеки Баркароля. Избавиться от Дюшеса было бы несложно, если бы Мальбран или еще кто-нибудь нанял убийц. Если бы ей удалось склонить на свою сторону какую-нибудь служанку мадам де Монтеспан, то она знала бы заранее о грозящей опасности.

Она подумала о Дезосиль, которой Атенаис многое доверяла, но которую, пожалуй, можно было бы подкупить и которую она однажды поймала на мошенничестве при игре в карты.

После, второго бокала вина она уже могла танцевать, веселиться и привлекать всеобщее внимание, и уже значительно позже, вернувшись после приема у королевы, она вновь испытала чувство страха.

Ей вдруг показалось, что она не одна в комнате. Она повернула голову и чуть не вскрикнула от ужаса. Два черных глаза в упор Смотрели на нее из-за комода, чья-то черная фигура отделилась от стены и, крадучись, как кошка к мыши, двинулась к ней.

— Баркароль!

Карлик неотрывно и, казалось, сердито смотрел на нее.

— Чародей в Версале вместе со своими помощниками, — зашептал он хрипло. — Пойдем, сестра, тебе нужно кое-что узнать, если тебе дорога жизнь.

Она вышла за ним через ту потайную дверь, в которую ее проводил Бонтам. У Баркароля не было свечи, но казалось, что он видит в темноте, как кошка.

Анжелика то и дело оступалась и натыкалась на стенки узкого потайного хода. Она вытянула вперед руки и пошла наощупь. Ей казалось, что она погребена заживо.

— Вот мы и пришли, — сказал наконец Баркароль.

Она услышала, как он скребет пальцем по стене, как бы отыскивая что-то.

— Сестра, так как ты одна из нас, то я покажу тебе кое-что, но будь осторожна. Что бы ты ни видела и не услышала, ты должна хранить молчание!

— Положись на меня!

— Даже если ты увидишь преступление? Преступление более ужасное, чем можно себе представить?

— Я не дрогну.

— Если ты произнесешь хоть один звук, это будет смертный приговор и тебе и мне.

Раздался легкий, едва слышный щелчок, и в открывшейся в двери

щели заблестела полоска света. Анжелика приникла к ней, но вначале она ничего не могла разобрать.

Мало-помалу она освоилась и увидела богато обставленную комнату, которая освещалась тремя толстыми восковыми свечами. Потом она услышала стройное пение, как в церкви. Скользили какие-то тени. Неподалеку от нее сидел на корточках какой-то мужчина и что-то непонятное пел и бормотал, как подвыпивший монах.

В руках у него был тревник, которым он размахивал из стороны в сторону. Сквозь поднимающийся из котелка пар она различила высокого мужчину, который двинулся в ее направлении. Анжелика почувствовала текущие по шее капельки холодного пота.

«Никогда, — подумала она, — я не видела более чудовищного существа».

Очевидно, это был священнослужитель, ибо на нем было подобие ризы снежно-белого цвета, отороченное черными еловыми шишками. Несмотря на преклонный возраст, двигался он энергично.

Нездоровый цвет лица, вздувшиеся, посиневшие прожилки — все это указывало на порочность его натуры. Он казался трупом, восставшим из могилы, но оживленным лишь наполовину.

Глухое звучание его голоса переходило в старческое дребезжание, но, тем не менее, в нем чувствовался непреклонный авторитет. Один его глаз был полностью закрыт, другой — косил. Но этот косой взгляд не упускал ни малейшей детали и проникал в душу.

Среди женщин, стоящих перед ним на коленях, Анжелика узнала колдунью ля Вуазин. Ей показалось, что все поплыло у нее перед глазами. Едва не лишившись чувств, она прислонилась к стене. Баркароль схватил ее за руку и сильно сжал.

— Ну, ну, не бойся. Они не знают, что мы здесь.

— Это знает дьявол, — произнесла она в ответ, стуча зубами.

— Дьявол уже ушел. Смотри, сейчас все закончится.

Еще одна женщина подошла к священнику и встала перед ним на колени. Когда она откинула вуаль, Анжелика узнала мадам де Монтеспан.

Анжелика так удивилась, что позабыла о страхе. Как могла образованная, высокомерная Атенаис оказаться в этом ужасном обществе?!

Священнослужитель протянул ей книгу. Маркиза положила на нее свою белую руку, и все кольца ее заблестели. Словно примерная школьница, она повторяла за ним слова молитвы.

— Во имя Астарота и Асмодея, князей тьмы, я прошу расположения короля и дофина, и пусть это длится вечно. Пусть королева будет

бесплодна. Пусть король оставит ее постель и будет со мной. Пусть все мои соперницы сгинут.

Анжелика едва узнавала ее: она выглядела настолько жалкой и поглощенной своей страстью, что от прежней Атенаис не осталось и следа.

Густой едкий пар заполнил всю комнату, и лица присутствующих виднелись, как в тумане. Псалмопевец внезапно умолк. Затем он закрыл свой тревник и почесался, будто ожидая чьего-то разрешения удалиться.

Мадам де Монтеспан спросила:

— А подарок?

— Правильно, подарок, — ответила ля Вуазин, поднимаясь. — Мы не забыли о нем, и вы нам хорошо заплатите. Вы будете довольны таким подарком. Марго, дочка, давай сюда корзинку.

Девочка лет 12 выскочила из тумана и поставила перед Атенаис корзинку, из которой с большой предосторожностью вытащила розовую ночную сорочку, расшитую серебром.

Осторожнее, не держите так долго, — сказала ей мать. — Пользуйся листьями платана, которые я принесла.

Анжелика закрыла рот руками, сдерживая крик. В руках у девочки была ее любимая ночная сорочка.

— Тереза! — позвал кто-то. Появилась одна из девушек Анжелики.

— Возьми-ка это, моя девочка, — сказала ля Вуазин, — но обращайся с ней осторожно. Вот тебе листья платана для защиты рук. Не закрывай корзинку, Марго.

Она пошла в другой конец комнаты и вернулась с пучком белых полосок материи, на которых виднелись пятна крови.

Анжелика в ужасе закрыла глаза и прижала руки к груди, готовая крикнуть во весь голос:

«Убийцы! Чудовищные убийцы!»

У нее не было сил смотреть, но она слышала, как в комнате все засуетились и стали задувать свечи, готовясь расходиться.

Скрипучий старческий голос произнес:

— Смотрите, чтобы сторож не заглянул в корзину.

— Не страшно, — хихикнула ля Вуазин. — После того, что я предприняла, стражники сами будут побаиваться и лебезить передо мной.

Наступило полное молчание. Анжелика открыла глаза и очутилась во тьме, ибо Баркароль закрыл глазок в двери.

— Ну, я думаю, вы узнали достаточно, большего вам не вынести. Давайте поспешим обратно, чтобы не натолкнуться на Бонтама. Он, как сова, шныряет по ночам.

Когда они вернулись в комнату Анжелики, карлик привстал на цыпочки, достал из буфета бутылку со сливовой наливкой и налил два стакана.

— Выпейте, на вас лица нет. Вам это непривычно, не то, что мне. Боже, я целых два года служил в доме ля Вуазин и хорошо узнал ее. Познакомился я и с другими. И она не самая худшая из всех. Она во многом разбирается, особенно в хиромантии и физиогномике. Ее начали обучать этому с девятилетнего возраста.

Она рассказывала мне, что когда к ней приходили люди, чтобы узнать свою судьбу, она говорила им, что они умрут тогда, когда это будет угодно богу. Это им не нравилось, тогда она стала говорить с ними по-другому и сразу разбогатела. Ха-ха!

Баркароль облизал губы и налил себе еще.

— Что меня действительно беспокоит, так это подарок. А вас?

— Да, и меня тоже. Раз Тереза присутствовала на этом шабаше ведьм, то это неспроста.

Голову даю на отсечение, что мадам де Монтеспан хочет известить вас. Я узнал, что не так давно ля Вуазин ездила в Овернь и Нормандию, чтобы раздобыть там кое-какие части для снадобья, которое отправляет людей на тот свет, не оставляя следов.

— Но теперь-то я предупреждена и не попаду в западню. И кроме того, я знаю, у кого мне спросить совета и к кому обращаться за помощью. — Она выпила еще наливки. — А кто был этот священнослужитель?

— Аббат Гибур из прихода Сен-Марсель в Сен-Дени. Он один из тех, кто готовит питье из крови младенцев.

— Прекрати! — в ужасе закричала Анжелика.

— В доме ля Вуазин есть специальная печь, в которой она сожгла не менее двух тысяч недоношенных и принесенных в жертву младенцев.

— Перестань! Замолчи!

— Превосходные люди, правда, маркиза, высокопоставленные, могущественные, а какие преданные друзья, а? Тот, что гнусавил псалмы рядом с нами, — это Лесаж — «отец» колдовства. Мадам де ла Роше-Гийон — крестная мать его дочери. Хе-хе-хе!

— Заткнись! — не выдержала Анжелика. Она схватила с камина статуэтку и изо всей силы швырнула в него. Статуэтка ударилась о стену и разлетелась в куски.

Баркароль сделал сальто и прыгнул к двери, не переставая хихикать. Она еще долго слышала его непристойный смешок, звучащий в коридоре.

Когда на следующую ночь Тереза вошла в ее комнату с розовой ночной сорочкой в руках, Анжелика сидела в neglige у туалетного столика. Она наблюдала в зеркало, как девушка аккуратно расстелила сорочку на кровати, подбила подушки и откинула покрывало.

— Тереза!

— Да, мадам маркиза.

— Тереза, ты знаешь, что я очень довольна тобой... Девушка застыла с глупой улыбкой на лице.

— Мадам маркиза, вы очень добры ко мне...

— И я хотела бы сделать тебе маленький подарок. Ты заслужила его. Я хочу подарить тебе ту самую ночную сорочку, которую ты принесла мне. Она подойдет тебе. Бери ее.

Анжелика отвернулась от зеркала. В комнате наступила тишина. Она увидела выражение ужаса на бледном лице девушки, и это говорило яснее всяких слов.

— Бери ее, — повторила она страшным голосом, сжав зубы. — Бери ее! — Она надвигалась на девушку, и ее изумрудные глаза горели адским огнем. — Почему же ты не хочешь взять ее? А-а. Я знаю, почему! Покажи свои руки, негодяйка!

Тереза выронила листья, зажатые у нее в кулаках.

— Листья! Листья платана! — закричала Анжелика, топча их ногами.

Она набросилась на девушку с кулаками.

— Вон отсюда! Иди к дьяволу, своему хозяину!

Спрятав в руки лицо, Тереза с громким плачем выбежала из комнаты.

Анжелика дрожала всем телом. Когда в комнату вошла Жавотта с подносом для ужина, она увидела, что ее хозяйка стоит посреди комнаты и смотрит перед собой невидящими глазами. Девушка тихо составила на стол блюда с подноса.

— Жавотта, — вдруг окликнула ее Анжелика, — ведь ты всегда любила Давида Майе?

Девушка вспыхнула, глаза ее широко раскрылись.

— Прошло уже много времени с тех пор, как я видела его в последний раз, мадам.

— Но ведь все это время ты любила его, так ведь?

— Да. Но он, наверное, теперь и не посмотрит на меня. Он сейчас стал таким важным, ведь он владелец ресторана и шоколадной лавки. Говорят, что он собирается жениться на дочке нотариуса.

— А зачем она ему? Ему нужна женщина вроде тебя. Вы должны пожениться.

— Но я недостаточно богата для него, мадам.

— Значит, ты станешь богатой, Жавотта. Я назначу тебе ренту 400 ливров в год, дам полное приданое. Ты получишь две дюжины простыней, нижнее белье из Каибре, дамасские скатерти. Ты будешь такой завидной партией, что он совсем по-иному посмотрит на твои розовые щечки и хорошенький носик. Я знаю, что они всегда нравились ему.

Девушка с удивлением смотрела на хозяйку.

— И все это для меня, мадам?

— А почему бы и нет? Ты выходила моих детей, когда нянька чуть не уморила их с голоду, — Она положила руки на плечи девушке, притянув ее к себе, ощущая приятное тепло молодого девичьего тела.

— Ты честная девушка, Жавотта?

— Да, мадам. Я молилась пречистой деве. Но сами знаете, как мне трудно с этими нахалами лакеями, да и благородные дворяне тоже пристают. Временами бывает очень трудно. Я, правда, позволяла целовать себя, но никогда не впадала в грех.

Анжелика еще крепче прижала к себе ее, восхищаясь этой бедной сироткой, ухитрившейся сохранить чистоту в этом развратном Версале.

— Ну а теперь иди, дитя мое. Завтра я буду в Париже и увижу Давида. Скоро вы поженитесь.

— Давайте я помогу вам подготовиться на ночь, — сказала Жавотта и направилась к розовой сорочке.

— Нет, не надо. Беги к себе, я хочу побыть одна.

Жавотта повиновалась, но по пути кинула взгляд на графинчик с наливкой, который в последнее время часто стоял пустой.

Глава 26

На следующий день Анжелика возвращалась в своей карете из Парижа в Сен-Жермен. Вдруг впереди она заметила другую карету, съехавшую в канаву, а приблизившись, увидела, что у куста шиповника сидит девушка в одежде придворных дам де Монтеспан.

Это была мадемуазель Дезосиль. Анжелика дружески помахала ей рукой.

— Ох, мадам, ну и в переделку я попала! — воскликнула девушка. — Мадам де Монтеспан послала меня со срочным поручением, и она здорово рассердится на меня за это опоздание, я ведь торчу здесь уже с полчаса. Этот дурень кучер не заметил огромного камня посреди дороги.

— Вы едете в Париж?

— Да... но это половина дела. Я должна встретить одного человека на перекрестке дороги в Буа-Си, он должен кое-что передать для мадам де Монтеспан. Но я опаздываю, и этот человек может уйти, не дождаввшись меня. Мадам де Монтеспан будет страшно разгневана.

— Садитесь ко мне. Сейчас я поверну лошадей назад.

— Мадам, вы так добры...

— Я не оставлю вас в беде. К тому же мне будет приятно оказать услугу Атенаис.

Мадемуазель Дезосиль подобрала юбки и села рядышком с Анжеликой на краешек сиденья. Она казалась очень сильно обеспокоенной. Мадемуазель была хорошенькой девушкой, но с той изрядной долей самоуверенности, которую мадам де Монтеспан ухитрялась вселять во всех своих слуг. Вся ее прислуга отличалась правильной речью, здравым смыслом и хорошим вкусом. Она сама подбирала и обучала своих служанок.

Анжелика краешком глаза наблюдала за девушкой. Она уже давно хотела войти в контакт с кем-нибудь из свиты мадам де Монтеспан, а особенно с мадемуазель Дезосиль, чей слабый характер был ей известен. Она плутовала за карточным столиком, и только Анжелика, знакомая с этими приемами еще по Двору Чудес, могла уследить за ее проделками.

— Вот мы и приехали! — воскликнула девушка, высунув голову из кареты. — Хвала всевышнему, эта девица еще здесь.

Анжелика приказала кучеру остановиться. Из густых зарослей возле дороги вышла девочка лет 12 и подошла к карете. Одета она была просто,

на голове у нее был белый чепец.

Девочка передала мадемуазель Дезосиль маленький пакетик. Та, в свою очередь, шепнула ей что-то на ухо и вынула кошелек. Увидев, какую сумму она отсчитала, Анжелика в изумлении подняла брови.

«Что же в этом пакетике, если он так дорого стоит?» — подумала она, глядя, как мадемуазель Дезосиль укладывает его в большую сумку. Ей показалось, что она различила в пакетике флакон.

— Теперь мы можем вернуться, мадам, — сказала Дезосиль, явно успокоившись, что так успешно справилась с поручением.

Когда карета разворачивалась, Анжелика еще раз успела взглянуть на девочку в белом чепце, которая тут же скрылась в густых зарослях.

«Где же я ее видела прежде?» — с тревогой подумала Анжелика.

Карета катила в Сен-Жермен, и чем дальше, тем более казалось Анжелике, что она просто обязана воспользоваться представившимся случаем. Неожиданно она вскрикнула.

— В чем дело, мадам? — спросила девушка.

— Ничего особенного. Просто расстегнулась булавка.

— Разрешите мне вам помочь?

— О, спасибо, не нужно.

Анжелика вдруг побледнела, потом так же внезапно покраснела, так как неожиданно вспомнила, где она видела девочку, передавшую пакет. Это была дочка ля Вуазин, та самая, что принесла «корзину».

— Давайте, я помогу вам, мадам, — настаивала девушка.

— Хорошо, помогите мне отстегнуть застёжку на юбке. Анжелика поблагодарила за помощь.

— Вы так добры. Знаете, я просто восхищаюсь вашим искусством, ведь вы следите за нарядами Атенаис... и вашему долготерпению.

Мадемуазель улыбнулась в ответ.

Анжелика подумала: а знает ли эта девушка об адских замыслах своей хозяйки? Кто знает, может быть, она и сейчас везет тот яд, которым собирается отравить мадам дю Плесси. Судьба порой шутит, очень зло. Да, но что же она попусту теряет время?

— Но больше всего я восхищаюсь вашим умением играть в карты, — продолжала Анжелика доверительным тоном. — В прошлый понедельник я видела, как вы обчистили герцога де Шолне. Бедняга теперь не скоро оправится. И где вы научились так искусно мошенничать?

Приторно-сладкая улыбка мигом исчезла с лица девушки. Теперь она побледнела, а потом покраснела.

— Что вы говорите, мадам? — заикаясь, выговорила Дезосиль. —

Мошенничать? Что вы, я никогда не позволила бы себе...

— И я тоже, дорогая моя, — ответила Анжелика резко.

Она взяла девушку за руку, перевернула ее ладонью вверх и стала рассматривать пальцы.

— У вас такая нежная кожа на пальчиках, и вы, несомненно, пользуетесь этим. Я видела, как вы шлифовали пальцы кусочком шкуры, чтобы сделать их более чувствительными и лучше различать наколки на картах во время игры.

Эти наколки такие крошечные, что только такие нежные пальчики, как у вас, могут их различить. У герцога де Шолне слишком грубые руки, чтобы он мог что-нибудь заподозрить, и тем не менее мне кажется, что подозрение у него возникло...

И сразу же весь внешний лоск слетел с девушки. Ей было хорошо известно, что при дворе самым большим позором считается шулерство при игре в карты. Герцог де Шолне и так проиграл не менее 1000 ливров девушке незнатного происхождения, и если это станет известно, что она плутовала, то и он не перенесет такого позора и ей несдобровать.

Анжелика еле удержала девушку, которая хотела броситься на колени прямо в карете.

— Мадам, вы можете погубить меня.

— Встаньте. Что мне пользы в этом? Вы очень ловкая и умная мошенница. Только я одна раскусила вас. Я думаю, что вы и дальше будете выигрывать... если, конечно, не вмешаюсь я...

Лицо мадемуазель Дезосиль отражало все цвета радуги.

— Мадам, что я могу сделать для вас?

У нее начисто пропало «мортимеровское» произношение, и она говорила простым обыденным языком. Анжелика холодно смотрела в окно. Девушка расплакалась и сквозь слезы стала рассказывать историю своей жизни.

Она была незаконной дочерью какого-то дворянина, имени которого она не знала. Ее мать была горничной в игорном доме. Отсюда и такие познания у девушки, чье образование состояло из обучения в монастырском пансионе и игорном доме, Атенаис, которая разбиралась в людях, взяла ее в свою свиту. И теперь девушка была при дворе, но это не могло спасти ее от привычек, усвоенных с детства. Такой привычкой стала картежная игра...

— ... я очень бедна. И потом, я ведь мошенничаю не всегда. А когда я не жульничаю, я проигрываю. И сейчас я в страшных долгах, и все, что я выиграла у герцога, мне придется отдать другим.

А у мадам де Монтеспан я боюсь просить. Она уже и так не раз оплачивала мои долги, и недавно пригрозила, что больше не будет платить за меня.

— И сколько вы должны?

У девушки округлились глаза. Анжелика вытащила увесистый кошелек и бросила ей в подол. Мадемуазель Дезосиль взяла его дрожащими руками, румянец снова залил ее щеки.

— Мадам, — повторила она, — что я могу сделать для вас? Анжелика кивнула на сумочку:

— Покажи мне, что там?

После минутного раздумья девушка вытащила бутылочку — с темной жидкостью.

— Знаете ли вы, для кого предназначена эта отравка?

— Что вы имеете в виду, мадам?

— Может быть, вы этого не знаете, но я думаю, что ваша хозяйка пытается отравить меня уже во второй раз. И что сможет удержать ее от третьей попытки? Ведь я узнала эту маленькую девочку, которая подала вам флакон. Это дочка ля Вуазин, колдуньи, которую я хорошо знаю.

Мадемуазель Дезосиль в ужасе смотрела на Анжелику. Она призналась, что ей ничего не известно. Мадам де Монтеспан приказала ей съездить за снадобьем, приготовленным колдуньей, но ей вовсе не было известно, для кого оно предназначено.

— Я думаю, что мы скоро это узнаем, — резко сказала Анжелика, — ибо я рассчитываю на вас. Я думаю, что вы будете предупреждать меня об опасностях, которые будут мне грозить. Держите открытыми глаза и уши, и сообщайте мне все, что вам станет известно.

Анжелика крутила флакон в руке. Девушка робко протянула руку, чтобы взять его.

— Нет, Лучше пусть он будет у меня.

— Мадам, но это же невозможно. Что скажет моя хозяйка, когда я вернусь без него? Сначала она подумает на ля Вуазин, но потом докопается до истины, и мне придется отвечать за все. А если она еще узнает, что я ездила за ним с вами, в вашей карете?..

— Правильно. Но мне нужны доказательства. Вы хотите помочь мне? — и палец Анжелики уперся в грудь девушки. — В противном случае, я обещаю, что испорчу вам всю жизнь. Вы будете уничтожены, опозорены и изгнаны отовсюду и это не займет у меня много времени.

Несчастливая мадемуазель Дезосиль не знала, что ей предпринять.

— Кажется, я кое-что начинаю понимать...

— И что же вы поняли?

— Это снадобье, за которым меня посылали, безвредно. Оно предназначено для короля. Мадам де Монтеспан просила ля Вуазин приготовить напиток, который вновь зажжет в груди короля пламя любви к ней.

— Так это тот самый, что Дюшес подсыпает королю в кубок?

— Так вам уже все известно, мадам? Это непостижимо! Мадам де Монтеспан говорила, что вы — колдунья. Я сама слышала. Она была страшно разгневана. Она сказала Дюшесу:

«Или эта женщина колдунья, или ля Вуазин дурачит нас. Может быть, она даже предает нас, если та платит ей больше...»

Теперь я понимаю, что она говорила именно о вас. «Но так долго это не будет продолжаться», — сказала она Дюшесу. И это было сегодня утром. Она выставила нас всех из комнаты, чтобы поговорить с ним наедине...

— И вы, конечно, подслушивали у замочной скважины?

— Да, мадам.

— И что же вы услышали?

— Сначала я почти ничего не могла понять. Но мало-помалу моя хозяйка распалилась и повысила голос. И вот тут-то я услышала:

«Или эта женщина колдунья, или ля Вуазин дурачит нас. Все наши попытки потерпели неудачу. Кто-то ее, наверное, предупреждает. Но кто? Этому нужно положить конец. Вы пойдете к ля Вуазин и поговорите с ней. Я и так много ей плачу. Или она сделает то, что надо, или сама поплатится за все. Сейчас я напишу ей».

И тут она села за бюро, написала записку и отдала ее Дюшесу.

«Дадите ей прочесть, пусть она поймет, как я зла, и тут же сожгите записку. И не уходите оттуда, пока она не даст вам требуемое. Подождите, у меня есть платок, принадлежащий той, о ком мы говорим. Мне отдал его один паж, он думал, что это мой. Но у меня нет связи ни с одной девушкой из ее прислуги, после того, как она выгнала Терезу, у нее их так мало. И вообще, она какая-то странная женщина. И что только в ней нашел король?» Несомненно, она говорила о вас, мадам.

— И я так думаю. И когда же Дюшес встретится с ля Вуазин?

— Сегодня ночью.

— Где? Во сколько?

— В полночь, в таверне «Золотой рог» — отдаленном местечке между Парижем и Сен-Дени. Ля Вуазин прибудет туда из Вильнев. Это недалеко оттуда.

— Хорошо, вы во многом помогли мне, моя девочка. Теперь я на время позабуду о ваших пальчиках. Ну вот мы и в Сен-Жермене. Я бы не хотела, чтобы кто-нибудь видел нас вместе. Приведите себя в порядок, попудритесь, вы выглядите ужасно.

Мадемуазель поспешно привела себя в порядок. Бормоча слова благодарности, она выскочила из кареты и скрылась.

— В Париж! — крикнула Анжелика кучеру, высунувшись из окошка кареты.

Переодевшись в грубую юбку, плисовый жакет и спрятав волосы под черный атласный платок, Анжелика стала похожа на девушку из лавки. Она позвала Мальбрана. Еще раньше она вызвала его из Сен-Клу, хотя и понимала, что подвергает Флоримона риску, оставляя его только па попечение аббата. Мальбран, войдя в комнату, удивился, увидев там женщину из простонародья, но еще больше удивился, узнав в этой женщине мадам дю Плесси.

— Мальбран, я хочу, чтобы вы сопровождали меня сегодня.

— Вы и так неузнаваемы, сударыня.

— Там, куда я направляюсь, этого будет недостаточно. Я вижу, вы при шпаге. Возьмите еще и пистоль. Потом разыщите Флино. И ждите меня в аллее за домом. Я выйду через садовую калитку.

— Все будет исполнено, сударыня.

И немного погодя Анжелика, сидя на лошади позади Мальбрана, прибыла на окраину Сен-Дени, Флино сопровождал их бегом. Они остановились у затемненной гостиницы «Три товарища».

— Оставьте лошадь здесь, и дайте хозяину экю, чтобы он присмотрел за ней. Иначе нам не выбраться отсюда. В этой темноте лошадь легко потеряется.

Мальбран сделал все, что приказала Анжелика, и пошел за ней. Он не задавал вопросов, лишь покусывал кончики усов да ворчал на грязь, которая не высохла даже под летним солнцем. Было похоже, что этот район был знаком старому вояке. Наверное, в былые годы ему тут приходилось не раз бывать.

Неподалеку от того места, где они находились, стояла выкрашенная в красный цвет статуя Вечного Отца. Флино был в восторге — он чувствовал себя здесь как дома.

В своем необычном дворце из грязи и битого щебня восседал великий Кёзр — Жанин Деревянный Зад — в своей деревянной чашке, как на троне. Подданных у него было великое множество, и его могли бы доставить в

любое место, стоит ему только пожелать. Но Жанин не любил суетиться. Темнота в его жилище была такой, что даже днем здесь горели масляные светильники. Деревянный Зад любил вести такой образ жизни. Напротив, он ругал дневной свет и терпеть не мог мало-мальски приличных условий жизни.

Добраться до него было нелегко. Раз двадцать посетителей останавливали люди не слишком благообразной наружности и спрашивали, какого черта им здесь надо. Флино говорил пароль и их пропускали.

Наконец Анжелика добралась до него. С собой у нее был увесистый кошелек, который она попыталась тут же всучить ему. Но Деревянный Зад только презрительно посмотрел на нее.

— Не спеши! — сказал он. — Не спеши!

— Кажется, ты не очень-то рад видеть меня, Деревянный Зад? Разве я не посылаю тебе то, что должна? Разве твои слуги не приносят тебе под новый год сочного зажаренного поросенка, индюшку и три бочонка вина на великий пост?

— Слуги! Слуги! Нужны мне эти ослы? Ты думаешь, что у меня нет другого дела, как только хлебать твой суп и пережевывать твоё мясо? Да у меня столько денег, что я могу устроить пир тогда, когда сам захочу. Что я частенько и делаю. А у тебя, красавица, что, мало времени, что ты так редко заходишь сюда?

Повелитель нищих и бродяг был страшно раздражен. Он считал, что Анжелика просто пренебрегает знакомством с ним. Ему вовсе не казалось странным, что придворная дама ползет по полуметровой грязи, да еще рискуя жизнью среди этих бандитов, и все это только для того, чтобы повидать его.

Он бы, пожалуй, не удивился, увидев перед своим дворцом карету короля Франции и самого короля, выходящего из кареты для встречи с ним.

Что ж, среди монархов такое возможно. Он был королем отверженных, и он знал силу своих подданных.

— Мы могли бы договориться с Ла Рейми, если бы вы помогли нам. На кой черт он окружил нас полицейскими? Кому понравится быть в окружении полиции? Полиция нужна лишь для богатых дураков. Нам ведь приходится туго. Как нам жить дальше, что нам уготовано? Тюрьма? Вербка? Галеры? Общественные больницы для нищих? Что еще? Он хочет нас извести, проклятый Ла Рейми! Он искренне горевал. Двор Чудес доживает свои последние дни, с тех пор как Ла Рейми стал лейтенантом

полиции и распорядился поставить фонари на всех улицах Парижа.

— А это кто? — вдруг спросил он, указывая черенком курительной трубки на Мальбрана.

— Друг. Ты можешь доверять ему. Его зовут Точный Удар. Ему отведена главная роль в том небольшом спектакле, который я собираюсь поставить. Но одного его не хватит, нужны еще 3 — 4 человека.

— Те, которые знают, как играть... со шпагой или с дубинкой? Таких можно отыскать.

Она поделились с ним своим планом. Человек, который принесет письмо колдунье ля Вуазин, встретит ее в кабачке за валом, у Вильнев. Они подождут, пока встреча не закончится. А затем, когда этот человек выйдет, наши люди схватят его и...

— ... и рр-аз! — Деревянный Зад схватил себя рукой за горло.

— Нет, нет, не надо крови. Мне нужно просто допросить его. Мальбран возьмет это на себя.

Проникнуть в дом ля Вуазин для бродяг не составляло труда. Они и так имели сообщников в ее собственном доме. Пикар был ее лакеем, а ее дочь была любовницей Коссака. С их помощью Жак-фонарщик легко проникнет к ля Вуазин. Несмотря на то, что колдунья имела доступ в высшее общество, одной ногой она стояла на «дне» Парижа. Она понимала, как полезна дружба с великим Кёзром.

— Но ее-то не нужно выдавать? — обратился к Анжелике понимающий взгляд великий Кёзр. — Мы не доносчики. Предателям — смерть! — Он выпрямил свой огромный торс, одетый в военный мундир с золотыми позументами и опершись на волосатые, как у гориллы, кулаки.

— Власть отверженных вечна! — прорычал он. — И Ла Рейми не уничтожит нас! В отбросах всегда остается росток жизни...

Анжелика плотней запахнула свой плащ, она ощущала какую-то слабость. В тусклом свете масляных светильников лицо великого Кёзра под шляпой со страусовыми перьями, казалось, было отмечено печатью Каина.

Бородатые красные рожи окружали его со всех сторон, и лишь бледное изнуренное лицо Жака-фонарщика выделялось на этом фоне.

Анжелика знала многих бродяг, столпившихся возле Деревянного Зада, и бывших его телохранителей: Песни — Завзятый Пьяница, Крысиная Отрава, Испанец, и еще несколько, чьи клички она уже позабыла, а вот и новичок по прозвищу Череп.

Свою кличку он получил за обезображенное лицо — монахи из Братства Святого Причастия вырезали ему губы за богохульство, и его

зубы торчали наружу. Но, конечно, Анжелика дрожала не от страха, так как знала правила игры, да и не впервые уже прибегала к помощи этого отвратительного мира.

Отверженные никогда не прощали измены и никогда не выдавали своих сообщников. На самом верху или на самом дне «братья» всегда могли рассчитывать на бродяг: если они бедны, то всегда могли рассчитывать на миску супа, а если богаты, то им помогали шпагой, кинжалом или дубинкой.

И эта связь была прочной, примером чему являлся Баркароль. Деревянный Зад не распрощался с ним. Анжелика не боялась их. Их волчья жестокость страшила ее гораздо меньше, чем дружба некоторых лиц из высшего общества.

И, услышав громоподобный голос Великого Коэсра, она припомнила ласковые слова, полные тайного смысла и высказанные при различных обстоятельствах. Анжелика чувствовала головокружение, как будто она стояла на краю пропасти, куда ее толкает злой рок.

Когда Анжелика пришла домой, то сразу же уселась за бюро. Ей ничего больше не оставалось, как только ждать и стараться поменьше думать о том, что произойдет в Вильнев. Около десяти часов пришел Мальбран.

На его лице была серая маска, и закутан он был в такой же серый плащ. Она говорила с ним тихо и спокойно, будто кто-то мог подслушать ее здесь, в этой милой ей комнате, где она не так давно занималась любовью с Ракоци.

— Так же, как и я, вы хорошо знаете, какие сведения я хочу получить от Дюшеса. Поэтому-то я и выбрала вас. Пусть он подробно расскажет о планах той женщины, которая его послала, пусть он назовет имена людей, которые захотят отравить мне жизнь и меня саму, но самое главное — добудьте письмо.

Наблюдайте за окном гостиницы. Если Жаку не удастся стащить записку, врывайтесь в дом с вашими людьми. Попытайтесь также добыть ту жидкость, которую ля Вуазин приготовила для передачи Дюшесу.

Итак, Анжелике осталось только ждать, и она ждала. Через два часа после полуночи она услышала легкий щелчок ключа в маленькой потайной дверце и тяжелые мужские шаги в вестибюле. Вошел Мальбран и разложил на столе несколько предметов. Она увидела носовой платок, бутылочку, сумку и небольшой квадратик бумаги — записку.

Мадам де Монтеспан писала ужасные вещи. Слова ее просто

потрясали.

«Вы обманули меня, — писала благородная маркиза, — эта особа жива по-прежнему, и привязанность короля к ней растет с каждым днем. Ваши обещания не стоят тех денег, что я плачу вам — больше 1000 экю. И это за те снадобья, которые не приносят мне ни любви одного, ни смерти другой. Подумайте, ведь я могу сильно подорвать вашу репутацию, что весь двор отвернется от вас. И горе вам, если счастье не улыбнется нам на этот раз!»

— Чудесно! Чудесно! — воскликнула Анжелика. — Ха! На этот раз счастье улыбнется мне!

На краешке записки она заметила красное пятно, которое постепенно бурело. Анжелика коснулась его пальцами и почувствовала, что оно влажное. Она тут же забыла обо всем и посмотрела на Мальбрана.

— Что с Дюшесом? Что вы сделали с ним? Где он? Мальбран отвернулся.

— Если течение достаточно сильное, то он уже в море.

— Что вы сделали, Мальбран? Я же говорила, что не хочу крови!

— От трупа лучше избавиться прежде, чем он завоняет, — ответил он, не поднимая глаз: — Сударыня, выслушайте меня, — добавил он, уже глядя ей прямо в глаза, — то, что я собираюсь сказать, может показаться странным в устах такого ни к чему не пригодного старика, как я. Но я очень люблю вашего сына. Всю свою жизнь я только и знал, что делал глупости. Я разбираюсь только в оружии и совсем не умею заботиться о своем кошельке. Я постарел, тело мое одряхлело, и мадам де Шуази, которая знала мою набожную сестру и благоверного братца, однажды сказала мне:

«Мальбран, что бы вы сказали, если бы вам поручили двух мальчиков из благородной семьи, чтобы вы научили их владеть оружием?»

И я сказал себе: «А почему бы и нет?»

Вот так я попал к вам, мадам, и стал воспитывать ваших детей. Может быть, и у меня есть дети, но я об этом никогда не думал. Вот Флоримон — это другое дело. Сомневаюсь, чтобы вы знали его лучше, чем я, хотя вы и родная его мать. Этот мальчик рожден со шпагой в руках. И когда такой старик, как я, видит его силу, его талант, его одаренность — ах, как мне становится приятно... И только теперь я начинаю думать о том, что я впустую прожил жизнь и что я снова одинок.

В этом малыше я вижу своего сына, которого, может быть, у меня никогда и не было и которого я так и не смог научить искусству фехтования. Вам этого не понять, мадам. А Дюшес... он ведь хотел убить

Флоримона...

Анжелика закрыла глаза, так ей было дурно.

— До сих пор, — продолжал Мальбран, — не было достаточной определенности. Теперь же все стало на свои места. Он сознался, когда ему стали поджаривать пятки.

«Да, я хотел избавиться от этой маленькой вши, — кричал он, — он скомпрометировал меня в глазах короля... он разрушил все мои надежды!»

— Так это правда, что он подсыпал порошок в кубок короля?

— Любовница короля приказала ему делать это. Все это чистая правда. И он угрожал убить Флоримона. Это он подсыпал отраву в шербет, который предназначался вам. И Монтеспан ездила к ля Вуазин, чтобы найти способ разделаться с вами.

Карапорт, один из слуг короля, был их сообщником. Именно он послал мальчика на кухню с поручением и посоветовал ему бежать по лестнице Дианы, прямо по лесам. Леса высотой в 19 футов! И я сказал ему: теперь твоя очередь свалиться с них, зверь ты этакий! Тебе не жаль было ребенка!

Мальбран замолчал и вытер лицо. Он глядел на Анжелику, которая смотрела прямо перед собой невидимым взглядом.

— Я должен был избавиться от этой падали, — продолжал он глухим голосом. — Что толку было оставлять его в живых? У вас было бы одним врагом больше, а их у вас и так достаточно. Тот, кто жаждет смерти других, должен знать, что и его ждет постыдный конец.

— Да, это верно.

— Никто не осудил меня, у меня не было другой возможности завершить начатое дело. Мои помощники превосходно справились со своими обязанностями. Жак-фонарщик договорился со слугой ля Вуазин, что он будет нести вместо него факел.

Он притворился глухонемым. И поэтому она взяла его на встречу с Дюшесом. Все шло по плану. Мы ждали снаружи. Вскоре я увидел, что у ля Вуазин и Дюшеса что-то не ладится. Они не могли найти письмо. Затем началась потеха. Ля Вуазин ушла, даже не потребовав положенной оплаты. Жак-фонарщик ради шутки пошел провожать ее домой. Мы же занялись Дюшесом. И, надо сказать, нам пришлось с ним повозиться. В конце концов мы схватили его, отобрали шпагу, отобрали платок, бутылку, коробочку с порошком и вырвали у него те самые тайны, о которых я уже рассказывал вам.

Превосходно!

Анжелика выдвинула ящичек бюро и вынула кошелек с золотом.

— Это вам, Мальбран. Вы славно потрудились. Мальбран отвел ее руку.

— Я никогда не отказываюсь от денег. Благодарю вас, сударыня. Но поверьте мне, я поклялся, что совершу это бесплатно. Маленький аббат знает об этом. Мы поклялись, что отомстим за вас. Ведь вы женщина, и вы одна. Вы правильно сделали, доверившись мне.

Анжелика опустила голову. Теперь между ней и этим искателем приключений, которого она, в сущности, не знала, всегда будут стоять предсмертные крики Дюшеса и всплеск воды при падении трупа в Сену.

— Благодарю вас, Мальбран. Завтра вы отправитесь в Сен-Дени, а потом обратно в Сен-Клу. Я хочу, чтобы вы и дальше были с Флоримоном. А теперь, прощайте. Спокойной ночи!

Он раскланялся, как заправский мушкетер. Но, прежде чем закрыть за собой дверь, он обернулся и посмотрел на нее со смешанным чувством страха и восхищения. Не то чтобы он боялся за нее. Конечно, она была женщина беззащитная и слабая.

И есть люди, которые умеют ходить по трупам. Например, та, другая. Эта же была совсем другой, но она умела постоять за себя!

Глава 27

Король еще не вернулся с мессы, и Анжелика, вернувшаяся поздно вечером, ожидала появления их величеств, смешавшись с толпой в зале Меркурия в Версале. Она надеялась, что ее отсутствие не будет замечено. Анжелика появилась пораньше, приведя себя в порядок и подгримировавшись, чтобы скрыть следы прошлой бессонной ночи, четырехчасовой тряски по дорогам и тяжелых душевных переживаний.

Цвет лица у нее был превосходный, она мило улыбалась и раскланивалась направо и налево, поддерживая оживленную беседу.

Она живо интересовалась подробностями поездки Мадам к своему брату Карлу II, в Англию. Оказывается, при дворе ходили слухи, что Анжелика тоже поехала с Мадам. Говорили, что Мадам скоро вернется и что ее переговоры были почти безрезультатными.

Шутили над тем, что упитанная мадемуазель де Кверояль, которую принцесса взяла в свою свиту, не может убедить Карла II отказаться от тройственного союза и протянуть руку дружбы Луи XIV.

Злые языки утверждали, что Мадам хорошо знает вкусы своего братца. Очевидно, он предпочитает количество качеству. Слуги разносили серебряные вазочки с джемом и блюда с фруктами.

Анжелика слышала, как один из них упомянул об отсутствии Дюшеса. Она вышла из толпы придворных и подошла к окну в большом зале. Стоял прекрасный день. Анжелика вспомнила свой первый приезд в Версаль и тут же ее мысли перескочили на ту единственную в мире женщину, которая угрожала ей.

Вскинув голову, твердой походкой направилась Анжелика прямо через большую залу в левое крыло. Пройдя несколько дверей, она оказалась в комнате, которая выходила на веранду. Мадам де Монтеспан сидела за туалетным столиком. Вокруг нее суетились девушки, весело щебеча. Заметив входящую Анжелику, все мгновенно смолкли.

— Доброе утро, Атенаис, дорогая, — весело сказала Анжелика.

Фаворитка повернулась к ней.

— О, как мило! — сказала она. — Чем я могу быть вам полезна?

Соперницы хорошо знали друг друга и сейчас старались перещеголять друг друга в любезности. Голубые глаза Атенаис внимательно смотрели на Анжелику. Она ни на секунду не сомневалась, что этот визит не предвещает ничего хорошего.

Анжелика расправила юбки и села на маленькую софу, обитую в те же цвета, что и стулья у туалетного столика. Меблировка была превосходной.

— У меня есть для вас интересные новости.

— В самом деле?

Мадемуазель Дезосиль побледнела. Большой черепаховый гребень, с помощью которого она украшала волосы хозяйки, задрожал в ее руках. Мадам де Монтеспан повернулась обратно к зеркалу.

— Ну что ж, мы ждем, — холодно сказала она.

— Здесь слишком много народа. А я думаю, что это не для чужих ушей.

— Вы хотите, чтобы я выставила свою прислугу? Но это невозможно.

— Может быть. Но все-таки так будет лучше.

Мадам де Монтеспан снова повернулась. Увидев выражение лица Анжелики, она заколебалась.

— Я ведь еще не готова, волосы не уложены. А король скоро будет ждать меня для прогулки по саду.

— Не беспокойтесь. Я помогу вам справиться с волосами. ... Анжелика встала позади мадам де Монтеспан и принялась умело укладывать тяжелые пряди волос цвета спелой ржи.

— Я хочу уложить их по последней моде, как рекомендует Бине. Эта прическа вам пойдет. Дайте мне, дитя мое, — сказала она, забирая гребень из рук мадемуазель Дезосиль. — Пожалуйста, передайте мне пару булавок.

Мадам де Монтеспан внимательно наблюдала за Анжеликой в зеркало. Та была еще прекрасней, а значит, и более опасной, ибо красота ее была необычной. Прекрасный цвет лица, чистая и гладкая кожа, маленький аккуратный носик. Глаза словно драгоценные камни. А волосы, может быть, несколько менее светлые, чем у мадам де Монтеспан, глянцево блестели, волнами спадая на плечи.

Ни один мужчина не устоит против желания погладить их, — высказалась вслух Атенаис в припадке ревности.

Анжелика не смотрела в зеркало, избегая взгляда Атенаис. Она наклонилась и прошептала ей в самое ухо:

— Дюшес умер прошлой ночью от рук убийцы.

Ни один мускул не дрогнул на лице Атенаис, напротив, она как-то холодно встретила это сообщение.

— Гм... а мне никто не говорил об этом.

— Никто еще об этом не знает, кроме меня. Хотите знать, как это произошло?

Она отделяла локоны один от другого и расчесывала их гребнем из

слоновой кости.

— Он выходил из дома ля Вуазин. Он принес ей письмо, а оттуда вынес маленькую сумку и флакон. И никто бы этого не знал... кроме вас. Осторожнее, моя дорогая, вы совсем смяли баночку с румянами.

— Свинья! — сквозь зубы процедила Монтеспан. — Шлюха! Паскуда! Как вы посмели... как вы посмели это сделать?

— О чем это вы?

Анжелика швырнула гребни на туалетный столик. Она схватила руками гладкие, чуть полноватые плечи, которые он так любил целовать, и вонзила в них свои острые ногти.

— А вы сами? Ведь вы хотели убить моего сына! Тяжело дыша, они смотрели друг на друга в зеркале.

— Вы хотели лишиться меня жизни, приговорив к ужасной и постыдной смерти. Вы призвали на мою голову все проклятия дьявола. Но теперь дьявол занялся вами. Слушайте внимательно: Дюшес мертв, и мертв потому, что не умел держать язык за зубами. Никто не должен был знать, куда он ходил прошлой ночью, и что он делает потом, и кто написал письмо, которое он приносил ля Вуазин.

Мадам де Монтеспан почувствовала внезапную слабость.

— Письмо, — сказала она дрогнувшим голосом. — Неужели он не сжег письмо?

— Нет, — и Анжелика повторила: «Эта особа жива по-прежнему, и привязанность короля к ней растет с каждым днем. Ваши обещания не стоят тех денег, что я плачу вам — больше 1000 экю. И это за те снадобья, которые не принесли мне ни смерти одной, ни любви другого...»

Атенаис побледнела, как полотно, но самообладание не покинуло ее. Она рванулась из цепких рук Анжелики.

— Пустите меня, Горгона! Вы убиваете меня!

Анжелика взяла гребень со стола мадам де Монтеспан. Де Монтеспан схватила пуховку и принялась пудрить себе плечи, пытаясь скрыть синяки, оставшиеся от ногтей Анжелики.

— Что мне нужно сделать, чтобы получить обратно письмо?

— Я никогда не отдам его вам! — ответила Анжелика. — Или вы считаете меня дурой? Письмо и другие безделушки, о которых я вам говорила, находятся в надежных руках. Они у одного адвоката, и я надеюсь, что вы простите меня, если я не назову вам его имени. Но знайте, что у него есть много возможностей видеть короля. А теперь, будьте любезны передать мне эту жемчужную заколку, я заколю вам шиньон.

Мадам де Монтеспан передала ей заколку.

— В тот день, когда я умру, — продолжала Анжелика, — и печальная новость о кончине мадам дю Плесси достигнет ушей моего адвоката, он немедленно передаст королю письмо и все остальные предметы, которые находятся у него на хранении. Я думаю, что Его Величество без труда узнает ваш почерк и ваш стиль. Фаворитка уже не пыталась лицемерить. Она была повержена, ее грудь тяжело вздымалась. Она лихорадочно открывала и закрывала многочисленные коробочки с румянами, мазями и притираниями, лежащими на столике.

— А если я не позволю вам шантажировать меня? — почти выкрикнула она. — А что, если я рискну и скоро вы будете мертвы?! — она встала, сжав кулаки и задыхаясь от ненависти. — Мертвы! — повторила она. — Это единственное, что я страстно желаю — видеть вас мертвой! Если вы останетесь в живых, вы отнимете у меня короля? Я это знаю. Или сам король выберет вас, что, впрочем, одно и то же. Он так жаждет обладать вами! Ваши кокетливые отказы только подогревают его распалившееся воображение. Он, пожалуй, скоро возненавидит меня, так ему хочется видеть вас в тех самых апартаментах, что он построил для меня. И коль скоро мое падение предрешено, то, по крайней мере, мне хотелось бы получить только одно удовлетворение — видеть вас мертвой! Мертвой, мертвой, мертвой!

Анжелика слушала ее бесстрастно.

— Вы прекрасно понимаете разницу между падением фаворитки, которую разлюбил король, и тем положением, в которое вы попадете, если он узнает о ваших преступлениях. А это тюрьма или ссылка до конца дней ваших. Я уверена, что наследница рода Мортемар сумеет сделать правильный выбор.

Атенаис ломала руки. В ней боролись ярость и бессилие, она не знала, что делать.

— Фаворитка, которую разлюбил король, — как эхо повторила она. — Нет. Если вы завоюете его расположение, вы заполучите его целиком. Я это знаю. И вы это знаете так же хорошо, как я. Он владеет своими чувствами, а вы владеете его сердцем. И поверьте, это многого стоит — владеть сердцем такого мужчины.

И она посмотрела на соперницу так, как будто впервые увидела ее холодную и опасную красоту — оружие, о котором раньше и не подозревала.

— Я не так уж выигрываю в сравнении с вами. — Анжелика передернула плечами. — Не разыгрывайте из себя несчастную жертву, Атенаис. Это не ваша роль. Лучше посидите спокойно и дайте мне

закончить прическу.

— Не дотрагивайтесь до меня!

— Но эта прическа очень идет к вам, Атенаис. И очень жаль, если она будет сделана только наполовину. Фи, как некрасиво!

В полном отчаянии Атенаис передала Анжелике гребень так, будто та была просто служанкой.

Накручивая волосы, Анжелика глянула в зеркало и встретила в нем свирепый взгляд соперницы.

— Оставьте мне короля! — неожиданно спокойно сказала Атенаис. — Оставьте мне короля. Ведь вы не любите его.

— А вы?

— Но он мой. Мне больше подходит роль королевы. Анжелика накрутила еще два локона и прикрепила их у виска.

Сам Бине не смог бы это сделать лучше.

— Дорогая моя Атенаис, — закончив работу, сказала Анжелика, — не пытайтесь взывать к моим добрым чувствам, ибо для вас их у меня нет. Я просто хочу заключить с вами сделку. Или вы оставите меня в покое и перестанете плести заговоры против меня, и тогда мне дела не будет до ваших связей с колдунами и демонами.

Если же вы попытаетесь отомстить мне, то стрелы ваших молний обратятся против вас же, падут на вашу собственную голову и уничтожат вас. Не пытайтесь отравить мне жизнь другими способами, например, подорвать мою репутацию или изводить меня еще какими-нибудь уловками.

Я всегда узнаю, откуда дует ветер, и я не буду ждать, пока смерть избавит меня от вас. Вы говорите, что король любит меня. Так что вы можете представить, какова будет его реакция, когда он узнает, что вы уже давно преследуете меня.

Учтите, что моему адвокату известно также и о ночной сорочке, которую вы подсылали ко мне. И он расскажет королю, что вы хотели сделать со мной. И еще один совет на прощание, моя дорогая. Ваши волосы смотрятся прекрасно, но грим окончательно испорчен. На вашем бы месте я начала сначала.

Как только Анжелика ушла, стайкой вбежали девушки мадам де Монтеспан и окружили свою хозяйку, сидящую у столика.

— Мадам, вы плачете?

— Дуры, неужели вы не видите, что стало с моим гримом? Содрогаюсь от рыданий, она смотрела на свое лицо в зеркале, по которому текли

разноцветные слезы. Потом тяжело вздохнула:

— Она права. Это конец. Мне надо начинать все сначала.

Всем бросился в глаза тот гордый вид Анжелики, с которым она появилась перед королем, совершающим прогулку по саду. Она вся светилась и так высоко держала голову, будто хотела напугать присутствующих.

Казалось, придворным дамам в самом деле словно передалось то чувство страха, которое только что испытала мадам де Монтеспан.

Те дамы, которые еще недавно уверяли, что Атенаис скоро разделается с этой «выскочкой», мигом потеряли свою уверенность, видя, как она награждает их негодующими взглядами и как она улыбается королю.

Король тоже не скрывал своих чувств и смотрел только на Анжелику. Мадам де Монтеспан не появлялась. Это уже никого не удивило, и все нашли это вполне естественным, что Анжелика прошла с королем по тропинке у колоннады Минервы и далее во дворец по аллее фонтанов.

Король ввел ее в комнату для совещаний, куда неоднократно приглашал ее, когда нуждался в ее советах. В комнате никого не было. Как только они вошли, дверь за ними закрылась, и король взял ее за руки.

— Красавица моя, — быстро заговорил он, — я больше не могу этого вынести! Когда вы перестанете мучить меня? Я никого не замечаю, кроме вас. Вы мое солнце, моя звезда, до которой я никак не могу дотянуться, вы мой ручеек, из которого я никак не могу напиться.

Вашим очарованием наполнен сам воздух, которым я дышу. И все же я не могу приблизить вас к себе. Почему? Почему вы так жестоки?

Он уже почти потерял контроль, обуреваемый страстным желанием над своими чувствами.

— Или вы думаете, что и дальше будете играть мною? Пора кончать, вы будете моей, даже если для этого мне придется прибегнуть к силе!

Он привлек ее к своей широкой груди.

— Вы можете найти во мне врага, — сказала она.

— А я в этом совсем не уверен. Не думаю, что разбудил бы ваше сердце, если бы был терпелив и спокоен. Вы не управляете своими эмоциями. Вы должны узнать своего хозяина, прежде чем начнете повиноваться его приказам.

Только после этого, как он подчинит вас, вы будете служить ему. Только тогда, когда я смогу пронзить вашу плоть, я смогу пронзить ваше сердце. — И он жалобно добавил: — Ах, как меня мучают тайны вашего

тела!

Анжелику с головы до ног била дрожь.

«Я не могу допустить этого», — думала она про себя, чувствуя, что силы покидают ее.

— Когда вы станете моей, — продолжал король, — когда я возьму вас уговорами или силой, тогда, я уверен, вы уже не покинете меня, ибо мы созданы друг для друга, и мы с вами будем править миром.

— Только что об этом говорила мадам де Монтеспан, — с тонкой усмешкой сказала Анжелика.

— Мадам де Монтеспан? О чем она говорила? Или она думает, что я слепой? Я прекрасно вижу ее злое сердце, ее неумную гордость и повадки служанки, шпионящей за своим хозяином. Или она мешает вам? Заверяю вас, что я уберу с вашего пути любую, стоит вам только пожелать. Только прикажите, и я немедленно избавлю вас от мадам де Монтеспан. Завтра же ее не будет во дворце.

Анжелика притворилась, что восприняла это как шутку.

— Ваше могущество пугает меня, сир.

— Вам нечего бояться. Я готов отдать вам мой скипетр, и он попадет в достойные руки. Я доверяю вам во всем и прошу вас саму назначить день и час, когда вы полюбите меня. Я буду ждать столько, сколько понадобится. Только скажите мне, наступит ли время, когда мы пойдем друг друга?

Он держал ее руки в своих руках и говорил умоляющим голосом.

— Думаю, что да, сир.

— Красавица моя, это будет день, когда мы поплывем на Кйтиру... остров любви... этот день наступит... обещайте мне...

Между поцелуями она прошептала:

— Я обещаю...

И действительно, придет день, когда она встанет перед ним на колени и скажет:

— Вот и я...

Но сначала ей нужно избежать тех опасностей, которые подстерегают ее, и заслужить любовь, которая несет с собой и славу и беду.

Но будет ли это завтра? Или гораздо позже? Ответ зависел от нее самой, а она решила положиться на волю судьбы.

Глава 28

Анжелика провела в Париже три дня, улаживая кое-какие дела с Кольбером. После встречи с ним она возвращалась домой поздно вечером. И в один из этих вечеров, прямо перед дверями отеля дю Ботрей, в голубоватой темноте безлунной июльской ночи она увидела прихрамывающего нищего. Это был Черный Хлеб.

— Поезжай в Сен-Клу! Поезжай в Сен-Клу! — хрипло прокричал он.

Она попыталась открыть дверь, но он опередил ее.

— Поезжай в Сен-Клу: Там что-то происходит. Я только что оттуда. Сегодня ночью там будут развлекаться. Поезжай...

— Но никто не приглашал меня в Сен-Клу, Черный Хлеб!

— Там будет еще одна неприглашенная особа... смерть... И именно в ее честь там устраивают вечеринку. Посмотришь сама...

Анжелика немедленно вспомнила о Флоримоне. Кровь застыла в ее жилах.

— Что ты говоришь? Что тебе известно?

Но старый бродяга уже исчез. Анжелика приказала кучеру немедленно гнать лошадей в Сен-Клу. Кучер у нее был новый, раньше он служил у герцогини де Шеврез и отличался более философским складом ума, чем его предшественники.

Поэтому-то он и осмелился заметить хозяйке, что путешествие по лесу в такой час небезопасно. Не выходя из кареты, Анжелика приказала разбудить трех лакеев и управляющего Роджера.

Те вооружились и, сопровождаемая верховыми карета двинулась к воротам Сен-Оноре, к выезду из Парижа. Цоканье копыт разнеслось по безлюдным дорожкам парка.

Нервы Анжелики были напряжены, и каждый звук раздражал ее. Она заткнула уши руками. Вскоре они подкатили к загородному дому герцога Орлеанского. Тут уже стояло множество карет, а ворота были широко раскрыты.

Что-то здесь происходило, но это не было похоже на празднество. Дрожа от волнения, Анжелика выскочила из кареты и почти бегом направилась ко входу.

Но ее никто не встретил, не было даже слуг, которые взяли бы у нее плащ. В фойе было много людей, прохаживающихся и почему-то беседующих шепотом. Потом Анжелика увидела леди Гордон.

— Что здесь происходит?

— Шотландка сделала непонятный жест руками:

— Мадам умирает.

И скрылась за занавесью.

Анжелика схватила за руку проходившего мимо лакея.

— Мадам умирает? Но это непостижимо. Еще вчера она чувствовала себя превосходно. Я сама видела, как она танцевала в Версале.

— Да и сегодня тоже. Еще в четыре часа Ее Высочество весело шутило и смеялось. Потом она налила чашечку кофе и тут же почувствовала себя плохо.

Мадам Деборд, одна из фрейлин принцессы, лежала на софе, сжимая в руках флакончик с нюхательной солью.

— Это уже шестой раз сегодня, бедная женщина, — сказала мадам де Гамаш.

— А в чем дело? Она тоже выпила кофе из этой чашки?

— Нет, ее обвиняют в том, что она допустила это.

Мадам Деборд постепенно приходила в себя. Она вновь принялась кричать.

— Возьмите себя в руки, — обратилась к ней мадам де Гамаш. — Вы вовсе не виноваты в этом. Вспомните, кипятили ли вы воду? Я принесла ее сюда, а мадам Гордон подала ей кофе в ее любимой чашечке.

Но потерявшая над собой контроль фрейлина, ничего не слушая, плакала и кричала:

— Мадам умерла! Мадам умерла!

— Это мы знаем, — сказала Анжелика. — А пригласили ли мадам доктора?

— Все они там, — вздохнула мадам Деборд. — Король даже своего прислал. Уже все здесь собрались: Мадемуазель, Монсеньер, королева...

— Ради бога! — прервала ее де Гамаш. Похоже, что и она поддалась истерике.

И в это время из апартаментов Мадам вышел сам Филипп Орлеанский вместе с мадемуазель Монпансье.

— Кузен, — сказала та сурово, — вы же понимаете, что Мадам умирает. Помолитесь богу...

— Ее исповедник еще здесь, — запротестовал Филипп.

Он постоянно поправлял складки своего жабо. Казалось, он был расстроен меньше всех присутствующих, но он всегда прислушивался к мнению Великой Мадемуазель. Та же в ярости передернула плечами.

— Ее исповедник! Для меня было бы большим горем, если бы я

отошла без исповеди в мир иной. Конечно, ее исповедник! Если он чем-нибудь и известен, так это своей роскошной бородой. Но смерть... Кузен, да имеете ли вы понятие о том, что такое смерть?

Монсеньер изучал свои ногти. В ответ он только горестно вздохнул.

— Знайте, что придет и ваше время! — воскликнула Мадемуазель и разразилась рыданиями. — Тогда вам будет не до ногтей. Бедняжка. Мадам!... — тут она заметила Анжелику и кивком подозвала ее к себе.

— Если бы вы только знали, что здесь происходит! Все эти люди толпятся вокруг Мадам, болтают и кривляются, будто играют в плохой пьесе. А ее исповедник только и знает, что поглаживать свою бороду и болтать всякий вздор...

— Успокойтесь, кузина, — выразительно сказал герцог Орлеанский. — Давайте лучше подумаем, кто бы мог исповедать ее. Ага, я знаю — отец Босюэ. Мадам любила беседовать с ним и, кроме того, он духовный наставник дофина. Я пошлю за ним, — и он тут же отдал распоряжение.

— Но мы не можем ждать. Кто знает, будет ли Мадам жива, когда Босюэ прибудет сюда? Давайте поищем кого-нибудь здесь, в Сен-Клу.

Кто-то из фрейлин порекомендовал отца Фейе, каноника из Сен-Клу, который был известен хорошей репутацией.

— Но у него чертовски скверный характер, — хмыкнул брат короля. — Зовите его, если хотите, но я удалюсь отсюда. Я уже попрощался с Мадам.

Он резко повернулся на высоких каблуках и направился к выходу. Его свита последовала за ним. Флоримон, который тоже был там, увидел Анжелику и подбежал к ней, чтобы поцеловать ей руку.

— Какое несчастье, правда, мама? Ведь Мадам отравили...

— Ради всего святого, Флоримон, не говори больше об отравлениях.

— Но ее действительно отравили. Я это знаю. Все так говорят, и я сам там был. Монсеньер собирался отправиться в Париж, и мы были с ним во внутреннем дворике. Тут приехала мадам де Мекленбург.

Монсеньер поприветствовал ее и направился с ней вместе к Мадам. И в это самое время леди Гордон подала ей чашку с охлажденным кофе, который она всегда пьет в это время. Как только она его выпила, как тут же схватилась за бок и простонала: «Ах, как больно! Какой ужас, я не могу терпеть! — на ее розовых щеках появилась смертельная бледность! — Помогите! Я больше не могу...», — и она вся изогнулась. Я сам это видел.

— Паж говорит правду, — подтвердила одна из молодых фрейлин. — Как только Мадам добралась до постели, она сказала нам, что ее отравили, и попросила достать какое-нибудь противоядие. Ей принесли немножко

змеиного яда, но боль, вместо того, чтобы утихнуть, разыгралась с новой силой. Должно быть, ей подсыпали какую-то редкую отраву.

Великая Мадемуазель возмутилась.

— Не говорите глупостей. Кому нужно было травить такую милую женщину, как Садам? У нее нет врагов.

Все замолчали, но тем не менее мысль об отравлении не покидала всех собравшихся, включая и мадемуазель Монпансье. У всех на устах было одно имя — мужа Мадам, Монсеньера, и имя его ссыльного фаворита. Мадемуазель вышла встретить отца Фейе, который только что прибыл.

— Помогите нам, отец, ибо без вас бедная принцесса предстанет перед отцом небесным без исповеди, как еретичка. Пойдемте, я провожу вас.

Мадам де Гамаш шепотом объясняла, почему монсеньер не любит отца Фейе. Это был священнослужитель очень строгих правил, один из тех, к кому применимы слова псалма:

«Я буду говорить о твоих заветах перед лицом царя и не устыжусь этого».

Однажды, во время великого поста, он был на обеде в доме брата короля. Монсеньер взял сухое печенье и обратился к священнику с вопросом:

«Ведь этим я не нарушу пост?»

«Съешьте хоть целого быка, но будьте христианином!», — был такой ответ.

Тут мадам де Гамаш прикусила язычок. В комнате принцессы возникла какая-то суматоха, и внимание всех собравшихся обратилось туда.

Из комнаты вышел король, сопровождаемый докторами. За ним шла королева, поминутно прижимая платочек к глазам. За ними шла графиня Суассон, затем мадемуазель де ла Вальер, мадам де Монтеспан и мадемуазель де Монтасье. Король заметил Анжелику. Он приостановился, затем под взглядами придворных взял ее под руку и повел к алькову.

— Моя родственница умирает, — сказал он. Лицо его выражало неподдельную скорбь, и, казалось, он искал утешения.

— Неужели нет никакой надежды, сир? А что говорят доктора?

— Сначала они все говорили, что это временное недомогание. А теперь, кажется, сами растерялись и не знают, что делать. Все сошлись на том, что надо ждать. Ослы этакие! — и он бросил сердитый взгляд на врачей, оживленно шепчущихся друг с другом.

— Но как это могло случиться? У Мадам было прекрасное здоровье. Она недавно вернулась из Англии и была так счастлива...

И тут он так внимательно посмотрел на нее, как будто его осенила какая-то догадка. Он наклонил голову, не зная, что сказать. Ей захотелось взять его за руку, но она не посмела.

— Я прошу вашей любви, Анжелика, — прошептал он. — Оставайтесь здесь, пока... пока все кончится, а потом приезжайте в Версаль. Мне нужен ваш совет. Вы ведь приедете ко мне? Вы мне нужны... моя дорогая.

— Да, приеду, сир. Король тяжело вздохнул.

— А теперь я должен уйти. Королям нельзя смотреть на смерть. Таковы законы. Когда я сам буду умирать, вся моя семья уйдет из дворца и я останусь совсем один... Я очень рад, что с Мадам сейчас достопочтенный отец Фейе. Ага, вот и месье Босюэ. Мадам будет очень рада ему.

Он подошел к епископу и на минуту задержал его разговором. Затем королевская семья удалилась, и Босюэ прошел к умирающей. Снаружи доносились звуки хлопающих дверей кареты и цоканье копыт по мостовой.

Анжелика уселась на лавочку. Флоримон как угорелый носился взад и вперед. Он подошел к матери и рассказал, что монсеньер пошел спать и тут же заснул. Перед самой полночью к Анжелике подошла мадам де ла Фейе и сказала, что Мадам известно о ее присутствии здесь и она просит ее пройти к ней.

В комнате было полно народу, но присутствие Босюэ и отца Фейе накладывало на все какой-то особый отпечаток. Все говорили шепотом. Оба священнослужителя отошли от изголовья кровати и уступили место Анжелике. Вначале ей показалось, что в постели лежит кто-то другой, так изменилась Мадам. Щеки ее ввалились, нос заострился. Под глазами были темные круги, а все лицо искажено агонией.

— Мадам, — прошептала Анжелика. — Боже, как вы страдаете. Я не могу без боли видеть ваши мучения.

— Как вы добры. Все говорят мне, что я преувеличиваю свои страдания. А у меня такие боли, что не будь я доброй христианкой, я бы скорее покончила с собой, чем стала бы терпеть такую боль. — Она задыхалась, но продолжала говорить. — Мадам дю Плесси, я очень рада, что вы пришли. Я не забыла о своем долге. Я привезла из Англии...

Она слегка кивнула Монтегю, королевскому посланнику из Англии, чтобы он подошел поближе. Принцесса заговорила с ним по-английски, но Анжелика разобрала, что она дает распоряжение выплатить три тысячи пистолей, которые она ей задолжала.

Посол был подавлен, ибо он знал, каким горем явится известие о смерти любимой сестры для его повелителя — Карла II. Он решил спросить умирающую женщину, не подозревает ли она кого-нибудь, ибо

он совершенно четко слышал слово «яд», которое звучит одинаково и по-английски. Но тут поспешил вмешаться отец Фейе:

— Мадам, не надо никого обвинять! Все в руках божьих. Принцесса кивнула головой. Она закрыла глаза и долго молчала.

Анжелика было уже двинулась к выходу. Но холодная, как лед, рука Генриетты Английской цепко взяла ее за руку. Мадам открыла глаза, и Анжелика с удивлением заметила, что в них светилось спокойствие и мудрость.

— Здесь был король, — сказала Мадам. — С ним были мадам Суассон, мадемуазель де ла Вальер, мадам Монтеспан...

— Я знаю об этом, — сказала Анжелика.

Мадам замолчала и внимательно посмотрела на нее. Анжелика неожиданно припомнила, что и Мадам сама любила короля. Их флирт зашел так далеко, что возбудил подозрение матери-королевы, которая тогда была еще жива, и тогда они решили отвести от себя подозрения, воспользовавшись как ширмой, одной из фрейлин ее. Ею и оказалась Луиза де ла Вальер.

И надменная принцесса скоро была свергнута своей скромной фрейлиной.

Гордость Мадам не позволила ей жаловаться никому, кроме мадам де Монтеспан... и вот та, в свою очередь, заняла это место. Теперь же возле смертного одра собрались все три любовницы — две бывшие и одна настоящая.

— Да... — мягко сказала Анжелика и улыбнулась. Отставка не сделала Мадам мстительной и злой, напротив, она всегда была доброй, отзывчивой и мудрой. Пожалуй, даже чересчур умной. И вот она умирает, окруженная враждебностью или, в лучшем случае, равнодушием.

Глаза Мадам потускнели. Чуть слышным голосом она прошептала:

— Как бы мне хотелось, ради него самого, чтобы он полюбил вас... вас, потому что...

Она не смогла закончить фразу. Руки ее безжизненно вытянулись вдоль туловища. Анжелика вышла и направилась к своей скамейке обратно. Усевшись, она принялась усердно молиться. Часа в два ночи из комнаты принцессы вышел Босюэ и сел рядом с Анжеликой. Он был голоден, и лакей принес им по чашке шоколада.

Флоримон, снующий везде, как ласточка, подбежал к матери и прошептал, что Мадам издает предсмертные вздохи. Босюэ молча, поставил чашку и пошел в комнату принцессы.

И тут же оттуда вышла заплаканная леди Гордон.

— Мадам скончалась!..

... Помня о данном королю обещании, Анжелика решила отправиться в Версаль. Она подумывала взять с собой Флоримона, чтобы избавить его от тягостных хлопот, связанных с похоронами. Она нашла его с Фейе, сидящим на каком-то сундуке и державшим за руку девочку лет девяти.

— Это маленькая Мадемуазель, — объяснил он матери. — Никому нет дела до нее, и я решил составить ей компанию. Она еще не поняла, что ее мать умерла. А когда она это поймет, то будет горько плакать. Я должен побыть с ней и успокоить ее.

Анжелика ласково потрепала его вьющиеся волосы. Хороший вассал никогда не оставит своего суверена в беде. Вот и она сейчас отправляется к королю.

Со слезами на глазах она поцеловала маленькую принцессу, которая, казалось, совсем не была расстроена потерей матери, которую она в действительности очень мало знала и которая, в свою очередь, уделяла мало внимания дочери.

Экипаж катил в Версаль, Анжелика приказала кучеру гнать, не жалея лошадей. И когда она прибыла во дворец, была еще ночь. Ее провели в комнату для совещаний, где ее ждал король.

— Ну как?

— Все кончено. Мадам умерла.

Он склонил голову, пытаясь скрыть свои чувства.

— Так вы полагаете, что ее отравили? — сказала она наконец.

Анжелика сделала неопределенный жест.

— Все так говорят, — продолжал король. — У вас светлая голова. Скажите мне, что вы об этом думаете?

— Мадам давно уже боялась, что ее отравят. Она говорила мне об этом.

— Значит, она боялась, что ее отравят?... Но кого? Она называла имена?

— Она знала, что шевалье де Лоран ненавидит ее и никогда не простит ей своей ссылки.

— Кто еще? Говорите! Если вы не скажете, то кто еще посмеет сказать?

— Мадам говорила, что монсеньер не однажды грозил ей, когда приходил в ярость.

Король тяжело вздохнул:

— Если мой брат... — Он поднял голову. — Я приказал привести Мореля — главного дворецкого в Сен-Клу. И я хочу, чтобы вы послушали

этот разговор, но так, чтобы вас не видели. Спрячьтесь за эту занавесь.

Анжелика скрылась. Дверь открылась, и вошел Морель в сопровождении Бонтама и лейтенанта дворцовой стражи. Морель был тучный мужчина, достаточно надменный, хотя его профессии больше шла бы угодливость. Несмотря на арест, он сохранял спокойствие. Король дал знак лейтенанту удалиться.

— Слушайте меня внимательно, — мрачно сказал король Морелю. — Вам будет дарована жизнь только в том случае, если вы будете говорить правду.

— Сир, я буду говорить только правду.

— Не забудьте этого обещания. Если вы солжете, вас будут пытаться. Так что выбор за вами, как вы покинете этот дворец: живым или мертвым.

— Сир, — спокойно сказал Морель. — После ваших слов нужно быть круглым дураком, чтобы лгать.

— Хорошо, Тогда отвечайте: Мадам отравили?

— Да, сир.

— Кто?

— Маркиз де Эффиат и я.

— Кто поручил вам это страшное дело? И кто дал яд?

— Шевалье де Лоррен — главный вдохновитель и организатор заговора. Он прислал нам из Рима составные части ядовитого снадобья, которое я приготовил, а маркиз де Эффиат положил в питье Ее Величества.

Голос короля внезапно ослаб:

— А что мой брат?.. — спросил он, пытаясь совладать с собой. — Знали ли он о готовящемся преступлении?

— Нет, сир.

— И вы можете поклясться в этом?

— Сир, клянусь всевышним, что виновен я один, монсеньер ничего не знал... мы не могли сказать ему об этом... он бы разоблачил нас...

Людовик облегченно вздохнул:

— Вот и все, что я хотел узнать. А теперь уходите, негодяй. Я обещал вам жизнь, но вы должны покинуть королевство. И если вы когда-нибудь решитесь пересечь границу Франции, вас казнят.

Морель с Бонтамом удалились. Король вышел из-за стола.

— Анжелика!

Это был голос раненого, взывающего о помощи. Анжелика чуть не бегом устремилась к нему. Он крепко прижал ее к своей груди, будто хотел задушить в своих объятиях. Она почувствовала, как он прижался лбом к ее плечу.

— Анжелика, ангел мой!

— Я с вами, сир...

— Что за страшное дело! — бормотал он. — Что за низкое, вероломство, подлые душонки!

Он еще не знал всей истины. Но такой день настанет, и он скажет, что жил среди целого моря стыда и преступлений.

— Не оставляйте меня одного...

— Я с вами...

Наконец до него дошел смысл ее слов. Он поднял голову и долго, не отрываясь, смотрел на нее. Затем робко спросил:

— Вы говорите правду, Анжелика? Вы теперь никогда не покинете меня?

— Нет.

— И вы станете моим верным другом? Вы будете моей?

Она кивнула в ответ. Он осторожно коснулся руками ее лица.

— Вы говорите мне правду... — повторил он. — О, это...

Он тщетно пытался подыскать нужное слово. Рассвет наступающего дня окрасил в розовый цвет края занавесей.

— Это похоже на рассвет... примета новой жизни, возрождение силы... и все это вы дарите мне после этой ужасной ночи. О радость моей души... Вы будете моей! Моей! Я буду обладать сокровищем...

Он крепко стиснул ее в порыве страсти. Она почувствовала, как его сила вливается в нее, и ей тоже показалось, что их связь возвысит их над всем миром. Враги ее исчезнут, как дым, и все демоны вернутся обратно в ад. Долгая борьба близится к концу, и все проблемы будут решены.

Бонтам постучал в дверь.

— Сир, уже пора.

Анжелика попыталась освободиться от его объятий, но он крепко держал ее.

— Сир, уже пора, — как эхо повторила она.

— Да, мне снова пора стать королем. Но я так боюсь, что если выпущу вас, то потеряю снова.

Она покачала головой, улыбнулась слегка печальной улыбкой. Она очень устала, глаза у нее закрывались сами собой после бессонной ночи.

— Я люблю вас! — воскликнул король. — О, как я люблю вас, мой ангел! Никогда не покидайте меня!

Глава 29

Стоя на якоре рядом с двумя небольшими английскими военными кораблями, неополитанской фелукой и бискайской галерой, корабль покачивался на волне, как бабочка на травинке. Вокруг него сновали лодки.

Это был фрегат в миниатюре, оснащенный небольшими бронзовыми пушками, на каждой из которых сверкал золотой петух, украшенный королевскими лилиями, гирляндами цветов и орнаментом из ракушек.

Канаты были из желтого и алого шелка, парчовые драпировки расшиты золотом и серебром. Такелаж был украшен разноцветными флажками и вымпелами. Повсюду отливали золотом королевские эмблемы.

Луи XIV превратил эту жемчужину корабельного искусства в еще одно развлечение для своего двора. Ступив на первую ступеньку позолоченных сходней, он обернулся к придворным дамам.

Кого же он выберет, кто возглавит вместе с ним торжественную процессию? Король улыбнулся и протянул руку к Анжелике. На глазах всего двора она поднялась по сходням и села на покрытое парчой канапе. Король сел рядом с ней.

Вслед за ним поднялись на борт все приглашенные. Мадам де Монтеспан среди них не было. Она была среди придворных, которым было отведено место на бискайской галере.

Королева со свитой находилась на фелуке. Остальные придворные разместились на лодках. Королевские музыканты расположились на барже, задрапированной красными и белыми полотнами.

Под звуки скрипок и гобоев маленькая эскадра заскользила по глади большого канала. Но поездка оказалась очень непродолжительной. Темные тучи заволокли голубое небо.

— Надвигается шторм, — заметила Анжелика, пытаясь за беспечным тоном скрыть свои мрачные предчувствия.

— Так вы думаете, что нас ожидает кораблекрушение? — весело спросил король, глядя на нее влюбленными глазами.

— Все может быть...

Вскоре все сошли на берег, где стояли уже навесы, под которыми были приготовлены столы с угощениями, началось веселье, танцы, оживленные беседы.

Настало время игры в жмурки. Анжелике выпало водить, ей завязали

глаза, и месье де Сент-Энай крутанул ее так, чтобы она потеряла ориентацию. Потом он отпустил ее и тихонько на цыпочках удалился. Она немножко постояла и двинулась вперед.

— О, не убегайте так быстро, — засмеялась она. Анжелика слышала шорох и шепот вокруг себя. Вдруг все стихло, затем кто-то подкрался к ней и сдернул повязку.

— Ах! — воскликнула она, зажмурив глаза.

Оказалось, что она находится уже не на лугу, откуда слышались звуки веселящегося двора, а перед густыми зарослями. Прямо перед ней открывался вид на три поднимавшихся друг за другом, покрытых цветами террасы, а сверху был еще не законченный, небольшой дворец, ранее ей незнакомый. Дворец был окружен колоннами из розового мрамора. Вокруг дворца были посажены акации и воздух был напоен их дурманящим запахом.

— Это Трианон, — сказал король.

Он привлек ее к себе и, обняв ее за талию, повел к пагоде.

— Мы осмотрим его вместе, Анжелика, — негромко сказал он. Она почувствовала, как дрожит его рука. Он так никогда и не смог преодолеть свою робость по отношению к женщинам.

— Милая моя! Любимая!

Анжелика уже и не пыталась сопротивляться. Чудесный дворец манил ее, обещая покой и негу. Она больше не могла противиться той силе, что влекла ее. Ничего нельзя было поделать с этим магическим треугольником любви, уединения и полумрака.

Застекленная дверь открылась перед ними. Помещение было богато декорировано парчовыми занавесями искусной работы.

Анжелика была слишком взволнована и поэтому не сразу обратила внимание на самую главную деталь интерьера — превосходной работы огромную кровать в алькове.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Здесь нам нечего бояться, любовь моя.

Склонив голову ему на плечо, она чувствовала, как он расстегивает ее корсаж, касается рукой нежных полушарий ее груди, проводит дрожащими пальцами по потаенным местам. Он тихо, но настойчиво влек ее к кровати.

— Пойдем! Пойдем! — нежно просил он.

Им руководило сейчас животное чувство. Поток страсти подхватил его и повлек к той женщине, которой он упорно добивался. Его самообладание монарха уступило место всепобеждающему чувству любви.

Анжелика понимала, что король в ее власти, что сейчас она сильнее

его, и ей надлежит успокоить его разбушевавшуюся плоть своими ласками. Она почувствовала, что опирается на кровать.

Вспыхнувшая молния осветила внутренность комнаты. Анжелика затрепетала, она с ужасом всматривалась во мрак, окружавший их.

— Это гроза! — пробормотала она. Отзвук грома нарушил тишину. Король посмотрел на нее с удивлением.

— Пустяки! Чего нам бояться?

Тут же он почувствовал, что она начала сопротивляться. Вырвавшись из его объятий, она подбежала к окну и прижалась горячим лбом к холодному стеклу.

— Что с вами? — спросил он резко. — Сейчас не место скромничать и не время. Ваше поведение доказывает, что существует еще одно препятствие, о котором я уже догадывался. Между нами стоит другой мужчина?

— Да!

— Его имя?

— Жоффрей де Пейрак, мой муж, человек, которого вы сожгли заживо!

Она медленно поднесла руки к лицу. Рот ее был полуоткрыт, будто ей не хватало воздуха.

— Жоффрей де Пейрак! — повторила она.

У нее подкосились ноги, и она присела тут же у окна, невнятно бормоча:

— Что вы сделали со сладкоголосым певцом Тулузы, Великим Хромым, который очаровывал всех? Как я могу забыть Тулузу, где пели и разбрасывали лепестки — цветов, где выставляли на посмешище и предавали проклятию? Тулуза... — самый благородный и самый жестокий из всех городов, город Жоффрея де Пейрака, которого вы заживо сожгли на Гревской площади...

Перед ее глазами плясало пламя холодного зимнего вечера — только пламя и ночь. Рыдания душили ее.

— Его пепел бросили в Сену. У его детей не осталось имени.

Замки его разорены. Друзья отвернулись от него. Даже враги забыли его. Не осталось и следа от Отеля Веселой Науки, где так радостно и светло текла его жизнь. Вы все забрали себе, но больше вы не получите ничего. Я не достанусь вам. Я его жена! Снаружи разразился ливень. Гроза бушевала вовсю. — Быть может, вы об этом забыли, — продолжала она, — но человек всегда остается человеком, даже такой великий монарх, как вы.

А он превращен в прах, и даже прах его развеяли по ветру. Но я

помню все и буду помнить всю жизнь. Я приходила в Лувр, чтобы вымолить для него прощение, но вы прогнали меня прочь.

Вы знали, что он невиновен, но вам нужно было избавиться от него. Вы боялись его возрастающего влияния в Лангедоке. Потому что он был богаче вас и потому что он не хотел унижаться перед вами.

Вы подкупили судей, осудивших его. Вы убрали единственного свидетеля, который мог бы спасти его. Вы обрекли его на мучения. Затем вы осудили на безвестность и нищенское прозябание меня и двух моих сыновей. Как можно все это забыть?

Она содрогалась от рыданий, но слез уже не было. Король стоял, как громом пораженный.

Шло время. Что было ему делать — молчать или говорить? Ведь их молчание или слова не спасут от прошлого. Прошлое отделило их друг от друга каменной стеной.

Выглянуло солнце, король посмотрел в окно. Затем широким шагом подошел к стулу, где лежала его шляпа, и обернулся к Анжелике.

— Пойдемте, сударыня. Двор ждет нас. Она не шелохнулась.

— Пойдемте, — твердил он. — Нам нельзя опаздывать. Мы и так слишком о многом поговорили.

Она покачала головой.

— Не так уж и о многом. Только о том, о чем было необходимо.

Она собралась с силами и попыталась привести себя в порядок. Поправила перед зеркалом волосы, одернула платье. Какой измученной выглядела она!

Их шаги эхом отдавались на каменных ступеньках. Они шли рядом, но как далеки они были друг от друга.

Этой ночью предстоял бал, поздний ужин и карты. Анжелика не могла для себя решить, что ей делать: уехать самой или ждать приказа короля. Было ясно, что дальше так продолжаться не может. Но как и когда он решит ее судьбу?

Приближалось утро, празднество было в разгаре. Но король не появлялся, он был занят делами. Анжелика была в центре внимания. Ее отсутствие одновременно с королем накануне вечером не прошло мимо внимания придворных.

Мадам де Монтеспан покинула Версаль, не скрывая своей ярости. Но Анжелика уже забыла о своей опасной сопернице, ибо у нее теперь был более могущественный недруг. Если король открыто выкажет свою немилость к ней, что станет с Флоримоном и маленьким Шарлем-Анри?

Она села за карточный столик и за один час проиграла чуть ли не 1000

пистолей! Она не любила игру в карты, но едва ли хоть один день при дворе обходился без этой игры. Эта неудача показалась ей символической. Но теперь с этим будет покончено. Она была уверена, что истекают ее последние часы пребывания в Версале.

Стоя у одного из окон главной галереи, она вспомнила то утро, когда на этом же самом месте она разговаривала с Баркаролем. Перед ней был дворец, в котором она могла занять место королевы, а в конце аллеи полоскались паруса и блестили мачты маленькой флотилии.

Такую, погруженную в мысли, ее и застал Бонтам здесь. Он шепнул, что король хочет видеть ее. Итак, час пробил!

Король был спокоен и ничем не выдавал своих чувств. Он понимал, что сейчас должна разыгаться драма, последний акт которой очень важен для него. Никогда он так пылко не желал победы. Никогда он не сталкивался с такой прочной обороной.

«Если она уйдет, — думал он, — мое сердце обратится в прах!»

— Сударыня, — сказал он, когда она села, — вчера вы выдвинули много тяжких и несправедливых обвинений против меня. Я провел всю ночь и часть сегодняшнего утра, просматривая судебные отчеты по этому делу и пытаюсь все восстановить и слить воедино.

Многие детали этого процесса стерлись из моей памяти, но суть дела я не забыл. В начале моего правления я был втянут в игру, где призом победителю служили моя корона и моя королевская власть...

— Мой муж никогда не угрожал ни вашей короне, ни вашей власти. Только зависть...

— Давайте не будем говорить об этом снова, — прервал он ее. — И давайте не будем ссориться. Я утверждаю, что граф Жоффрей де Пейрак угрожал моей короне, ибо он был одним из самых богатейших и могущественнейших моих подданных.

Величие других было и остается моим злейшим врагом. Анжелика, ведь вы умная женщина, и гнев не должен лишить вас здравого смысла. Я хочу объяснить вам, как все было на самом деле.

Когда я достиг совершеннолетия и вступил на престол, в стране повсюду вспыхивали бунты и волнения, шла гражданская война, наседали иностранцы, и Франция теряла свои владения одно за другим.

Во главе моих врагов стоял очень могущественный человек — мой дядя, Гастон Орлеанский. Принц Конде поддерживал с ним дружеские связи, и против меня плелись многочисленные заговоры.

Члены парламента выступали против своего короля. При дворе оставалось очень мало верных мне людей. Единственными, в чьей

верности я не сомневался, были мать и кардинал Мазарини, которого ненавидели все. Но и они были иностранцы.

Кардинал, как вы знаете, был итальянцем, а моя мать по своим чувствам и обычаям всегда оставалась испанкой. Можете себе представить, как их любили подданные. А в середине между этими противоположными полюсами стоял я, в сущности, еще ребенок, хотя и располагающий огромной властью, но слишком слабый, чтобы ею воспользоваться.

— Но вы проявили себя вовсе не ребенком, когда арестовали моего мужа.

— Не будьте такой упрямой, ради всего святого. Неужели вы стараетесь походить на обыкновенную женщину, которая не может постичь суть дела? Та боль, которую вам причинил арест и казнь графа де Пейрака, это лишь крошечная деталь панорамы той сложной и трудной борьбы, которую я хочу всерьез дать для вас.

— Но граф де Пейрак был моим мужем, моей судьбой и, согласитесь, эта крошечная деталь для меня важнее всей вашей панорамы.

— Очевидно, история должна была идти в согласии с личными интересами мадам де Пейрак, — иронически заметил король, — даже если моя панорама — это весь остальной мир.

— Мадам де Пейрак не интересуется историей всего остального мира, — парировала она его колкость.

Король даже привстал, глядя на лихорадочный румянец на ее щеках, и слегка улыбнулся.

— Однажды вечером, и это было не так давно, в этой самой комнате вы вложили свои руки в мои и принесли клятву верности королю Франции.

Впрочем, такие клятвы я слышал не однажды, и зачастую из уст предателей и перебежчиков. Но одно поколение дворян было готово сложить свои гордые головы в борьбе со своим сувереном, если только им казалось, что с ними несправедливо обходятся.

Вот почему я старался держать их всех при себе в Версале, прямо на глазах. У меня не было иллюзий ни на чей счет, даже на ваш.

Задумавшись на минуту, он продолжал:

— Я не собираюсь вас разжалобить и просить о снисхождении к молодому королю, которым я тогда являлся. Между моей прежней беспомощностью и нынешним могуществом пролегла большая и трудная жизнь.

Я помню, как парламент поднял против меня армию, как герцог Бофор и принц Конде организовали Фронду, как интриги герцогини де Шеврез привели армию эрцгерцога Австрийского и герцога де Лоррена в Париж.

Мазарини был арестован. Герцогиня де Лонгвиль, сестра принца Конде, подняла Нормандию, а принцесса Конде — Гайяну. Я помню бегство своего первого министра, помню, как французы сражались друг с другом под стенами Парижа.

Анжелика сидела, крепко сомкнув пальцы рук. Она не смотрела на него. Он чувствовал, что она слушает его рассеянно и невнимательно, и это причиняло ему больше расстройств, чем все те невзгоды, которые он пережил.

— Зачем вы это мне рассказываете? — спросила она. — Чем я могу помочь вам?

— Зачем? Да чтобы спасти свое доброе имя в ваших глазах! Та обрывочная информация, которой вы располагаете, явилась причиной того, что вы составили неверное, даже оскорбляющее меня представление о своем монархе.

Король, злоупотребляющий своей властью только для того, чтобы удовлетворить свои низменные желания, не достоин своего священного звания, врученного ему самим богом!

Лишить человека жизни только из зависти или ревности — это достойно осуждения, и подлинный суверен не должен так поступать со своими вассалами. Но то же самое действие, исполненное для блага народа, для торжества мира в королевстве, — это акт мудрости и благоразумия.

— Но каким образом мой муж мог угрожать спокойствию в вашем королевстве?

— Одним своим существованием.

— Одним своим существованием?

— Вот именно! Я только что достиг совершеннолетия, мне исполнилось 15 лет. Я знал лишь тяжесть королевской ноши, но не свою силу. Я собирал все свое мужество, убеждая себя, что для спасения трона мне предстоит найти ряд способов укрепить свою власть.

В самом начале своего правления мне пришлось арестовать кардинала Реца. Этим актом я открыл начало опалы своих родственников.

Вскоре мне пришлось решать судьбы других людей, и в первую очередь, своих врагов. Мой дядя Гастон Орлеанский был сослан. Другие были прощены и среди них Бофор и Лорошфуко.

Принц Конде удрал в Испанию, и я приговорил его к смерти. Но когда дело дошло до моей женитьбы, то испанцы стали просить за него так, что я даровал ему прощение. Время шло. Другие заботы стали одолевать меня и, в частности, роль придворных дам в деле бывшего суперинтенданта

финансов Фуке.

Вы знаете, какие феодальные поместья он возвел в Иль-де-Франс и Аквитании. Очень много говорили и о вас, моя дорогая. Говоря о чудесах Тулузы, люди рассказывали, что красотой вы затмили Элеонору Аквитинскую. Тогда я еще не знал, что обычаи в этой провинции так же странны для парижан, как если бы это была чужедальная страна.

Граф был высокомерен, эксцентричен, богат, влиятелен и высокообразован. И в первый же раз, когда я его увидел, мной овладело беспокойство. Да, он был богаче, чем я, и, рано или поздно, он бы стал могущественнее меня.

И с тех пор я стал думать, как разрушить эту силу, могущую создать королевство в королевстве. Верьте мне, я ничего не имею против него как человека, но мне нужно было уничтожить угрозу моей власти.

И чем ближе я знакомился с ним и с тем, что его связывало, тем больше я убеждался, что графа де Пейрака нельзя оставлять в живых. У вашего мужа был еще один злейший враг. Сам не знаю, почему, но Фуке, всемогущий Фуке, хотел его уничтожить.

Анжелика будто вновь переживала прошлое, поглотившее ее счастье. Она покачала головой. Лоб ее стал влажным.

— Я причиняю вам боль, любовь моя, — вздохнул король. — Бедняжка! — и он продолжал:

— Тогда-то я и поручил это дело Фуке. Я был уверен, что он доведет его до конца. Так и получилось. Он знал, как использовать для своей выгоды мстительного архиепископа Тулузского.

Он умел убирать врагов, а я лишь следил за ним и его методами, чем впоследствии и воспользовался, когда мне нужно было убрать его.

Я прочитал все материалы по делу вашего мужа и понимаю, чем вы так возмущены. Вы говорили об убийстве одного из свидетелей защиты — отца Киршо. Увы, это верно. Все было в руках Фуке и его шпионов. И Фуке очень хотел уничтожить графа Жоффрея де Пейрака. Дело зашло слишком далеко...

Король немного помолчал.

— Вы прибыли в Лувр просить о помиловании. Я помню это так же хорошо, как и тот день, когда я впервые увидел вас в платье из золотой парчи.

И вы были ослепительно прекрасны. У меня хорошая память на лица, а ваши глаза забыть невозможно. И когда годы спустя вы появились в Версале, я сразу же узнал вас.

Я знал, кто вы, хоть вы и были представлены, как жена маркиза дю

Плесси де Белльер. И, похоже, вам не хотелось вспоминать прошлое. Тогда я подумал, что вы уже простили меня. Неужели я ошибался?

— Да, сир. Но я благодарю вас за это, — печально ответила Анжелика.

— Неужели уже тогда вы вынашивали планы жестокой мести? Заставить мое бедное сердце разорваться на части, как это вы сделали сейчас, за те страдания, что я вам причинил?

— О нет, сир, нет. Не думайте, что я способна на такую низость, да еще и без всякой пользы.

Король слабо улыбнулся.

— О, как хорошо я вижу вас в этом ответе. Мечь — это дело бесполезное, а вы не та женщина, которая будет попусту тратить время и свои силы. Но, тем не менее, вы достигли своего. Вы наказали меня и причинили мне боль в 1000 большую, чем сами хотели этого.

Анжелика смотрела мимо него.

— Что дала мне судьба? Я бы хотела... да, да, хотела забыть прошлое. Я была молодой, я так любила жизнь. И я думала, что останусь верной Жоффрею. Но будущее улыбалось мне, оно манило и соблазняло меня. Но и теперь, когда прошли годы, я все еще не могу забыть прошлое. Он был моим мужем. Я любила его всей душой, а вы сожгли его на Гревской площади.

— Нет, — сказал король.

— Его сожгли заживо, — упрямо повторила Анжелика. — Хотели вы этого или нет. И всю жизнь я буду слышать треск дров в костре, разложенном по вашему приказу.

— Нет! — повторил Луи, с силой ударив своей тростью об пол. На сей раз она услышала его. И в изумлении на него уставилась.

— Нет! — в третий раз повторил король. — Его не сожгли. В тот январский день 1661 года на костре сгорел труп какого-то преступника, которым подменили вашего мужа по моему приказу. По моему приказу! — выкрикнул он, и повторил еще раз, — по моему приказу!

В последнюю минуту Жоффрей де Пейрак был спасен. Я сам дал указание палачу, как проделать это все и сохранить в полной тайне, ибо, если я и хотел спасти Жоффрея де Пейрака, я вовсе не хотел спасать графа Тулузского.

Все это было сопряжено со многими трудностями. Для выполнения моего плана нам потребовалась одна из лавок на Гревской площади. Ее подвал связан с Сеной подземным туннелем.

Утром, в день казни, мои замаскированные слуги притащили туда труп в белом саване. Когда на площадь прибыл кортеж с осужденным,

палач зазвал свою предполагаемую жертву в лавку, якобы для последней выпивки. Здесь и была совершена подмена.

И когда пламя лизало безымянный труп в ниспадающем на лицо капюшоне, граф Жоффрей де Пейрак шел по туннели к Сене, где его уже поджидала лодка.

Король нахмурил брови, глядя на ее бледное, как полотно, лицо.

— Но я не сказал, что он жив. Увы, сударыня, нет никакой надежды. Граф мертв, действительно мертв. Но он умер вовсе не той страшной смертью, в которой вы обвиняете меня. Он сам виноват в своей смерти.

Я даровал ему жизнь, но не свободу. Мои мушкетеры отвели его в крепость, где он и находился в заключении. Но однажды он совершил побег. Это-то и было его ошибкой.

Он еще не настолько окреп, чтобы переплыть реку, и он утонул. Его труп через несколько дней нашли на берегу Сены и опознали. Смотрите, вот документы, подтверждающие, что все, что я вам рассказал, — правда.

Вот рапорт лейтенанта мушкетеров о побеге узника и об опознании трупа. О боже! Не смотрите на меня так! Мог ли я поверить, что вы все еще любите его? Невозможно любить человека, которого не видишь много лет, да к тому же еще умершего. Ах эти женщины, как упорно они цепляются за свои мечты...

Неужели вы никогда не задумывались над тем, что делает с нами время? Даже если вы и увидите его снова, вы не узнаете его, так же как и он вас. Вы стали другой женщиной, а он другим мужчиной. Не могу себе даже представить, чтобы у вас достало здравого смысла...

— Любви всегда недоставало здравого смысла, сир. Могу я попросить вас об одолжении? Дайте мне документы, удостоверяющие его заключение и побег.

— Но зачем они вам?

— Я буду читать их в ночной тишине и горевать в одиночестве.

— Вам не удастся одурачить меня. Вы наверняка что-то задумали. Слушайте меня внимательно: я запрещаю вам, понимаете, запрещаю покидать Париж без специального моего на то разрешения.

Анжелика, склонив голову, схватила бумаги и, прижав к груди, будто драгоценное сокровище, сказала:

— Дайте мне посмотреть их, сир. Я обещаю вернуть их через несколько дней.

— Хорошо. Но будьте внимательны и осторожны. Вы имеете на это право, раз я сам посвятил вас в эту тайну. Вы будете плакать, переживать и страдать, но, может быть, потом вы станете благоразумной.

Она, казалось, была в невменяемом состоянии. Длинные ресницы бросали тень на ее щеки.

— Что за женщина, — бормотал он. — Мила и непосредственна, как дитя, и так упорна в своей любви, огромной, как море. Если бы эта любовь была предназначена мне... Но увы! Так отправляйтесь к вашим мечтам, дорогая. Прощайте.

Анжелика поднялась, забыв сделать реверанс и не замечая, что он тоже поднялся и протянул к ней руки. И ее имя было у него на устах:

— Анжелика!

Уже в сумерках она пересекла парк. Она шла пешком, желая немного успокоиться. Она шла, прижимая к груди бумаги и разговаривая сама с собой.

Встречные придворные принимали ее то за помешанную, то за пьяную, но, узнав мадам дю Плесси де Белльер, новую фаворитку, низко кланялись ей.

Она же не замечала, казалось, ничего — ни людей, ни статуй. Она шла с одним намерением — найти тихое, уединенное место. Наконец она остановилась у небольшого пруда. Сердце ее учащенно билось, она задыхалась от быстрой ходьбы и волнения.

Усевшись на мраморную скамейку, она принялась читать документы, которые ей дал король, но здесь царил полумрак. Она подняла глаза к небесам. Вверху тесно переплетались друг с другом кроны деревьев.

И интуиция, которая дремлет в сердце каждой женщины, пробудила в ней надежду. Ведь если он не сожжен на костре, он может быть жив до сих пор. Если судьба чудом спасла его от пламени, неужели она не вернет его ей? Где-то он сейчас живет в этом бескрайнем мире.

Он ждет ее, и она пойдет к нему, если понадобится, пойдет босая и нищая, и будет идти метр за метром, пока не найдет его. Они оторвали его от нее, но не отобрали у него жизнь.

Придет день, когда она отыщет его и с плачем припадет к его груди. Она не могла уже вспомнить ни его лица, ни голоса, но она протягивала к нему руки сквозь пропасть долгих и мрачных лет.

Ее глаза устремились в глубину небес, где верхушки деревьев раскачивались под легким ветром, как водоросли в морской пучине.

И вне себя от радости и вспыхнувшей надежды она крикнула в эту темноту:

— Он не умер! ОН НЕ УМЕР!